

НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИИ, КАВКАЗА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ (ПАРИЖ)

МИГРАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕПОРТАЦИИ В СССР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Сборник научных статей

Выпуск 2

Ответственные редакторы
доктор исторических наук *Н.Н. Аблажей*
профессор *А. Блюм*

НОВОСИБИРСК

«НАУКА»

2013

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4
М57

Рецензенты

доктор исторических наук *В.И. Исаев*
доктор исторических наук *В.Л. Соскин*

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 12-21-08001)*

М57 **Миграционные** последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей. Вып. 2 / Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; Отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. — Новосибирск: Наука, 2013. — 236 с.
ISBN 978–5–02–019248–5.

В сборнике представлены статьи участников франко-российского семинара, состоявшегося в Москве в НИПЦ «Мемориал» 3–4 сентября 2013 г. Данный выпуск продолжает серию публикаций, реализуемых в рамках российско-французского проекта «Миграционные последствия Второй мировой войны: депортации в СССР и странах Восточной Европы». Тематически сборник разбит на две части: депортации и иные принудительные переселения в СССР и Восточной Европе; «жизнь в депортации», возвращение и память о депортации.

Издание предназначено для специалистов в области общественных и гуманитарных дисциплин.

УДК 325
ББК 63.3(2)622-4

- © Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2013
- © Фотографии для обложки. Виртуальный музей «Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе», 2013
- © Редакционно-издательское оформление. «Наука». Сибирская издательская фирма, 2013

ISBN 978–5–02–019248–5

Часть 1

ДЕПОРТАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ И КАМПАНИИ

А.Ф. Носкова

ДЕПОРТАЦИИ НЕМЦЕВ ИЗ ПОЛЬШИ: ГЕОПОЛИТИКА И МОРАЛЬ В РЕШЕНИЯХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

...И возьмите во владение землю и поселитесь на ней, ибо Я вам даю землю сию во владение; и разделите землю по жребию на уделы племенам вашим... если же вы не прогоните от себя жителей земли, то оставшиеся из них будут тернами для глаз ваших и иглами для боков ваших и будут теснить вас на земле, в которой вы будете жить, и тогда, что Я вознамерился сделать им, сделаю вам.

Библия, четвертая книга Моисеева. Числа

Проблема послевоенной депортации немецкого (в подавляющей части коренного) населения с довоенных польских и чешских земель, с территорий, отторгаемых от Германии, а также из Австрии и Венгрии — тема вовсе не новая. Историки вводят ее в контекст геополитической реконструкции континента за счет ограничения суверенитета и изменения границ Германии ради достижения европейской безопасности — ценности высшего порядка¹. При этом идет речь о наказании нацистов за войну и за преступления, меньше — о депортациях. Между тем именно депортации немцев в пределы послевоенной Германии сделали территориальные перемены в центре и на востоке Европы окончательными².

Заметный в конце XX — XXI в. рост иной ценности — прав человека и личности в обществе — актуализировал «забытые» проблемы и среди них «неприятные» аспекты депортаций. В пылу полемики вина за страдания немцев (известно, что во время депортаций погибло 440 тыс. чел.³), бывало, возлагалась на национальных коммунистов, нередко монтировалась в контекст политических репрессий в регионе на рубеже 1940–1950-х гг.

Гуманитарный аспект депортации и выселение как фактор геополитики неразрывны. Часто случается, что акцент только на одном из аспектов снижает внимание к другому, хотя оба аспекта неразрывны, сколько ни меняй их местами. Правда, в военные годы в политике больших игроков

¹ См. подробнее: Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. Redakcja naukowa S. Bieleń. A. Skrzypek. Warszawa, 2012. S. 65.

² Madajczyk P. Na drodze do pojednania. Wokół Orędzia biskupów polskich do biskupów niemieckich z 1965 roku. Warszawa, 1994. S. 26.

³ Кретинин С.В. Проблема беженцев в послевоенной Германии // Родина. 2009. № 3.

они расходились по актуальности во времени и очередности решения: депортации выступали сопутствующим элементом главного геополитического проекта антигитлеровской коалиции — разгромить нацизм, реконструировать границы Германии так, чтобы, ослабив ее, усилить недавние жертвы агрессии и тем исключить повторение германской оккупации.

Замысел передела территории Германии и в связке с ним выселения немцев присутствовал еще в довоенных геополитических намерениях тех государств, которые имели территориальные претензии к соседней Германии или она к ним. Так, в 1934 г. сейм Польши рассматривал вопрос о депортации в час «Х» представителей нетитульной нации, которых считали противниками польских интересов. Тогда было принято постановление об интернировании граждан Польши — немцев и украинцев на случай войны с Германией и коммунистов любой национальности на случай войны с СССР. Были подготовлены списки политически активных «польских» немцев и украинцев¹, подлежащих превентивным арестам и депортации в глубь страны.

На рубеже августа — сентября 1939 г. на пограничных с Германией территориях, где уже действовали отряды немецких диверсантов-сторонников Гитлера, польские власти проводили депортации местных немцев. В условиях шедших с 25–26 августа боевых действий на территории Польши колонны интернированных отправлялись на восток в известный концлагерь в Березе Картуской. Но быстрое продвижение вермахта, хаос первых недель войны дезорганизовали мероприятие. В польской историографии, к сожалению, остается до конца невыясненной судьба многих из этих людей. Примером может служить «марш на Лович» колонны в 4500 немцев, сформированной в районе г. Быдгощ, двигавшейся в сторону Варшавы и к 9 сентября сократившейся на 1700 чел.²

О депортации немцев как одном из способов обеспечения интересов страны помнили польские политики, осевшие осенью 1939 г. во Франции и сформировавшие коалиционное правительство в эмиграции. Уже тогда в правительственных кругах и беседах с английскими союзниками как один из приоритетных и постоянных обсуждался вопрос о территории послевоенного государства. Польша рассчитывала реализовать неудавшееся в начале 1920-х гг. передвижение границ страны на северо-восток и запад за счет разбитой Германии. Озвучивалась как сама собой разумеющаяся и проблема выселения немцев с «приобретенных» земель³.

Но в ту пору, когда действовал советско-германский пакт о ненападении, проекты поляков о территориальных приобретениях после войны были и союзному Лондону и враждебной Москве не ко времени. На информацию 17 октября 1939 г. английского дипломата Р.О. Батлера о том, что польский министр А. Залеский, рассуждая о территории послевоенной Польши, «требовал Вост[очную] Пруссию, обосновывая это стратегическими соображениями... предусматривал выселение немцев из этой части

¹ В сентябре 1939 г. польские власти интернировали до 7 тыс. украинцев. — Romanowski W. ZWZ—AK na Wołyniu. 1939—1944. Lublin, 1993. S. 37.

² См. подробнее: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 274–275.

³ Duraczyński E. Sprawy polskie minionego wieku. Kraków, 2011. S. 64.

Германии и колонизацию ее поляками», посол СССР в Великобритании И.М. Майский отреагировал эмоционально: «О, неисправимые шляхтичи!»¹.

Между тем в польских правительственных кругах в течение 1940 г. был подготовлен ряд документов с изложением претензий на послевоенное присоединение к Польше «очага прусского милитаризма — Восточной Пруссии, включая Кенигсберг», перенесение границы на запад от Гдыни, Гданьска и устья Вислы и сокращение протяженности польско-чехословацкой границы. Претендовали поляки и на территорию «Прусской Силезии». В ноябре 1940 г. констатировалась необходимость «ослабления объективных основ немецкого могущества» посредством длительной оккупации всей немецкой территории и территориальных перемен «в пользу соседей»².

Претендуя на приращения на Западе, поляки отстаивали государственную принадлежность Польше кресов, или восточных многонациональных воеводств, отторгнутых Советским Союзом в сентябре 1939 г.³ Между тем, судя по этническому облику этих территорий, претендентами на них могли быть две-три страны и три-четыре народа. Это обстоятельство, несомненно, прибавляло польским политикам внешне- и внутривнутриполитического упорства в доказательстве «польскости» кресов.

Выстраиваемая конструкция послевоенных границ страны вызывала сдержанную реакцию Великобритании, где считали польский замысел сохранения спорных территорий на Востоке и обретения восточных германских провинций, балтийского побережья и Восточной Пруссии геополитически уязвимым: в таком случае Польша вновь приобретала соседей, претендующих на часть ее территории, и послевоенная безопасность Европы выглядела бы не лучше предвоенной. Вариант же «права сильнейшего» или «права победителей» при определении послевоенных границ в регионе пока не был актуальным.

Тем временем для английских политиков Польша, проигравшая свое сражение с Германией, постепенно перемещалась на политическую периферию. Внимание Лондона заметно фокусировалось на востоке. Здесь желательным было невмешательство СССР в шедшую войну. Более того, осенью 1939 г. довольно отчетливо просматривалось понимание английской стороной интересов советского руководства. В оценках польского направления его действий звучало невыносимое для поляков признание их соответствия интересам Великобритании. Встретившись с И.М. Майским 6 октября 1939 г. У. Черчилль, тогда министр в правительстве Н. Чемберлена, рассуждал так: «В настоящий момент, как и раньше, основные интересы Англии и СССР не сталкиваются, а совпадают. Стало быть, есть база для добрых отношений между обеими странами <...> Сталин

¹ Научное наследие. Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата: Лондон. 1934—1943: В 2 кн. М., 2009. Кн. 2, ч. 1. С. 40.

² Duraczyński E. Sprawy polskie... S. 68—69, 72.

³ Национальная «мешанина» на кресах, где не было четких внутренних разграничений этнических территорий, но среди населения имелись разграничения конфессиональные, как считают польские ученые, порождала неустойчивость, вариативность, временность государственной принадлежности кресов. — Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich. Redakcja naukowa S. Bieleń. A. Skrzypek. Warszawa, 2012. S. 33.

сейчас играет большую игру, и играет ее счастливо. Он может быть доволен. Но я не вижу, почему мы должны быть недовольны?» Упомянутый выше Батлер не скрывал, что «брит[анское] пра[вительство] не мыслит себе будущей восстановленной Польши в ее старых границах. Все, о чем мечтает брит[анское] пра[вительство], это этнографическая Польша... под гарантией СССР, Германии, Англии и Франции»¹.

Подобную информацию получали от англичан и поляки. Английский министр иностранных дел Э. Галифакс в ноябре 1939 г. «прочитал» премьер-министру В. Сикорскому и министру А. Залескому, прибывшим в Лондон, «...длинную лекцию о прелестях “линии Керзона”». Он подчеркивал «несвоевременность в настоящий момент точно фиксировать границы будущей Польши»².

После капитуляции Франции летом 1940 г. понимание близости большой войны было в Европе всеобщим, и ряд стран искали возможности не стать очередным объектом германской агрессии. Судя по дневнику Майского, «малые» государства Европы теперь считали, что «только СССР в состоянии спасти их от этого испытания». Видимо, и польские политики тогда размышляли в том же направлении. В конце июня Сикорский письменно уведомил Черчилля о нежелании Польши «быть препятствием для улучшения отношений между Англией и СССР». «В здешних правительственных кругах», записал посол, заявление поляков понималось как готовность «формально отказаться от своих притязаний на западные районы Украины и Белоруссии». И далее: «В менее официальных польских кругах укрепляется такая концепция: если Польша останется у немцев, то будет ликвидирована в конце концов сама польская национальность. Если Польша будет у СССР, то польская национальность сохранится и даже разовьется. Отсюда вывод: Пусть будет советская Польша, но Польша!» Майский заметил, что и чехи тоже готовы сказать: «Пусть будет советская ЧС, но ЧС!»³.

Польские сигналы о готовности обсуждать границу 1941 г. доходили до Майского и осенью 1940 г. В английских заявлениях такая готовность тоже просматривалась. В ноябре 1940 г. посол в Москве С. Криппс обещал признание фактического суверенитета СССР на включенные в его состав польские территории. Все говорило о стремлении Лондона ценой территориальных потерь Польши заручиться советским «дружественным нейтралитетом» в столь неясные времена⁴. Близкое будущее показало кратковременность таких колебаний в польской политике, и англичане долго лишь «обещали» нужное Москве признание советско-польской границы по «линии Керзона». Подавая такие сигналы, Лондон не мог благосклонно относиться к польским претензиям на германские территории и планам выселения немцев, не зная советских намерений на этот счет.

Что касается позиции СССР, то, если до поражения Франции здесь не рассматривалась вероятность возрождения Польши, в новых обстоя-

¹ Научное наследие. Иван Михайлович Майский... С. 31, 55, 40.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. С. 68; Документы внешней политики СССР. М., 1998. Т. XXIII, кн. 2, ч. 1. С. 106–108.

тельствах стала приниматься во внимание возможность ее восстановления, за исключением польских территорий, присоединенных к рейху осенью 1939 г. В ноябре 1940 г. советский посол, узнав, что «поль[ское] пра[вительство] составило карту будущей послевоенной Польши: она должна включать не только Восточную Пруссию, но и всю территорию Германии по линии Штеттин — Богемия!», отреагировал: «Вот так аппетит!» Реакция посла отражала все еще отстраненность Москвы (опять же пакт с Германией!) от варианта продвижения границы Польши на запад¹. Неясной оставалась и судьба немецкого населения. Однако можно предположить, что сведения о польских претензиях на германские земли фиксировались в Москве и могли «подсказать» советскому руководству нужное решение о послевоенной советско-польской границе.

Нападение Германии на СССР летом 1941 г. прояснило ситуацию в Европе. Военные поражения Красной армии возвратили уверенность в польскую позицию по восточной границе. Не исчез интерес и к получению восточных провинций Германии после войны, обессилившей двух главных «врагов Польши». Между тем в дискуссию о послевоенных геополитических переменах вскоре включился и СССР. Советское мнение на этот счет было доведено до сведения генерала В. Сикорского и английского министра А. Идена, посетивших Москву в декабре 1941 г. Сталин инициировал обсуждение способа предотвращения германской агрессии после войны путем отторжения от Германии части территории и ограничения германского экономического потенциала. Сикорскому предлагалась сделка по принципу компенсации: согласие на советско-польскую границу 1941 г. в обмен на Восточную Пруссию и западную границу по р. Одер (Одра). Польский премьер уклонился от обсуждения: восточные границы «не могут ставиться под вопрос». Он полагал, что Великобритания и Соединенные Штаты в конце концов принудят Москву признать польские права на кресы².

А. Идену Сталин изложил свою позицию детально: 1) на востоке граница по «линии Керзона» с возможными и существенными компромиссами в пользу Польши; 2) на западе ей передаются «все земли до Одера, Восточная Пруссия и Коридор»; 3) «немецкое население этих районов должно быть эвакуировано в Германию». Английский министр высказал сомнения в целесообразности дробления территории Германии и обошел вопрос о судьбе немцев³. Тем не менее в большую политику союзников была введена советская геополитическая концепция обеспечения безопасности СССР путем компенсации территориальных потерь Польши на востоке приращениями на западе и на Балтике. Озвученная лидером СССР идея освобождения этих земель от немецкого населения свидетельствовала о твердом намерении Москвы сделать польские границы безопасными

¹ Duraczyński E. Sprawy polskie... S. 65; Научное наследие. Иван Михайлович Майский... С. 296.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. VII. С. 257–258; Парсаданова В.С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. С. 66; Duraczyński E. Sprawy polskie... S. 72.

³ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 37, 44, 50.

для самой Польши. Сталин предлагал способ обеспечить послевоенную необратимость польских границ. Более того, он не претендовал воздействовать на власть и общественное устройство, сложившееся в межвоенной Польше. По словам польского историка, именно советский диктатор весь период войны был «главным ходатаем за передвижение Польши на запад»¹.

Какой Польши? Свой ответ на этот вопрос Москва начала готовить тогда же, но это — сюжет иного исследования². Здесь отметим, что национально-государственные интересы двух стран на германском направлении совпадали. В том ослаблении Германии, которое предлагал Сталин, объективно была заинтересована Польша при любом общественном строе и политическом режиме. Позднее А. Иден вспоминал: «Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России» и, добавим, границы безопасности самой Польши³.

Активное обсуждение польскими политиками в Лондоне претензий на германские территории пришлось на 1942 г. Весной поговаривали даже о границе по р. Нысе Лужицкой. В октябре было признано, что задача польского правительства — передвинуть границу на запад, включив Гданьск, Опольскую Силезию и Восточную Пруссию в состав Польши, и тем обеспечить ее свободу на Балтике. Отметим, что польское правительство интересовало не только границы, но и послевоенный статус страны, если не равный, то близкий статусу ее западных союзниц. Сохранялись претензии на зону оккупации в поверженной Германии и долю ее бывших колоний. По словам посла Польши в СССР С. Кота, имелось в виду участие польского премьер-министра в группе, «состоящей из Сталина, Черчилля и Рузвельта, которая определит послевоенную организацию мира»⁴.

В ноябре 1942 г. в правительстве был создан документ «Тезисы по вопросу предварительного соглашения». Его автор, известный национальный демократ (эндек) и министр М. Сейда, перечислил территориальные претензии и меры, которые могут обеспечить безопасность Польши: разрушение Германии, возмещение ущерба, нанесенного Польше, польское участие в оккупации левого берега р. Одра и левого берега ее притока Нысы Лужицкой, а также г. Щецина с заливом и островами. Говорилось о переселении немцев с территорий, отходивших Польше, и, конечно, о сохранении кресов⁵.

Но проект Сейды не стал официальным документом. В конце 1942 г. претензии правительства Польши уже не были столь масштабными, ибо ситуация на советско-германском фронте изменилась в пользу Красной армии. Сикорский оценил ее правильно. Если в середине 1942 г. он еще считал, что «два врага Польши», Германия и СССР, в тяжелой схватке

¹ Duraczyński E. Sprawy polskie... S. 67.

² См. подробнее: Польша в XX веке. Разд. III. Очерки III, IV.

³ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи... С. 54.

⁴ Документы внешней политики СССР. М., 2000. Т. XIV. С. 420.

⁵ Duraczyński E. Sprawy polskie... S. 75–76.

уничтожат друг друга, победа достанется западным державам, и Польша от этого выиграет, то на рубеже 1942—1943 гг. в польском правительстве видели ситуацию по-иному. Учитывая победу советских войск под Сталинградом, польские политики полагали, что итоги войны, послевоенная карта Европы и будущее Польши зависят в немалой мере от силы советского оружия. Возникали опасения потерять восточные территории¹.

Тем не менее и в 1943 г. в польских правительственных кругах продолжали возникать проекты, различавшиеся объемом территориальных претензий. Развивались идеи о территориях, отторгаемых от Германии в пользу Польши, и территориях, которые Польша оккупирует. 1 декабря в меморандуме англичанам говорилось о «линии национальной безопасности Польши от Германии», которая проходит по р. Одра. Однако замыслы поляков сдерживала позиция Великобритании. Она не обещала Польше отстаивать ее довоенную границу с СССР. И Москве англичане не давали согласия признать границу по состоянию на 1941 г.

Еще весной 1942 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов, будучи в Лондоне, предлагал английской стороне взамен такого признания обеспечить «серьезную компенсацию Польше за счет Германии», обещал предоставить свободный выезд поляков из СССР. Предложение наркома не поколебало намерения англичан никому в Восточной Европе пока не гарантировать довоенные границы и не включать в советско-английский договор о совместной войне против Германии и ее союзников вопрос о границах вообще и признании восточной польской границы по состоянию на 1941 г. — конкретно. Именно тогда, реагируя на английский отказ Молотову, Сталин предусмотрел иной путь решения территориальных противоречий: «Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны будем решать силой»². За таким вариантом неизбежно должно было следовать и силовое изменение национального состава отторгаемых территорий.

Не добился своей цели не только Молотов в Лондоне, но и Сикорский в Вашингтоне. Во время его визита в США (4 декабря 1942 г. — 10 января 1943 г.) генерал был неоднократно принят президентом Ф.Д. Рузвельтом и политиками из его ближайшего окружения. Все они, реагируя на твердое отстаивание многомиллионной «полонией»³ довоенной границы Польши с СССР, избегали обсуждения вопроса о польских границах, не поддерживали территориальные претензии Польши, ушли от обсуждения вопроса о «пропавших польских офицерах», не говорилось и о депортациях немецкого населения. Генерала отчетливо «ориентировали» на Восток: американские дипломаты расценивали Соглашение Сикорский — Майский, подписанное 30 июля 1941 г., как хорошую основу для военного сотрудничества двух стран. Более того, польскому премьер-министру со-

¹ Duraczyński E. Stalin — dyktator i twórca supermocarstwa. Pułtusk; Warszawa, 2012. S. 437.

² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941—1945. М., 1983. Т. 1. С. 519; Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 141—148, 153, 157.

³ Речь идет о 6—7 млн граждан США — выходцев из Польши. Они, по мнению польского историка Э. Цитовской-Шегрист, «создавали из СССР иной образ, чем союзника, одерживающего победы. Они создавали образ агрессора и грабителя, незаконно посягающего на польские земли», что не соответствовало политическим целям США. — Cytowska-Siegrist E. Stany Zjednoczone a Polska. 1939—1945. Warszawa, 2013. S. 205.

ветовали заключить военный союз с СССР на 20 лет и согласовывать вопрос о границах Польши не только с Лондоном, но и с Москвой¹.

Иными словами, в Вашингтоне прозвучали сигналы, неблагоприятные для геополитических намерений руководства Польши, что говорило о неудачном пребывании генерала в США. Отметим, что посол Польши в Москве Т. Ромер оценил итоги визита главы правительства в США как соответствующие реальным возможностям Польши. Обращаясь к правительству Польши, он напоминал, что у страны слишком мало «козырей» для организации международного обсуждения нерушимости довоенной границы на востоке вместе с получением компенсации на западе за счет Германии².

Действительно, у польского правительства не было серьезных аргументов для влияния на позиции западных союзников. Но потребность определиться в отношении польских границ появилась у самих западных союзников. Посетив Вашингтон вслед за Сикорским и после победы Красной армии под Сталинградом, Иден полагал, что надо согласиться с «линией Керзона» и это «не слишком навредит Польше с экономической точки зрения». Он упрекал Сикорского в «огромных амбициях», убеждал президента США в том, что Сталин «хочет сильной Польши при условии, что руководить ею будут подходящие люди». Рузвельт со своей стороны считал, что не Польша будет определять ее границы, и самое важное «восстановить [страну], чтобы удержать мир на свете»³.

Из состоявшихся встреч и обмена мнениями Иден сделал обоснованный вывод: американцы в обмен на установление границы с СССР по «линии Керзона» не будут против предоставления Польше Восточной Пруссии и части Силезии. В апреле был уведомлен об этом и Сикорский. Так в начале весны 1943 г. в геополитических намерениях «большой тройки» начала вырисовываться общая линия по вопросу не только компенсации Польше ее территориальных потерь на востоке приращениями на западе, но и (по умолчанию) депортации немецкого населения с отторгаемых земель. Возникало и общее понимание: граница по Одеру, сбалансировав интересы союзников, может стать фактором безопасности в послевоенной Европе⁴.

«Общая линия» проявилась на встрече Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Союзники приняли компенсационный план Сталина. Взяв инициативу в свои руки, Черчилль предложил разместить «очаг польского государства и народа» между «линией Керзона» и р. Одер. По сути дела, польскому правительству предъявили ультиматум: без отказа от довоенной границы на востоке Польша не получит новых земель на западе и довоенное немецкое меньшинство, которое содействовало германской агрессии в 1939 г., может в Польше сохраниться. Как полагал Черчилль, поляки с энтузиазмом должны были

¹ Цит. по: Cytowska-Siegrist E. Stany Zjednoczone a Polska... S. 185–188.

² Советско-американские отношения... Т. 1. С. 370–371; Duraczyński E. Polska. Dzieje polityczne. 1939–1945. Warszawa, 1999. S. 212–213, 225–227; Duraczyński E., Turkowski R. Polska na uchodźstwie. Rada Narodowa Rzeczypospolitej Polskiej. 1939–1945. Warszawa, 1999. S. 129.

³ Цит. по: Cytowska-Siegrist E. Stany Zjednoczone... S. 201.

⁴ Duraczyński E. Sprawy polskie... S. 79–80.

бы принять такую «связку». Встретившись с новым польским премьер-министром С. Миколайчиком, он предупредил, что Англия и США не будут воевать за восточные границы Польши¹.

Беседы в Тегеране отразили принципиальные изменения места и роли СССР в коалиции и персонально Сталина в «большой тройке»². Задача разгрома Германии спланировала, вынуждала считаться с геополитическими интересами СССР. Военная сила и формировавшийся благодаря успехам Красной армии международный авторитет СССР определяли его все возрастающее влияние в коалиции, в том числе по вопросу будущего Польши, ее территории и этнического облика³.

Из договоренностей, достигнутых в Тегеране, польские политики могли быть довольны лишь отсутствием разногласий по вопросам наказания немцев и их переселения в пределы Германии с земель, которые после войны отойдут Польше⁴. При этом польскому правительству пришел из Тегерана весьма неблагоприятный сигнал: «будущее Польши обсуждалось без Польши», т. е. в отсутствие представителя этой страны, чего Черчилль обещал Миколайчику не делать⁵.

Через месяц, 3–5 января 1944 г., советские войска вступили на территорию довоенной Польши. В такой ситуации «шансы польского правительства реализовать свою концепцию безопасности страны вопреки интересам и позиции СССР» с каждым месяцем приближались к нулевой отметке. Летом 1944 г. в Польше была уже другая власть, признавшая 26 июля в Соглашении с СССР «линию Керзона» и установление польских пограничных столбов на Одре. Добиться последнего обязался СССР. Однако С. Миколайчик все надеялся на «благоприятный момент». Осенью 1944 г. дело действительно дошло до прямых советско-польско-английских переговоров с участием И.В. Сталина, У. Черчилля, главы новой Польши Б. Берута и С. Миколайчика. Их безрезультатность упрощала позицию СССР. Советский лимит на договоренности с легитимным правительством Польши о компенсационной сделке и безопасности двух стран был исчерпан. Польская идея *restitutio in integrum* выглядела «законченным прош-

¹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 405, 411.

² В Тегеране два мировых лидера, Рузвельт и Черчилль, приняли Сталина в свои демократические ряды, признали советского диктатора, «одного из самых больших тиранов XX века», членом «товарищества врагов тоталитаризма», одним из лидеров антигитлеровской коалиции, «другом», занимающим особое место в триумvirате. — Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. М., 1958. С. 179; Duraczyński E. Stalin — dyktator i twórca supermocarstwa. Pułtusk; Warszawa, 2012. S. 472.

³ Переписка председателя Совета министров СССР... С. 179; Duraczyński E. Stalin — dyktator... S. 472.

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тегеранская конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. 28 ноября — 1 декабря 1943 г.: Сб. док. М., 1978. С. 149, 164–167, 186.

⁵ Международные позиции правительства Сикорского осложнились еще весной 1943 г., когда Москва прервала с ним отношения. Уже тогда Рузвельт и Черчилль полагали, что в таком составе оно не вернется в страну, Сталин настаивал на отставке ряда министров. Теперь становилось ясно, что правительство Польши утрачивает роль субъекта международного сообщества и возможности отстаивать интересы страны, предлагая свои проекты геополитической реконструкции в регионе. Польша оказалась перед реальной угрозой вновь стать объектом политики великих держав.

лым»¹. Теперь решающее слово по вопросу границ Польши и ее национального облика было за Красной армией и Сталиным.

К середине января 1945 г. завершилась подготовка Висло-Одерской операции. Счет времени до изгнания гитлеровцев из Польши пошел на недели. Эти обстоятельства весьма тревожили западных союзников. 5 января 1945 г. Черчилль предложил экстренную встречу глав «большой тройки». Предстояло обсудить германские проблемы и приобретающий особую политическую актуальность «польский вопрос», в том числе в части территории этой страны и судьбы многомиллионного немецкого населения Польши и восточных провинций Германии. Важно отметить, что накануне встречи та линия польско-германского разграничения, которую Сталин предлагал Сикорскому в 1941 г., была согласована с делегацией Временного правительства Польши, располагавшегося в Люблине.

Конференция, «фоном» которой было стремительное продвижение советских войск к р. Одер, происходила в Ялте с 4 по 11 февраля 1945 г. Три лидера решали проблему геополитического урегулирования в Европе и безопасности послевоенного мира. Мнения тех, кого освобождали, не спрашивали. Таков был дух военного времени. Преследуя разные геополитические цели и национально-государственные интересы, они руководствовались принципами, далекими от демократии. Безусловным преимуществом по вкладу в разгром Германии обладал советский представитель: его армия приближалась к Берлину, что было наиболее весомым «обоснованием» геополитических претензий СССР и увеличивало шансы новой Польши получить существенные приращения на севере и западе и решить проблему выселения немцев за пределы страны.

Война в Европе заканчивалась, и теперь задача западных союзников состояла в том, чтобы максимально воспрепятствовать намерениям Сталина. Понятно, что с этой точки зрения вопрос о территориальной конфигурации польского государства был архиважным для всех участников встречи: речь шла о сфере влияния СССР или, по-советски, — поясе его безопасности. Понятно, что восточная граница Польши по «линии Керзона» уже не вызывала особых дискуссий. Иное дело — западная граница. Споры не касались принципа территориальных приращений и выселения немцев из восточных провинций Германии и Восточной Пруссии, но единодушия не было в вопросе о величине этих приращений и выселений. Другими словами, речь шла о величине ущемления Германии и глубине советского или западного присутствия в Европе, т. е. о геополитическом итоге всей «акции». Здесь цели союзников расходились. Они спорили о том, по какому из притоков Одера пройдет западная польская граница, а по сути дела имели в виду степень усиления Польши за счет ослабления Германии.

Ценой максимального наказания Германии Сталин стремился обеспечить геополитическое продвижение и экономическое усиление своих позиций в Европе. Для его партнеров Германия на пороге разгрома уже не представляла смертельной опасности, поубавилось их желание слишком наказывать немцев. Они не видели геополитического смысла в том, чтобы

¹ См. подробнее: Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 412–487; Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. С. 395–396, 412–413; Duraczyński E. Sprawy polskie... S. 87.

значительно уменьшить территорию и экономический потенциал страны. Усилились сомнения в целесообразности передать Польше весомую часть Силезского промышленного и горно-рудного района Германии, а также водный бассейн, питающий р. Одер, на чем настаивал Сталин. Черчилль и Рузвельт единодушно считали такую передачу «малооправданной». Мнение польской стороны, как и в Тегеране, спрашивать не намеревались. Острота геополитических противоречий в Ялте снижала внимание лидеров «большой тройки» к депортации немцев как само собой разумеющейся. Они не договорились и отложили решение до прояснения фактической расстановки сил после взятия Берлина и всей Германии¹.

В Москве не были удовлетворены итогами ялтинской конференции в отношении западной границы Польши и связанной с этим судьбы немецкого населения. 20 февраля 1945 г. последовала опережающая советская реакция на ситуацию. Постановлением Государственного Комитета обороны (ГКО) СССР советскому командованию предписывалось: «впредь до окончательного определения... границ Польши на будущей Мирной конференции, западную государственную границу Польши следует считать...» Далее излагался вариант польско-германского разграничения, наиболее выгодный для СССР и Польши. Власть на территории восточнее этой линии надлежало передавать польской администрации². Так Сталин, встретив сопротивление союзников по вопросу, принципиальному для советских долгосрочных стратегических замыслов, принял сепаратное решение и реализовал обещание 1942 г. устанавливать нужные СССР границы силой.

Утверждение польской администрации на землях восточнее р. Одер, продвижение советских войск в глубь Германии весной 1945 г., взятие ими Берлина (особенно!) и Праги обострили протестное отношение союзников к действиям советского партнера в целом и конкретно в Польше, где правила политически нужная Москве власть. Но ни Черчилль, ни президент США Г. Трумэн не имели возможности остановить развитие событий в странах восточноевропейского региона, не вступив в конфликт со Сталиным. Не удавались попытки английского премьера в ходе переписки убедить Сталина уступить союзникам, а значит и польскому правительству в Лондоне. И 6 мая, когда в Москве объявили об аресте советской контрразведкой 16 руководителей польского военно-политического подполья, Черчилль предложил президенту США «как можно скорее провести встречу трех глав правительств»³.

14 мая такое предложение поступило Сталину от бывшего посла США в Москве Дж. Дэвиса. 16 мая 1945 г. Черчилль выговаривал советскому послу в Лондоне Ф.Т. Гусеву: «польские дела все ухудшаются», а 18 мая в парламенте премьер «говорил о Триесте и Польше с большим раздражением и нескрываемой злобой... видно было, что он с трудом сдерживает себя. В его речи, писал Гусев в Москву, было много шантажа и угроз, но это не толь-

¹ Ялта — 1945. Начертания нового мира. Документы и фотографии из личного архива Сталина. М., 2010. С. 139–141, 149, 190.

² Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 1999. Т. 1. С. 153–155.

³ См. подробнее: Печатнов В.О. На излете «Великого альянса»: Сталин, Трумэн и Черчилль в конце Второй мировой войны (по новым материалам) // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 16–19.

ко шантаж... английская пресса взяла новый антисоветский курс в освещении всех европейских событий...». Обострение отношений с союзниками в обстановке, когда оставался нерешенным комплекс вопросов, связанных с будущим Германии, было для Москвы нежелательно, и 20 мая В.М. Молотов через советское посольство в США сообщил Г. Трумэну: Сталин принял предложение о встрече «в районе Берлина» в середине июля¹.

Москва отреагировала на нарастание антисоветских тенденций в позициях западных союзников. Заблаговременно принимались меры для придания устойчивости польско-германской границе. 29 мая 1945 г. Ставка Верховного Главнокомандования Красной армии утвердила три секретные директивы о дислокации советских войск в освобожденных ею от гитлеровцев странах Европы. Важнейшая для нас директива касалась формирования на базе 2-го Белорусского фронта Северной группы войск². Они размещались в новых западных, северных и южных границах Польши, обозначенных Постановлением ГКО от 20 февраля — фактически до советско-польской границы по «линии Керзона». Директива вступала в силу 10 июня. Сосредоточение войск предписывалось закончить на новых польских землях к 5–8 июля, т. е. до начала встречи в Потсдаме, которая открывалась 17 июля. На «старых» землях войска завершали перегруппировку 15–20 июля 1945 г., когда уже шли заседания в Потсдаме³.

Дислокация советских войск в Польше и почти одновременный отход войск союзников из восточной зоны оккупации Германии происходили весьма стремительно⁴. На жесткие ответные действия союзники не решились: предстояло участие Красной армии в войне с Японией.

Еще 10 июня польско-германская граница была перекрыта, в конце июня мосты через Одру и Нысу Лужицкую перешли под контроль Войска Польского. В августе границу установили, но ее признание де-юре советская сторона, как и союзники, предоставила много позже. В Договоре с Польшей о советско-польской границе, подписанном 16 августа 1945 г.,

¹ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль... С. 524; Печатнов В.О. На излете «Великого альянса»... С. 17.

² Русский архив: Великая Отечественная. М., 1995. Т. 15 (4–5): Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). С. 421–424; 1994. Т. 14. 3 (1): СССР и Польша. 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. С. 431.

³ Еще в сентябре 1944 г. союзники договорились о разграничении зон оккупации Германии и отводе в пределы этих зон войск, нарушивших их границы в ходе боевых действий. Весной 1945 г. такие нарушения допустили англо-американские войска. Советская сторона как будто «подслушала» предложение Черчилля Трумэну не снимать англо-американские войска с занятых ими позиций на востоке Германии, оказывая тем самым давление на Сталина до тех пор, пока решения по главным вопросам послевоенного урегулирования не будут приняты в соответствии с мнением Запада. В перечне этих вопросов на первое место Черчилль поставил Польшу («пока мы не получим удовлетворения по Польше»). — Цит. по: Печатнов В.О. На излете «Великого альянса»... С. 16.

⁴ Оперативной директивой Г.К. Жукова от 29 июня командованию четырех советских армий в Германии предписывалось произвести с 1 по 5 июля замену тех англо-американских войск, которые в ходе боевых действий заняли территории, отходившие к советской зоне оккупации Германии. Советские войска вступали на «подведомственную» территорию с дистанцией от хвоста уходящих колонн союзников в 2 км для передовых частей пехоты и 5 км для мотомеханизированных. 9 июля 1945 г. приказом № 5 СВАГ была определена внешняя, т. е. западная, граница советской зоны оккупации. — Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). С. 431–433.

речь шла лишь о советском признании участка общей границы в Восточной Пруссии¹.

Директивы Ставки были секретными документами, но информация о том, что новая граница Польши установлена и германские земли переданы в управление польским властям, была накануне конференции предоставлена Г.К. Жуковым английскому и американскому генералам 7 и 10 июля 1945 г.²

Итак, накануне встречи глав великих держав в Потсдаме советская сторона провела ряд «профилактических мер», в результате которых западная граница Польши стала существовать де-факто. Она была прочно «заперта» с запада и востока двумя крупными группировками советских войск и частями Войска Польского. Отменить эти меры, не вступив в конфликт с СССР, союзники не могли. Однако в Потсдаме они попытались принудить Сталина умерить наказание Германии, оспорив глубину польского «пространства» на западе и его протяженность на севере континента.

Конференция состоялась тогда, когда общая борьба с гитлеровской Германией победно закончилась и сопротивление западных союзников усилению советских геополитических позиций в Европе нарастало. Наиболее жестко против советских действий в Польше выступал Г. Трумэн. По сути дела продолжался спор за Германию, а не за Польшу, которая уже контролировалась Москвой. Но Польша была важна, поскольку располагалась на коротком пути как не исключавшегося тогда, например Сталиным, нового похода Германии на восток, так и советского участия в контроле над Германией. Поскольку территория государства признавалась (и признается) важнейшим фактором его безопасности, то польское «пространство», которое уже простиралось до рек Одер — Ныса Лужицкая как часть пространства советского пояса безопасности, должно было быть максимальным. Глава СССР стремился закрепить фактическую ситуацию³ неким международным признанием. Причем союзникам было дано понять, что Москву устроит любая его форма. 20 июля Сталин заявил: «Мы можем теперь условиться (выделено нами. — А. Н.) относительно западной границы Польши, а окончательно эта западная граница должна быть оформлена на мирной конференции». Поэтому он принял предложенную американским представителем формулировку: территорию Германии, которая интересовала Москву, предлагалось передать под «управление Польского государства», окончательное определение западной границы Польши откладывалось «до мирного урегулирования»⁴.

¹ Польша в XX веке... С. 454–455; Парсаданова В.С. Советско-польские отношения. 1945–1949. М., 1990. С. 69–70; Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т. VIII. С. 541–542; Советская политика в отношении Германии. 1944–1954. Документы. М., 2011. С. 11.

² Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). С. 439, 442.

³ Напомним, что 5 июля 1945 г. западные державы признали легитимность коалиционного правительства Польши, в составе которого решающие позиции занимали коммунисты, но были и «их люди» во главе с вице-премьером С. Миколайчиком.

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех держав — СССР, США и Великобритании. 17 июля — 2 августа 1945 г.: Сб. док. М., 1984. Т. VI. С. 117–118, 473 (далее: Потсдамская конференция...); Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1974. Т. VIII. С. 479–488, 521–528, 534–535.

Возникает вопрос, требовалось ли Сталину признание этой границы непременно де-юре. Не требовалось. Москву устраивало любое «да», проинзенное союзниками. Трумэн и Черчилль, со своей стороны, удовлетворились «столь минимальными, как полагает польский ученый, уступками [Сталина]»¹. Действительно, принятая формулировка не отменяла главного для Москвы — установления польской администрации и происходившего освоения сотнями тысяч поляков новых государственных территорий².

Вопрос изгнания коренного немецкого населения не был напрямую связан с политическим обликом власти в Варшаве. Основанием служил Акт о безоговорочной капитуляции Германии, по которому победители получили право определять границы Германии. Весной 1945 г. из-за близившегося поражения вместе с отступавшим вермахтом эвакуировались или бежали гражданское немецкое население и многочисленная гитлеровская оккупационная администрация. По информации, приведенной Сталиным на конференции в Потсдаме, «убежало» от 3 до 5 млн немцев. По данным польского историка А. Фришке, зимой 1944/45 г. около 5 млн немцев по своей воле выехали на запад³.

Советский интерес состоял в том, чтобы, удалив немцев и поселив поляков, создать национально консолидированную Польшу, по меньшей мере настороженную и опасующуюся Германии и союзную СССР. Послевоенная атмосфера абсолютной нетерпимости поляков к немцам позволяла власти в Варшаве использовать во внутренней политике антинемецкие настроения, закрепившиеся в исторической памяти большей части польского общества худо-бедно до 1970-х гг. Тем самым традиционный неугасающий очаг национально-территориального конфликта на восточной границе Польши переносился на ее западные рубежи.

На встрече в Потсдаме впервые за годы войны обсуждался замысел и принимались решения о принудительном изгнании немцев с территорий их коренного проживания, невзирая на гражданство, будь то немецкое, польское, чехословацкое или венгерское. Обоснованием служили пагубная роль немецкого меньшинства в дестабилизации предвоенных Чехословакии и Польши, его содействие началу войны гитлеровцами, и, конечно, политика массовых репрессий по расовому принципу, организованных и применявшихся нацистами в отношении многих народов. Результатом в Европе стала атмосфера абсолютной национальной нетерпимости к немцам, почти единодушно поддерживавшим нацизм. В 1945 г. ненависть проявлялась открыто и зачастую чрезвычайно жестоко⁴. В послевоенной

¹ Friszke A. *Losy Państwa i Narodu. 1939–1989*. Warszawa, 2003. S. 115.

² Отсутствие трехсторонних гарантий территории польского государства оборачивалось для Москвы политической выгодой: Советский Союз становился единственным гарантом устойчивости польско-германской границы и ее безопасности. Самостоятельно, без советского военно-политического участия Польша не могла отстоять новые территории. Платой за территориальный выигрыш в 1945 г., который мог состояться только при участии польских коммунистов во власти, стала полувековая зависимость от Москвы как власти в Варшаве, так и государства Польша.

³ Там же. С. 135–136.

⁴ Притупление в военные годы гуманистических общечеловеческих мотивов, моральных, христианских норм в поведении и поступках людей — явление, формировавшееся веками, повсеместное, независимое от национальной специфики, идеологических убеждений и мировоззренческих канонов. Такое поведение в 1945 г. было нередко свойственно и военнотруж-

Европе по вполне понятным причинам доминировали не ценности демократии и права человека, а желание отомстить. Положение немецкого населения было тяжелым как на территории Германии, так и на освобожденных от оккупации чешских землях, и в Польше.

Трагедии, пережитые поляками за годы войны и оккупации, взрастили в массовом сознании народа чувство, казалось, неизбывной ненависти к Германии и желание отомстить смертельному врагу¹. Коллективную вину за террор, гибель миллионов близких людей и соотечественников возлагали на каждого немца и на немецкую нацию в целом. Поляки не допускали мысли о сосуществовании с соседом-немцем на одной земле и в одном государстве. Так думало тогда абсолютное их большинство. В германскую угрозу верили лидер коммунистов, вице-премьер В. Гомулка и его политические противники: демократ, вице-премьер правительства в Варшаве С. Миколайчик и один из лидеров Стронництва народного М. Сейда. Идеологический антипод и политический противник Польской рабочей партии Польская римско-католическая церковь оценивала немецкое общество как «иссеченное злом»².

Однако моральные и физические страдания немецкого гражданского населения во время массового бегства перед вступающей Красной армией, стихийного принудительного изгнания в 1945 г. отразили трагизм людей, подлежавших эвакуации в 1946–1947 гг.

На конференции в Потсдаме впервые за годы войны обсуждалась как национально-политическая, так и организационная сторона перемещения на новые места жительства нескольких миллионов людей всех возрастов. Записи заседаний и принятые документы показывают, что главы союзных держав, осознавая всю сложность предстоявшей акции, исходили из необратимости решения о территориальном разъединении виновной и пострадавшей национальных сторон, не видели иного средства кроме депортации немцев в пределы зон оккупации Германии. Отношение «большой тройки» к проблеме отразила напряженная дискуссия ее лидеров, персональный состав которых изменился³.

щим Красной армии. По словам поэта-фронтовика Д. Самойлова, «е эмоциональное состояние и нравственные понятия не могли принять помилования и амнистии народу, который принес столько несчастий России». — *Самойлов Д.* Люди одного варианта. (Из военных записок) // Аврора. 1990. № 2. С. 91. Командование советских фронтов в январе 1945 г. издавало приказы, запрещавшие советским военнослужащим совершать насилие и мстить немцам. 20 апреля 1945 г. последовала директива Ставки об улучшении отношения к немцам, направленная на изменение психологического состояния в войсках и пресечение актов насилия.

¹ В польском обществе за годы войны накопилась немалая отрицательная энергия, которая возникла из ненависти к немцам и усиливалась при этом еще и неуверенностью в сохранении в будущем приобретенных территорий. Массовыми были антисоветизм, русофобия и антисемитизм из-за отнятой свободы в выборе политического развития страны, росло недовольство политикой Москвы и польских коммунистов из-за утраты кресел, особенно Львова и Вильно, депортаций польского населения в глубь СССР, гибели поляков в Катynie, принуждения к дружбе с восточным соседом. См. подробнее: Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012. Разд. IV.

² *Madajczyk P.* Na drodze do pojednania... S. 13, 29, 33.

³ После кончины Ф.Д. Рузвельта в апреле 1945 г. президентом США стал Г. Трумэн. Во время встречи в Потсдаме английские консерваторы проиграли выборы в парламент, и лидер лейбористов К. Эттли сменил Черчилля на посту премьер-министра и представителя Великобритании на конференции.

В ответах на вопрос, каким образом и сколько немцев следует эвакуировать из Польши, каждый из участников встречи исходил из собственных геополитических интересов. 21 июля вечером Сталин, объясняя, что советская сторона «пустила поляков», потому что «армия нуждалась в том, чтобы в ее тылу... существовала местная администрация», и что «очень трудно восстановить немецкую администрацию в западной полосе — сбежали все», парировал заявления Трумэна и Черчилля о незаконном нахождении польской власти на германской территории. «Представьте себе, — призывал он Трумэна и Черчилля, — положение, когда немецкое население либо бежит за своими отступающими войсками, либо стреляет в спину нашим войскам. А польское население идет вслед за нашими войсками». Правда, он отчасти лукавил, когда делал вывод: поскольку «в зоне между Одером и Вислой немцы бросили свои поля, поля обрабатываются поляками», немцы возвращаться «не хотят и этому не очень сочувствуют поляки»¹. Поля порой обрабатывала Красная армия, а некоторая часть коренного немецкого населения возвращалась на эти земли.

Западные лидеры имели другие аргументы. Черчилль утверждал: немецкая территория лишь оккупирована поляками, бегство немцев вызывает большие трудности со снабжением западных зон, «непропорционально большое бремя будет возложено на другие части Германии». Трумэн был озабочен проблемой репараций: «Польша требует для себя гораздо больше [экономического потенциала], чем она отдаст на востоке. Я не считаю, что это делается для блага Европы». Президент настаивал на численном соответствии переселения поляков из СССР и немцев на запад, не поддерживал «перемещение сейчас же восьми миллионов людей», предлагал немцев, которые «оставили земли к востоку и западу от Одера... поощрить вернуться туда», ибо «значительная часть Германии передана Польше для оккупации»².

Не договорившись, главы трех стран поручили министрам иностранных дел проработать «вопрос». Через 10 дней, 31 июля, министры доложили, что «действительно... большая часть немцев ушла с территории, занятой поляками», и предложили передать перемещение немцев «под контроль Союзного контрольного совета, действующего в сотрудничестве» с национальными правительствами. Представлявший США госсекретарь Дж. Бирнс сообщил, что «польскому правительству предоставляется право образовать управление на всей территории, которую требовали поляки». Это означало, что союзники де-факто признали польскую территорию восточнее рек Одер — Ныса Лужицкая.

Министры, признавая необходимость перемещения в Германию «немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии», сделали оговорку о возможном временном перерыве «дальнейшего выдворения немецкого населения впредь до рассмотрения... в Контрольном совете». Сталин поначалу это опротестовал: «Дело не в том, что немцев прямо берут и выгоняют из этих стран. Не так просто обстоит дело... Формально чехи и поляки могут сказать, что нет запрещения нем-

¹ Потсдамская конференция... С. 120–122.

² Там же.

цам жить там, но на деле немцы ставятся в такое положение, при котором им там становится невозможно». Тем не менее, посчитав, что в такой обстановке «большого результата» от перерыва депортации «не будет», принял оговорку и был поддержан Трумэн¹.

Явное стремление затормозить или свернуть переселение немцев из Польши (и Чехословакии) демонстрировала английская сторона. Ее усилия отразились в проекте итогового документа, который 1 августа был окончательно согласован «большой тройкой» и 2 августа включен в Сообщение о Берлинской конференции трех держав в качестве раздела XIII «Упорядоченное перемещение германского населения». В нем утверждалось, что «любое перемещение... должно производиться организованным и гуманным способом». Отмечалось увеличение тяжелого бремени, которое уже лежит на оккупирующих державах, подчеркивалась необходимость «изучить эту проблему», «получить инструкцию, доложить своим правительствам... о количестве, в каком указанное население уже прибыло в Германию... и дать предложения о времени и скорости, с какой дальнейшее перемещение населения могло бы производиться...»².

Перечисление всевозможных трудностей не вызвало колебаний у советского руководителя. Жесткий прагматик, он был заинтересован в достижении геополитической цели любой ценой. Кроме того, Сталин был максимально осведомлен о реальной ситуации в Польше, о высоком градусе напряжения в отношении поляков к немцам. Здесь летом — осенью 1945 г. и зимой 1945/46 г., не дожидаясь документального оформления депортаций Союзным контрольным советом и правительством Польши, имело место «дикое выселение», изгнание немцев поляками. Их переезды к новым местам жительства совершались по распоряжениям местных польских властей и по соглашениям между военной администрацией советской зоны оккупации Германии и польскими военными и гражданскими властями. По данным польских исследователей, в советскую зону оккупации было тогда перемещено или переехало добровольно-принудительным порядком, чему стремились способствовать и польская, и советская сторона, до 1 млн чел.³

С весны 1945 г. на территории восточных провинций Германии разворачивалась немецкая трагедия⁴. Около 3—3,5 млн немцев ожидали наказания — выселение из Польши, изгнание из родных мест. Для миллионов из них выселения сопровождалось мщением, мародерством и ограблением не

¹ Там же. С. 249, 261–262, 297, 428.

² Там же. С. 376, 497.

³ Skowronski A. Polska a problem niemiecki 1945–1965. Warszawa, 1967. S. 38.

⁴ Констатируя это, отметим, что весной 1945 г. гражданское немецкое население, особенно получившая оружие молодежь, участвовало не только в боях против Красной армии, но и в уничтожении советских военнопленных. В историографии ФРГ, пишет российский историк, приводятся факты «преступлений полиции, партийных и молодежных функционеров нацистской партии, чиновников, крестьян, совершенных ими против военнопленных в годы Второй мировой войны». Как пример, он приводит «действия всех сословий» гитлеровского «народного сообщества» в г. Целле в Нижней Саксонии. Здесь 8 апреля после налета авиации союзников 3000 узников смогли вырваться на свободу, но «гражданские добровольцы Целле» возвратили в концлагерь 2500 чел. и около 200 пленных были убиты «добровольцами» из местных жителей. — Васильев В.И. Вторая мировая война в общественном мнении современной Германии // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 91.

только советскими солдатами, но прежде всего поляками. Немцы в полной мере испытывали моральные и нередко физические страдания, унижение, гибель близких людей, каждый пережил отдельную личную трагедию.

В августе 1945 г. VII Управление Северной группы советских войск доносило в Главное политическое управление Красной Армии (ГлавПУ РККА): «В последнее время положение на бывших территориях Германии, отошедших к Польше, резко ухудшилось. Немецкое население во многих районах голодает... усиливается ограбление немцев со стороны польского населения, участились случаи произвольных убийств немецких жителей поляками, необоснованных арестов, длительного тюремного заключения с применением издевательств, насилий, побоев и оскорблений. Проводившиеся поляками до последнего времени переселения немецкого населения носили совершенно неорганизованный характер и имели своей целью прежде всего ограбление немецких жителей». Свидетель событий утверждал, что «бесчинства, творимые польскими властями и польским населением», приводят «нередко к отдельным случаям конфликтов» между поляками и советскими военнослужащими. Он считал положение настолько серьезным, что «если в ближайшее время польские власти не предпримут решительных мер по упорядочению положения немецкого населения... дело может дойти до открытых вооруженных конфликтов»¹. В конце августа информация была направлена в ЦК ВКП(б) Г.М. Димитрову и, вероятно, Сталину.

Центральные власти Польши пытались остановить поток «действий, противоречивших чувству польской национальной чести», угрожали судебными преследованиями за «негуманное отношение к немцам». Против принуждения немецкого населения к выселению, против страшных способов обращения с немцами поляков, «которые компрометируют Польшу», протестовал епископ Катовицкого диоцеза Польской католической церкви С. Адамский. Однако ситуация на местах контролировалась главным образом средним и низовым звеньями госаппарата, которые, как говорилось в донесении, «не проявляют никакой заботы о насущных нуждах немецкого населения». Напротив, местные власти разного уровня выступали за лишение немцев всех прав, рекомендовали «рассматривать их как преступников, лишь временно находящихся на свободе». Один из уполномоченных польского правительства разъяснял: «Немцев мы будем использовать как рабочий скот. Они не должны ничего знать, не должны ничем интересоваться. Они должны знать только свое рабочее место и свою койку». Подобные слова звучали как из уст вице-министра, который «заявил, что польское правительство хочет до мирной конференции избавиться... от 2 000 000 немцев любыми способами, даже если эту территорию придется превратить в пустыню», так и рядовых старост, которые порой «выступают в качестве организаторов изъятия имущества у [немецкого] населения»². Противостоять этому насилию приказами из Варшавы польское правительство было не в состоянии. Жесткие меры в отношении

¹ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1: 1944–1948. С. 260–263; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 26. Л. 21.

² Там же. С. 261–262.

немцев тогда одобряло все польское общество, в лучшем случае оно было равнодушно к их трагедии.

Политико-психологический климат на новых польских землях вызывал в советском руководстве опасения по поводу возможного выхода ситуации из-под контроля и стихийного развития событий. Вероятно, по запросу Москвы советский посол в Польше В.З. Лебедев «попросил [министра иностранных дел] З. Модзелевского подтвердить позицию польского правительства в вопросе о выселении немцев» и 10 ноября 1945 г. получил ответ: «...Временное Правительство Национального Единства в соответствии с решениями, принятыми в Потсдаме, не применяет никакого принуждения для выселения немцев с западных территорий»¹.

Оба понимали, что дела обстояли в 1945 г. совсем не так, и лишь отчасти изменились в 1946 г., когда депортации совершались организованным порядком. Утвержденный на конференции в Потсдаме Союзный контрольный совет по Германии получил международный мандат на проведение депортаций во взаимодействии с польским (чехословацким и венгерским) правительствами, контролируя их мероприятия. 16 ноября 1945 г. Совет утвердил план переселения. Из Польши предполагалось переместить 3,5 млн немцев (1,5 млн в британскую зону и 2 млн в советскую). В январе 1946 г. был принят англо-польско-советский меморандум о принципах переселения немцев «гуманитарным и организованным способом». В 1946 г. в Польше был опубликован декрет «об исключении из польского общества лиц немецкой национальности»².

Отдельное соглашение было подписано 14 февраля 1946 г. английским и польским представителями о транспортировке немецкого населения до английской оккупационной зоны советским и польским железнодорожным транспортом и судами. Определялись сборные пункты в Щецине, при необходимости в Гдыне и Гданьске, а также в Калавске, два железнодорожных маршрута и транзиты по морю в г. Любек. Польские власти обязались обеспечить продовольственные и прочие нужды людей при нахождении на польской территории. Право на персональное решение о выезде и выбор места нового проживания немцам не предоставлялось, разрешалось брать с собой 500 рейхсмарок на человека и «столько багажа, сколько они смогут поднять». На специальных сборных базах их подвергали обыску и под польской охраной перевозили до Щецина и Калавска, где переселенцев принимали английские репарационные миссии³.

Первые эшелоны отправились в конце февраля 1946 г. Депортацию предполагалось завершить к 1 августа, отправляя вначале по 120–150 тыс., позднее 240–270 тыс. чел. ежемесячно. Учитывая необходимость восстановления хозяйства страны, дефицит польских рабочих рук на новых территориях, правительство Польши стремилось максимально долго на месте использовать трудоспособное немецкое население. Поэтому сначала депортировали нетрудоспособных, позднее рабочих и служащих, и в последнюю очередь отправляли высококвалифицированные кадры⁴.

¹ Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 292.

² Skowronski A. Polska... S. 37.

³ Там же. S. 187–188 (Приложения).

⁴ Там же. S. 29, 37, 39; Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 296.

Беспощадное отношение поляков к немцам сохранялось и на этом этапе. Правда, желание немцев покинуть родные места заметно усиливалось. Это отразил, выступая в аппарате ЦК ВКП(б) 21 мая 1946 г., главный редактор газеты, издававшейся советским командованием в Польше для немецкого населения. Характеризуя ситуацию, редактор Соколов нарисовал достоверную и многоаспектную «картину». *Во-первых*: «У поляков желание огромное скорее немцев прогнать и у многих немцев желание, если эту пилюлю надо принять, то скорее ее проглотить, скорее перейти на территорию Германии и там пустить корни на новой почве». *Во-вторых*: «Как идет переселение?.. оно проходит и неорганизованно, и очень негуманно... По городу тянутся немцы... тянутся на сборный пункт. Сборный пункт принимает, проверяет, обыскивает, нет ли драгоценностей, причем немцы не хотят отдавать полякам драгоценности и бросают их». *В-третьих*: «...вот приезжают поляки-переселенцы... они рыщут по квартирам... бесконечные эксцессы... простые штатские люди, никому не известные... ходят по домам и творят расправу». *В-четвертых*: «Настроение немецкого населения накалено добела, ненависть к полякам не только у профашистов, но и у немецких коммунистов... наша газета продается нелегально... Продавать газету открыто — это значит рисковать жизнью... если вы днем придете к немцу и будете стучать в дверь, никто вам не откроет — бояться поляков». *В-пятых*: «Как немцы относятся к нам? Преобладающее настроение проамериканское, отчасти проанглийское и меньше всего просоветское. Правда, мы для них меньшее зло, чем поляки...» Журналист был откровенен, говоря о непростой морально-политической ситуации советских людей: «Немцы... пытаются найти в нас защитников, но, конечно, им это не удастся... У нас на этот счет есть строгая инструкция, и, если видишь, что поляк избивает немца, то лучше сделай вид, что ты ничего не видишь, иначе можешь ввязаться в неприятную историю, которая может повредить нашему государству»¹.

Редактор затронул проблему справедливости установленной польско-германской границы и решения о выселении немцев. О такой стороне дела, о том, как все это воспримут немцы, речь не шла на встречах тех, кто определял карту послевоенной Европы и судьбы людей: «...мне, говорил Соколов, политуправление ставило такую задачу — разъяснить немцам справедливость перехода этой территории к Польше, причем мне надо было доказать, что это чуть ли не в интересах самих переселяемых... в самом деле, какие доводы можно привести в пользу того, что эта территория польская и что переход территории к Польше является справедливым? Для нас с вами это ясно, для нас основной критерий — это государственные интересы. Такие доводы для немцев не убедительны... исторические права Польши, это тоже неубедительно для них... Немцы любят... твердость и определенность в вопросах. Поражение [в войне] факт — факт. Решение союзников тоже факт. Вот и все»².

Напомним, советская сторона согласилась на транзит транспорта, следующего в английскую зону оккупации без замены на английские эше-

¹ Советский фактор... Т. 1. С. 294–299.

² Там же. С. 298.

лоны. К 1 сентября 1946 г. из Польши было вывезено, по польским данным 1950 г., 1 178 872 чел. По данным нашего времени, к концу 1946 г. Польшу организованно покинуло 1,5 млн чел. и 300 тыс. выехали нелегально. В январе 1947 г. Лондон прекратил прием немцев в английскую зону оккупации Германии. В апреле выселения возобновились только в советскую зону. В августе 1947 г. Великобритания, заявив о приеме 1,5 млн немцев, посчитала свои международные обязательства выполненными, и, несмотря на протесты Польши, прием немцев не возобновила. Эшелоны с переселенцами поступали только в советскую зону. По этим и другим причинам срок завершения переселения немцев из Польши отложили, и план депортации немцев, разработанный Союзным контрольным советом, в основном был выполнен к концу 1947 г.¹

Итак, наиболее массовое выселение немцев организованным порядком пришлось на 1946–1947 гг., когда выехали соответственно до 2,3 млн чел. За 1946–1949 гг. с земель, ставших польскими, правительство Польши переправило в Германию до 2,4 млн чел. Общая численность жертв геополитической реконструкции Европы, выселенных из Польши, составила 3,5–3,6 млн чел. В стране оставалось до 300 тыс. немцев-специалистов, которые выехали в Германию после 1956 г.²

Как встречали переселенцев соотечественники, почему в немецком обществе происходило их морально-психологическое, а вскоре и политическое обособление? Какое воздействие они оказывали на польскую политику ФРГ и политику ПНР на немецком направлении в 1950–1960-е гг. и позже? Эти следствия депортации немцев — предмет иных исследований.

Таким образом, конкретно-исторический материал свидетельствует, что основанные на международном договорном праве решения «большой тройки» об изменении границ Германии и депортации немцев из Польши стали инструментом размежевания территории проживания поляков и немцев. Целью же было создание Польши как мононационального государства для долгосрочного и стабильного национально-территориального устройства в Центральной и Восточной Европе. На короткий по историческим меркам срок эти производные войны обострили и сделали устойчивой взаимную неприязнь двух соседних народов. В 1950–1960-е гг. они являлись главным источником антигерманских в Польше и антипольских в ФРГ и ГДР общественных настроений. На немецкой стороне ни одна из политических сил, включая коммунистов, не мирилась с сокращением государственного пространства. В Польше бытовало убеждение, что поражение Германии неокончательное. В массовом сознании возник синдром

¹ Skowronski A. Polska... S. 39, 186 (Приложения).

² Wysziedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlas ziem Polski. Polacy. Żydzi. Niemcy. Ukraińcy. Warszawa, 2008. S. 186–190; Słabek H. O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa, 2009. S. 67. В 1945–1950 гг. на бывшей территории Германии поселилось 4,7 млн поляков. Из них около 3 млн возвратились из Германии и Австрии и 1,5 млн были репатриантами из СССР. — Słabek H. O społecznej historii... S. 64–65. Последние также не по своей воле покинули места коренного проживания за реками Буг и Сан. Для них, как и для немцев, это была национальная и моральная травма. См., напр.: Wysziedlenie Niemców i osadnictwo ludności polskiej na obszarze Krzyżowa-Świdnica w l. 1945–1948. Wybór dokumentów. Wrocław, 1997. S. 39, 96, 114, 116, 392; Kubis B. Poznawcze i kształtujące walory literatury dokumentu osobistego. Opole, 2007. S. 187–215.

ожидания войны и беспокойства за целостность территории государства, вплотную соприкасавшегося с немецким миром. Все это тогда использовали политики по обе стороны границы. Западные державы не давали Бонну обязательств относительно изменений границы с Польшей, но одновременно не отвергали идею объединения Германии в старых границах. Это, несомненно, вызывало в Москве и Варшаве беспокойство за западные рубежи советского блока¹.

Остается фактом истории, что польско-германская граница приобрела свое местоположение на карте Европы ценой страданий как немцев, переживших депортацию в Германию, так и поляков, репатрированных в Польшу после войны из СССР и Германии. Большинство немцев постепенно мирилось с этой ценой. И в польском обществе также нарастало ощущение целостности страны в новых границах. Парадокс исторического процесса в том, что это произошло в условиях «холодной войны», атомного шантажа и противостояния сверхдержав. Перемены начались в 1970-е гг.

На рубеже революционных 1980–1990-х гг. в Польше был всплеск интереса к истории возникновения, но не к пересмотру границ. И в наше время в политической элите двух стран вспыхивает порой потребность использовать историческую память двух народов в состязании за власть.

Не стало СССР, не стало ПНР, разрушена атмосфера противостояния и советская сфера влияния, социализм сменился капитализмом, а национальное достояние Польши, ее границы и территория, экономический потенциал, сыгравшие роль балансира интересов и фактора безопасности в Европе, остаются неизменными. Что будет дальше — покажет время.

С.В. Кретинин

МАССОВОЕ ВЫСЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ НЕМЦЕВ С РУМЫНСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В 1940–1941 гг.

Переселение этнических немцев (фольксдойче) из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в 1939–1941 гг. было одним из масштабных проектов германских нацистов, которые рассчитывали приобрести «первоклассный человеческий материал», примерных колонистов для захваченных «восточных территорий». Одним из наиболее ярких и в то же время мало затрагиваемых в историографии примеров переселенческой политики Третьего рейха была эвакуация этнических немцев с территории Румынии в 1940–1941 гг.

К 1938 г. вне пределов Германии проживало около 10 млн этнических немцев (или «заграничных немцев» — *Auslandsdeutsche*), преимущественно на территории Чехословакии (3,5 млн), Польши (около 1,7 млн), СССР (1 млн). На территории «Великой Румынии», созданной вследствие Вер-

¹ Madajczyk P. Na drodze do pojednania... S. 29.

сальских мирных договоров, оказалось около 760 тыс. немцев, распределенных по разным регионам: Банат (банатские швабы), Семиградье (трансильванские саксы), Южная и Северная Буковина, Бессарабия, Добруджа¹. Таким образом, в составе Румынского королевства соединилось несколько немецких этнических групп: как проживавшие на территории «Старой Румынии», так и немецкое население окраинных районов бывшей Австро-Венгерской и Российской империй. Эти группы серьезно различались как в области религии, культуры, языка, так и с мировоззренческой точки зрения. Этот фактор, однако, мало учитывался нацистскими идеологами переселения этнических немцев.

Первые опыты по переселению фольксдойче были осуществлены в отношении немецкоязычного населения итальянского Тироля. В 1939 г. было заключено итало-германское соглашение, по которому немцы могли покинуть итальянскую территорию и переселиться на территорию Германии². Наиболее масштабные акции затронули фольксдойче, находившихся на территории СССР. Это было предусмотрено советско-германским пактом 1939 г. Первым актом массового переселения, который виделся нацистским руководителям «примером», стало перемещение с территории СССР немцев Волыни, Галиции и Нарева, а также Прибалтики. Однако это мероприятие столкнулось с целым рядом трудностей (противоречия между советскими и германскими представителями, холодное время года, нехватка транспортных средств³), которые попытались преодолеть при организации переселения немцев с румынских территорий.

Переселенческая политика находилась в ведении Имперского комиссара по укреплению немецкого народа Г. Гиммера, а ее практическая реализация возлагалась на Центральное управление по делам этнических немцев (Volksdeutsche Mittelstelle — VoMi) во главе с одиозным нацистом В. Лоренцем. К лету 1940 г. у германского руководства было два основных сценария массовых выселений фольксдойче: на принципах добровольности (Тироль) и фактически принудительное переселение (Западная Украина, Прибалтика). Само выселение осуществлялось не планомерно, а происходило вследствие изменений геополитической обстановки в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. В частности, применительно к фольксдойче Румынии процесс переселения явился непосредственным результатом изменения границ страны.

При этом неверно было бы считать, что переселения этнических немцев происходили спонтанно и были связаны только с изменением международной обстановки. Практически сразу после окончания Первой миро-

¹ Beer K.P. Zur Entwicklung des Parteiu- und Parlamentssysteme in Rumänien 1928–1933. Frankfurt am Main; Bern, 1983. S. 1031.

² Всего за 1939–1941 гг. Южный Тироль покинуло 50 тыс. чел., в то время как большинство предпочло остаться на старом месте. Так, в 1943 г. в Южном Тироле насчитывалось 176 тыс. немцев. Сама идея заселить тирольцами новоприобретенные территории также не была реализована: большинство переселенцев осело в Баварии и на других землях «Рейха». — См.: Leniger M. Nationalsozialistische «Volkstumsarbeit» und Umsiedlungspolitik 1933–1945. Vor der Minderheitenbetreuung zur Siedlerauslese. Berlin, 2006. S. 37–38.

³ Всего с территории Западной Украины было переселено около 135 тыс. фольксдойче. — См.: Döring S. Die Umsiedlung der Wolhyniendeutschen in den Jahren 1939 bis 1940. Frankfurt am Main, 2001. S. 144.

вой войны со стороны Германии проявляется отчетливый интерес к судьбе этнических немцев Добруджи, которые были тесно связаны с бессарабскими колонистами¹. Организация «Verein für das Deutschtum im Ausland»² оказывал этническим немцам финансовую поддержку. После прихода Гитлера к власти, и особенно с осени 1938 г., контакты между германским руководством и немцами Румынии становятся регулярными. Неоднократно делегации этнических немцев (преимущественно молодежи) посещали Германию.

С лета 1939 г. имело место «предвыселение» (Vorumsiedlung) немцев из Добруджи, осуществляемое на средства Германии. 1600–1700 этнических немцев добровольно согласились переселиться в Германию из-за фактического обнищания. Однако этот процесс не был напрямую связан с политикой нацистского руководства, лейтмотивом которой был лозунг «Heim ins Reich». Фактически имела место эмиграция, которая растянулась на несколько месяцев, до начала 1940 г.

До нападения Германии на Польшу в 1939 г. вопрос о переселении фольксдойче из стран Восточной и Юго-Восточной Европы не имел практического значения. Это подтверждает, в частности, германо-румынское экономическое соглашение от 23 марта 1939 г., в котором ни слова не говорилось о немцах в Румынии и о возможности их переселения³.

Нападение Германии на Польшу изменило положение и настроения этнических немцев в Румынии. Один из лидеров бессарабских немцев Отто Бронеске вспоминал, что уже в октябре 1939 г. рассматривался вопрос о будущем фольксдойче Бессарабии и Буковины, которые опасались, что в случае расчленения Румынии окажутся по разные стороны границ. Уже тогда, по мнению Бронеске, и было принято принципиальное решение о выселении бессарабских и буковинских немцев в случае советского вторжения⁴.

Обсуждение планов переселения немцев с румынских территорий происходит параллельно с обсуждением бессарабского, трансильванского и добруджинского вопросов. Наиболее значимым в деле массового переселе-

¹ Jachomowski D. Die Umsiedlung der Bessarabien-, Bukowina- und Dobrudschadeutschen. Vom der Volksgruppe in Rumänien zur «Siedlungsbrücke» an der Reichsgrenze. München, 1984. S. 24. В 1841–1856 гг. часть немцев из Бессарабии переселилась в Добруджу, что предопределило тесные контакты между двумя регионами.

² Предшественником ее был созданный в 1880 г. в Вене Немецкий школьный союз, от которого в 1881 г. отделилась германская региональная организация, названная «Всеобщий немецкий школьный союз». Ее основал на собственные деньги гамбургский юрист Юлиус Шарлах. Членами Союза были известные деятели науки и культуры, такие как Теодор Моммзен и Ференц Лист. В 1908 г. Союз принял название Verein für das Deutschtum im Ausland (VDA), под которым он и получил известность как организация, помогающая этническим немцам, оказавшимся в положении национального меньшинства, в том числе в Польше. В 1921 г. произошло объединение берлинской и венской организаций. — См.: Weidenfeller G. VDA. Verein für das Deutschtum im Ausland, Allgemeiner Deutscher Schulverein (1881–1918). Bern, 1976. S. 165–169. В 1937 г. Союз перестал быть самостоятельной организацией, но был воссоздан после 1945 г. и продолжает свою деятельность и поныне. — См.: www.vda-globus.de

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. П. 8. Д. 76. Л. 2–5.

⁴ Broneske O. Deutsches Schicksal in der Fremde. Stuttgart, 1976. S. 49. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. немцы Румынии создают ряд организаций право-националистического толка. Крупнейшей стало «Движение возрождения», ориентировавшееся на Германию. В Бессарабии лидером возрожденцев стал д-р Отто Бронеске.

ния в Германию этнических немцев из Румынии стал именно бессарабский вопрос¹.

23 июня 1940 г. германский посол в СССР фон Шуленбург телеграфировал в Берлин: «Я беру на себя смелость обратить Ваше внимание на большое число проживающих в Бессарабии и на Буковине этнических немцев [“фольксдойче”], судьбу которых надо как-нибудь оговорить»². Документы АВП РФ фиксируют, что 25 и 26 июня 1940 г. состоялись консультации между советским и германским руководством, на которых, в частности, посол Германии Ф. Шуленбург объявил о заинтересованности «в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине» и выразил надежду, что «вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни»³. Таким образом, проблема переселения фольксдойче встала перед германской (соответственно — и советской) сторонами как следствие стремления СССР присоединить Бессарабию и Буковину именно летом 1940 г. Соответственно никакой долгосрочной подготовки в этом направлении не велось. Инициатива скорейшего переселения бессарабских и буковинских немцев исходила от СССР, который предложил осуществить переселение до зимних холодов.

22 июля 1940 г. в Москву прибыла германская делегация во главе с Вильгельмом Нёльдеке⁴. Советское представительство возглавлял А.П. Васюков. Несмотря на то, что у двух стран уже был опыт подготовки и организации переселения этнических немцев с Украины, работа советско-германской комиссии по эвакуации лиц немецкой национальности с территории Бессарабии и Северной Буковины затянулась и не раз находилась на грани срыва. С 22 июля по 28 августа 1940 г. состоялось 31 заседание комиссии, протоколы которых в наиболее полном виде сохранились в Федеральном архиве ФРГ⁵. Заключительное заседание комиссии состоялось 4 сентября 1940 г. На нем были уточнены ряд организационных аспектов переселения, таких как обеспечение германской стороны фуражом, продовольствием и топливом⁶.

Главным вопросом, по которому стороны долгое время не могли прийти к согласию, была проблема компенсации бессарабским и буковинским немцам за недвижимое имущество, которое они оставляли на территории СССР (промышленные и сельскохозяйственные предприятия, земельные участки, дома и постройки). Советская сторона исходила из того, что юридически Советский Союз никогда не признавал аннексию Румынией Бессарабии, осуществленную в 1918 г. События 1940 г. трактовались

¹ Подробнее см.: Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010.

² Оглашению подлежит: СССР — Германия 1939–1941: (Документы и материалы). М., 1991. С. 128.

³ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 15. Д. 155. Л. 1.

⁴ Д-р Вильгельм Нёльдеке (1889–1971) — германский дипломат, в 1934–1939 гг. был консулом Германии в Катовицах, 22 июля 1940 г. прибыл в Москву во главе германской делегации, занимавшейся урегулированием вопросов, связанных с переселением этнических немцев из Бессарабии и Северной Буковины. В 1951–1954 гг. — посол Западной Германии в Дании.

⁵ Bundesarchiv, Berlin. R 59/271.

⁶ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 178. Д. 17. Л. 9об.

как воссоединение Бессарабии с остальной частью СССР и, следовательно, на все население области автоматически распространяли действие советские законы, в соответствии с которыми отменялась частная собственность, осуществлялась национализация и т. д.

Дискуссия по этому вопросу возникла на второй день работы смешанной комиссии по переселению, 23 июля. Германская сторона попыталась разрешить вопрос на самом верху, через В.М. Молотова, которого 24 июля посетил уполномоченный правительства Германии по переселению Вернер Лоренц¹. Он просил Молотова решить вопрос относительно компенсации бессарабским колонистам за оставляемую ими землю, однако «Молотов отклонил просьбу Лоренца и сказал, что Бессарабия временно была в руках Румынии, а немецкие колонисты поселились в Бессарабии в то время, когда она в течение более 100 лет принадлежала России. Лица немецкого происхождения могут не покидать Бессарабию, если хотят остаться жить в СССР»². Что касается Северной Буковины, то советский лидер подчеркивал, что эта территория досталась СССР в качестве компенсации за более чем 20-летнее «угнетение» Бессарабии и поэтому на Буковину распространяются те же советские законы.

Принципиальная позиция советского руководства вызвала разочарование в германских правящих верхах. Так, германский посол в СССР В. фон Шуленбург докладывал 31 июля 1940 г. в Берлин: «По вопросу об имуществе переселенцев выявились настолько значительные разногласия, что переговоры временно пришлось прервать»³. Как он сообщал, советская делегация настаивает, что значительная часть имущества бессарабских и буковинских немцев не является объектом частной собственности и поэтому не должна возмещаться. И даже движимое имущество не в полной мере может быть вывезено. Фактически, по мнению Шуленбурга, речь шла о 100%-ном изъятии собственности у переселенцев.

На первом этапе переговоров возникли и другие спорные вопросы, например о переселении заключенных тюрем немецкой национальности и о численности германского аппарата по переселению. Советское руководство утверждало, что немцы-заключенные не могут быть эвакуированы общим порядком, и этот вопрос должен быть решен позже. Германская же сторона настаивала на том, чтобы проблема переселения была разрешена «полностью и единовременно»⁴ и в кратчайшие сроки. Советская сторона также была заинтересована в скорейшей эвакуации немцев из Бессарабии и Северной Буковины, возражая при этом против слишком большой численности предлагаемого германской стороной аппарата по выселению, который должен был осуществлять организацию этого процесса и его контроль на территории СССР. Таково было основное содер-

¹ Вернер Лоренц (1891–1974) возглавлял Центральное управление по этническим немцам (VoMi) и отвечал за переселение, прием и размещение этнических немцев, переселявшихся в Германию в рамках программы «Heim ins Reich». В марте 1948 г. был приговорен трибуналом в Нюрнберге к 20-летнему тюремному заключению за преступления против мира и человечности. Через 15 лет вышел на свободу. — См.: Kemper R. SS im Kreuzverhör. München, 1964. S. 187.

² АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 77. Д. 179. Л. 2, 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же.

жание советских предложений, представленных германской стороне 30 июля. Переговоры были прерваны на семь дней, в течение которых имели место интенсивные советско-германские консультации. Проследить их ход по архивным данным непросто. Совершенно определенно можно констатировать, что в рамках самой советско-германской смешанной комиссии решения спорных вопросов найти не удалось.

6 августа были подготовлены новые советские предложения. По основному вопросу позиция оставалась неизменной: «Все имущество, национализируемое и муниципализируемое по советским законам, описи, оценке и оплате со стороны СССР не подлежит»¹. Однако в отношении остального имущества немцев-переселенцев допускались уступки, в том числе и по сравнению с Соглашением о переселении немцев из Западной Украины и Белоруссии в 1939 г. В частности, бессарабским и буковинским немцам разрешалось «вывезти, кроме установленных норм, 250 кг на одно хозяйство» (в том числе не более 10 кг табака). Советская сторона выражала согласие включать в опись оставляемые ненационализированные дома с надворными постройками: за эту собственность колонистам полагалась компенсация.

Еще большей уступкой с советской стороны было «разрешить эвакуируемым свободную продажу их имущества, включая ненационализированные дома и строения, и допустить неограниченный вывоз лей, вырученных от этого»². Если продать дома и прочую недвижимость переселенцам было практически невозможно (по причине отсутствия спроса), то мебель, предметы обихода, технику, домашнюю живность советские граждане в условиях дефицита покупали охотно. Это позволило многим эвакуированным обеспечить свои семьи деньгами на период переселения и пребывания в промежуточных лагерях, в которых некоторые фольксдойче пробыли несколько месяцев.

Советская сторона была согласна с предложением относительно численности германского аппарата по переселению (не более 599 чел. для Бессарабии и Северной Буковины). По соглашению от 5 сентября 1940 г. контроль и организация переселения возлагались на Правительственную делегацию и Советско-германскую смешанную комиссию по эвакуации. Ответственными были главные представители и уполномоченные сторон с центром в Тарутино, а также пять районных представителей с заместителями и вспомогательным персоналом (не более 21 чел. на район). Каждая комиссия могла иметь в своем составе экспертов и вспомогательный персонал, но не более 28 чел. с каждой стороны.

Районные комиссии располагались в населенных пунктах Бессарабии и Буковины: Альбота, Березина, Кишинев, Маннсбург и Черновцы. Весь личный состав германской комиссии для Бессарабии и Северной Буковины не мог превышать 599 чел. Значительную часть персонала составляли водители легковых (68 водителей на 60 автомобилей), грузовых (175–167) и санитарных (15) автомашин. Таким образом, только в составе германской автоколонны было задействовано 300 чел., из которых 83 были членами переселенческого аппарата³.

¹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 77. Д. 179. Л. 6.

² Там же.

³ Там же. П. 178. Д. 17. Л. 15.

После новых советских предложений переговоры были возобновлены, хотя Шуленбург сообщал при этом в Берлин (12 августа) о наличии серьезных расхождений. В первую очередь германский посол акцентировал внимание на компенсации за оставляемое переселенцами имущество. По его расчетам, речь шла о более чем 50 % собственности эвакуируемых немцев, что равнялось 10 млрд руб. (5 млрд рейхсмарок, или 400 млрд румынских лей).

Однако Шуленбург предлагал прекратить дискуссии по этому вопросу и найти решение вне рамок соглашения о переселении. В частности, он не исключал перевод некоторой суммы в рамках советско-германского торгового баланса. Но, судя по имеющимся данным, советское руководство отказалось от какой-либо дополнительной компенсации. Само переселение немцев должно было осуществляться за германский счет, но германская сторона официально попросила у СССР предоставить ей заем (аванс) под эти цели в размере 5 млн руб., который затем должен был быть компенсирован в рамках торгового баланса. Вполне уместно допустить, что эта сумма и явилась той компенсацией, на получение которой рассчитывал Шуленбург.

Германский посол также высказал озабоченность большим количеством наличной румынской валюты, которая должна была оказаться на руках у переселенцев. С чисто немецкой практичностью германский дипломат предложил сдавать излишки румынской наличности на хранение Советскому Союзу, который затем осуществит перевод этих денег в Германию (из расчета 100 лей за 2,5 руб.)¹. Эвакуируемые могли взять с собой по 2 тыс. румынских бумажных лей на человека, а сверх этого — ту сумму в леях, которая была выручена ими от продажи имущества на территории Бессарабии и Северной Буковины, что должно было быть подтверждено соответствующими документами².

В ходе осуществления переселения далеко не вся наличность была учтена и сдана советским представителям, о чем Шуленбург информировал 1 ноября 1940 г. НКВД. Германский посол сообщал, что германская делегация «получила значительную сумму в рублях», которая будет использована на нужды германского посольства и консульств в СССР³. Размер суммы в документах не сообщался.

Несмотря на уступки со стороны СССР, германская делегация продолжала настаивать на компенсации переселенцам за оставляемую собственность, ссылаясь на опыт переселения этнических немцев из Прибалтики. Переговоры затягивались, что было невыгодно для обеих сторон: СССР стремился до зимних холодов осуществить социально-экономическую и политическую реорганизацию вновь приобретенных регионов (в том числе заселить их советскими гражданами). Германия не желала повторения эпопеи с переселением галицийских, волынских и наревских немцев зимой 1939/40 г., рассчитывая попутно эвакуировать также этнических немцев из Южной Буковины и Южной Добруджи.

¹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 77. Д. 179. Л. 9.

² Там же. П. 178. Д. 17. Л. 3.

³ Там же. П. 77. Д. 179. Л. 32.

17 августа В.М. Молотов направил Шуленбургу подробный меморандум относительно советской позиции по переселению бессарабских и буковинских немцев, в котором были повторены основные советские аргументы. «В силу действующих на территории Бессарабии и Северной Буковины законов, земля, банки, промышленные и торговые предприятия, крупные домовладения являются национализированными, причем какая-либо компенсация бывшим собственникам национализированных имуществ не предусмотрена»¹, — говорилось в документе.

Советский меморандум подчеркивал, что Советский Союз никогда не признавал захвата Бессарабии и считал ее своей частью. Ввиду этого после оккупации советские законы здесь не вводились снова, а восстанавливались. Поэтому здесь не мог быть применен тот порядок компенсации, который имел место в случае с переселением немцев из Прибалтики. Применительно к Бессарабии и Северной Буковине СССР использовал тот же принцип, что и при переселении немцев с Западной Украины и Западной Белоруссии, но с рядом льгот. Фактически СССР предлагал поставить точку в дискуссии и перейти к обсуждению практических аспектов переселения. В этот же день румынская пресса распространила сообщения о том, что в пограничном городе Галац уже началась подготовка к размещению фольксдойче из Бессарабии, в частности, были созданы приемные пункты, пункты питания и санитарного обслуживания эвакуированных².

Тем не менее германская сторона еще раз попыталась добиться уступок в этом вопросе на заседании 28 августа 1940 г., ссылаясь на советско-германский торговый договор 1925 г., по которому гарантировалась защита германских экономических интересов и германской собственности на территории СССР. При подписании соглашения о переселении 5 сентября 1940 г. германская сторона сделала оговорку со ссылкой на договор 1925 г., и на следующий день адресовала советской стороне вербальную ноту. 12 сентября последовала ответная нота, в которой утверждалось, что в соглашении от 5 сентября не содержится никаких оговорок с германской стороны и заключенное соглашение «полностью исчерпывает данный вопрос»³. Таким образом, германской стороне так и не удалось добиться от Советского Союза компенсации за оставляемое эвакуируемыми немцами национализированное имущество. Более того, переселенцы должны были еще заплатить налоги, как и все советские граждане, и это при том, что многие из них уже заплатили налоги в Румынии! В связи с этим германское руководство обратилось к советской стороне с просьбой о снижении сельхозналога для переселенцев на 50 %, мотивируя это тем, что поздние сельскохозяйственные культуры просто не могут быть ими убраны и реализованы до отъезда. 8 октября 1940 г. заместитель наркома иностранных

¹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 77. Д. 179. Л. 12.

² Там же. Ф. 125. Оп. 22. П. 18. Д. 10. Л. 176. Согласно румынским данным, некоторое количество бессарабских немцев покинуло область сразу же после перехода ее к СССР. В частности, в прессе сообщалось о некоем докторе Боршском, который прибыл в конце июня 1940 г. в Бухарест «с большим числом германских колонистов», где сообщил, что был вынужден бежать из-за угроз со стороны новых властей. — См.: Там же. Л. 196.

³ Там же. Ф. 6. Оп. 2. П. 77. Д. 179. Л. 25.

дел А. Вышинский предложил снизить сумму налога для переселенцев на 20–25 % и разрешить германской стороне единовременно вывезти 150 голов каракулевых овец (взамен оговоренной в соглашении от 5 сентября нормы в пять овец на одну семью переселенцев)¹.

Таким образом, советская сторона шла на уступки в частных вопросах организации переселения, но в вопросе о компенсации за национализируемую собственность ее позиция оставалась неизменной и принципиальной.

Это нашло отражение в подписанном 4 сентября 1940 г. соглашении о переселении немцев из Бессарабии и Северной Буковины. По нему эвакуированным разрешалось свободно продавать свое имущество вплоть «до момента их выезда» (применительно к Галиции, Волыни и Нареву это касалось только до момента подписания соглашения о переселении). Вырученные средства (в румынских леях), а также румынская наличность в размере 2 тыс. лей (40 рейхсмарок, или 50 советских рублей) на человека могли быть вывезены беспрепятственно. Также разрешалось вывозить домашний скот, птицу из расчета не более двух лошадей или пары волов, одной коровы, одной свиньи, пяти овец или коз, десяти птиц на одно хозяйство (для гужевого транспорта). Эвакуированные железнодорожным или автомобильным транспортом имели возможность взять с собой багаж в объеме одной пароконной упряжки на хозяйство. Оставляемое переселенцами имущество поступало в собственность СССР. Эвакуируемые и их имущество не облагались налогами. Германские пароходы для перевозки эвакуированных допускались в дунайские порты Рени, Килия, Бугаз. Советский Союз предоставлял железнодорожный транспорт для доставки переселенцев до пограничных пунктов, что оплачивалось германской стороной. В Бессарабию и Северную Буковину допускалась германская автоколонна из 250 автомобилей с персоналом, техническое обслуживание и обеспечение ГСМ которой брал на себя Советский Союз. Эвакуацию планировалось завершить к 15 ноября 1940 г.

В целях скорейшей реализации соглашения советская сторона «идет навстречу Германии и выдает аванс на переселение — 5 млн рублей», из которых 2 млн должны были быть перечислены в Черновцы и 3 млн — в румынский город Рени².

Получение денег германской стороной, а также обслуживание германского автотранспорта стало одной из главных проблем при практической реализации соглашения. Так, несмотря на обещания, советская сторона затягивала перевод аванса. 15 сентября глава советской части комиссии А.П. Васюков телеграфировал из Тарутино в Москву: «Ускорьте перевод немцам аванса»³. 19 сентября была послана еще одна телеграмма из Тарутино: «Просим вас ускорить перечисление аванса друзьям. Seriously беспокоятся»⁴. Днем ранее Васюков телеграфировал уже из Кишинева: «Положение с деньгами для немцев крайне тяжелое. Ускорьте перевод для них»⁵.

¹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 2. П. 77. Д. 179. Л. 30.

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Ф. 082. Оп. 24. П. 84. Д. 73. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 6.

Подобные беспокойства были вполне обоснованными, так как срывался график эвакуации, о чем свидетельствуют документы Народного комиссариата морского флота СССР, которому было поручено агентирование (обслуживание) всех тридцати пароходов, ожидавшихся в дунайском порту Килия. При этом советский наркомат ожидал уже 17 сентября перевод от германской стороны в размере 30 тыс. руб.¹

При анализе документов АВП РФ можно сделать вывод, что такая крупная сумма — 5 млн руб., которую германская сторона затем планировала погасить через систему взаимозачетов, была той самой неофициальной компенсацией переселенцам, на которой настаивали немцы. Косвенно факт компенсации подтверждается тем, что на нужды аналогичного переселения в Румынию советско-румынская комиссия запросила всего лишь 40 тыс. рублей!² Советская сторона вплоть до 22 июня 1941 г. исправно переводила те денежные средства, что она должна была выплатить в рамках соглашений о переселении этнических немцев с территории Западной Украины, Прибалтики, Бессарабии и Буковины. В германской историографии этот факт нашел воплощение в тезисе о «золотом миллиарде», который СССР заплатил Германии и внес тем самым «вклад» в подготовку войны против себя самого³.

Практическая подготовка выселения была возложена на Смешанную советско-германскую комиссию, которая подготавливала списки фольксдойче, разработало маршруты переселения, решала имущественные вопросы. Главным представителем СССР по эвакуации немцев был назначен майор Веретенников, а германское представительство возглавлял штандартенфюрер СС Хорст Хофмейер — тот самый, который руководил и выселением немцев с Галиции, Волыни и Нарева⁴. Выселение бессарабских и буковинских немцев прошло в теплое время года, по рекам (Дунаю), на автомобилях и гужевым транспортом, через территории Румынии, Югославии, Венгрии, Словакии. Отличительной особенностью эвакуации была активная фото- и киносъемка, в том числе и на цветную пленку, германской стороной, благодаря чему до нас дошел богатый иллюстративный материал.

При организации переселения проявились недостаточные оперативность и слаженность работы советского централизованного административно-управленческого аппарата. Так, 9 октября 1940 г. в соответствии с соглашением от 5 сентября Председатель СНК СССР В.М. Молотов дал распоряжение Наркомату среднего машиностроения «немедленно выделить за счет резерва Экономсовета при СНК СССР и отгрузить в г. Тарутино (Бессарабия)... запасные части и полный комплект резины»⁵ для автомобилей, предназначенных для эвакуации немцев. Через пять дней зам. наркома среднего машиностроения Акопов дал распоряжение Главтракторсбыту: «Немедленно выделите и отгрузите в г. Тарутино (Бессарабия)... запасные части для 36 автомашин М-1, двух автомашин ЗИС-101 и одной

¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 84. Д. 73. Л. 7.

² Там же. Ф. 125. Оп. 22. П. 18. Д. 9. Л. 1.

³ Jachomowski D. Die Umsiedlung... S. 98.

⁴ Döring S. Die Umsiedlung... S. 98.

⁵ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 84. Д. 73. Л. 9.

грузовой полутонной автомашины»¹. Но лишь 18 ноября резина и запчасти прибыли в Тарутино, когда эвакуация была уже завершена! Васюков тут же выслал срочную телеграмму в НКВД (А.Я. Вышинскому): «Резина на 40 машин прибыла с опозданием. Часть используем для покрытия долгов. Остальную резину предлагаем отдать Совнаркомам Молдавии и Украины»². Приписка синим карандашом: «дайте справку, что за резина». Однако в НКВД о резине для Бессарабии были не информированы. Управделами НКВД М. Христофоров телеграфировал: «О резине для автомашин, упоминаемой в телеграмме т. Васюкова, Управлению делами ничего не известно. По всей вероятности, Комиссия занимается вопросом самостоятельно»³. 20 ноября Вышинский «молнирует» в Тарутино: «Для передачи резины Совнаркомам Молдавии и Украины необходимо решение Экономсовета. Пока сдайте оставшуюся резину на хранение и сообщите ее количество»⁴.

Отличительной чертой организации переселения бессарабских и буковинских немцев нужно признать тот факт, что советские власти не чинили серьезных препятствий германским представителям, соглашаясь на переселение практически всего немецкого населения региона (в том числе смешанных семей, заключенных тюрем). Хотя отдельные эксцессы имели место, когда, например, члены советской комиссии отговаривали немцев переселяться. Д. Яхомувский объясняет это отчасти стремлением советской стороны оставить в Бессарабии и Северной Буковине некоторое количество этнических немцев⁵.

Советские представители особенно следили за тем, чтобы среди зарегистрированных в качестве переселенцев не оказалось этнических румын и украинцев. Германская сторона исходила из того, что эвакуироваться могут не только фольксдойче, но и представители смешанных национальностей с долей немецких кровей не более 25%. Однако на практике выявить данный аспект было крайне сложно, тем более что некоторые жители Бессарабии (и особенно Буковины) стремились выдать себя за немцев, таковыми не являясь. Известны случаи, когда германская комиссия ошибочно регистрировала даже евреев, но это было редкостью. Немецкая сторона имела четкие указания исключать факты переселения лиц еврейской национальности (что было особенно актуально для Буковины), а также цыган, гагаузов, армян. Вместе с тем в качестве переселенцев регистрировались потомки французских и швейцарских колонистов (например, в селении Schabo).

При определении национальности потенциальных переселенцев в Бессарабии особых проблем не возникало, так как немцы проживали замкнутыми общинами, а уровень их ассимиляции и смешанных браков был невелик (в сравнении с Северной Буковиной).

В Архиве внешней политики сохранились списки выехавших в Германию с территории Бессарабии. Имена и фамилии были представлены по

¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 24. П. 84. Д. 73. Л. 10.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 18.

⁵ Jachomowski D. Die Umsiedlung... S. 72.

старым (российским) уездным спискам: Лумиковский Дмитрий Петрович, Илларион Влад, Манкиш София, Рогосевич Виктор, Тудай Кассиан, Ион Езифович Кухнер, Шат Винфурий, Евгения Айзенштадт, Паисий Фаулионович Попович, Раду Перспену, Нина Августину.

Отдельно были оговорены права на переселение тех, кто не успел с общим потоком эвакуации. «Лица, не успевшие выехать до 15.11.1940 г., — говорилось в Дополнительном протоколе к Соглашению от 5 сентября, — могут в течение трех месяцев обратиться с просьбой об эвакуации»¹. Однако при этом опись и оценка их имущества уже не производились.

Также в последние дни из Бессарабии были вывезены заключенные тюрем, а в более поздние сроки осуществлялась репатриация бывших граждан Румынии, находившихся на лечении в клиниках для душевнобольных на территории Бессарабии и Северной Буковины².

Массовое выселение этнических немцев с румынских территорий было связано не только с решением бессарабского вопроса в пользу СССР, но также и с территориальными изменениями в пользу Венгрии, получившей по Второму Венскому арбитражу северную и северо-восточную Трансильванию³, и Болгарии, претендовавшей на Добруджу. В результате серьезных неудач на международной арене в самой Румынии к власти пришел генерал И. Антонеску, взявший курс на тесное сотрудничество с нацистской Германией. В частности, к лучшему изменилось положение немецкого национального меньшинства в стране. Это позволило германской стороне продолжить политику массового переселения фольксдойче. Показательно, что переселению подлежали только немцы из южной части Буковины и Добруджи. Фольксдойче из Трансильвании, Баната, а также из районов «Старой Румынии» массовому переселению не подлежали.

Причины такой противоречивой политики крылись, на наш взгляд, в следующем. Нацисты не имели своей целью полностью переселить немцев из дунайского региона, где они были разделены между Румынией и Венгрией. В условиях международной нестабильности германское руководство рассчитывало использовать фольксдойче в качестве рычага влияния на авторитарные режимы в Юго-Восточной Европе. Поэтому акцент был сделан не на тотальное выселение (как это было на советских территориях), а на избирательное перемещение отдельных, как правило, обитавших в приграничных районах немцев. Сюда относились немцы Южной Буковины и Добруджи.

Последние на протяжении всей межвоенной истории находились в крайне тяжелом материальном положении. Это являлось одним из определяющих факторов. Немцы Южной Буковины также должны были раз-

¹ АВП РФ. Ф. 082. Оп. 2. П. 178. Д. 17. Л. 60б.

² 2 июня 1941 г. НКВД СССР передал румынской стороне списки 455 граждан страны, проживавших в Бессарабии, на репатриации которых настаивала Румыния. В массе своей это были румыны и евреи, но в их числе оказались и два этнических немца, находившихся на лечении в психбольнице Черновцов: Марта Кратки (с 1924 г. с диагнозом шизофрения) и Отто Брухер (с 1939 г. — также шизофрения). — АВП РФ. Ф. 125. Оп. 23. П. 21. Д. 10. Л. 145об. Они были репатрированы в Румынию, но 36 из 455 чел. на 1 апреля 1941 г. выехали в Германию, а еще 181 чел. не желал покидать СССР.

³ См.: Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг.: Документы российских архивов / Под ред. Т.М. Исламова. М., 2000.

делить судьбу своих собратьев из северной части региона, что, кстати, открывало для румынского руководства возможности расселения там румынских беженцев из Бессарабии. Германское руководство, которое не планировало переселения такого количества немцев в 1940 г., решило использовать благоприятную ситуацию, сложившуюся в результате заключения советско-германского соглашения об эвакуации фольксдойче из Бессарабии и Северной Буковины. Германская комиссия по переселению, закончив дела на территориях, отошедших к СССР, продолжила свою работу в румынских областях.

22 октября 1940 г. было заключено германо-румынское соглашение о репатриации немцев из Южной Буковины и Северной Добруджи¹. Это соглашение было куда более выгодно германской стороне, так как предполагало полную компенсацию за оставляемую переселенцами собственность и не накладывало серьезных ограничений на деятельность германского аппарата по переселению. Показательно, что это соглашение касалось двух разных регионов: Буковины и Добруджи.

Параллельно на территорию Румынии были введены германские войска, которые разместились в Трансильвании. Местным немцам были даны четкие установки на взаимодействие с румынским режимом генерала Антонеску. Новый фюрер румынских фольксдойче Андреас Шмидт заключил 6 октября 1940 г. с властями страны соглашение об особом статусе немецкого населения. В частности, немцам гарантировались посты вице-мэров в тех населенных пунктах, где они составляли значительную часть населения. «Сегодня мы идем плечом к плечу с легионерским движением, — заявил Шмидт, — наша связь с ним не официальная, а дружественная»².

Этнические немцы, оставшиеся в Румынии и Венгрии, активно привлекались для помощи эвакуированным из Бессарабии, Буковины и Добруджи. Так, уже 1 октября 1940 г. первый транспорт с немцами из Северной Буковины прибыл в Будапешт, где он был встречен местными немецкими организациями, которые отвечали за временное размещение эвакуированных³.

Массовое выселение немцев из Бессарабии и Буковины шло по двум основным направлениям: по железной дороге из Буковины и речным путем (по Дунаю) для немцев из Бессарабии и Добруджи. Переселенцы прибывали, как правило, своим ходом (на подводах или автомобилях) до пограничного румынского города-порта на Дунае Галац. Здесь был организован временный лагерь, откуда фольксдойче продолжали свой путь уже на пароходах вверх по Дунаю.

Переселение фольксдойче из Бессарабии и Буковины находилось под особым контролем нацистских руководителей. 9 октября 1940 г. лагерь в Галаце посетил германский посол в Румынии В. Фабрициус, а на следующий день туда на самолете из Бухареста прибыл В. Лоренц, который встретился с первыми переселенцами из Бессарабии⁴.

¹ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 22. П. 18. Д. 10. Л. 49.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 194.

⁴ Там же. Л. 144.

На Дунае для переселенцев были организованы промежуточные лагеря, наиболее крупные из них — в Прахово и Семлине (Югославия). Здесь переселенцы находились иногда по несколько недель перед отправкой в Германию.

Благодаря наличию опыта по переселению, хорошей подготовке и взаимодействию, массовое выселение бессарабских, буковинских и добруджанских немцев было осуществлено организованно и в кратчайшие сроки: к декабрю 1940 г. практически все фольксдойче были эвакуированы. 6 декабря 1940 г. из Румынии отправился последний транспорт с эвакуированными немцами. Это был состав с 500 немцев из Добруджи¹. Таким образом, выселение удалось осуществить до наступления зимних холодов.

После выселения фольксдойче опустели целые районы Бессарабии и Буковины. Но если эвакуация немцев прошла быстро и организованно, то при заселении опустевших колоний советскими колхозниками возник целый ряд трудностей. «Выгрузка переселенцев и их имущества из вагонов производится крайне медленно, эшелоны с переселенцами в ожидании выгрузки простаивают от 10 до 20 часов. Прибывающие переселенцы после выгрузки на станциях находятся на морозе по несколько часов в ожидании транспорта для перевозки их к месту расселения. Продолжительное нахождение переселенцев в пути, отсутствие топлива в вагонах и фуража для скота — вызвали массовые заболевания среди взрослых и детей»², — так описывалось положение Бюро ЦК КП(б) Молдавии от 21 декабря 1940 г. Новые власти спешили заселить приграничные территории лояльными советскими гражданами, подвергая их тяготам и лишениям. Достаточно типичная ситуация для сталинского СССР!

По данным на 1 марта 1942 г. из Бессарабии было переселено 93 548 немцев, из Северной Буковины — 43 477, из Южной Буковины — 52 107 и из Добруджи — 15 тыс. чел.³ Еще около 10 тыс. чел. было выселено с других румынских территорий. Всего румынские территории в 1940–1941 гг. покинуло около 215 тыс. этнических немцев, т. е. большинство немецкого населения страны выселено не было.

Основная масса колонистов направлялась в Вартеланд (37 732 чел.) и Данциг — Западную Пруссию (26 383 чел.). Однако значительная часть переселенцев — 23 656 — оставалась в ведении VoMi, находясь во временных (фильтрационных) лагерях. Иными словами, более десятой части всех переселившихся в Германию этнических немцев на протяжении полутора лет не получили обещанных земельных участков. Связано это было с двумя основными причинами.

Во-первых, Германия не была готова обустроить такое значительное число переселенцев (особенно в условиях войны). Так, колонистам, заселявшимся в «образцовое гау Вартеланд», было официально обещано по 15 га на семью в среднем. Однако далеко не все получили участки желаемого качества и размера. В среднем на семью приходилась усадьба в 7–9 га. При этом более 40 % переселенцев получили участки до 5 га, а 50 % — до 10 га. Обращают на себя внимание значительные финансовые

¹ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 22. П. 20. Д. 37. Л. 318.

² Bundesarchiv. R. 49/469. Bl. 44–45.

³ РГАСПИ. Д. 17. Оп. 22. Д. 1713. Л. 115.

расходы Третьего рейха по переселению. Только к апрелю 1941 г. на эти цели было израсходовано почти 124 млн имперских марок, а к концу апреля 1942 г. — уже 800 млн!¹

Во-вторых, переселенцы отнюдь не были тем «первоклассным человеческим материалом», который рассчитывали приобрести нацисты. Эти этнические немцы на протяжении многих десятилетий и столетий развивались в изоляции от «фатерланда». Они в значительной степени утратили немецкий характер своей культуры, говорили на диалектах. Германская национал-социалистическая действительность была для них чужда. Поэтому в лагерях VoMi фольксдойче стремились приучить к дисциплине и порядку. Среди них выявляли советских агентов и саботажников. При фильтрации особое внимание обращалось на имена переселенцев, среди которых не приветствовались неарийские: Аарон, Абрахам, Натан, Ребекка, Самуэль и др. Переселенцам предлагали сменить подобные имена на арийские, а у тех, кто отказывался, возникали проблемы².

Например, бессарабских немцев часто не воспринимали как немцев, называя «лучшими из арабов», «балканцами»³ и т. п. Все это быстро отрезвляло даже тех из них, кто искренне стремился «назад, на Родину». Однако выбора у них уже не было.

Приходилось начинать жить практически с нуля, и это в условиях разгоравшейся мировой войны, когда мужчин призывали в армию, а женщины, старики и дети оказались на положении беженцев и изгнанных. В итоге они слились с основной массой изгнанных немцев и смогли начать новую жизнь в Германии после 1945 г.

Т.А. Покивайлова

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В РУМЫНИИ: ПРОБЛЕМЫ ДЕПОРТАЦИЙ И ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В 1940-х — НАЧАЛЕ 1950-х гг.

Массовые миграции населения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в первой половине XX в. и сопутствующие им депортации, беженство, вынужденное переселение были связаны с глубокими социально-политическими трансформациями как в России, так и в соседних с ней странах, последствиями войн, территориальными переделами в связи с распадом Габсбургской и Российской империй, изменениями границ между государствами, а также националистической и дискриминационной политикой авторитарных и тоталитарных режимов на различных этапах их политической эволюции.

После Первой мировой войны Румыния оказалась в стане держав-победительниц. Вступив в августе 1916 г. в войну на стороне Антанты, Румыния вскоре потерпела поражение, и большая ее часть была оккупиро-

¹ Leniger M. Nationalsozialistische «Volkstumsarbeit»... S. 64–65.

² Ibid. S. 219.

³ Schmidt U. Bessarabien. Deutsche Kolonisten am Schwarzen Meer. Deutsches Kulturforum östliches Europa. Potsdam, 2008. S. 330.

вана войсками Германии и Австро-Венгрии. В мае 1918 г. она заключила сепаратный договор с Германией, нарушив тем самым условия договора со странами Антанты. Тем не менее Румыния сумела в последний момент объявить войну Центральным державам и ввести свои войска на территорию Буковины, Трансильвании и Баната. Незадолго до этого, в марте 1918 г., она оккупировала территорию Бессарабии. По версальским мирным договорам Румыния вдвое увеличила свою территорию (с 137 903 до 295 049 км²) и более чем в 2 раза возросла численность ее населения (с 7 904 104 до 17 393 149 чел.). В результате огромных территориальных приобретений Румыния из мононационального превратилась в многонациональное государство, где наряду с титульной нацией проживало значительное число представителей национальных меньшинств, которые составляли почти треть населения Румынии (28,1 %). В 1952 г. нерумынское население составляло 21,5 %¹.

Именно в 1918 — начале 1920-х гг. в Румынии происходят массовые депортации, вынужденные переселения, наводнение страны беженцами. Это была первая волна депортаций и массовых перемещений населения на территории Румынии. В это время в Румынию из Украины, спасаясь от преследований украинских националистов, бежало значительное число евреев, здесь пытались обосноваться остатки армий Деникина и Врангеля, а также спасавшееся от большевиков гражданское население. В связи с этим хотелось бы отметить, что румынские власти предпринимали достаточно жесткие меры, чтобы сдержать поток беженцев. Многие из офицеров Деникина, которым удалось переправиться на территорию Румынии через Днестр или устье Дуная, были арестованы румынскими властями, а врангелевцы, переехавшие туда из Константинополя по договоренности между французским и румынским правительствами, оказались в концентрационных лагерях². Более 3 тыс. крупных собственников из приграничных районов Украины бежали на территорию Бессарабии³. Впоследствии многим из беженцев удалось перебраться в страны Западной Европы.

Хотя под нажимом великих держав в мирный договор с Румынией были внесены пункты о защите прав национальных меньшинств, на деле права национальных меньшинств постоянно нарушались. Это наглядно проявилось в политике румынского правительства в социально-экономической, национальной и культурно-языковой сферах. Особой дискриминации подвергалось венгерское население Трансильвании, русское население Бессарабии, евреи, цыгане и другие этнические группы. В 1919–1927 гг. в Венгрию переселилось около 200 тыс. мадьяр⁴. Несколько сот тысяч бессарабцев бежали из Румынии в СССР после Хотинского и Татарбунарского восстаний (1924 г.)⁵. В связи с послевоенными трудностями, а также

¹ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов. М., 2000. С. 209–210; Turluc C. Interwind destines Modern Romania and its groups. Junimea. Iasi, 2003. P. 90.

² Arhivele Nationale României. Fond Ministerul de Interne/Diverse. Vol. 2. Dos. 12/7/1918.

³ Ibid. Dos. 3-14/12/1918. P. 224.

⁴ Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008. С. 68.

⁵ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 42.

тем фактом, что миграция увеличивала численность национальных меньшинств, законодательство и подзаконные акты правительства Румынии делали легализацию и натурализацию мигрантов практически невозможными¹.

На присоединенных территориях активно проводилась политика колонизации новых районов, массовое переселение туда румынского населения, прежде всего румынского крестьянства, где оно по аграрной реформе 1921 г. получило земли, а также имущество представителей национальных меньшинств, депортированных или вынужденных покинуть эти территории.

Территориальные переделы 1940 г., затронувшие Румынию, вызвали новую вторую волну депортаций и массовых перемещений населения. В этом году Румыния лишилась значительной части своих территорий, приобретенных после Первой мировой войны. 25 июня 1940 г. министр иностранных дел Германии И. Риббентроп направил телеграмму послу Германии в СССР графу Ф.В. фон Шуленбургу, в которой говорилось: «Германия остается верной московским соглашениям (имелся в виду пакт Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г.). Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Но на этих территориях живут примерно 100 000 этнических немцев, и Германии, естественно, их судьба небезразлична, она надеется, что их будущее будет гарантировано. Имперское правительство оставляет за собой право в подходящий момент сделать советскому правительству определенные предложения по вопросу о переселении этих “фольксдойче” по примеру этнических немцев Волыни»².

После ультиматума Советского Союза Румынии 26 июня 1940 г. Румыния лишилась Бессарабии и Северной Буковины. 30 августа этого же года с подачи Гитлера и Муссолини от нее была отторгнута Северная Трансильвания, а в сентябре — Южная Добруджа. Накануне возвращения Бессарабии Советскому Союзу между германским и советским правительствами была достигнута договоренность о переселении этнических немцев с территории Бессарабии и Северной Буковины в Германию и на земли, захваченные ею в начале Второй мировой войны: Польскую Силезию и земли Протектората Чехии и Моравии.

Советское правительство потребовало от румынского правительства, чтобы территория Бессарабии и Северной Буковины была освобождена в течение четырех дней от румынских войск и государственных учреждений. Затем этот срок был продлен еще на два дня. Эвакуация проводилась в спешном порядке. Тем не менее это был очень небольшой срок для эвакуации. Кроме румынских войск на территорию Румынии хлынули беженцы. На одной из переправ, например, скопилось около 6 тыс. бежен-

¹ Скворцова А.Ю. Роль миграции в изменении количественных и качественных характеристик русского населения Бессарабии // В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX — первая половина XX века. М., 2009. С. 123.

² Виноградов В.Н., Семенова Л.Е., Ерещенко М.Д., Покивайлова Т.А. Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 345. См. подробнее в данном сборнике: Кретинин С.В. Массовое выселение этнических немцев с румынских территорий в 1940–1941 гг.

цев. Советское командование отдало распоряжение не допускать бегства населения, вывоза имущества, подвижного состава, угона скота, увода подвод, взятых у местного населения, и другого имущества. С 3 июля 1940 г. советско-румынская граница была закрыта¹. Между тем на территории Румынии оказалось много бессарабцев, призванных в румынскую армию, которые хотели возвратиться домой. Последовали обращения членов их семей к советским властям и командованию Красной армии с просьбой вернуть их назад в Бессарабию. В свою очередь, румынская сторона добивалась от советского правительства разрешения на эвакуацию чиновников госучреждений, семей офицеров и других лиц, не успевших выехать в Румынию². По некоторым данным, вместе с румынской армией Бессарабию и Северную Буковину покинуло около 200 тыс. чел., а общее количество лиц, вернувшихся из Румынии на родину, составило 221 110 чел. 20 июля 1940 г. советское правительство согласилось разрешить эвакуацию румынских чиновников, военнослужащих и гражданского населения, пожелавшего выехать в Румынию, и туда было репатрировано еще 13 750 чел.³

Вслед за Бессарабией Румыния потеряла и Северную Трансильванию, которая отошла к Венгрии. Венский арбитраж (30 августа 1940 г.) до предела обострил межнациональные отношения между румынами и венграми, проживавшими в Трансильвании. По Венскому арбитражу к Венгрии отошли северная и северо-восточная части Трансильвании общей площадью в 43 тыс. км с населением 2 млн 577 тыс. чел., из которых более миллиона составляли румыны. В то же время Южная Трансильвания осталась в пределах Румынии, поэтому почти полмиллиона венгров оказалось на территории другого государства. В результате практически невозможно было совместить этнические границы с государственными в условиях сильной чересполосицы расселения венгров и румын в Трансильвании. Соотношение румынского и венгерского населения в Северной Трансильвании было примерно одинаковым, хотя спор о том, кто же — румыны или венгры — составлял большинство населения в этом крае, не утихает и до сих пор. Однако важно было то, что под иностранным игом оказались сотни тысяч мадьяр и румын, а политика дискриминации, злоупотреблений и притеснений по национальному признаку, проводившаяся обоими государствами, ввиду ужесточения отношений между Венгрией и Румынией, приняла чудовищный размах и безобразные формы. Так, по румынским данным, в связи со вступлением венгерской армии на территорию Северной Трансильвании среди румынского гражданского населения были значительные жертвы. На 30 октября 1941 г. 911 чел. было убито, 771 чел. подвергся пыткам и избиениям, 3373 — насилию, 13 359 чел. было арестовано, 12 595 — депортировано⁴. Началось повальное бегство румын из Северной Трансильвании, а венгров из Южной Трансильвании. Из Северной Трансильвании бежало более 200 тыс. чел., и около 100 тыс.

¹ Мельтюхов М. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. М., 2010. С. 324, 350.

² Там же. С. 344, 349–351.

³ Там же. С. 353.

⁴ Marinescu A.S. Inainte hi după Dictatul de la Viena/Bucurehti. Vremea, 2000. P. 94.

венгров бежало из румынской части Трансильвании¹. Материалы итало-германской комиссии, проводившей обследование в 1941–1942 гг. в Трансильвании, свидетельствуют о тяжелом положении национальных меньшинств (кроме немецкого, которое в условиях германского диктата пользовалось всеми привилегиями) как в Северной, так и в Южной Трансильвании. И такая ситуация в Трансильвании продолжалась вплоть до свержения в Румынии диктаторского режима Антонеску и освобождения ее Красной Армией, хотя и после этого межнациональные отношения в Трансильвании оставались весьма напряженными².

Что касается Добруджи, то по подписанному 7 сентября 1940 г. болгаро-румынскому договору предусматривалось, в отличие от Трансильвании, произвести в течение трех месяцев обмен населением и переселить румын из южной Добруджи в Румынию, а болгар из Северной Добруджи в Болгарию. По румынской переписи 1930 г., в Южной Добрудже проживало 378 тыс. чел., из которых 143 тыс. (37,8 %) составляли болгары, 135 тыс. (35,7 %) — турки и татары, 77 тыс. (20,3 %) — румыны. Всего же на территории Болгарии проживало, по данным румынских исследователей, до 180 тыс. румын, а на территории Северной Добруджи всего 43 тыс. болгар, поэтому речь могла идти об обмене населением только с территории Южной и Северной Добруджи³. В соответствии с указанным соглашением из Болгарии выехало 21 897 семей. Среди переселенных из Болгарии румын значительная часть приходилась на македонских румын. Из общего количества переселенцев в уезде Констанца обосновалось 9 тыс. семей, 8 тыс. семей разместились в уезде Тулча, а остальные расселились по всей Румынии. В 1940 г. румыны-македонцы, эвакуированные из Южной Болгарии (Кадрилатера), жили в основном в уездах Констанца, Тулча, Брэила, Яломица. В 1941 г. в Румынии были созданы центры по колонизации, которые распределяли среди переселенцев земли и дома, оставшиеся от выселенных из этих мест немцев и болгар. Необходимо отметить, что до 1946 г. положение колонистов было не определено. В 1946 г. румынское правительство приняло закон, по которому эвакуированному из Кадрилатера населению предоставлялись участки земли от 5 до 10 га и дома⁴.

Программа румынизации страны была выдвинута кондукэторулом (руководителем) румынского государства И. Антонеску в феврале 1941 г. В ней предусматривалось выселение евреев из столицы Румынии Бухареста и других городов в отдельные поселения типа гетто с ограниченными контактами с внешним миром и последующей депортацией их за границу, а также продвижение граждан румынской национальности во все структуры экономической, государственной и культурной жизни страны. Предполагалось также, что вся торговля и другие коммерческие виды деятельности должны в течение 5–10 лет перейти в руки румын⁵.

¹ Marinescu A.S. *Inainte...* P. 95.

² Turluc C. *Interwind...* P. 133; Трансильванский вопрос... С. 412–413.

³ Costea M. *Relahii politico-diplomatice româno-diplomatice româno-bulgare (1938–1940) / Napoca star.* Cluj-Napoca. 2010. P. 290, 292–297, 403–420.

⁴ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 36. П. 153. Д. 66. Л. 179–180.

⁵ Ion Antonescu. *De când tram în închisoare am discutat cu nemhii tot programul de guvernământ // Magazin istoric.* 1998. N 5. P. 12–13.

В годы антисоветской войны, когда Румыния выступила на стороне гитлеровской Германии, сотни тысяч евреев, а также цыган были подвергнуты физическому уничтожению и депортациям. Это была третья волна массовых депортаций и выселений этнических групп населения с территории Румынии. Румынские историки в течение длительного времени отрицали наличие в Румынии Холокоста. И все же под давлением мировой общественности и неоспоримых фактов они вынуждены были это признать. Дело в том, что румынские евреи были в основном депортированы в концентрационные лагеря, расположенные на оккупированной советской территории в Транснистрии, а не в самой Румынии, а масштабы массовых депортаций были несколько меньше, чем на территории Северной Трансильвании и в Венгрии. За годы войны численность еврейского населения, проживавшего на территории Румынии, уменьшилась с 850 тыс. чел. в 1937 г. до 420 тыс. чел. в 1946, т. е. в 2 раза. За 1944–1948 гг. еще 40 тыс. евреев выехало в Палестину¹.

В румынской историографии проблемы, связанные с депортацией цыган в годы Второй мировой войны, еще мало исследованы. Достаточно трудно определить и общую численность этой этнической группы населения. По переписи 1930 г., в Румынии насчитывался 262 501 чел. по национальному признаку (1,5 % от всего населения) и 101 015 чел. по языку (0,6 %). В ряде районов Румынии цыгане заявляли о своей принадлежности к другим национальностям². Наибольшее число цыган приходилось на районы Трансильвании, Добруджу и Олтению.

В годы Второй мировой войны цыгане наряду с евреями подвергались массовому геноциду. В 1942 г. МВД Румынии издало специальный указ, который предусматривал депортацию цыган со всей территории Румынии в Транснистрию. 16 июня 1942 г. начались их массовые аресты. Цыган размещали в специально созданных для этого хорошо охраняемых центрах, откуда их должны были эвакуировать в концентрационные лагеря в специальных поездах. Первые поезда в Транснистрию отправились спустя три месяца после начала операции. 14 сентября 1942 г. из Румынии туда было вывезено 1710 цыган. Как отмечает румынский историк Д. Шандру, общих данных о количестве депортированных цыган нет. Несмотря на усиленную охрану, некоторым из депортированных цыган удавалось сбежать. В декабре 1942 г. был издан закон, согласно которому цыгане, которые попытаются сбежать и вернуться в Румынию, будут приговорены к суровым наказаниям, вплоть до смертной казни³. К сожалению, мы не располагаем данными о том, сколько же цыган погибло и сколько вернулось в Румынию или осталось на территории Транснистрии и Бессарабии.

Как уже указывалось выше, в 1940 г. в связи с территориальными переделами около 170 тыс. лиц немецкой национальности покинуло Румынию, в основном из Северной Буковины, Бессарабии и Добруджи. По договоренности между германским и румынским правительствами, в ноябре 1940 г. в Румынии была создана организация «Группа этнических

¹ Turliuc C. Interwind... P. 89, 93–95.

² Şandru D. Deportarea hăganilor în Transnistria // Arhivele Totalitarismului. Anul Y. N 17 (4/1997). Bucureşti. P. 23–24.

³ Ibid. P. 28–29.

немцев», которая пользовалась особыми привилегиями со стороны румынского правительства. Возглавил организацию назначенный из Берлина этнический немец румынского происхождения Андрас Шмидт. Коммунальная собственность, которая принадлежала ранее этническим немцам, переходила в руки этой организации¹. 12 мая 1943 г. между правительствами Румынии и фашистской Германии была подписана специальная конвенция, по которой румынские граждане немецкой национальности призывались служить в германских войсках СС. К концу войны около 50 тыс. румынских этнических немцев служило в германской армии. В 1944 г. 20 тыс. этнических немцев из Трансильвании и 66 тыс. из Баната бежали вместе с войсками Третьего рейха после их отступления с территории Румынии. Всего же территорию Румынии покинуло около 200 тыс. этнических немцев².

После свержения в Румынии диктатуры И. Антонеску и выхода ее из антисоветской войны произошел кардинальный поворот нового румынского правительства в отношении этнических немцев, граждан Румынии. В августе — сентябре 1944 г. на территории Румынии начались аресты немцев, служивших в войсках Третьего рейха, и руководителей организаций этнических немцев³. По закону, опубликованному в румынском правительственном вестнике 3 января 1945 г., был создан генеральный секретариат по ликвидации собственности, принадлежавшей этническим немцам. Выступая на заседании Совета министров румынского правительства 28 сентября 1944 г., министр юстиции коммунист Л. Патрашкану заявил о том, что собственность «немецкой этнической группы» должна быть продана. Но она должна была быть продана, по его словам, не англичанам, русским или американцам, а румынским гражданам⁴.

В 1945—1946 гг. произошла самая массовая насильственная депортация этнических немцев из Румынии. Немецкое население поголовно обвинялось в сотрудничестве с нацистской Германией и в фашизме, лишалось гражданских прав и подлежало либо выселению, либо депортации на принудительные работы, в том числе в Советский Союз. Интернированию подлежали все этнические немцы: мужчины в возрасте от 17 до 45 лет, а женщины — от 18 до 30 лет. Исключение делалось лишь для матерей, имевших ребенка до 1 года, и лиц, занятых на особо важных промышленных предприятиях. Для интернированных создавались особые лагеря и составлялись списки лиц, подлежащих направлению на принудительные работы. Всего в Советский Союз на принудительные работы было направлено 69 тыс. этнических немцев и 11 тыс. чел. оставлено в Румынии на основании специального ходатайства румынского правительства⁵. Депортация проводилась румынскими властями под контролем советской военной администрации. Как следовало из донесения по ВЧ заместителя наркома внутренних дел А.Н. Апполонова и заместителя начальника внутренних

¹ Baier H. Germanii din România. 1944—1956. Sibiu, 2005. P. 20.

² Turluc C. Interwind... P. 130—191; Baier H. Germanii... P. 9.

³ Şandru D. Plans for Dislocation of the German Peasantry from Romania, 1945 // Totalitarianism archives. National Institutes for the study of totalitarianism. 2002. N 1—2. P. 107.

⁴ Baier H. Germanii... P. 21.

⁵ Baier H. Deportarea etnicelor nemhilor din România în Uniunea Sovietică. Sibiu, 1994. P. 5.

войск НКВД Сладкова наркому Л.П. Берии об интернировании немцев с территории Венгрии и Трансильвании, «операция по изъятию немцев началась с 10 января 1945 года»¹. С этого момента аресты этнических немцев развернулись на всей территории Румынии. Одновременно проводилась тотальная экспроприация и конфискация их имущества. 14 февраля 1945 г. советский представитель при Союзной контрольной комиссии в Румынии сообщил Главному военному представителю США в СКК бригадному генералу К.В.Р. Скайлеру, что «эта операция закончена»².

Закон об аграрной реформе 1945 г. в принципе устанавливал равенство крестьян перед законом независимо от национальности. Исключением являлись лица немецкой национальности. На одном из заседаний Национально-демократического фронта его генеральный секретарь, член Политбюро ЦК Румынской коммунистической партии Василе Лука заявил: «Что касается немцев, то аграрная реформа в отношении них осуществляться не будет, так как большинство из них было изгнано из страны, и мы постоянно имеем скандалы и нерешенные проблемы...» В результате аграрной реформы 95 % этнических немцев, сельских жителей, потеряли свои земли и имущество³.

При проведении аграрной реформы лица румынской национальности полагали, что они имеют привилегии перед другими национальностями, поскольку не только немцы, но и венгры рассматривались как враги румынского государства со ссылкой на то, что «среди венгров находится много сторонников Хорти». Как правило, в селах со смешанным населением в земельные комитеты по проведению аграрной реформы входили румыны. Но даже и в тех селах, где проживало большинство венгров, руководителями земельных комитетов являлись румыны. В одном из сел уезда Бихор румыны выгнали из своих домов венгров-колонистов, т. е. тех крестьян, этнических венгров, которые поселились здесь в 1940–1944 гг., когда Северная Трансильвания входила в состав Венгрии. Крестьяне-венгры по национальности не доверяли даже рабочим, отряды которых были сформированы на предприятиях из румын и которые направлялись в деревню на помощь крестьянам в осуществлении аграрной реформы. Когда в одно из сел Клужской области, с проживающим здесь в своем большинстве венгерским населением, был направлен отряд рабочих-румын, венгры встретили его камнями, палками, вилами и стрельбой. Столкновение привело к жертвам. Имелись убитые и раненые⁴. В период аграрной реформы этнические немцы, обвинявшиеся в коллаборационизме, полностью лишались своих земельных наделов и имущества. Потеряв собственность, часть немцев переселилась в города, но и там они были интернированы. Министр сельского хозяйства Р. Зэрони вообще потребовал выселения этнических немцев из мест их проживания⁵. Депортация немцев из Румынии продолжалась вплоть до 1947 г. В 1947 г. министр внут-

¹ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 92. Л. 41–43.

² Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов / Отв. ред. Т.А. Покивайлова. М., 1998. С. 81.

³ Baier H. Germanii... P. 5.

⁴ Arhivele Naționale ale României (ANR) Fond CC al PCR Cancelarie. Dos. 57/1945. P. 4.

⁵ ANR. Fond Prehidintie Consiliului de Miniștri. Stenogramă. 30 august 1945. P. 109.

ренных дел Румынии Теохари Джорджеску обратился в Союзную контрольную комиссию с просьбой разрешить выселить 2 тыс. лиц немецкой национальности, якобы не имевших румынского гражданства¹. В итоге численность немецкого населения в Румынии сократилась к 1948 г. в 2 раза².

Вопрос о территориальной принадлежности Трансильвании (всей или большей ее части, как было записано в соглашении о перемирии с Румынией, заключенном в сентябре 1944 г. в Москве) не был окончательно решен вплоть до Парижской мирной конференции 1946 г., включившей благодаря настойчивости советского правительства всю Трансильванию в состав Румынии. В ходе ее освобождения Красной армией совместно с частями румынской армии осенью 1944 г. дело дошло до межэтнических столкновений. В освобожденных районах Северной Трансильвании переход к нормальной жизни был прерван насильственными действиями румынских волонтеров (добровольцев), а на самом деле военизированных отрядов румынских националистов, хлынувших на территорию Северной Трансильвании вслед за армией, а также румынских чиновников и жандармерии. Первые сигналы о беспорядках в трансильванских городах и селах, оказавшихся во власти румын, стали поступать еще в конце сентября — октябре 1944 г. К началу ноября беспорядки, вызванные межэтническими стычками, приняли угрожающий размах. Во время переговоров в Москве о предварительных условиях перемирия с Венгрией венгерская делегация, которую возглавлял генерал Ф. Фараго, передала члену Комиссии генерал-лейтенанту Ф.Ф. Кузнецову две вербальные ноты от 14 и 23 октября, в которых содержалась просьба к трем союзным державам (СССР, Великобритании и США) принять необходимые меры к тому, чтобы венгерское население на эвакуированных территориях было спасено от зверств, совершаемых членами румынской организации «Волонтеры», присвоившими себе имя руководителя Национал-Царанистской партии д-ра Юлиу Маниу³. 14 октября 1944 г. представитель советского НКВД в Контрольной комиссии сделал резкое заявление румынскому правительству о том, что «отряды трансильванских “добровольцев” Маниу систематически устраивают провокации и вооруженные столкновения в Трансильвании». 4 ноября 1944 г. министр внутренних дел Румынии признал справедливость заявлений советского представителя о насильственных действиях полувоенных отрядов «гвардии Маниу» в отношении мирного венгерского населения и о резком обострении межнациональных отношений в Северной Трансильвании⁴, а 12 ноября подобные факты были признаны также и вице-премьером правительства Петру Гроза⁵. Безусловно, ссылки на то, что в период хортистского господства в Северной Трансильвании (1940—

¹ ANR. Fond al PCR/Cancelarie. Dos. 57/1947. P. 2.

² Turliuc C. Interwind... P. 131.

³ Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа... С. 163.

⁴ Покивайлова Т.А. Трансильванский вопрос на завершающем этапе Второй мировой войны // Материалы Двусторонней комиссии историков России и Румынии (X Научная конференция. Москва, октябрь 2005 г.). М., 2007. С. 95.

⁵ Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. Документы российских архивов. М., 2000. С. 255.

1944 г.) десятки и сотни румын стали жертвами венгерской оккупационной армии и жандармерии, не могли служить оправданием, и за преступления хортистских властей не должно было расплачиваться мирное венгерское население. 12 ноября 1944 г. маршал Р.Я. Малиновский, командовавший 2-м Украинским фронтом, от имени Союзной контрольной комиссии дал указание правительству К. Санатеску немедленно очистить территорию Северной Трансильвании от румынской администрации. В момент издания распоряжения маршала Малиновского Северная Трансильвания стояла на пороге гражданской войны, которая могла обернуться национальной катастрофой для венгров Трансильвании. В результате межэтнических конфликтов и дискриминационных действий румынских властей Трансильванию покинуло около 125 тыс. венгров. И только в марте 1945 г., когда в Румынии под нажимом А.Я. Вышинского было установлено просоветское правительство, контролируемое румынскими коммунистами, Трансильвания была передана под административное управление румынских властей. Однако и после установления правительства Петру Грозы министр юстиции, коммунист Л. Патрашкану предложил депортировать с территории Румынии 300 тыс. венгров, не имевших румынского гражданства¹. Возможно, румынскому правительству в 1944–1945 гг. был ближе радикальный вариант, осуществленный в Словакии президентом Э. Бенешем, когда мадьяр полностью депортировали в Венгрию, но в отношении трансильванских венгров, как понимали в Бухаресте, этого не допустили бы союзные державы, и прежде всего Советский Союз.

Кроме депортаций представителей национальных меньшинств за пределы Румынии, румынские власти в конце 1940-х — начале 1950-х гг. предприняли попытки выселения этнических групп населения из приграничных районов в глубь страны. Этим преследовалась цель нарушить контакты жителей приграничных районов и пресечь массовый нелегальный переход границ в южном и западном направлениях. Они пытались также изменить национальный облик приграничных районов в пользу титульной румынской нации.

После разрыва советско-югославских отношений, когда в советско-югославский конфликт были втянуты все страны советского блока, румынское правительство пошло на радикальные меры по зачистке пограничной с Югославией румынской территории и переселению румынских граждан сербской национальности в глубь Румынии. Оно приняло решение создать по всей границе с Югославией полосу отчуждения шириной 10–15 км и выселить оттуда все «враждебные элементы». К июню 1951 г. с румыно-югославской границы были выселены 10,5 тыс. семей, или 33 657 чел.²

Итак, как показывает анализ документов, в таких многонациональных государствах, как Румыния, массовые перемещения населения, прежде всего представителей национальных меньшинств: депортации, бегство за границу, насильственные переселения внутри страны — были связаны как с внутренними, так и с внешними факторами, о чем уже говорилось выше.

¹ Там же. С. 412–413.

² АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 39. П. 198. Д. 76. Л. 234.

**ПРОБЛЕМА ДЕПОРТАЦИИ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ К ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ
(по документам российских архивов)**

После «бархатной революции» в Чехословакии и падения коммунистического режима, когда перспектива вступления страны в Евросоюз стала приобретать реальные очертания, вопрос о депортации немецкого населения после Второй мировой войны снова оказался в центре внимания историков. Именно в это время некоторые зарубежные, в том числе чешские, исследователи попытались дать новую оценку деятельности президента Э. Бенеша в годы войны. Основная критика в адрес этого, безусловно, неоднозначного политика концентрировалась теперь на том, что он пошел на заключение договора с СССР в 1943 г., на компромисс с коммунистами и особенно на подписанных им весной — летом 1945 г. декретах, составивших законодательную базу для выселения немецкого населения с территории Чехословакии.

Речь шла прежде всего о переоценке значимости трех декретов: 1) от 19 мая 1945 г., предусматривавшего передачу под национальное управление имущества государственно-неблагонадежных лиц, под который попадали все лица немецкой национальности; 2) от 21 июня 1945 г. о конфискации и ускоренном разделении сельскохозяйственного имущества немцев, венгров, а также предателей и врагов чешского и словацкого народа; 3) от 20 июля 1945 г. о заселении земель немцев, венгров и врагов государства чешскими, словацкими и другими лицами славянской национальности¹. Такой «новый» подход диктовался изменившейся политической реальностью на европейском континенте. Иными словами, в угоду политической конъюнктуре критики пытались голословно опровергнуть утвердившееся в чешской исторической литературе положение о том, что уже в 1939—1940 гг. в окружении Э. Бенеша (его составляли такие политики, как Г. Рипка, Ян Масарик, П. Дртина, П. Смутны, Ш. Осуски и др.) вопрос о судьбах немецкого населения в Чехословакии рассматривался в качестве ключевого при решении проблемы послевоенных границ страны. Еще в конце 1960-х гг. в работах известного чешского историка Яна Кржена и других исследователей этого времени на основании тщательного анализа источников было убедительно доказано, что указанная позиция Бенеша и его сторонников, находившихся в эмиграции в Лондоне, основывалась на постепенном осознании ими того коренного перелома общественно-политических настроений, который произошел в чешском обществе на рубеже 1930—1940-х гг. Причины и истоки его чешские исследователи совершенно обоснованно видели в Мюнхенском соглашении, подписанном в сентябре

¹ См.: Vykoukal J., Litera B., Tejchman M. Vychod, vznik, vyvoj, a rozpad Sovetského bloku 1949—1989. Praha, 2000; Blaive M., Mink G. Benešovy dekrety. Budoucnost Evropy a vyrovnání s minulostí. Praha, 2004.

1938 г. главами правительств Великобритании, Франции, Германии и Италии без участия представителей Чехословакии, которое, по сути дела, санкционировало отторжение в пользу Германии Судетской области, входившей в ЧСР, где проживало немецкое население, и передачи ее в состав Германии. Данный акт предопределил распад Чехословакии. За ним последовали создание под эгидой фашистской Германии Словацкой республики и оккупация чешских земель в марте 1939 г., завершившаяся установлением здесь режима германского протектората.

Определяя суть перелома в настроениях чешского общества, Я. Кржен писал: «Ранее очевидные идейные, психологические и политические разногласия между чехами и немцами после Мюнхена основательно углубились, а после марта 1939 г. ...переросли в фатальный антагонизм. Нацистский режим вызвал жесткую негативную реакцию в общественном сознании чехов»¹.

Власти рейха, как известно, отнюдь не скрывали своих намерений в отношении чешского населения протектората. Уже осенью 1939 г. были развернуты акции по искоренению чешской интеллигенции как носителя национальной духовной жизни, национального самосознания. Закрывались университеты, научные учреждения. Преподавание в школах переводилось на немецкий язык. «Германизация идет очень быстрыми темпами, — сообщалось из протектората в Лондон в октябре 1940 г., — продолжается закрытие средних школ, преднамеренно уменьшается число учеников, количество немецких школ увеличивается, чешские дети принуждаются к посещению немецких школ путем нажима на родителей. Печать и радио исключительно немецкие»². Ликвидировались целые профессии, такие как преподаватели высшей школы, дипломаты, сокращалось число юристов, школьных учителей, журналистов. Лишенные средств к существованию они направлялись властями на физические работы. В Праге 60 % мужчин-учителей были отправлены на строительство туннелей. Учителя из других областей призывались в имперскую строительную организацию Тодта³.

Одновременно активно разворачивалась акция по созданию в чешских землях «немецкого среднего сословия», в рамках которой властями было организовано переселение немецкого населения из рейха в протекторат. Курс на германизацию чешских земель был настолько откровенен, что в чешской среде в 1940 г. стало известно о разработке планов переселения чехов после войны в Россию с целью завершения полной германизации территории протектората⁴.

Все эти акции сочетались с крайне агрессивной политикой германского финансово-промышленного капитала по освоению экономического потенциала оккупированных чешских земель. Этот курс, как показывает документальный материал, был взят германскими монополиями еще с середины 1930-х гг., когда тень свастики только начинала сгущаться над

¹ Jan Krěn. V emigraci. Zapadni zahranični odboj 1939–1943. Praha, 1964. S. 44.

² Dokumenty z historie ceskoslovenské politiky 1939–1943. Praha, 1966. T. 2. S. 578.

³ Мурашко Г.П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 25.

⁴ Jan Krěn. V emigraci... S. 446.

странами Центральной Европы. Уже тогда крупнейшие германские концерны, такие как «И.Г. Фарбениндустри», «Герман Геринг» и др., при поддержке министерства экономики рейха активно стали осуществлять перекупку акций предприятий и банков, действовавших в Чехословакии. К концу 1938 г. германские концерны обеспечили себе значительную долю участия в таких крупнейших предприятиях страны, как «Шкодовские заводы», «Витковицкие заводы», находившиеся в руках Ротшильда, химические заводы «Эксплозия» и «Синтезия», где господствовал английский капитал. Был установлен контроль над Чешским угольным бассейном. После оккупации страны и установления протектората возможности обеспечения участия германских монополий в крупнейших акционерных банках и финансовых концернах Чехословакии существенно расширились: вступала в действие система «кредитной помощи рейха»¹.

В целом за период оккупации через систему «ариизации», конфискации собственности чехословацкого государства посредством перекупки акций и введения системы «опекунства» над собственностью стран, находившихся в состоянии войны с Германией, доля германского капитала в экономике протектората с 1938 по 1945 г. возросла более чем в 10 раз².

Складывавшаяся ситуация, естественно, не могла не вызывать ответной реакции в разных слоях чешского общества в виде роста антинемецких настроений. Об этом наглядно свидетельствовала информация, поступавшая из протектората в канцелярию Э. Бенеша в Лондоне уже в октябре 1939 г.: «Ненависть к немцам сильнее, чем прежде... Общее представление о возможности примирения с немцами (в рамках старых границ) сегодня весьма отрицательное. Кажется, что Гитлер утратил всякую возможность для примирения. Значительное уменьшение численности немцев является общим требованием. Никогда прежде у нас не было такой ненависти».

Одновременно наблюдался и начинающийся в общественном сознании поворот влево. «Все слои мечтают о новой, свободной, подлинно демократической жизни, освобожденной от пут партийного механизма, диктатуры, клик, эксплуатации. Мечтают о том, что новый путь будет отличаться от старого, к которому нет возврата... У нас люди в подавляющей массе желают лучшей социальной организации, чем была раньше, и часто в народе говорят о национализации шахт, новой земельной реформе, ограничении крупной тяжелой промышленности, о передаче банков государству»³, — сообщалось в Лондон.

Требование радикальной чистки от немецкого населения стали выдвигать уже в 1939—1940-е гг. различные некоммунистические группы чешского сопротивления, складывавшиеся в стране, такие как «Защита нации», действовавшая в среде высшего офицерства распущенной чехословацкой армии, «Политический центр», объединявший представителей партий домюнхенской партийной коалиции, Петиционный комитет «Верными останемся», вокруг которого группировались противники восстановления прежних, домюнхенских, порядков. В своих программных

¹ Подробно эти сюжеты см.: Мурашко Г.П. Политическая борьба в Чехословакии... С. 17—24.

² Brandes D. Die Tschechen unter dem deutschen Protektorat. München, 1971. T. 2. S. 38.

³ Dokumenty z historie československé politiky 1939—1943. S. 572, 574.

установках о принципах будущего общественного устройства они существенно расходились, но всех их объединяло общее требование — радикальная чистка послевоенного государства от немецкого населения и восстановление исторических границ страны.

Оценивая ситуацию, складывающуюся в протекторате, Ян Кржен, на наш взгляд, совершенно правильно определил ее главную специфику: гнев, вызываемый в чешском обществе растущим немецким террором и понимание собственной беспомощности, стали приобретать форму своеобразного, антинемецкого реваншизма, доходящего до шизофрении. В качестве примера он приводит одну из листовок 1939—1940 г. «В обновленной республике для нас больше не будет судетского вопроса и немецкого меньшинства... Не может быть никакого снисхождения для диких зверств, которыми немцы оправдывают себя, им нет никакого прощения, с ними нельзя жить мирно... В нашей будущей республике мы с корнем вырвем немецкий элемент!»¹

Однако проведенные к настоящему времени исследования показывают, что чехословацкие политики, находившиеся в эмиграции в Лондоне, в 1939—1940 гг., по-видимому, не были готовы к такой радикальной постановке вопроса². Э. Бенеш весьма осторожно в этот период ставил вопрос о восстановлении домюнхенских границ, и, как ранее подчеркивал в своем фундаментальном исследовании Ян Кржен, нет никаких свидетельств, что он предпринимал какие-либо конкретные усилия «по исключению» немецкого элемента из будущего чехословацкого государства³.

Лишь в 1941 г., после нападения Германии на СССР, позиция Бенеша по немецкому вопросу стала обретать более четкие антинемецкие контуры. Так, выступая с обращением к чехословацким солдатам в Англии 27 сентября 1941 г., он следующим образом разъяснил свою позицию: «Нет сомнения, что немцев у нас будет меньше. Почти 90 % из них провинились, и из этого следуют некоторые выводы. Ко мне приходили немецкие демократы с проектом решения немецкого вопроса. Я не вел с ними переговоров по этому вопросу, поскольку не имею права... Приходили и другие и говорили, что мы должны всех немцев выгнать. Я спросил их, как это сделать, они замолчали. Поживем и увидим. Мы не одни на свете, и решение этой проблемы принадлежит не только нам. За то, каким это будет решение, предстоит борьба и результат не зависит от нас. Мы должны хорошо изучить общественное мнение в Англии, где идет сложная борьба двух направлений. В этом вопросе важна и позиция Америки. Россия также сформулировала свою позицию, заявив, что настаивает на самоопределении народов и мы должны это учитывать»⁴.

Для понимания позиции Э. Бенеша, на наш взгляд, представляют интерес некоторые документы, хранящиеся в фондах АВП РФ, в частности дневниковые записи активного соратника Э. Бенеша Г. Рипки, который стал министром иностранных дел временного правительства Чехословакии

¹ Jan Kržen. V emigraci... S. 448.

² См., напр.: **Марьина В.В.** Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш — политик и человек. 1884—1948. М., 2013. С. 259—276.

³ Jan Kržen. V emigraci... S. 453.

⁴ Ibid. S. 462.

в эмиграции, созданного в Лондоне в 1940 г. Хронологически они охватывают период с февраля 1942 г. по январь 1945 г.¹ Знакомство с этими записями показывает, что основные вопросы, обсуждавшиеся Г. Рипкой с советскими дипломатами, касались трех проблем: восстановления Чехословакии в домюнхенских границах, создания польско-чехословацкой конфедерации и перемещения немцев за пределы Чехословакии. Богомолов, как посол СССР при эмигрантских правительствах в Лондоне, беседуя 4 июля 1942 г. с Г. Рипкой, предположил: «Вы очевидно будете иметь трудности с судетскими немцами?» Ответ Рипки несет большую смысловую нагрузку: «Я сказал, что это правильно, что он [Богомолов] смотрит на это дело как на нашу внутреннюю проблему, но я все же полагаю, что советская сторона будет нас поддерживать в нашем стремлении, чтобы после войны число немцев сократилось до минимума. Богомолов пошутил, не будем ли мы требовать, чтобы какой-нибудь миллион немцев взяла Россия? Богомолов вспомнил шутку президента, что судетские немцы могут отправляться куда-нибудь в Сибирь. Я сказал Богомолову, что мы не смотрим на это только с узко-национальной или националистической точки зрения. Мы хотим избавиться от чешских немцев, которые были носителями пангерманизма от прошлого века до Гитлера. Это значит, что вся немецкая буржуазия, вся немецкая интеллигенция, значительная часть националистически настроенных немецких крестьян, значительная часть поддавшихся нацизму рабочих должны быть выселены. Меня удивило, что Богомолов с этим живо согласился».

Советская позиция, зафиксированная в дневнике Рипки, сводилась к тому, что чехословацкая сторона может рассчитывать на полное понимание и поддержку советского правительства, но с одной оговоркой: «об этом следует говорить позже, когда это будет актуально»². В ходе беседы советский дипломат упомянул и Польшу. «Советы на имеют ничего против, если бы Польша расширилась за счет неприятеля, но польское правительство должно по-другому относиться к Советскому Союзу»³. Этот разговор свидетельствовал о том, что чехословацкая сторона, рассматривающая проблему выселения немцев как свою внутреннюю, пыталась заручиться поддержкой СССР. Советская же сторона уже на том этапе (1942 г.) пыталась придать этой проблеме более широкое международное звучание.

Как показали дальнейшие события, тенденция обеспечить международную поддержку идее «переселения немцев» получила развитие в активных внешнеполитических действиях Э. Бенеша, в частности в ходе переговоров с Ф. Рузвельтом в 1943 г., где было достигнуто взаимопонимание: Бенеш получил заверение, что США считают Мюнхенское соглашение «аннулированным и недействительным»⁴.

¹ АВР РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 14. П. 147. Л. 4–235. Записи бесед Г. Рипки с А.Е. Богомоловым, Ф.Т. Гусевым, И.И. Майским были найдены в кабинете Г. Рипки после его отставки в феврале 1948 г. и отправлены в Москву.

² Там же. Л. 19–20.

³ Там же. Л. 22.

⁴ См.: **Марьяна В.В.** Второй президент Чехословакии... С. 364. К сожалению, в этой весьма интересной работе проблема депортации немецкого населения и поиски ее решения чехословацкими политиками, в том числе Э. Бенешем, оказалась автором по непонятным причинам обойдена.

На переговоры в Москву в декабре 1943 г. среди прочих документов о будущем устройстве Чехословакии Бенеш привез уже специальный меморандум, озаглавленный «О трансфере немцев». Именно тогда состоялась его встреча с И.В. Сталиным. О ее содержании мы можем судить опосредованно. В Российском государственном архиве социальной и политической истории (РГАСПИ) есть запись беседы Э. Бенеша с представителями чехословацкой коммунистической эмиграции в Москве. В ходе ее Бенеш, ссылаясь на свою встречу со Сталиным, поставил вопрос о судьбе немцев в послевоенной республике. В своей позиции он исходил из того, что поражение Германии дает единственную историческую возможность радикально очистить государство от немецких элементов. «Будущая республика должна быть государством чехов, словаков и закарпатских украинцев. Она должна быть государством славянской нации. Из Чехословакии должны быть обязательно удалены все немецкие учителя, профессора, эсесовцы, гестаповцы, члены гитлерюгенда, все активные участники генлейновского движения и вся немецкая буржуазия, все богатые немцы... Мероприятия национального характера и мероприятия против богатых немцев дадут возможность осуществить радикальные экономические и социальные мероприятия в чешских областях...»¹. Последняя фраза была явным ответом правительства в эмиграции на нараставшие в чешском обществе требования социальных перемен. Если судить по этой информации, то Сталин не возражал против поставленного в таком ключе вопроса о выселении немцев из Чехословакии.

Вместе с тем запись беседы Бенеша с представителями КПЧ в 1943 г. свидетельствует о наличии и других подходов к практическому решению проблем перемещения немецкого населения за пределы страны. Коммунисты считали, что в этом деле нужна несколько иная тактика действий и предлагали «сначала лишить гражданства всех немцев, а затем судетские немцы должны получить право сами выбирать, хотят ли они быть гражданами Германии или Чехословакии. Но давать судетским немцам чехословацкое гражданство можно только в индивидуальном порядке»². Различались позиции и по вопросу о наказании военных преступников из числа судетских немцев. Коммунисты считали тогда, что наказание следует применять исходя не из национального принципа, а «из обвинения их [судетских немцев] в действиях, направленных против демократии, республики, человечности»³.

Однако к весне 1945 г. позиции коммунистов и сторонников Э. Бенеша по этому вопросу постепенно сблизились, что собственно и нашло свое отражение в Программе Национального фронта чехов и словаков, в которой было записано, что Чехословацкая республика является государством двух этнически родственных народов — чехов и словаков. Такая эволюция, по-видимому, объяснялась воздействием растущих анти-немецких настроений в чешском обществе и ориентацией руководства КПЧ на активное участие коммунистов в решении общенациональных задач.

¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 59.

² Там же. Л. 59.

³ Там же.

К этому времени чехословацкие политики — от Бенеша до Готвальда — уже отнюдь не рассматривали проблему переселения немцев только как внутреннее дело Чехословакии. Они активно работали над превращением ее в международную проблему, подключив сюда и вопрос переселения венгров с территории Словакии. Из дневника Г. Рипки видно, что еще в беседе с Ф.Т. Гусевым 21 декабря 1944 г. чешская сторона ставила вопрос о необходимости признания чехословацких «формул» переселения немцев и венгров международными. На вопрос советского посла о том, считает ли чехословацкая сторона целесообразным включить проблему выселения немцев и венгров в условия капитуляции Германии или это следует отложить до мирных переговоров, Рипка ответил, что его правительство настаивало бы на немедленном, еще до капитуляции Германии и Венгрии, включении чехословацких условий переселения и на осуществлении его сразу же после капитуляции»¹.

Чем вызвана такая настойчивость чешских политиков? Здесь, думается, важны два принципиальных момента, отмеченные Рипкой. Первый — «Совершенно ясно, что немцы будут нашим населением немедленно изгнаны»; второй — «У меня есть опасения, что если решение этого вопроса будет растянуто, то в британской общественности наступит реакция растущего сопротивления»².

Как показало дальнейшее развитие событий, оба эти опасения имели реальные основания. В марте 1945 г. в беседе В.М. Молотова с Э. Бенешем по вопросу о послевоенных границах Чехословакии и переселении немецкого и венгерского населения Бенеш информировал советскую сторону о том, что согласие английской стороны на выселение немцев «было сделано устно, письменно сформулировать это заявление англичане колеблются. Опасения англичан сводятся к тому что: а) это касается не только Чехословакии, но и Польши, причем этот вопрос затрагивает переселение 7–8 млн немцев; б) не известно, куда пойдут немцы из Чехословакии и Польши, ибо намечены 4 зоны оккупации Германии и неизвестно в какой из зон могут быть расселены выселяемые немцы»³.

Эта информация Бенеша получила подтверждение в письме посла Великобритании в СССР А. Кларка Керра В.М. Молотову. В нем выражалась крайняя озабоченность правительства Великобритании в связи с намерениями Э. Бенеша по приезду в Прагу сделать публичное заявление о переселении немецкого меньшинства из Чехословакии. «Мое правительство, — писал Кларк Керр Молотову, — весьма желает, чтобы президент Бенеш не предпринимал радикальных и преждевременных действий, которые могли бы осложнить проблемы, которые придется рассматривать нашим правительствам в связи с Германией»⁴.

«Реакция сопротивления» со стороны западных держав в вопросе о переселении немецкого населения, ожидаемая чешскими политиками, в полной мере проявилась на конференциях в Ялте и особенно в Потсдаме

¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. Д. 14. П. 147. Л. 56.

² Там же.

³ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. М.; Новосибирск, 1997. Т. 1: 1944–1948. С. 175.

⁴ Там же. С. 182.

в 1945 г., где У. Черчилль и Г. Трумен, не отрицая необходимости выселения немцев как из Чехословакии, так и из Польши, пытались несколько притормозить процесс депортаций. Их мотивировка сводилась к тому, что западное общество «пугает мысль о выселении большого количества немцев» и что прибытие их в Германию «в огромной степени увеличит тяжелое бремя, лежащее на оккупируемых странах»¹. На основе решений, принятых в Потсдаме Союзный контрольный совет по Германии в ноябре 1945 г. утвердил план перемещения в течение трех лет немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии. В соответствии с этим планом из Чехословакии предстояло депортировать в различные зоны оккупации Германии около 3 млн чел.²

Однако материалы российских архивов, раскрывающие общественную атмосферу, сложившуюся к весне 1945 г. в Чехословакии, убедительно свидетельствуют, что именно антинемецкие настроения, охватившие все широкие слои чешского общества, стали тем определяющим фактором, который диктовал чешским политикам необходимость форсировать выселение немецкого населения. Уже в марте 1945 г. в беседе с В.М. Молотовым Э. Бенеш настойчиво обращал внимание собеседника на то, что без трансфера немцев из Чехословакии обществу угрожает гражданская война³. Отнюдь не случайно 12 мая 1945 г., сразу после возвращения из эмиграции, Бенеш как президент страны вопреки позициям западных союзников делает в Кошице заявление о том, что все немцы и венгры будут выселены⁴.

Чем же обуславливалась такая жесткая позиция главы возрожденного Чехословацкого государства? Думается, что ответ на этот вопрос во многом могут дать документы российских архивов. Они, на наш взгляд, весьма реально отражают настроения, царившие в чешском обществе весной 1945 г. Особый интерес в этом плане представляет информация, поступавшая в ПУ РККА из политотделов воинских подразделений нашей армии, находящихся на территории Чехословакии. В качестве примера можно привести политдонесение начальника политотдела 4-й танковой армии Первого Украинского фронта гвардии полковника Кладового «Об отношении чехословацкого населения к немцам».

Документ датирован 18 мая 1945 г. и заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. «За время пребывания в Чехословакии, — сообщает Кладовой, — бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных подчас довольно странных, необычных для нас формах»⁵. Далее следует описание 25 случаев расправы чешского населения с немцами. Вот несколько фрагментов из этого документа. «В районе гостиницы гор. Прага чехословацкие патриоты, собрав

¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании 17 июня — 2 августа 1945 г. М., 1980. С. 476.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 884. Л. 113.

³ Там же.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов... С. 175.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161.

группу до 30 немцев, принимавших участие в подавлении восстания, заставили их лечь на дорогу лицом вниз, каждого из них, кто пытался поднять голову, избивали палками. Продолжалось это в течение 40 минут. После чего немцы были выведены за город и там сожжены на кострах... Встречая наши передовые танки чехи на центральной улице г. Прага выстроили большую группу немцев, предварительно нарисовав на лбу каждого из них фашистскую свастику. При подходе танков заставили немцев встать на колени, а затем лечь лицом вниз. ...В районе техникума жители города, раздев 15 немцев и вымазав их краской, заставили работать по исправлению мостовой при большом скоплении народа. После этого немцы были выведены за город и расстреляны... На восточной стороне города в одном из дворов было расстреляно до 100 немцев. Расстрел производили в одиночку из мелкокалиберной винтовки... На улице Народная в течение 9, 10 мая можно было нередко видеть, как чешские патриоты избивали немцев палками, обливали холодной водой и применяли другие пытки. На этой же улице 5 немцев в форме СС были поставлены на колени, на головах у каждого из них лежало по камню. К этим немцам поочередно подходили дети, женщины, мужчины и, ударя палкой по камням, лежавшим на голове, провозглашали "Хайль Гитлер"... В селе Лушка с приходом наших частей чехи выгнали всех проживавших здесь немцев (290 чел.), а оставшееся их имущество конфисковали... В гор. Рыжичаны все ранее проживавшие немцы были согнаны в одно место. У каждого из них чешские патриоты выстригли на голове по клочку волос и после этого под конвоем отправили в Германию... Все эти факты не единичны. Почти в каждом случае в расправе над немцами принимало участие много населения»¹. «Злоба и ненависть к немцам настолько велика, — заключал гвардии полковник Кладовой, — что нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»².

Очевидно, что именно атмосфера общей ненависти к немцам продиктовала новой власти необходимость немедленных реальных шагов по началу депортации немецкого гражданского населения в Германию. Уже 14 июня 1945 г. в Москву по линии НКВД поступило сообщение с грифом «сов. секретно» о начале перехода через чехословацко-германскую границу первых групп депортируемых. «Москва, НКВД — тов. Берия Л.П. В управление комендатуры фронта поступили данные, что на границе Германии с Чехословакией в г. Алтенберг (южнее гор. Дрезден) переходят большие группы немцев, выселяемых из Чехословакии, при этом имеется много случаев самоубийств.

Посланной на место группой оперативников установлено, что чехословацкое правительство вынесло постановление, согласно которому все немцы, проживающие в Чехословакии, обязаны немедленно выехать в Германию.

Местные органы власти в связи с постановлением объявляют немцам, чтобы они в течение 15 минут собирались и выезжали в Германию. На

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161–163.

² Там же. Л. 163.

дорогу разрешается взять с собой 5 марок. Никаких личных вещей и продовольствия брать не разрешают.

Ежедневно в Германию прибывает из Чехословакии до 5000 немцев, большинство которых женщины, старики, дети. Будучи разорены и не имея перспективы на жизнь, некоторые из них кончают жизнь самоубийством, вскрывая бритвой вены на руках.

Так, например, 8 июня районный комендант зафиксировал 71 труп со вскрытыми венами. Серов»¹. С этим документом были ознакомлены И.В. Сталин, В.М. Молотов и Г.М. Маленков.

Реакция советской стороны на начавшуюся в Чехословакии депортацию немецкого населения была однозначной, о чем ясно свидетельствовала состоявшаяся 28 июня 1945 г. беседа И.В. Сталина с премьер-министром Чехословакии Зд. Фирлингером. На вопрос Фирлингера: «Как быть с выселением немцев и венгров из Чехословакии?» последовал категорический ответ Сталина: «Мы мешать вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими»².

Итак, круг замкнулся. Жестокие методы начавшейся депортации немецкого населения не вызывают сомнений. При этом совершенно очевидны не только причины, обусловившие «ускоренные» темпы начавшегося выселения со стороны новых чехословацких властей, но и насильственный характер проведения этой акции. Безусловно, что во многом насилие явилось ответной реакцией на нацистскую политику в протекторате. Но резонно задать вопрос: нашлась ли бы весной и летом 1945 г. в Чехословакии среди всех вышедших на послевоенную политическую арену такая партия, которая решилась бы поставить вопрос о замедлении темпов переселения немецкого населения или смягчении методов его проведения? Думается, что ответ будет отрицательным. Для партий, объединившихся в Национальном фронте чехов и словаков, идея выселения немцев и венгров, получившая поддержку «Большой тройки» (что воспринималось в общественном сознании как гарантия новых послевоенных границ возрожденного государства), становилась одной из важных национальных скреп. Э. Бенеш как реальный политик хорошо понимал это. Однако дальнейшее развитие страны показало, что воздействие этой идеи на чешское общество было фактором временным.

Ю.И. Шаповал

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПОЛЬСКОГО И УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1944–1947 гг.

Для начала следует констатировать, что польско-украинским переселением 1944–1947 гг. исследователи уделяют значительное внимание. Имеющиеся на сегодня труды по этой теме можно условно разделить на две основные группы.

¹ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 223.

² Там же. С. 232.

Принадлежность к *первой группе* определяется тем, на документах каких архивов они подготовлены: украинских или польских. Характеристика *второй группы* публикаций определяется собственно аспектом вопроса, которому они посвящены: переселению украинцев из Польши в УССР или поляков из Украины в Польшу в 1944–1946 гг., переселению украинцев на польскую территорию в рамках акции (операции) «Висла» в 1947 г., сопротивлению переселению со стороны украинского и польского подполья и т. п.

В силу определенных причин польская историография традиционно уделяла больше внимания переселениям поляков с территории УССР в Польшу, а также проблеме борьбы карательных органов и частей Войска Польского с Украинской повстанческой армией (УПА).

Вместе с тем в украинской историографии (в том числе исследователями украинского происхождения, проживавшими за пределами Украины) более детально разрабатывались вопросы, связанные с переселением украинцев из Польши в УССР в 1944–1946 гг., а также из юго-восточных воеводств страны на «возвращенные земли» (Ziemie Odzyskane) в 1947 г. В последние годы появились труды, основывающиеся на документах польских и украинских архивов (плюс российских) и охватывающие весь комплекс проблем, связанных с переселениями 1944–1947 гг.

Длительное время одним из наиболее весомых трудов по названной проблематике считалась книга А. Щесняка и В. Шоты «Дорога в никуда»¹. На значительном архивном материале авторам впервые удалось представить панораму деятельности Организации украинских националистов (ОУН) и УПА, действовавших на территории юго-восточных воеводств Польши, в частности во время переселений 1944–1947 гг. и проведения акции «Висла» 1947 г., а также отобразить военную и политическую борьбу Управления безопасности, внутренних войск и подразделений Войска Польского с украинским подпольем.

Среди трудов по проблеме переселений польского населения из Советского Союза, появившихся в польской историографии на протяжении 1980-х гг., безусловного внимания заслуживает работа Я. Чернякевича, который предпринял попытку определить объемы миграционного процесса репатриированных поляков с установлением их демографической, социальной, профессиональной и других структур².

С начала 1990-х гг. в связи с возможностью доступа к целому корпусу польских, украинских и российских документов, хранившихся в спецфондах под грифом «Совершенно секретно», проблематика переселений привлекла к себе более пристальное внимание как польских, так и украинских исследователей. Предметную основу для анализа процессов, связанных с выселением украинцев из Польши в УССР в 1944–1946 гг., а также в рамках акции «Висла» 1947 г., дала осуществленная Евгением Мисило публикация документов из многих польских центральных и воеводских архивов

¹ Szczesniak A.B., Szota W.Z. Droga do nikąd. Działalność organizacji ukraińskich nacjonalistów i jej likwidacja w Polsce. Warszawa, 1973.

² Czerniakiewicz J. Repatriacja ludności z ZSRR 1944–1948. Warszawa, 1987; Йоро ж. Преміщення Полaków і Зидов на Кресач Вшходних II Рзeczyсполитей в ЗСРР 1939–1959. Warszawa, 1991.

(с учетом небольшого тиража, а также определенных языковых барьеров для украинского читателя книга была переиздана на украинском языке)¹.

Заслужой этого польского исследователя украинского происхождения является также фундаментальная статья, предшествовавшая изданным документам. Она не только детально знакомит с самой сутью представленных в документах проблем, но и предоставляет возможность увидеть авторскую точку зрения по этим проблемам. Как справедливо отмечает Е. Мисило, над исследованиями новейшей истории польско-украинских отношений «много лет тяготел балласт воспоминаний периода войны и первых послевоенных лет. От тех событий минуло почти столетия. Этого достаточно, чтобы молодое поколение, не отягощенное личным опытом, могло начать детальную дискуссию о совместном прошлом. Проблема очищения истории от лжи, замены упрощенных ярлыков и суждений внимательным историческим знанием одинаково касается как поляков, так и украинцев. Рано или поздно она становится одним из важнейших факторов формирования польско-украинского диалога»².

Том «Акція «Висла»» содержит 241 документ, причем большую часть материалов составляют документы оперативной группы «Висла», созданной для осуществления выселения и ликвидации украинского подполья. Остальные документы исходят из центральных и местных политических, военных и административных институций, ангажированных для участия в этой операции. Кроме того, Е. Мисило дает обширные комментарии к документам и биографический материал. При участии этого исследователя канадским издательством «Летопись УПА» было подготовлено отдельное документальное издание, посвященное деятельности Военного суда оперативной группы «Висла»³.

Пробел в публикации документов из украинских архивов по проблематике переселений значительно восполнил профессор Владимир Сергийчук⁴. В составленных им документальных сборниках содержатся преимущественно материалы из Центрального государственного архива общественных объединений Украины, а также из Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. Упомянутые публикации снабжены краткими предисловиями, в которых отражен авторский взгляд на проблему переселений. Значительная часть изданных архивных материалов отражает также реакцию украинского и польского вооруженного подполья на принудительные переселения.

Следует отдать должное и тем исследователям, которые выявили в фондах российских архивов и ввели в научный оборот документы и ма-

¹ Акція «Wisła» / Dokumenty opracował E. Misilo. Warszawa, 1993; Акція «Вісла». Документи / Впорядкування і редакція Євгена Місила. Львів; Нью-Йорк, 1997; Misilo E. Repatriacja czy deportacja. Przesiedlenie ukrainców z Polski do USSR (1944–1946). Warszawa, 1996. Т. 1: Dokumenty 1944–1945; 1999. Т. 2: 1945–1946.

² Акція «Вісла». Документи / Впорядкування і редакція Євгена Місила. С. 7.

³ Літопис Української Повстанської Армії. УПА в світлі польських документів. Кн. 1: Військовий суд Оперативної Групи «Вісла» / Опрац. Є. Місило. Торонто, 1992. Т. 22.

⁴ Сергийчук В. Трагедія українців Польщі. Тернопіль, 1997; Його ж. Десять буремних літ. Західноукраїнські землі у 1944–1953 роках. Нові документи і матеріали. Київ, 1998; Його ж. Депортація поляків з України. Невідомі документи про насильницьке переселення більшовицькою владою польського населення з УРСР в Польщу в 1944–1946 роках. Київ, 1999.

териалы, касающиеся проблемы переселений. В трудах этих авторов впервые осуществлена попытка детально осветить механизм репрессивно-карательной системы в Украине и, в частности, в борьбе против украинского национально-освободительного движения во время переселений населения в 1944–1947 гг.¹

Институт украиноведения им. И. Крипякевича Национальной академии наук Украины во Львове на протяжении нескольких лет осуществляет издание документов, воспоминаний и других материалов о репрессиях, депортациях, переселениях периода Второй мировой войны. В одном из таких изданий освещаются важные аспекты истории «советизации» Западной Украины, а также принудительного выселения украинцев из Закерзонья². Весомость данного издания, помимо прочего, заключается в том, что в нем впервые представлены в совокупности документы и материалы из польских, украинских и российских архивов.

После того как открылась возможность работать с недоступными ранее архивными документами, активизировалась подготовка монографических работ³. Их авторы, демонстрируя хорошее знание предмета исследований, ставят много вопросов, важных для всестороннего понимания проблемы переселений. Например о том, в какой степени наличие украинского (ОУН и УПА) и польского вооруженного (Армия Крайова — АК) подполья, а также их борьба с коммунистической властью и между собой (а в любом случае больше всего страдало гражданское население), явилось причиной переселенческих акций 1945–1947 гг.? Ведь внешне планы советского и польского руководства выглядели лишь как искреннее стремление положить конец взаимному террору, ликвидировать дестабилизирующие факторы и нормализовать обычную жизнь. Украинские и польские историки, основываясь на архивных источниках, приводят также важные статистические данные о количестве украинского населения, эвакуированного из Польши, и польского населения, переселенного из Украины.

В некоторых монографических работах прослеживается стремление проанализировать ход переселений и реакцию на них местного населения (в том числе подполья) по конкретным местностям⁴. При этом для характеристики процессов 1940-х гг. наиболее удачным представляется термин «трансфер», т. е. взаимообмен населением со сменой гражданства на основании межгосударственных соглашений. Много внимания уделено и анализу процессов оседания населения на новых землях. Этой проблеме

¹ Бугай М. Депортації населення з України (30–50-ті рр.) // Український історичний журнал. 1990. № 10; Його ж. За повідомленням НКВС СРСР... (Про депортацію населення України у 30–40-х роках). Київ, 1992; Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. 1917–1953. Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: У 2 кн. Київ, 1994.

² Депортації. Західні землі України кінця 30-х — початку 50-х років. Документи, матеріали, спогади: У 3 т. / Відповідальний ред. Ю. Сливка. Львів, 1996, 1998. Т. 1–2.

³ См., напр.: Ciesielski S., Hryciuk I., Srebrakowski A. Masowe deportacje radzieckie w okresie II wojny swiatowej. Wroclaw, 1993; Буцко О. Украина — Польша: Миграционные процессы 40-х гг. Киев, 1997.

⁴ Гайдай О., Хаварівський Б., Ханас В. Хто пожав «Бурю»? Армія Крайова на Тернопіллі 1941–1945 років. Тернопіль, 1996; Ткачов С. Польсько-український трансфер населення 1944–1946 років. Виселення поляків з Тернопілля. Тернопіль, 1997.

посвятили свои труды как польские, так и украинские эмигрантские исследователи¹.

К 50-летию акции «Висла» издательством Объединения украинцев в Польше был подготовлен сборник воспоминаний об украинских селах и местечках на территории Бойкивщины, Лемкивщины, Надсяння, Подляшья и Холмщины, уничтоженных в ходе данной акции Войском Польским весной и летом 1947 г. Составитель книги Богдан Гук стремился дать выразительный образ этой трагедии на всех упомянутых землях. Поэтому сборник вышел как первый том многотомной издательской серии «1947». Материалы издания отражают состояние национальной памяти переселенцев через столетия после акции «Висла», а также представляют собой источник для исследований истории украинских земель в составе пред- и послевоенного польского государства².

Среди трудов, изданных в Польше, следует выделить работу под редакцией Й. Фариша и Й. Йекеля «Акція “Висла” на фоне польско-українських відносин»³, а также книгу «Акція “Висла”» под редакцией Я. Писулинского⁴. Обе упомянутые книги также основаны на материалах конференций, посвященных акции «Висла».

Следует вспомнить и о серии семинаров «Польша — Украина: трудные вопросы», организованной по инициативе Всемирного объединения воинов АК и Объединения украинцев в Польше. Тексты выступлений и стенограммы дискуссий в рамках семинаров были изданы в десяти томах⁵. Особенно важен восьмой том издания, посвященный собственно акции «Висла».

Перспективным направлением исследований должна стать тема, которой коснулись в своем труде польские исследователи Г. Мотыка и Р. Внук, а именно — попытки сотрудничества украинского и польского подполья в годы войны и после ее завершения⁶. Как вполне резонно отмечают авторы, принятые в некоторых местностях юго-восточной Польши на протяжении 1945–1947 гг. соглашения о сотрудничестве в борьбе против коммунистической власти не могли повлиять на общую ситуацию. Однако эти соглашения сохранили жизнь многим жителям украинских и польских сел. Книга дает возможность по-новому посмотреть на проблему переселений и сопротивления им со стороны украинских и польских военных формирований.

¹ Lach S. Osadnictwo ludności ukraińskiej na Ziemiach Odzyskanych po drugiej wojnie światowej: Referat wygłoszony na sesji naukowej akcji «Wisła». Szczecin, 1992; Pudło K. Dzieje lemków po drugiej wojnie światowej. Zarys problematyki // Lemkowie w historii i kulturze Karpat / Pod red. S. Czajkowskiego. Rzeszów, 1992; Zabrowarny S. Ukraińcy na Pomorzu Zachodnim w latach 1947–1956 // Ukraińcy w Polsce. Poszukiwania s odkrycia. Koszalin, 1992; Drozd R. Droga na Zachód. Osadnictwo ludności ukraińskiej na ziemiach zachodnich s północnych Polski w ramach akcji «Wisła». Warszawa, 1997; Трухан М. Українці в Польщі після другої світової війни, 1944–1984. Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1990.

² 1947. Пропамятна Книга / Зібрав та до друку зладив Б. Гук. Варшава, 1997.

³ Akcja «Wisła» na tle stosunków polsko-ukraińskich w XX w. / J. Faryś, J. Jekiel. Szczecin, 1994.

⁴ Akcja «Wisła» / Red. Jan Pisuliński. Warszawa, 2003.

⁵ Polska — Ukraina: Trudne pytania. Warszawa, 1997–2003. T. 1–10.

⁶ Motyka G., Wnuk R. Pany s rezuny. Wspolpraca AK-WiN i UPA 1945–1947. Warszawa, 1997.

Судьбам переселенных украинцев посвятили свои публикации И. Га- лагида, Р. Дрозд, М. Гейгер¹. Вопросы, касающиеся акции «Висла», освещал в своей книге «Поляки и украинцы» Р. Тожецкий².

Проблема оценок акции «Висла», возможно, более всего разделяет польских исследователей. По мнению одних, в частности Збигнева Пальского и Евы Семашко, следует рассматривать эту акцию сквозь призму антипольской деятельности УПА. Они считают, что ее можно было остановить исключительно путем принудительного переселения украинского населения. Поэтому переселения были неизбежными, осуществлялись в гуманных условиях, а украинцев переселяли на земли с более высоким цивилизационным уровнем развития³. Согласно мнению других исследователей, в частности Тадеуша Анджея Ольшанского, Богдана Скарадзинского, Гжегожа Мотыки, для ликвидации УПА не обязательно было прибегать к переселениям. В связи с этим их нельзя считать оправданными, а следует трактовать как составную часть коммунистического «наведения порядка» в Центрально-Восточной Европе⁴.

Кроме упомянутых, в последние годы появились другие публикации. Важные аспекты темы переселений обсуждались на нескольких международных научных конференциях. В частности, на научной конференции «Польша и Украина после Второй мировой войны», состоявшейся в июне 1996 г. в Жешуве⁵. В мае 1997 г. во Львове работала Международная конференция «Депортации поляков и украинцев: конец 1939 — начало 1950-х гг. К 50-летию операции «Висла»». Ее материалы были изданы отдельной книгой⁶.

Таким образом, польскими и украинскими исследователями уже работан солидный историографический материал по тематике переселений. Однако в силу известных причин длительное время архивы спецслужб Польши и Украины оставались недоступными. После создания в 1996 г. совместной польско-украинской группы в рамках общего проекта «Польша и Украина в тридцатых — сороковых годах XX столетия. Неизвестные документы из архивов специальных служб» появилась реальная возможность опубликовать многие важные документы и материалы. Автор этой статьи является членом упомянутой группы с момента ее основания. Вот почему, решая прочие задачи, он стремился также показать, что но-

¹ **Hałagida I.** Ukraińcy na zachodnich i północnych ziemiach Polski 1947–1957. Warszawa, 2002; **Drozd R.** Droga na zachód. Patrz też: **Drozd R.** Polityka władz wobec ludności ukraińskiej w Polsce w latach 1944–1989. Warszawa, 2001; **Hejger M.** Polityka narodowosciowa władz polskich w województwie gdańskim w latach 1945–1947. Słupsk, 1998.

² **Torzecki R.** Polacy i Ukraińcy. Stosunki polsko-ukraińskie na ziemiach II Rzeczypospolitej w czasie II wojny światowej. Warszawa, 1993.

³ **Palski Z.** Polityczne, ekonomiczne i narodowościowo-demograficzne następstwa operacji «Wisła» // Polska — Ukraina: Trudne pytania. Warszawa, 2001. T. 8; **Siemaszko E.** Upowska rewolta // Nasz Dziennik z 27–28.04.2002.

⁴ **Skaradziński B. (K. Podlaski).** Białorusini, Litwini, Ukraińcy. Białystok, 1990; **Olszański T.A. (J. Łukaszów).** Walki polsko-ukraińskie 1943–1947 // Zeszyty Historyczne nr 90/1989; **Motyka G.** Tak było w Bieszczadach. Walki polsko-ukraińskie 1943–1948. Warszawa, 1999.

⁵ Polska i Ukraina po 2-j wojnie światowej / Pod red. W. Bonusiaka. Rzeszow, 1998.

⁶ Депортації поляків та українців: кінець 1939 — початок 50-х років. До 50-річчя операції «Вісла» / Упорядник Юрій Сливка. Львів, 1998.

вого прибавляют документы советской и польской спецслужб к пониманию непростых аспектов переселений 1944–1947 гг.

* * *

9 сентября 1944 г. в Люблине между правительством Украинской Советской Социалистической Республики (УССР) и Польским Комитетом национального освобождения (ПКНО) было подписано Соглашение об эвакуации украинского населения с территории Польши и польских граждан с территории УССР. По поручению правительства Украины его подписал председатель СНК УССР Н.С. Хрущев, по поручению ПКНО — его глава Эдвард Осубка-Моравский. Обращает на себя внимание тот факт, что польская сторона не мотивировала данный обмен населением необходимостью ликвидации действующих в Польше частей УПА, на чем был сделан акцент позже, во время операции «Висла».

Соглашением предусматривалась эвакуация на территорию УССР всех граждан украинской, белорусской, российской и русинской национальностей, проживавших в Билгорайском, Влодавском, Грубешовском, Замостивском, Красноставском, Лискивском, Любачевском, Перемышльском, Томашовском, Хелмском, Ярославском уездах. Это касалось и других районов Польши, где могли оказаться граждане указанных национальностей, пожелавшие переселиться с территории Польши на Украину. Это также касалось эвакуации в Польшу всех поляков и евреев, которые пребывали в польском гражданстве до 17 сентября 1939 г. и проживали в западных областях УССР, если бы они изъявили желание переселиться на территорию Польши. В Соглашении подчеркивалось, что эвакуация носит характер добровольной, и потому принуждение не может быть применено ни прямо, ни опосредованно. Период эвакуации устанавливался с 15 октября 1944 г. до 1 февраля 1945 г. По требованию одной из сторон этот период мог быть продлен по взаимному соглашению.

Некоторые исследователи вполне резонно ставят вопрос: почему это Соглашение было подписано между Польшей и Украиной? Почему поляки не подписали его с Советским Союзом? По мнению доктора исторических наук Юрия Сливки, это очень странно: «Ведь в других подобных случаях Советский Союз не поручал Украине подписывать аналогичные договоры, в частности в 1945 г. относительно Закарпатской Украины, который был подписан правительствами Чехословакии и Советского Союза. Собственно тут и была заложена мина, которая действует и ныне. Этим договором имитировалось установление границы между двумя народами — украинским и польским; при этом Москва будто бы оставалась в стороне. Кроме того, Советский Союз резервировал за собой возможность маневра: если бы страны антигитлеровской коалиции оказались слишком принципиальными, то он имел бы возможность сказать, что это же не мы подписали договор, а Украина. Вместе с тем Кремль фактически инспирировал обострение польско-украинских отношений и юридически не нес ответственность за разжигание новой гражданской войны»¹.

С целью реализации упомянутого Соглашения СНК УССР и ЦК КП(б)У 19 сентября 1944 г. приняли постановление о создании на терри-

¹ Депортації поляків та українців... С. 11.

тории УССР и Польши соответствующего аппарата, а также об утверждении необходимой документации по оформлению населения, которое подлежало эвакуации. Главным уполномоченным правительства УССР по делам эвакуации украинского населения с территории Польши в г. Люблин стал Н.В. Подгорный (с 1946 г. — М.А. Ромашенко), Главным представителем правительства УССР по делам эвакуации польского населения из УССР в г. Луцк — А. Цоколь. Главным уполномоченным правительства Польши по делам эвакуации польского населения из УССР в г. Луцк — В. Вольский, Главным представителем польского правительства по делам эвакуации украинского населения из Польши в г. Люблин — К. Рогальский (с мая 1945 г. — Й. Беднаж). Были также утверждены заместители главных уполномоченных и представителей, районные уполномоченные и районные представители и их заместители.

Для установления единого порядка в вопросе оформления населения, подлежащего эвакуации, СНК УССР и ЦК КП(б)У разработали и утвердили специальную инструкцию по осуществлению Соглашения между правительством УССР и ПКНО. 22 сентября через представителя правительства Советского Союза при ПКНО генерала Н.А. Булганина эта инструкция была передана польской стороне. В Люблине признали, что предложенная инструкция не отвечает всем требованиям переселенческих комиссий, которые должны были действовать на территории Польши, поэтому в конце декабря 1944 г. польская сторона разработала собственную дополнительную инструкцию.

Спецслужбы принимали активное участие в обеспечении польско-украинских переселений 1944–1947 гг. Весной и летом 1944 г. НКВД СССР и УССР играли особую роль в ходе переселений польских граждан из других регионов тогдашнего Советского Союза на территорию Украины. Архивы сохранили большое количество уникальных документов и материалов, которые отражают основные направления деятельности спецслужб и представляют большую ценность как источники.

Прежде всего, архивные источники показывают роль спецслужб в организации и обеспечении процесса переселений. Например, НКВД УССР после подписания Люблинского соглашения в разработанную СНК и ЦК КП(б)У инструкцию, регламентирующую процесс переселений, внес несколько собственных специальных пунктов, выделил своих сотрудников на должности заместителей главных уполномоченных правительства УССР в Люблине и Луцке и соответствующих районных уполномоченных их представителей (всего 31 чел.).

В течение октября 1944 г. были созданы аппарат Главного уполномоченного правительства УССР в г. Люблин и аппараты 11 районных уполномоченных на польской территории (после окончательного изгнания немцев с восточных территорий Польши создали еще четыре аппарата), аппарат Главного представителя правительства УССР в г. Луцк и аппараты 18 районных представителей на территории УССР (в апреле 1945 г. был образован еще один пункт районного представителя в г. Черновцы). Все аппараты формировались отделом кадров ЦК КП(б)У из числа ответственных работников наркоматов, центральных и областных организаций и учреждений Украины. С 5 по 10 октября 1944 г. главные уполномоченные

и представитель правительства УССР, районные уполномоченные и представители начали свою работу на местах.

В то же время с польской стороны была отмечена задержка в формировании аппарата Главного уполномоченного ПКНО и его районных уполномоченных, а также в подготовке польских граждан к эвакуации с территории УССР в Польшу. Эту задержку представители ПКНО объясняли тем, что польских граждан, которые подлежали эвакуации, некуда было принимать, поскольку значительная часть территории Польши еще находилась под немецкой оккупацией.

Изученные документы дают основание некоторым современным исследователям указывать подлинные причины такого промедления: 1) отстаивание претензий на земли Западной Украины; 2) надежда на начало войны между Англией, Америкой и Советским Союзом и 3) недовольство поляков деятельностью прокоммунистического ПКНО.

29 сентября 1944 г. Н.С. Хрущев сообщал И.В. Сталину: «Поляки, особенно в городе Львове, главным образом интеллигенты, связаны с польским эмиграционным правительством в Лондоне, распускали слухи, что вопрос о границах окончательно не решен и поэтому выезжать не нужно. Нам известно, что польское эмиграционное правительство в Лондоне дало директиву своим организациям во Львове и других городах Западной Украины воздержаться от эвакуации, обещая, что во время мирной конференции оно добьется включения города Львова и других городов в состав Польского государства»¹.

В связи с этим Хрущев предлагал проводить такую политику относительно поляков в западноукраинском регионе: «Во всех высших и средних школах пользоваться учебниками и вести преподавание лишь на украинском и русском языках. В Советском Союзе для польских детей организованы школы, в которых преподавание ведется на польском языке и по польским программам. То есть воспитание ведется в духе польского буржуазно-демократического государства. Поляки ставили вопрос о том, чтобы такие школы организовать и в городе Львове, им в этом отказали и предложили во всех украинских и польских школах проводить занятия по программам, утвержденным наркомом образования УССР. Мы также считаем необходимым отменить решение Совета народных комиссаров УССР “О запрещении мобилизации польского населения из западных областей за пределы региона на работу в промышленность восточных областей УССР и других республик Советского Союза”. Необходимо привлекать польское население к исполнению всех обязанностей, которые возложены на все другое население Советской Украины. Это означает, что мы будем проводить мобилизацию польского населения, как мужчин, так и женщин, которые проживают в западных областях УССР, в промышленность, на строительство оборонных сооружений и для участия в других мероприятиях наравне с украинским населением»².

Заместитель Главного уполномоченного ПКНО прибыл в Луцк с аппаратом в количестве 10 чел. лишь 23 октября 1944 г. По состоянию на

¹ Цит. по: Депортації поляків та українців... С. 30.

² Там же.

1 ноября 1944 г. польской стороной был в целом сформирован аппарат районного уполномоченного только в Луцке. В Ковель, Ровно и Владимир-Волынский прибыли лишь районные уполномоченные и их заместители. По просьбе Главного уполномоченного ПКНО ЦК КП(б)У предоставил ему помощь по укомплектованию всех 18 районов западных областей Украины районными уполномоченными. Была также укомплектована значительная часть их аппаратов из числа граждан польской национальности, проживавших в западных областях УССР.

Роль спецслужбы проявлялась в постоянном информировании руководящих инстанций о реагировании на сам факт подписания Люблинского соглашения 9 сентября 1944 г., о политических настроениях переселенцев, об их бытовых условиях. Все это отразилось во многих документах — докладных записках, спецсообщениях, меморандумах, записках по ВЧ и т. п. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в сухой официальной информации и отчетах НКВД—НКГБ—МГБ совершенно не отражалось, насколько драматична была ситуация для самих переселенцев.

Заместитель Главного представителя правительства УССР полковник госбезопасности И. Гребченко в спецсообщении за № 075 от 27 января 1945 г. информировал секретаря ЦК КП(б)У Д. Коротченко о том, что большинство аппаратов районных уполномоченных Временного Польского правительства засорена националистическим элементом, участниками АК и другими враждебными советской власти персонами. После проведения соответствующей проверки органами НКВД и НКГБ западных областей значительное количество поляков было уволено с работы.

НКВД—НКГБ—МГБ обеспечивали реализацию принятых политическим руководством решений, всячески противодействуя попыткам сопротивления переселениям. Так, в одном из спецсообщений из Ровенской области от 12 марта 1945 г. говорилось: «Согласно данным агентуры и военной цензуры, в ряде районов области относительно Люблинского соглашения зафиксированы как позитивные, так и негативные реагирования поляков.

Из-за враждебной деятельности польских подпольных организаций часть поляков не имеет намерения уезжать в Польшу, рассчитывая на то, что после окончания войны Западная Украина войдет в состав Польши, а некоторая часть поляков, боясь трудностей переселения, задерживает оформление документов...

Такие и подобные настроения не одиночны. Через агентуру продолжаем выявлять персон, ведущих антисоветскую работу, направленную на срыв Люблинского соглашения»¹.

Советская спецслужба не просто информировала о настроениях, но и осуществляла аресты тех, кто противился переселениям. Так, в марте 1945 г. уже упомянутый полковник И. Гребченко сообщил Д. Коротченко об аресте группы работников Главного уполномоченного Временного правительства Польши².

¹ Галузевий державний архів Служби безпеки України (далее — ГДА СБУ). Київ. Ф. 1. Оп. 87 (1954). Справа 2. Арк. 46, 48.

² См.: Центральний державний архів громадських об'єднань України (далее — ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 23. Справа 1465. Арк. 18–19.

Немалый интерес представляют документы о фактах злоупотреблений при организации и во время самого процесса переселений. Такого рода документы позволяют восстановить реальную историческую картину, объясняют причины многих проблем, с которыми приходилось сталкиваться переселенцам.

В соответствии с указанной в люблинском Соглашении датой начала эвакуации в начале ноября 1944 г. первый транспорт с украинским населением прибыл из Польши в УССР. С опозданием, лишь в декабре 1944 г., прибыл первый транспорт с польским населением из УССР в Польшу. С наступлением зимы число желающих эвакуироваться с обеих сторон значительно сократилось. Объяснялось это в первую очередь тем, что люблинское Соглашение не получило массового одобрения ни со стороны украинского, ни со стороны польского населения. Это заставило украинскую и польскую стороны, во-первых, неоднократно изменять дату завершения переселенческой акции, а во-вторых, с конца лета — начала осени 1945 г. перейти к применению принудительных мер при переселениях. По мнению некоторых исследователей, в середине 1945 г. под угрозу был поставлен весь процесс переселения: до 3 сентября 1945 г. из Польши был выселен 221 231 чел., что составляло менее 50 % контингента, намеченного для переселения¹.

6 июля 1945 г. в Москве правительство Советского Союза и Временное Правительство национального единства (ПНЕ) Польши подписали Соглашение, которым предусматривалась эвакуация из Польши в СССР украинского, белорусского и российского населения, проживавшего вне территории, охваченной деятельностью переселенческих комиссий, созданных на основании Соглашения от 9 сентября 1944 г. между правительством УССР и ПКНО. В 1945 г. встал вопрос и о переселении в Польшу, кроме польского населения западных областей УССР, тех бывших польских граждан, которые на основании постановлений СНК СССР от 5 апреля и 11 июля 1944 г. прибыли на территорию Украины из восточных областей России.

20 сентября 1945 г. на совещании в Киеве представители правительства УССР в лице председателя СНК УССР Н.С. Хрущева, наркома иностранных дел УССР Д.З. Мануильского и представителя польского ПНЕ в лице вице-президента Крайовой Рады Народовой С. Грабского, вице-министра Ю. Бермана и вице-министра В. Вольского подписали протокол, дополнивший Соглашение от 9 сентября 1944 г. Дополнение, в частности, касалось вопроса о продлении срока переселений. В соответствии с протоколом срок регистрации польских граждан, переселявшихся из УССР, и украинских граждан, переселявшихся из Польши, продлевался до 31 декабря 1945 г. Кроме того, в протоколе речь шла о приостановлении переселений из Львова в декабре 1945 г., январе и феврале 1946 г., чтобы лица, зарегистрировавшиеся до 31 декабря 1945 г., имели возможность выехать весной 1946 г. Дата завершения переселенческой акции в протоколе не указывалась.

14 декабря 1945 г. в Варшаве представители правительств УССР и Польши подписали очередной дополнительный протокол к Соглашению

¹ См.: Депортації поляків та українців... С. 19.

от 9 сентября 1944 г., в соответствии с которым срок регистрации граждан продлевался до 15 января 1946 г., а срок переселения граждан, подпадавших под действие этого Соглашения, продлевался до 15 июня 1946 г. По поручению правительства УССР дополнительный протокол подписал заместитель председателя СНК УССР Н.П. Бажан, по полномочиям правительства Польши — Э. Осубка-Моравский.

Наконец, 6 мая 1947 г. в Варшаве был подписан Итоговый протокол к Соглашению от 9 сентября 1944 г., в котором украинская и польская стороны с удовлетворением утверждали, что переселение польских граждан с территории УССР в Польшу и украинского населения с территории Польши в УССР состоялось и было завершено в атмосфере взаимного понимания и согласия. От имени польского правительства Итоговый протокол подписал вице-премьер правительства Польской Народной Республики (ПНР) А. Кожицкий, а от правительства УССР — заместитель председателя Совета министров УССР В.Ф. Старченко.

7 мая 1947 г. появилось официальное сообщение правительств Польши и УССР о завершении переселения польских граждан с территории УССР в Польшу и украинского населения с территории Польши в УССР. В этом сообщении, в частности, отмечалось: «Ныне, когда эвакуационные работы завершены, оба правительства считают, что осуществленная эвакуация польских граждан из УССР и украинского населения из Польши является для обеих сторон важным фактором, который будет служить делу дальнейшего укрепления приязни, взаимного понимания и сотрудничества между нашими братскими народами»¹.

О том, как осуществленное переселение на самом деле послужило делу укрепления «приязни, взаимного понимания и сотрудничества» между украинцами и поляками, свидетельствует реакция украинского и польского антикоммунистического подполья, т. е. ОУН, УПА, АК, Батальонов Хлопских, Народовых Сил Збройных. Оба вооруженных подполья действовали как на территории УССР, так и на территории Польши. Однако разница состояла в том, что на украинской территории большее сопротивление переселенческой акции оказывали польские военные организации, а на польской территории — оуновское подполье и УПА (к тому же сопротивление последней по времени было более длительным).

Сопротивление поляков переселению на протяжении конца 1944 — первой половины 1945 г., как уже отмечалось, было вызвано нежеланием оставлять давно обжитые территории и надеждой на возможное вхождение западно-украинских земель в состав Польши по возможному решению послевоенной международной конференции в Ялте. Сначала в вопросе о необходимости изменения сроков переселения польского населения из УССР деятели местного подполья АК были единодушны с представителями Люблинского правительства, на которых возлагалось задание по осуществлению этого переселения. Сопротивление эвакуации было вызвано также методами принуждения, применяемыми органами НКВД и НКГБ для обеспечения «добровольного» выезда поляков из западных областей УССР в Польшу.

¹ Цит. по: Акція «Вісла». Документи / Впорядкування і редакція Євгена Місила. С. 250—251.

Архивы спецслужб, сохранившие многочисленные документы, отражающие факты сопротивления переселениям 1944–1947 гг., показывают, как тогдашние правящие системы Польши и Украины подавляли такое сопротивление. При этом НКВД–НКГБ (затем МВД–МГБ) направляли свою деятельность и против польского подполья, и против украинского движения сопротивления. Например, в справке об агентурно-оперативной работе НКГБ УССР по состоянию на 1 марта 1946 г. подчеркивалось, что в 1945–1946 гг. на территориях западных областей Украины были раскрыты три польские националистические организации, в 1945 г. и в январе — феврале 1946 г. было арестовано 3017 чел.¹

После подписания договора между СССР и ПНР о советско-польской государственной границе от 16 августа 1945 г., а также благодаря усилению внимания к переселениям с советской стороны, сопротивление польского вооруженного подполья начинает угасать. К концу 1945 г. подпольные структуры АК в Западной Украине фактически перестали существовать, хотя, как свидетельствуют документы, аресты деятелей польского подполья продолжались еще и в 1946 г.

Важным фактором в проведении переселения польского населения с территории УССР на завершающем этапе была заинтересованность польского правительства в ускорении эвакуации. Это диктовалось необходимостью освоения земель, отошедших по решению Потсдамской (Берлинской) конференции от Германии к Польше (уже упомянутые *Ziemie Odzyskane*).

Совсем иначе повлияло подписание договора о советско-польской государственной границе на характер сопротивления переселениям со стороны ОУН и УПА. Начатое в сентябре 1945 г. польским правительством всеобщее принудительное выселение украинцев с территории Польши в УССР с применением Войска Польского привело к массовому росту националистического подполья и активизации противодействия. Это противодействие вышло не в один день и не из-за субъективных желаний руководителей ОУН или УПА. Дело в том, что шовинистически настроенные руководители тогдашней Польши позволили милиции и отдельным вооруженным группам гражданского польского населения «стимулировать» выезд украинского населения в СССР. «В начале переселения в СССР, — отмечал польский историк З. Ковалевский, — имели до некоторой степени добровольный характер. Выезжали элементы малосознательные (“московфильские”) и прокоммунистические. Однако вскоре украинских крестьян начали принуждать к эмиграции при помощи ужасного террора»².

Именно эта ситуация повлекла за собой решение руководителей УПА взять под защиту украинское население. В конце марта 1945 г. Главное руководство ОУН выделило Закерзонье³ в отдельный край. Его руководи-

¹ См.: ГДА СБУ. Ф. 1. Оп. 87 (1954). Справа 5. Арк. 16–19.

² Цит. по: Кучер В. ОУН-УПА в боротьбі за незалежну Україну. Київ, 1997. С. 78.

³ Закерзонье, или Закерзонский край, т. е. Холмщина, Подляшье, Надсянье, Лемкивщина, — территории, оказавшиеся на польской стороне от условно проведенной линии границы. Именно эту линию предложил еще в 1920 г. министр зарубежных дел Англии лорд Керзон ленинскому правительству как границу для прекращения наступления Красной армии. В сентябре 1944 г. эта линия и на самом деле стала пограничной, а вскоре было принято решение о том, что украинское население должно переселиться именно с этих территорий.

телем был назначен Я. Старух («Стяг»), заместителем — В. Галаса («Орлан»), руководителем Службы безопасности (СБ) — П. Федорив («Дальныч»), а командиром УПА — М. Онишкевич («Орест»). Среди наиболее известных руководителей подразделений УПА были Я. Коцьолка («Крылач»), П. Миколенко («Байда»), М. Дуда («Громенко»), Р. Грубельский («Бродич»), В. Шишканец («Бор»), В. Щигельский («Бурлака»), С. Стебельский («Хрен»).

УПА разворачивала свою деятельность в Закерзонском крае в тот момент, когда польская прокоммунистическая власть начала расправу со своими политическими противниками, т. е. с антикоммунистически и антимосковски настроенными деятелями и структурами. В частности, начались преследования деятелей АК (одним из результатов чего стало создание подпольной организации АК «Воля и Независимость», ВиН). Такая ситуация давала шанс для образования альянса антикоммунистических польских и украинских сил. В июне 1945 г. польское подпольное руководство обратилось в ОУН в Закерзонье с письмом, в котором отмечалось: «Мы не будем сегодня разбираться в том, кто стал виновником того, что мы оказались во вражеских лагерях... Сегодня об этом нужно забыть... Мы призываем вас объединить и сплотить ваши силы с нашими для совместной борьбы»¹.

Но тогда двум антикоммунистическим подпольям не удалось достичь полноценной договоренности. Такое соглашение было достигнуто лишь в низовых структурах польского вооруженного подполья и УПА на Подляшье, Ряшивщине, в юго-восточной Любленщине. Но на высшем уровне эти контакты не были закреплены, что и породило кровавые эксцессы: польское и украинское подполья противостояли друг другу².

УПА, считая территорию Лемкивщины, Надсяння, Холмщины и Подляшья, оставшуюся в границах польского государства, исконно украинской этнической территорией, выступила в защиту прав, а позже и жизни местного автохтонного украинского населения. Ее отряды начали уничтожать в первую очередь переселенческие комиссии, польских военных, а также сжигать выселенные села. В некоторых местностях, после достижения соответствующих соглашений, совместно с УПА в этих акциях принимали участие и подразделения АК и ВиН.

Все это нашло отражение во многих документах, ныне хранящихся в Институте национальной памяти в Польше. Значительная их часть была изъята из архива Мирослава Онишкевича (псевдонимы «Орест», «Богдан», «Олег», «Билый»). Преданный изменником, он был захвачен польской полицией безопасности 2 марта 1948 г. в с. Карчевиска Любинского уезда Вроцлавского воеводства, осужден и казнен 6 июля 1950 г. в Варшаве³.

В 1945–1947 гг. М. Онишкевич был командиром Закерзонского Военного округа 6 «Сян», а в его штабе накопилось немало важной информации

¹ Цит. по: Киричук Ю. Нариси з історії українського національно-визвольного руху 40–50-х років ХХ століття. Львів, 2000. С. 209.

² Там же.

³ Повстанські могили. Пропам'ятна книга впадших на полі слави вояків Української Повстанської Армії — Захід VI Военної Округи «Сян» / Зібрав і до друку підготував Є. Місило. Варшава; Торонто, 1995. Т. 1. С. 13.

о действиях и быте подразделений УПА. Это — оперативные, разведывательные, организационные отчеты (в том числе отчеты о деятельности референтуры СБ), переписка, инструкции, чрезвычайные сообщения, обращения и т. п. Именно эти документы были привлечены к следственному делу М. Онишкевича. На многих из них (в начале или в конце текста) стоит его автограф: «Znalezione w moim archiwum, Onyszkiewicz Miroslaw» или «Znalezione u mnie, Onyszkiewicz Miroslaw» («Найдено в моем архиве», «Найдено у меня»). Они дают конкретное представление о реальной политической ситуации в Закерзонье, о жестоком военном противостоянии, о тотальном повседневном насилии, которым определялась жизнь людей на этих территориях. Среди этих материалов есть также документы, касающиеся других регионов деятельности УПА.

Польская официальная власть, поддерживаемая из Москвы, занимала противоположную позицию, считая вполне логичными репрессивные действия против «бандитских» действий УПА и исходя из перспективы окончательного разрешения «украинского вопроса» в Польше. Отчеты из воеводств показывают формы и масштабы тогдашнего украинского движения сопротивления переселениям и беспределу его организаторов, свидетельствуют о том, каким способом власть гасила сопротивление. В частности, в одном из сообщений из уезда Леско от 18 августа 1945 г. отмечалось: «В связи с вышеизложенным, с целью ликвидации мощных банд УПА необходимы сильные военные части, поскольку военные и милицейские силы являются слишком незначительными и недостаточно вооруженными, чтобы ликвидировать многочисленные и хорошо вооруженные банды УПА»¹.

К слову, в документах мы находим слишком частое употребление обеими сторонами термина «бандиты»: поляки пишут об украинском «бандитизме» и «терроризме», а украинцы — о польском. Также обе стороны часто употребляют понятие «ответная акция».

Не думаю, что стоит придавать этим терминам какое-то одностороннее сакральное значение, поскольку обе враждующие силы (на войне как на войне) прибегали к антигуманным методам. В связи с этим Юрий Киричук вполне резонно отмечал: «Чрезвычайно сложно оценить, в какой мере украинско-польская борьба периода войны повлияла на рост крайних украинофобских взглядов среди поляков и полонофобских идей среди украинского сообщества, послужила своеобразной моральной индульгенцией для тех политиков, проводивших переселенческую кампанию украинцев из Закерзонского края. Но стоит согласиться с тем, что Москва и Варшава могли аргументировать перед Западом акцию депортации как проявление гуманизма и желания прекратить украинско-польские междоусобицы. Хотя, безусловно, причины переселения значительно более глубокие. Переселение из Польши украинцев ликвидировало для Москвы опасность появления для нее за границами СССР нового украинского «Пьемонта». В свою очередь выселение украинцев означало для польских коммунистов возможность найти мост единения между ними и неприяз-

¹ Цит. по: Польща та Україна у тридцятих — сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Варшава; Київ, 2000. Т. 2. С. 474.

ненно настроенными к ним широкими кругами польской общественности»¹.

Документы иллюстрируют, как именно действовала УПА и как ее руководители мотивировали свои действия. Так, в одном из оперативных отчетов читаем: «Дня 27 октября 1945 г. от[дел] осуществил акции сжигания бывш[их] украинских сел за Сяном — Вапивцы и Корытники, население которых под принуждением бандитского польского террора было принуждено еще весной 1945 г. выехать в УССР, а на место украинцев прислали уже польских репатриантов из УССР. Сжигание происходило таким образом: тех поляков, которые не сопротивлялись, выселяли культурно, объясняя им причину сжигания, в некоторых случаях стрельцы сами помогали при вынесении хозяйственного реманента. Следует отметить, что польское население относилось к этим акциям с полным пониманием и вполне их одобряло. Редкими бывали случаи, чтобы поляки оказывали вооруженное сопротивление. В таких случаях сопротивление это ликвидировалось при помощи оружия»².

Польская власть получила дополнительные аргументы для оправдания своих репрессивных действий при выселении украинцев, а командование Войска Польского — повод для проведения репрессий против гражданского населения, подозреваемого в поддержке УПА. Вот, например, письмо Министерства труда и социального обеспечения к тогдашнему польскому премьеру Э. Осубке-Моравскому от 7 ноября 1945 г.: «Согласно полученной письменно информации из Перемишльского, Бжозовского и Ярославского уездов на 29 октября с.г. там было сожжено бандеровцами 42 села. Это преимущественно сообщества, из которых украинское население было выселено, но есть также и польские села, сожженные из мести, население которых в количестве 36 000 человек живет в нужде без крыши над головой. Пожары охватили села, которые размещены сразу за чертой г. Перемышля.

Доводя вышеупомянутое до ведома Гражданина Премьера, позволю себе предложить организацию ответной операции с целью улучшения безопасности людей и государственного имущества (действующие в Жешовском воеводстве 3 дивизии Войска Польского — это сила, которой не хватает), а также выделить соответственные кредиты (в сумме минимум 15 миллионов злотых в распоряжение Жешовского воеводы) с целью помощи погорельцам»³.

Однако все меры польских и советских карательных органов и регулярных войск, направленные на борьбу с УПА, не дали в 1945–1946 гг. желаемых последствий. Разбитые по нескольку раз сотни восстанавливались опять, находя помощь и поддержку в селах у жителей, симпатизировавших УПА.

Документы спецслужб также играют важную роль в деле уточнения объемов польско-украинских переселений 1944–1947 гг. В частности, выявленные в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины справки, записки по ВЧ, донесения, телефонограммы, шифро-

¹ Киричук Ю. Нариси з історії українського національно-визвольного руху... С. 210.

² Цит. по: Шаповал Ю. ОУН і УПА на терені Польщі. Київ, 2000. С. 16.

³ Там же. С. 17–18.

граммы и т. п., позволяют расширить представление о количественной динамике процесса переселений, восстановить эту динамику буквально по дням. Все эти материалы подтверждают, что спецслужбы вели собственную статистику, которая, вне сомнения, представляет интерес и должна быть учтена при дальнейших исследованиях. Так, 10 ноября 1946 г. появилась общая справка 2-го управления МГБ УССР относительно переселений. Она показывает, что по состоянию на октябрь 1946 г. было переселено из Украины в Польшу 812 688 чел.¹ В марте 1947 г. в МГБ УССР была подготовлена справка о переселенцах из Польши в УССР и о деятельности ОУН среди переселенных. Всего в Украину перевезли 472 635 чел.²

В этой последней справке отмечалось, что расселение в западных областях Украины было проведено нормально. В восточных же областях (Одесской, Николаевской, Херсонской, Запорожской, Днепропетровской и некоторых других) ситуация оказалась сложной. Лишь часть из переселенных получила дома, ранее принадлежавшие немцам-колонистам, а большинство расселили за счет «уплотнения» колхозников. Вследствие неподготовленности местной власти и ее невнимания к переселенцам последним предоставлялась одна комната на две-три семьи. Оказавшись в таких условиях, многие переселенцы «вынуждены были размещаться в сараях, телятниках, свинарниках, конюшнях, амбарах и других абсолютно непригодных для жилья помещениях»³.

Вполне понятно, что при таких условиях легко было вести антисоветскую агитацию, а также националистическую работу. Ее наличие также констатировалось в документах советской спецслужбы, извещалось и о проведении арестов.

Как отмечает польский историк Роман Дрозд, привлечение войска к переселенческой акции 1944–1946 гг. не обеспечило полной депортации всех украинцев. Приблизительные данные свидетельствуют, что в конце 1946 г. юго-восточные территории Польши населяло около 200 тыс. чел. украинской национальности. Для власти это означало, что украинская проблема не была окончательно решена⁴.

В польском руководстве постепенно начала формироваться мысль о необходимости выселения из юго-восточных воеводств Польши всего украинского населения, еще оставшегося там, чтобы таким образом уничтожить базу УПА, а заодно и само украинское подполье. Такое «окончательное решение», т. е. окончательное выселение украинцев (160 тыс. чел.), было достигнуто в ходе акции «Висла», начавшейся 28 апреля 1947 г. В плане этой операции, называвшейся сначала «Восток», прямо отмечалось: «Задание: окончательно решить украинскую проблему в Польше»⁵. Вместе с тем в этом документе указывалось на то место, которое должны были занимать действия против УПА: «Одновременно с кампанией по выселению должна быть проведена операция по активной ликвидации

¹ См.: ГДА СБУ. Ф. 1. Оп. 87 (1954). Справа 5. Арк. 12.

² Там же. Арк. 153.

³ Там же. Арк. 153–154.

⁴ Депортації поляків та українців... С. 19.

⁵ Цит. по: Польша та Україна у тридцятих — сорокових роках ХХ століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Варшава; Київ, 2006. Т. 5. С. 30.

банд УПА, которые после окончания эвакуации должны быть безусловно уничтожены»¹.

Несмотря на множество публикаций об этой акции, немало важных деталей, связанных с ней, еще требуют внимания исследователей. Например, в свое время сотрудник Института истории Польской академии наук Ришард Тожецкий утверждал, что решение о проведении операции «Висла» было принято в Москве в феврале 1947 г. План ее (по поручению Л.П. Берии и Г.М. Маленкова) подготовил нарком внутренних дел УССР С.Р. Савченко. Уже после этого, в марте 1947 г., соответствующее решение утвердило Политбюро ЦК Польской рабочей партии, а после того, 12 апреля, — Комитет гражданской безопасности Польши². К сожалению, Р. Тожецкий не приводил ни единого документального подтверждения в пользу версии о «московских корнях» операции «Висла».

Конечно, не подлежит сомнению, что «Висла» была согласована официальными лицами Польши и СССР. В конце марта 1947 г. посол СССР в Польше В.З. Лебедев извещал Министерство иностранных дел СССР, а то, в свою очередь, МИД УССР о намерении польского правительства осуществить тотальное выселение украинцев из Жешувского и Люблинского воеводств. 18 апреля 1947 г. посол Польши в СССР Марьян Нашковский прислал заместителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому ноту своего правительства о начале выселения украинцев. В ноте содержалась просьба принять меры к тому, чтобы во время проведения операции «нежелательные элементы» не проникли на территорию Советского Союза³.

Наконец, нельзя забывать о координации действий польских, советских и чехословацких регулярных военных подразделений против УПА, о блокировании советско-польско-чехословацкой границы, а также об отказе правительства УССР принимать украинское население в ходе проведения операции «Висла». Это дает основания считать данную операцию следствием сговора тоталитарных режимов Польши и СССР⁴.

На этот раз польские руководители мотивировали необходимость переселить украинцев (в том числе смешанные семьи) на «возвращенные земли», где бы они быстро ассимилировались, тем, что руководство СССР уже отказалось принимать людей из Польши, а также наличием большого количества незаселенных бывших немецких земель.

В тайной инструкции о порядке расселения украинцев прямо говорилось: «Основной целью переселения поселенцев “В” (т. е. во время акции “Висла”. — Ю. Ш.) есть их ассимиляция в новой польской среде; нужно приложить все усилия, чтобы эта цель была достигнута. Не использовать относительно переселенцев слова “украинец”. В случае, когда возвращенных земель достигнет интеллигентный элемент, нужно таких безусловно размещать отдельно и далеко от сообществ поселенцев по акции “В”»⁵.

¹ Польща та Україна у тридцятих — сорокових роках ХХ століття... Т. 5. С. 30.

² Torzecki R. Wisła zaczęła się w Moskwie // Gazeta Wyborcza. 1997. 20 maja.

³ См.: Польща та Україна у тридцятих — сорокових роках ХХ століття... Т. 5. С. 32.

⁴ Остается открытым вопрос о связи между акцией «Висла» и осуществляемой в УССР операцией «Запад». Во время последней в глубь СССР осенью 1947 г. было переселено свыше 76 тыс. украинцев, обвиненных в симпатии к УПА.

⁵ Депортації поляків та українців... С. 21.

В январе 1947 г. началась организационная подготовка к выселению украинцев. Командиры частей Войска Польского, действовавших на территории юго-восточных воеводств Польши, получили приказ подать точные данные о количестве имеющегося украинского населения. Значительно ускорила проведение акции «Висла» гибель 28 марта 1947 г. от рук воинов УПА на дороге Сянок — Балигород вице-министра Национальной обороны генерал-полковника Кароля Сверчевского. Еще одним фактором стало убийство 1 апреля 1947 г. опять-таки украинскими отрядами между Тисной и Балигородом солдат и офицеров Войск Охраны Пограничья. Именно эти события были использованы польской коммунистической властью для обоснования решения о быстрой и абсолютной ликвидации украинского подполья, а также о выселении украинцев на западные и северные земли Польши в рамках акции «Висла».

Вот как в одном из служебных польских документов описывается ситуация на той территории, где развертывала свою деятельность оперативная группа «Висла»: «На территории оперативного района живет смешанное польско-украинское население; украинское население процентно превалирует в восточных и южно-восточных районах этой территории.

Польское население, проживающее в отдаленном районе на границе государства и удаленное от культурных центров, является политически мало сознательным, а кроме того запуганным террором фашистских украинских банд.

Украинское население преимущественно имеет враждебное отношение, принимает активное участие в деятельности банд или сотрудничает с ними; банды пользуются большим авторитетом среди украинского населения...

Согласно пониманию украинского населения, банды УПА. (Украинской Повстанческой Армии) борются за так называемую “Самостийну Україну”. Украинское население пополняет банды живой силой и помогает материально, сотрудничает при организации бандитских операций, проводит широкомасштабную разведку при помощи сильно разветвленной гражданской сети и т. п.»¹.

В цитируемом документе также дана характеристика структуры УПА: «Банды УПА имеют гибкую военную организацию. Территориально делятся на отряды (так называемые “курени”), возглавляющиеся в большинстве случаев бывшими офицерами СС. В состав куреня входит в среднем 5–6 сотен количеством 150–300 человек. Сотня делится на две чоты, которые соответствуют нашей роте, каждая из которых состоит из трех роев приблизительно численностью взвода.

Все эти отряды имеют хорошо выстроенный политико-воспитательный аппарат, который действует не только в частях, но также проводит сильную пропаганду среди местного населения.

Кроме чисто военной организации, банды имеют собственную власть гражданской администрации и соответствующий исполнительный аппарат на местах.

Банды преимущественно вооружены современным автоматическим оружием — немецким, российским и чешским по происхождению. Мун-

¹ Цит. по: Шаповал Ю. ОУН і УПА на терені Польщі. С. 19–20.

диры разные. Встречаются мундиры немецкие, российские, польские. Преобладает однако гражданская одежда.

На основании данных разведки, проведенной всеми средствами, включая подслушивание радио- и телефонных переговоров, банды, как правило, подготавливают операцию, концентрируя большие силы на время операции. После проведения операции сразу же разפורошиваются на местности и возвращаются в свои села, где трудится по виду мирное население. Действуют, как правило, неожиданно, делая засады и неожиданные нападения. Нападают на небольшие отряды войска, государственные учреждения, администрацию, представителей власти, польское гражданское население, важные промышленные объекты; подрывают железнодорожные пути и мосты. На постояях (т.е. на местах расположения. — Ю. III.) хорошо обеспечиваются перед нападением. Передвигаются преимущественно ночью. В случае встречи с большим отрядом войска избегают боя и организованно отступают»¹.

Все основные решения по делу акции «Висла», а именно: о составе командования оперативной группы по проведению акции, ее сроках, методах борьбы с членами украинского подполья и гражданским населением, заподозренным в пособничестве подполью (в частности, о введении военно-полевых судов и концлагерей), о территории деятельности группы и районах расселения переселенцев, — принимались на уровне Политбюро ЦК Польской Рабочей Партии (ПРП).

Командование военной операцией было поручено заместителю начальника Генерального штаба генералу бригады Стефану Моссору. Его заместителями были назначены по линии Министерства гражданской безопасности — вице-министр гражданской безопасности полковник Гжегож Корчинский, по линии Корпуса внутренней безопасности (КВБ) — командующий Корпусом полковник Юлиуш Хюбнер. Из-за опасений, что во время осуществления акции отдельные лица и целые группы будут проникать на территорию соседних стран, министр национальной обороны Польши маршал Михал Роля-Жимерский в середине апреля обратился к министрам национальной обороны ЧСР и СССР с просьбой тщательно заблокировать со своей стороны восточные и южные польские границы. 24 апреля 1947 г. решение по делу акции «Висла» принял Президиум Совета министров Польши.

28 апреля 1947 г. военная акция по переселению украинского населения на «возвращенные земли» началась. Операция проводилась военными — пятью дивизиями пехоты (3-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й), одной дивизией КВБ и тремя дополнительными полками (пехотным, самоходным и саперным) — всего семь дивизий. Войску помогала Обывательская милиция, Добровольческие резервы Обывательской милиции и Управления безопасности. Кроме того, советское командование перебросило из Львовской области одну танковую дивизию, специальные партизанские отряды и заблокировало пограничными войсками украинско-польскую границу, а чехи выслали одну горную бригаду.

Акция «Висла» длилась три месяца — до конца июля 1947 г. Ее течение и жесткий характер проведения, основные этапы деятельности опера-

¹ Шаповал Ю. ОУН і УПА на терені Польщі. С. 20.

тивной группы «Висла», в том числе Военного суда опергруппы «Висла», цифровые показатели, характеризующие количество выселенных из каждой местности, и перечень этих местностей отражены в документах. Всего в акции участвовали 20 тыс. польских солдат, не считая отделов местной милиции, безопасности и пограничников¹.

Вследствие проведенной акции польская коммунистическая власть уничтожила украинское подполье и избавилась от украинского населения в юго-восточных воеводствах, расселив его почти по всей территории западной и северной частей страны. Тем не менее украинская проблема, даже с формальной точки зрения, не была разрешена.

Официально говорилось о том, что акция «Висла» завершилась в июле 1947 г. Однако переселение продолжалось в августе, сентябре и даже в октябре 1947 г. Отдельные лица, временно задержанные или отлученные от своих семей, приезжали на новое место проживания уже в январе 1948 г. Последнюю группу переселенцев составили 32 семьи, переселенные между январем — апрелем 1950 г. из уезда Новый Тарг в Щецинском воеводстве. Это были преимущественно смешанные пары, не получившие разрешения на пребывание в пограничной полосе.

Еще в апреле 1947 г. Политбюро ЦК ПРП приняло решение организовать для устрашения непокорных концлагерь в Явожно. В нем содержалось 3870 узников-украинцев, в том числе 700 женщин, 27 греко-католических и православных священников. За время функционирования концлагеря (май 1947 — январь 1949 г.) в нем погибло свыше 160 заключенных².

Если УПА с полным основанием можно считать армией без государства, то акция «Висла» сделала ее еще и армией без перспективы в Закарпатье. Как отмечалось в оперативном приказе № 0011 штаба опергруппы «Висла» от 22 июля 1947 г., «ядром и наиболее боевой частью банд У.П.А. были курени “Байды” и “Рена”, состоявшие из сотен: “Бурлака”, “Крылача”, “Ластивки”, “Громенко” и “Бира”, “Хрена”, “Стаха” и “Романа”. Все это были сотни чисто лесные, очень боевые, состоявшие из наиболее заядлых командиров и бандитов, которые на своей совести имели наибольшее количество убийств, поджогов и грабежей. Оба куреня полностью разгромлены, они потеряли 80 % своей боевой силы. Остатки перешли несколькими группами на территорию Советского Союза и Чехословакии, где окончательно их ликвидируют союзнические войска»³.

Опергруппа «Висла» с апреля до июля 1947 г. провела 357 боевых акций, ею было ликвидировано 1509 повстанцев, уничтожено 1178 бункеров и тайных укрытий⁴. Одновременно польской властью было арестовано почти 2800 чел. из гражданской сети ОУН и УПА в Закарпатье⁵. К этому можно лишь добавить, что депортация украинского населения лишила вооруженную борьбу УПА в Закарпатском крае основной цели — вооруженной защиты этого населения. Вот почему главнокомандующий УПА Роман Шухевич отдал приказ прекратить борьбу в Закарпатье.

¹ См.: Киричук Ю. Нариси з історії українського національно-визвольного руху... С. 217.

² Там же. С. 218.

³ Цит. по: Шаповал Ю. ОУН і УПА на терені Польщі. С. 22.

⁴ См.: Киричук Ю. Нариси з історії українського національно-визвольного руху... С. 218.

⁵ См.: Кентій А.В. Нарис боротьби ОУН–УПА в Україні (1946–1956 рр.). Київ, 1999. С. 49.

О том, насколько острой оставалась проблема польско-украинских переселений, свидетельствуют документы и материалы 1950-х гг. Тогда, в условиях десталинизации, встал вопрос о том, как оценивать акцию «Висла», и, вообще, не следует ли вернуть выселенных украинцев на прежние места проживания. Сами украинцы часто высказывали свое отношение очень простым способом — они просто возвращались на давние места проживания. Чаще всего факты возвращения фиксировались в Люблинском и Жешовском воеводствах.

Сохранилась чрезвычайно интересная «Справка об украинском населении», подготовленная для служебного использования в мае 1956 г. В ней, в частности, констатировалось, что «ситуация украинского населения достаточно тяжелая»¹. Упомянутый документ содержит не только анализ ситуации, но и рекомендации по улучшению положения украинцев. Авторы справки предлагали критически оценить акцию «Висла» и сами давали такую оценку: «По мнению МВД, проведение операции “В” было неверным и принесло непоправимый вред. Применение несвойственного социализму принципа коллективной ответственности всей части населения за деятельность банд, проявившееся в массовых репрессиях (принудительное переселение), шло вместе с серьезными нарушениями ленинских принципов национальной политики. Кроме хозяйственных убытков (потеря и уничтожение имущества выселенных), проведение операции “В” имело своим результатом серьезный, не исправленный до этого времени политический вред, а именно: сильное чувство несправедливости у выселенных и рост националистических настроений как среди выселенных, так и среди польского окружения. Закреплению такого состояния дел способствовала не ликвидированная до этого времени дискриминация в разных отраслях жизни»². Далее в справке перечислены меры по улучшению положения украинцев, в частности увеличение материальной помощи переселенцам, преодоление тенденции к возвращению на прежние места проживания, улучшение работы в украинской среде с целью разъяснения позиции польских властей в вопросе переоценки характера и результатов акции «Висла».

Однако такие подходы не всегда вызвали понимание. Об этом, в частности, свидетельствует протокол заседания Коллегии МВД Польши от 5 июня 1956 г. Тут мнения разделились. Если некоторые из участников заседания (а это были руководящие и влиятельные лица) предлагали оценить акцию «Висла» как «большую ошибку относительно украинского населения»³, то другие не считали необходимым выступать с критикой, поскольку, кроме прочего, «такая оценка была бы неправильной, тем более что мы не имеем практической возможности полной компенсации»⁴.

Прошли годы, и Сенат Республики Польша на заседании 3 августа 1990 г. однозначно и категорически осудил акцию «Висла». Такое осуждение также содержится в совместном Заявлении президентов Польши и Украины, подписанном 21 мая 1997 г. В таком же духе выдержано письмо президента Польши (апрель 2002 г.), в котором «от имени Республики

¹ Архів Інституту національної пам'яті РП. Справа І/198. Арк. 233.

² Там же. Арк. 238.

³ Там же. Справа І/9. Арк. 207.

⁴ Там же. Арк. 209.

Польша» глава Польского государства выразил сочувствие всем украинцам, «пострадавшим в результате позорных действий»¹.

При этом, однако, следует откровенно заметить, что последствия польско-украинских переселений 1946–1947 гг., а особенно акции «Висла», и до сего дня являются одной из наиболее важных спорных политических и социальных проблем, особенно для украинцев, проживающих в Польше. В определенной степени эти проблемы продолжают негативным образом влиять на характер украинско-польских отношений. По словам Адама Михника, «история польско-украинских отношений напоминает кровавый узел противоречий и конфликтов, а память о прошлом донныне для многих людей остается открытой раной»².

Вот почему так важно приблизиться к реальной картине событий 1944–1947 гг. Понятно и то, что аргументированную дискуссию на тему польско-украинских переселений можно проводить после тщательного изучения архивов всех институций, задействованных в тех событиях. Именно это является наиболее надежной основой для дальнейших научных интерпретаций и суждений.

К. Клейн-Гуссефф

**ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ:
ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ПОЛЬСКОГО МЕНЬШИНСТВА
ИЗ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И «РЕПАТРИАЦИЯ»
БЫВШИХ ПОЛЬСКИХ ГРАЖДАН ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(1944–1946 гг.)**

В рамках темы совместного обсуждения «принудительные миграции после войны» нами рассматривается процесс массовых перемещений этнических контингентов, оказавшихся в военные годы на территории СССР и попавших в среду межгосударственного регулирования. Особое место в новом устройстве восточноевропейского пространства с позиций геополитических интересов советского руководства занимали взаимоотношения СССР с теми правительствами, которые уже являлись просоветскими или двигались в этом направлении. Изучение кампаний по репатриации и оптации поляков дает возможность проанализировать советскую концепцию места, функции, роли польского руководства и его представителей в организации массовых переселений.

Масштабы репатриации польских граждан из СССР в конце войны оцениваются исследователями цифрой в 1,5 млн чел. Здесь необходимо различать два разных процесса. Первый из них касался поляков, живших на бывших польских землях Западной Украины, Западной Белоруссии и региона Вильнюса, которые должны были уехать в контексте изменения границ между Советским Союзом и Польшей. Второй охватывал поляков,

¹ List prezydenta RP Aleksandra Kwaśniewskiego do uczestników konferencji naukowej «Akcja», «Wisła» (Krasieczyn, 18–19 kwietnia 2002 r.) // Teki edukacyjne IPN. Stosunki polsko-ukraińskie 1939–1947: Materiały dla ucznia. Warszawa, 2002. S. 39.

² Комсомольская правда. 1990. 29 авг.

депортированных во время советской аннексии западных территорий Польши в 1939 г. и перемещенных в начале войны в Среднюю Азию и Сибирь. Эти две репатриации осуществлялись разными административно-управленческими путями. В данной статье нам бы хотелось коротко представить, в чем состояла разница между ними, какую роль играли позиция и интересы советского и польского правительств в репатриационном процессе и каковы были последствия.

Перемещения польского меньшинства с новых западных советских территорий (Западная Белоруссия, Западная Украина, регион Вильнюса) в Польшу предусматривались при освобождении территорий от нацистской оккупации и служили подтверждением основной граничной трассировки, установленной в 1939 г. в рамках германо-советского пакта и уточненной в 1940 г.

Смещение новой польской территории на запад примерно на 200 км потребовало теперь и соответствующего переселения из СССР польского этнического населения, а также польских евреев, дабы обеспечить национальную гомогенизацию пограничных регионов. Новое разграничение государственных территорий должно было быть таким образом подкреплено отъездом меньшинств из указанных территорий в новые границы Польши.

Административная сторона организации переселения разрабатывалась в рамках польско-советского государственного соглашения. Оно конкретизировалось тремя соглашениями на республиканском уровне, подписанными в сентябре 1944 г. Украиной, Белоруссией и Литвой, где проживали польские меньшинства. Рамки и условия перемещения населения были скопированы с первой акции такого типа, проведенной советской администрацией совместно с германской в 1939 г., когда немецкая сторона потребовала «репатриации» в Германию представителей немецкого меньшинства из Волыни и Галиции, поселившихся там еще в XVIII в. Два главных принципа тогда легли в основу перемещения: добровольный выезд и обещанная компенсация за оставленное имущество. Для осуществления такой миграционной кампании государство, представляющее интересы переселяемого меньшинства, создавало уполномоченный орган для учета кандидатов и их имущества на выезд.

В 1944 г. для достижения аналогичной цели назначались польские уполномоченные, которые осуществляли регистрацию лиц польской национальности, находящихся на советской территории, чтобы далее вместе с местными советскими администрациями обеспечить их переезд в Польшу. Важно отметить, что в 1944 г. вся переселенческая операция была организована и проведена на республиканском уровне. Это не значит, что не было контроля Москвы (НКВД в перемещениях играл очень активную роль и координировал связь между республиками и Центром). Но в противоположность периоду первой аннексии 1939–1940 гг., когда Москва играла центральную роль в проведении на присоединенных территориях советизации и репрессий, в конце войны всем процессом переселения поляков занимались республиканские правительства. Плановый исход польского меньшинства из Украины начался осенью 1944 г., когда еще не существовало легитимного польского правительства, а действовал создан-

ный в Москве Люблинский комитет, перебравшийся в Польшу летом того года. На момент начала переселения Польша была освобождена частично, большая часть страны находилась в условиях немецкой оккупации. Это весьма сложное положение, тем не менее, было выгодно советскому правительству, которое хотело иметь подконтрольное ему союзное правительство — Люблинский комитет — как альтернативу польскому правительству в изгнании, находящемуся в Лондоне.

Кем были польские руководители, занятые переселениями? Здесь важно подчеркнуть, что эти главные администраторы, даже будучи лояльными служащими нового польского руководства, в большинстве являлись бывшими репрессированными в Советском Союзе. В Люблине главным руководителем переселения (как из восточных регионов СССР, так и из новых западных, ранее польских, территорий) был Владислав Вольский, коммунист с большим партийным стажем. Пережив заключение в польских тюрьмах, в середине 1930-х гг. он уехал в Москву, где вновь подвергся аресту и был в лагере вплоть до 1941 г. Это не помешало ему в конце войны приехать в Люблин и предложить свои услуги Владиславу Беруту, одному из руководителей Польского комитета народного освобождения¹. Главой польского представительства на Украине был капитан Пизло, инженер-агроном, депортированный в 1940 г. и вернувшийся на родину уже в чине капитана созданной в Советском Союзе польской армии². Большинство польских уполномоченных тогда прибыло с востока СССР.

Критерии регистрации лиц, подлежащих переселению, а именно, доказывающие этническую принадлежность лица к польскому этносу или польскому гражданству, не были четко определены и прописаны межгосударственными соглашениями и определялись уже по ходу переселения. Это выявляется при сопоставлении соглашения 1944 г. с германо-советским соглашением 1939 г., по формату которого оно и создавалось. Но если для немцев доминировала этническая самоидентификация, то при регистрации поляков на Украине определяющим был подход Хрущева: все поляки должны покинуть отошедшие к республике территории³.

У польских уполномоченных имелся свой взгляд на сроки и масштабы отъезда польского населения из Украины в Польшу. Поскольку до середины весны 1945 г. большая часть Польши была еще оккупирована немецкой армией, организация массового переселения польской стороной воспринималась как преждевременная. Предпочтение на выезд отдавалось сельскому населению. Мотивировалось это тем, что оно в отличие от городского легче перенесет переселение благодаря наличию скота, поэтому для сельских жителей предусматривалась форма устной регистрации на выезд.

Польские уполномоченные противодействовали отъезду поляков с территории Волыни и Галиции вплоть до весны 1945 г., так как польское

¹ Wolski W. Kartki kontrowersyjne. Krakow: Wydawnictwo Literackie, 1980.

² Информация, сообщенная И.К. Гребченко, одним из руководителей НКВД Украины, уполномоченным следить за эвакуацией поляков из Украины. — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). Ф.4959. Оп. 1.2. Д. 112. Л. 67.

³ В противоположность этому более 200 тыс. лиц польской национальности не смогли выехать из Литвы, так как в большинстве случаев их польская национальность оспаривалась местными властями.

руководство считало это население важным ресурсом для воссоздания страны в ее новых границах. В ближайшей повестке дня стояла задача полонизации бывших германских территорий. Даже будучи просоветской, эта команда не исповедовала приоритеты классовой борьбы, а наоборот, стремилась консолидировать перемещаемых поляков как национальную силу. Препятствие польских уполномоченных форсированному переселению городского польского населения, в частности из Львова, столицы восточной Галиции, где оно было весьма значительным, обернулось волной арестов, которые прошли с января по март 1945 г. и коснулись не только собственно представителей польского меньшинства на Западной Украине, но и польских уполномоченных, очевидно, выполнявших директивы Польского комитета народного освобождения. Последних обвиняли в попытке саботировать процесс переселения, отказах организовывать массовые выезды¹. Эти аресты спровоцировали реакцию в Люблине. Владислав Вольский спешно отправился в Украину и, не сдерживая гнева, сказал представителю НКГБ Украины, который немедленно записал его слова: «Вы насильно отправляете поляков в Польшу. Это террор. Вы вооружите против себя поляков. Вы не имеете никакого права производить отправку польских граждан в Польшу. Это дело польской стороны»². Другими словами, главный ответственный за переселения с польской стороны не дал себя запугать, несмотря на неудачную попытку добиться освобождения членов польского аппарата.

Отношения стали нормализоваться только после Ялтинской конференции и начала наступления на Берлин. Советское правительство обещало полякам поддержать их требования по переносу польской границы на запад, до Одера, но Польский комитет народного освобождения не был уверен в том, что союзники согласятся с планом Сталина³. Отступление немецких войск из Польши и штурм Берлина позволяли осуществить «захват» новых территорий на западе. Это становилось политикой свершившегося факта, когда немедленно, следуя за армиями обширная иммиграция поляков с Украины и других советских республик становилась стратегическим фактором освоения и полонизации ранее принадлежавших Германии земель. На смену политике ограничения выезда с Украины Вольский объявил о радикальном изменении польской позиции в массовом переселении поляков в Польшу⁴.

Со своей стороны польское меньшинство, несмотря на свою привязанность к землям Волыни и Галиции, однозначно осознало сигнал «на выезд», данный преследованиями и репрессиями. Лучше было переселять-

¹ См.: Серджук В. Десять вуремніх літ. Західні українські землі у 1944–1953 гг. Нови документи і матеріали. Київ, 1998. С. 203–209; Шливка Ю. Депортації західні землі України кінця 30-х — початку 50-х гг. Документи, матеріали, спогади: У трьох томах. Т. I: 1939–1945. Львів, Національна Академія Наук України, 1996. С. 412–421; Hryciuk G. «Ciężkie dni Lwowa». Akcja masowych arrestowań we Lwowie w styczniu 1945 r. / W. Wrzesinski, K. Ruchniewicz, B. Szaynok, J. Tyszkiewicz (eds.). Wrocław, 1999. S. 21–33.

² Доклад НКГБ Украины от 3 февраля 1945 г. см.: Серджук В. Десять вуремніх літ... С. 418.

³ Kersten K. The establishment of Communist rule in Poland, 1943–1948. Berkeley, University of California Press, 1991. P. 115.

⁴ Ciesielski S. Przesiedlenie ludności polskiej zkręśów wschodnich do polski 1944–1947. Warszawa, Neriton Pan, 1999. S. 91.

ся на новые западные земли, чем оставаться под угрозой новых депортаций на восток, как это случилось в 1940 г. во время первой советизации этих территорий, когда около 400 тыс. чел. были высланы в спецпоселения в Среднюю Азию, на север и в Сибирь. В конце войны их «репатриация» оказалась на повестке дня.

Репатриация бывших ссыльных

Совсем другое положение было у репрессированных и депортированных бывших граждан Польши, которые находились в отдаленных районах СССР. За годы войны гражданско-правовой статус этой категории польского населения изменился¹. В 1941 г. депортированные поляки были амнистированы, так как Польша стала союзником СССР. В 1942 г. приблизительно 115 тыс. поляков из числа военнопленных и депортированных смогли покинуть СССР в составе польской армии генерала Андерса, ушедшей через Иран воевать на Запад в числе союзных армий.

В 1943 г. положение 280 тыс. поляков, которые продолжали оставаться на территории СССР, вновь ухудшилось из-за обострения отношений с польским правительством за рубежом (в Лондоне) в связи с обнародованием катынского дела. Среди перемещенных бывших польских граждан Москва провела паспортизацию, итогом которой стала массовая советизация. Получение советского гражданства бывшими польскими гражданами исключало для них возможность возвращения на родину. Но одновременно Сталин пошел на создание на территории СССР польского представительства — Союза польских патриотов. Это стало первым шагом на пути формирования польского союзного правительства и освобождения Польши от германского ига.

Кто же руководил Союзом польских патриотов? Во главе этой организации оказалось политическое окружение Ванды Василевской, имевшей доверие у Сталина и выступавшей за решение польского вопроса под контролем СССР. Именно главные вдохновители Союза польских патриотов и составили костяк будущего польского руководства, которое летом 1944 г. создало в Москве Польский комитет народного освобождения. Основная же масса уполномоченных Союза польских патриотов (СПП), действующих среди разбросанных общин на восточных окраинах Союза, были из числа бывших репрессированных².

Первостепенной задачей СПП было создание 30-тысячной польской армии из числа бывших граждан страны, которая должна была войти в Польшу в середине 1944 г. В процессе формирования армии Союзом была проведена перепись польского населения в Средней Азии и Сибири, организована гуманитарная помощь семьям польских военнослужащих. На протяжении первой половины 1944 г. СПП неоднократно обращался к центральной советской власти за разрешением ввиду «тяжелых климати-

¹ Об изменении статусов депортированных польских граждан в течение войны см.: Gousseff С. Кто наш, кто не наш? Концепция и практики гражданства по отношению завоеванных населений: Судьба поляков в СССР, 1940–1946 // Cahiers du monde russe. 2–3/2009. С. 489–520.

² По истории СПП см., в частности: Гловацкий А. Ocalić i repatriować. Opieka nad ludnością polską w głbi terytorium ZSSR (1943–1946). Łódź, Wydawnictwo Łódzkiego, 1994.

ческих условий» Сибири и Севера переселить часть поляков из северных в более южные районы СССР, в том числе на территорию центральной Украины. Москва согласилась на то, что Союз организовал переселение более 20 тыс. поляков из Архангельского региона на Украину. Этой относительно удачно проведенной операцией СПП продемонстрировал свою способность организовывать масштабные переселения. Тем не менее для основной массы гражданского населения перспектив покинуть СССР не было. Польско-советское соглашение, подписанное в сентябре 1944 г. в рамках изменения границ, касалось только поляков, находившихся на новых западных территориях Советского Союза.

Польские солдаты, вступившие в Польшу вместе с Красной армией, настойчиво добивались разрешения выезда в Польшу членам семей. Это требование находило поддержку у польского правительства в Москве, но до июля 1945 г. никаких шагов в этом направлении не предпринималось. Репатриация польских граждан стала возможной только в рамках нового польско-советского соглашения. Но это разрешение оставалось формальным и существовало только на бумаге в течение многих месяцев, так как Москва начала проверку этой категории населения, проводя «депаспортизацию».

Чтобы покинуть СССР, нужно было доказать польскую или еврейскую этническую принадлежность и документально подтвердить (при том, что все документы были отобраны во время предшествующей паспортизации) наличие польского гражданства до 1939 г. Республиканские власти должны были предоставить в Москву списки польских граждан, уточнив тип документов, которые подтверждали их право на выезд из СССР. Но столбец, в котором должен быть указан тип документов, часто оставался пустым. На что Москвой было дано указание выявить подобные документы в местных архивах, что тоже не принесло значительных результатов. После бесконечной переписки с Центром было принято решение создать на местах республиканские комиссии, чтоб проверить идентичность лиц, претендующих на выезд. Ключевую роль в процессе проверки национальности играли представители СПП. Поляки, так долго ждавшие разрешения покинуть СССР и опасаясь невыезда, начали массово вступать в СПП, понимая, что эта организация подконтрольна Советам.

Учитывая наличие большого количества различных бюрократических согласований между польской и советской сторонами, достаточно было польскому представителю в комиссии сказать, что человек поляк, чтобы выезд был разрешен¹. Большинство поляков из отдаленных областей Советского Союза выехало между январем и июнем 1946 г., после того как СПП начал играть важную роль в проверочных комиссиях. К тому же СПП взял на себя устройство специальных пунктов на железнодорожных станциях, в частности на территории Западной Украины, с целью снабжения польских составов продовольствием в течение долгого переезда в западные области Польши, где репатрианты встретились со своими сооте-

¹ Подробный анализ бюрократических сложностей см.: Gousseff С. Кто наш, кто не наш? С. 551–555.

чественниками из Западной Украины, приехавшими, как и они, вновь заселять регионы, отвоеванные у Германии.

История формирования просоветских польских институтов началась после сталинградской победы, они сыграли большую роль в организации возвращения и репатриации на родину поляков и польских евреев, находившихся в СССР. Были ли эти институты организованы в Западной Украине в рамках соглашений о переселении жителей, достигнутых с украинским руководством, либо осуществлены под контролем Москвы, когда речь шла о бывших высланных, массовое возвращение стало возможно при активном участии польских представителей, лояльных к Советскому Союзу и новому возрождающемуся польскому государству. Большинство из этих людей было репрессировано, они провели всю войну в СССР, сполна испытав все тяготы своего положения. Они знали цену, которую уплатила их страна за победу над нацизмом, и понимали, какую роль предстоит сыграть Польше в новой Европе после войны. Их поступками руководили прагматизм и смирение. Как отметил очевидец, встретивший польских представителей в Москве в 1944 г.: «Эти люди наверняка любили свою страну. Они верили, что выбрали единственный возможный путь. И знали, что он не будет легким»¹.

Н.Н. Аблажей, К. Клейн-Гуссефф

1947 ГОД: НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ГРАНИЦЫ

Публикуемый документ представляет собой отчет министра МГБ С.Н. Круглова «О результатах охраны государственной границы пограничными войсками МВД за 1947 год», адресованный И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берии, из коллекции фонда «Секретариат НКВД — МВД СССР», хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации. Вторая опись этого фонда «Сборники совершенно секретных, секретных, несекретных приказов, распоряжений, циркуляров ГПУ—НКВД—МВД СССР» содержит документы высшей степени секретности, объединенные в «особые папки», материалы которых относятся к 1944—1959 гг. Несмотря на то, что ГА РФ осуществлены пять специальных выпусков каталогов документов «особых папок» И.В. Сталина, В.М. Молотова, Н.С. Хрущева и Л.П. Берии² и создан электронный каталог «особых папок», документы

¹ Cathala J. Sans fleur ni fusil. Paris, Albin Michel. P. 344.

² «Особая папка» И.В. Сталина: Из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР. 1944—1953 гг. / Сост. Е.Д. Гринько, М.Е. Колесова, Л.С. Кудрявцева и др. М., 1994; «особая папка» В.М. Молотова: Из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР. 1944—1956 гг. / Сост. Е.Д. Гринько, Л.С. Кудрявцева, О.В. Эдельман. М., 1994; «особая папка» Н.С. Хрущева (1954—1956 гг.); Переписка МВД СССР с ЦК КПСС (1957—1959 гг.): Из материалов Секретариата МВД СССР. 1954—1959 гг. / Сост. С.Г. Гостев, В.П. Козлов, К.Н. Морозов и др. М., 1995; «особая папка» Л.П. Берии: Из материалов Секретариата НКВД—МВД СССР. 1946—1949 гг. / Сост. Е.Д. Гринько, Е.А. Данилина, О.К. Локтева и др. М., 1996; «особая папка» Л.П. Берии: Из материалов Секретариата МВД СССР. 1950 г. — декабрь 1952 г.; Переписка министра внутренних дел Л.П. Берии с Советом министров СССР и ЦК ВКП(б): Из материалов Секретариата МВД СССР. Март — июнь 1953 г. / Сост. Е.А. Данилина, О.К. Локтева, К.Г. Ляшенко. М., 2000.

из подобных уникальных архивных коллекций далеко не в полном объеме введены в научный оборот. Публикация этих рассекреченных архивных документов наряду с неограниченным архивным доступом обеспечивает расширение источниковой базы для многих исторических исследований.

Отдельным сюжетом «особых папок» являются документы по охране государственной границы, к которым можно отнести отчеты МВД о послевоенной демаркации, проведении кампаний по переселению и репатриации и информация о нарушении границы. С окончанием Второй мировой войны и вплоть до конца 1950-х гг. ситуация на границе оставалась нестабильной, что было связано с изменением линии границ, мощным вооруженным антисоветским движением в Литве, Латвии, Эстонии, Западной Белоруссии, Украине и массовой нелегальной миграцией населения из СССР. Советские пограничные войска фиксировали случаи многочисленных переходов из страны — и одиночных, и групп нарушителей, недовольных жизнью в СССР в основном по политическим и экономическим мотивам. Приведенный ниже документ из «особой папки» И.В. Сталина представляет собой типовой вариант годового/поквартального отчета, содержащего анализ оперативной ситуации на границе и сводную статистику о количестве нарушений. Отчет содержит следующие разделы: «Оперативная обстановка на границах», «Пропуск через границу контрольно-пропускными пунктами и задержание контрабанды», «Демаркация государственной границы и прием под охрану новых участков границы», «Мероприятия по пограничному режиму».

При публикации источника сохранены стилистика, орфография и пунктуация, а также авторские подчеркивания. В квадратных скобках даются плохо читаемые (неразборчивые) или пропущенные в документах слова или части слов, буквы, знаки препинания.

**Докладная записка Министерства внутренних дел СССР
руководству страны «о результатах охраны государственной границы
пограничными войсками МВД за 1947 год»**

21 января 1948 г.

Совершено секретно

Товарищу СТАЛИНУ И.В.
Товарищу МОЛОТОВУ В.М.
Товарищу БЕРИЯ Л.П.

Министерство Внутренних Дел СССР докладывает о результатах охраны государственной границы пограничными войсками МВД за 1947 год.

В ^{1,1}течение 1947 года во всех пограничных округах² задержано 13.622 нарушителя государственной границы, из них: при переходе в СССР — 6.259 человек и при попытке перехода из СССР — 7.363 человека.

Количество задержанных нарушителей в 1947 году по сравнению с 1946 годом уменьшилось на 5.551 человека³.

^{1,1-2} В 1947 году (Б);

³ в Б далее напечатано (в 1946 году задержано 19.173 человека);

Основной контингент нарушителей границы,⁴ задержанных при переходе в СССР, составляют лица, нарушившие границу в поисках лучших условий жизни (3.283 человека), с хозяйственно-бытовыми целями (1.449 человек) и случайно нарушившие границу (998 человек).

Из СССР в основном пытались нарушить границу украинские репатрианты, имевшие намерение вернуться в Польшу к местам прежнего жительства (1.792 человека), армяне-репатрианты, пытавшиеся вернуться за границу (354 человека), азербайджанцы-иммигранты, пытавшиеся возвратиться в Иранский Азербайджан (211 человек), а также лица, пытавшиеся нарушить границу с хозяйственно-бытовыми целями (1.326 человек).

Кроме того[,] при попытке нарушить границу задержано:

бандитов и бандпособников	—	157 чел.
контрабандистов	—	48 »
переправщиков	—	52 »
изменников Родине	—	488 »
военнослужащих сопредельных стран	—	109 »
корейцев, пытавшихся уехать с Южного Сахалина через Японию в Корею	—	26 »
японцев, пытавшихся уехать с Южного Сахалина в Японию	—	8 »
прочих нарушителей государственной границы	—	2940 » ⁵

⁶В числе задержанных нарушителей границы разведотделами пограничных частей выявлено 32 агента иностранных разведок, из них на границе с Финляндией — 1, на границе с Румынией — 7, на границе с Ираном — 9, на границе с Афганистаном — 3, на границе с Западным Китаем — 6 и на границе с Маньчжурией — 6 человек⁷. [...] ^a

Оперативная обстановка на границах

На побережье Баренцова моря. В 1947 году в Баренцовом море были задержаны два норвежских рыболовецких бота, зашедшие в воды СССР вследствие неисправности мотора и навигационных приборов. По согласованию с МИД СССР оба бота были освобождены и покинули наши воды.

На границе с Норвегией задержано 5 человек, ⁸случайно нарушивших границу с СССР⁹.

На границе с Финляндией¹⁰ задержано 154 человека, из них при переходе в СССР — 66 и при переходе из СССР — 88 человек.

⁴⁻⁵ в Б (л. 96) напечатано столбцом составляют: Агенты иноразведок... 32 чел. Армяне-репатрианты, пытавшиеся уйти за границу... 354 [чел.] Азербайджанцы-иммигранты, пытавшиеся нелегально возвратиться в Иранский Азербайджан... 211 [чел.] Бандиты и бандпособники... 157 [чел.] Контрабандисты... 48 [чел.] Переправщики... 52 [чел.] Изменники Родине... 488 [чел.] Военнослужащие сопредельных стран... 109 [чел.] Корейцы, пытавшиеся выехать с Южного Сахалина через Японию и Корею... 26 [чел.] Японцы, пытавшиеся бежать с Южного Сахалина в Японию... 8 [чел.] В поисках лучших условий жизни... 3.283 [чел.];

⁶⁻⁷ Значительное количество задержанных нарушителей границы составляют украинцы-репатрианты, пытавшиеся нелегально возвратиться в Польшу к местам жительства, а также перешедшие нелегально из Польши на жительство в СССР (2.141 чел.), лица, переходившие границу с хозяйственно-бытовыми целями (2.775 чел.), лица, случайно нарушившие границу (998 чел.) и нарушители прочих категорий (2.940 чел.) (Б);

^a неразборчиво;

⁸⁻⁹ все эти лица границу СССР нарушили случайно (Б);

¹⁰ в Б далее (после точки) следует Обстановка на границе с Финляндией спокойная. Случаев задержания или переброски через границу агентов иностранных разведок за 1947 год не отмечено. За 1947 год (далее по тексту, как в А);

¹¹Большинство нарушителей границы в СССР составляют лица, переходившие границу с хозяйственно-бытовыми целями, в поисках лучших условий жизни, а также лица, случайно нарушившие границу (55 человек). Большинство нарушителей границы из СССР составляют лица, пытавшиеся перейти границу с хозяйственно-бытовыми целями (27 человек)¹².

На побережье Балтийского моря. Оперативная обстановка на морской границе в Прибалтике характеризуется наличием ¹³в Латвийской и Эстонской ССР¹⁴ подпольных националистических организаций и групп¹⁵, ведущих антисоветскую работу в пограничных районах и пытающихся поддерживать связь с антисоветскими кругами в Швеции.

В сентябре — октябре 1947 года 23 пограничным отрядом была вскрыта и ликвидирована националистическая антисоветская организация «Тевияс-Ванагас»⁶, действовавшая в Либавском, Виндавском и Айзбутском уездах Латвийской ССР. В состав организации входили бывшие легионеры «СС» и полицейские.

¹⁶По делу арестовано 19 человек. На следствии арестованные показали, что организация ставила своей задачей подготовку в случае войны вооруженного выступления против СССР, ведение националистической пропаганды, осуществление террористических актов против советского и партийного актива и была связана с латышским националистическим центром в Швеции, а также назвали до 50 участников организации¹⁷.

¹⁸Дело передано МГБ Латвийской ССР¹⁹.

В течение 1947 года пограничные войска в пограничной полосе в пределах Эстонской и Латвийской ССР имели 19 боевых столкновений с националистическими бандами. Во время этих столкновений убито 25 и задержано 63 бандита²⁰. Кроме того, в результате проведенных оперативных мероприятий задержано 19 человек, находившихся на нелегальном положении, и явилось с повинной 25 человек.

26 октября²¹ в Балтийском море при попытке ухода в Швецию была задержана моторная лодка с четырьмя эстонцами²², имеющими родственников в Швеции. Задержанные показали, что они пытались нелегально пробраться в Швецию, где при содействии родственников и знакомых устроиться на работу.

В связи с²³ обстановкой на Балтийском побережье и данными о наличии нелегальных связей эстонского и латышского ²⁴антисоветского националистического подполья²⁵ с антисоветскими кругами в Швеции, МВД СССР приняты меры к усилению охраны морской границы и оперативной работы на побережье.

^{11–12} В числе задержанных: бандитов — 12, изменников Родине — 18, военнопленных, бежавших из лагерей — 23, бежавших из мест заключения — 2, перешедших границу в поисках лучших условий жизни — 10, с хозяйственно-бытовыми целями — 39, случайно нарушивших границу — 33 и нарушителей прочих категорий — 12 человек (Б);

^{13–14} нет в Б;

¹⁵ в Б далее в прибалтийских республиках;

⁶ другое название «Тевияс-Ванагас» (Б);

^{16–17} При обыске у арестованных членов организации было изъято: 3 немецких ручных пулемета, 4 автомата, 2 пистолета, винтовка, патроны, членские карточки организации. Организация ставила задачей подготовку вооруженного выступления против СССР на случай войны, пропаганду националистических взглядов, индивидуального террора против советского и партийного актива. Всего арестовано 19 человек. Все арестованные на следствии свою принадлежность к контрреволюционной организации «Тевияс-Ванагас» подтвердили и показали, что в своей деятельности организация была связана с латышским националистическим центром в Швеции. Арестованные дали также показания о принадлежности к организации «Тевияс-Ванагас» еще до 50 человек (Б, л. 97–98);

^{18–19} Дальнейшее следствие по делам арестованных передано МГБ Латвийской ССР (Б);

²⁰ 17 бандитов (Б);

²¹ в Б далее 1947 года;

²² нарушителями границы (эстонцами) (Б);

²³ в Б далее создавшейся оперативной;

^{24–25} антисоветских националистических подполья (Б);

В течение 1947 года состав пограничных судов в Прибалтике был увеличен на 17 единиц, а всего привлечено к охране побережья 54 пограничных корабля.

В 1948 году Балтийское побережье будет усилено 22 судами, по мере поступления их из промышленности.

На границе с Польшей²⁶ задержано 4.903 человека²⁷, из них при переходе в СССР — 972 и при переходе из СССР — 3.931 человек.²⁸

²⁹Большинство нарушителей границы из СССР составляют украинцы-репатрианты, которые, будучи расселены на территории Украинской ССР, ввиду материальных затруднений и необеспеченности жильем в местах расселения, пытались нелегально возвратиться в Польшу (1.792 человека); лица, пытавшиеся перейти границу с хозяйственно-бытовыми целями (71 человек). В СССР в основном пытались перейти украинцы — жители Польши, в связи с проводимыми польскими властями мероприятиями по переселению украинского населения в западные районы Польши (349 человек) и лица, перешедшие границу с хозяйственно-бытовыми целями (905 человек).³⁰

Оперативная обстановка на границе³¹ в пределах Литовской ССР характеризуется наличием в пограничной полосе ³²литовских и польских³³ националистических банд, производящих налеты на советский и партийный актив и организующих переправы через границу для установления связей с националистическим литовским центром за границей и «АК»-овским подпольем в Польше.³⁴

За 1947 год пограничные войска в пограничной полосе Литовской ССР имели 18 боевых столкновений с ³⁵националистическими бандами³⁶, в результате которых убито 35 и захвачено 20 бандитов.³⁷

Обстановка на границе с Польшей в пределах УССР характеризуется следующим:³⁸

После убийства оуновцами польского генерала СВЕРЧКОВСКОГО^в польским правительством были приняты меры к усилению борьбы с оуновскими бандами, в связи с чем последние стали группами переходить через границу на территорию западных областей Украины³⁹, устанавливая связи с местным националистическим подпольем.

В течение 1947 года пограничные войска на границе с Польшей в пределах Украинской ССР имели 105 боевых столкновений с бандами. В результате этих столкновений убито 131 и задержано 586 бандитов⁴⁰. 14 банд в количестве около 100 человек после столкновения с пограничниками и больших потерь прорвались

²⁶ здесь и далее в Б печатается с абзаца (выделяется раздел) На границе с Польшей; На границе с Чехословакией; На границе с Румынией; На границе с Турцией; и т. д.

²⁷ нарушителей границы (Б);

²⁸ в Б далее напечатано В 1947 году по сравнению с 1946 годом задержания нарушителей на границе с Польшей уменьшились на 2.305 человек (в 1946 году задержано 7.208 чел.).

^{29–30} нет в Б;

³¹ в Б далее с Польшей;

^{32–33} нет в Б;

³⁴ за границей (Б);

^{35–36} бандами националистического подполья (Б);

³⁷ в Б далее напечатано с абзаца (л. 99) 4 сентября 1947 года на участке 94 пограничного отряда Литовского округа в результате агентурной разработки была арестована группа бандитов в числе 7 человек. В процессе следствия установлено, что арестованные входили в состав литовской националистической банды «Ожис», действующей в Литовской ССР, и принимали участие в вооруженных налетах на советские учреждения. В конце мая 1945 года были направлены в Польшу для осуществления переправ через границу связников литовского нацподполья с зарубежным националистическим центром. Следствие по делу закончено и передано [по подсудности].

³⁸ деятельностью украинских националистов (ОУН). (Б);

^в другое написание СВЕРЧЕВСКОГО (Б);

³⁹ Украинской ССР (Б);

⁴⁰ 101 бандит (Б);

через границу и скрылись в лесных массивах на территории западных областей Украинской ССР. Дальнейшие операции против этих банд проводились войсками МГБ.

Кроме того, в пограничной полосе арестовано 379 бандитов и бандпособников и 122 участника националистического подполья.

Пограничными войсками при ликвидации банд обнаружено и уничтожено 90 хранилищ, в которых были изъяты оуновские документы, среди них документы разведывательного характера⁴¹, предназначавшиеся для нелегальной переправы оуновскому центру, находящемуся в американской зоне оккупации Германии.

В процессе следствия по делам задержанных бандитов установлены факты заброски в СССР зарубежными националистическими центрами в Польшу и ⁴²в американской зоне оккупации Германии⁴³ агентов-связников для установления связи и передачи директив антисоветским националистическим организациям на территории Украинской ССР.⁴⁴

На границе с Чехословакией задержано 592 человека⁴⁵, из них при переходе в СССР — 159 и из СССР — 433 человека.⁴⁶

⁴¹ в Б далее после двоеточия напечатано отчеты кустовых проводников о численности и вооружении пограничных застав, органов МВД и МГБ в пограничных районах, а также о деятельности советско-партийных и хозяйственных органов;

^{42–43} Германии (американская зона оккупации) (Б);

⁴⁴ далее в Б (л. 100–101) напечатано с абзаца 29 ноября 1947 года на участке 7 пограничного отряда Украинского округа при переходе границы из Польши в СССР был задержан вооруженный нарушитель границы ЯБЛОНСКИЙ-ФЕНИК В.П., 1928 года рождения, украинец, уроженец Польши. У задержанного было изъято: ОУНовская литература, блокнот с зашифрованными фамилиями, явками и паролями на нашей и польской территории и другие документы. На предварительном следствии ЯБЛОНСКИЙ-ФЕНИК показал, что он с 1942 года являлся членом украинской молодежной организации «Юнамов» и направлен в СССР ОУНовским центром мельниковского направления, находящимся в г. Мюнхен (американская зона оккупации Германии) в качестве связника центрального провода. В г. Мюнхен ЯБЛОНСКИЙ-ФЕНИК перед переброской в течение 6 месяцев проходил специальную подготовку по изучению организации, тактики и конспирации ОУН. По его показаниям, в лагере «Фрайман» в Мюнхене проходят [подготовку] еще ряд курьеров-связников ОУНовского центра мельниковского направления. Эти показания подтверждаются другим задержанным ОУНовцем КОПЫЛОВСКИМ. ЯБЛОНСКИЙ-ФЕНИК передан для дальнейшего следствия в МГБ Украинской ССР.

Остальной контингент задержанных нарушителей на границе с Польшей, помимо пытающихся прорваться через границу бандитов, составляют: изменники Родине — 90 чел., переправщики — 20 чел., военнопленные, бежавшие из лагерей с целью ухода за границу — 291 чел., с хозяйственно-бытовыми целями — 976 человек.

Кроме того, задержано 1.792 человека украинцев-репатриантов, которые, будучи расселены на территории Украинской ССР, ввиду материальных затруднений и необеспеченности жильем в местах расселения пытались нелегально возвратиться в Польшу, и 349 украинцев — жителей Польши, перешедшие в СССР на постоянное жительство в связи с проводимыми польскими властями мероприятиями по переселению украинского населения в западные районы Польши;

⁴⁵ нарушителя границы (Б);

⁴⁶ далее в Б (л. 101) В 1947 году количество задержанных нарушителей границы по сравнению с 1946 годом уменьшилось на 1.768 человек (в 1946 году задержано 2.360 человек).

Характерными в обстановке на границе с Чехословакией являются попытки жителей Закарпатской области перейти на жительство в Чехословакию (задержано 208 чел.) и нарушения границы с хозяйственно-бытовыми целями, а также для свидания с родственниками (90 чел.).

Кроме того, задержано 10 переправщиков и 8 изменников Родине. Остальной контингент задержанных нарушителей составляют лица, возвращающиеся к месту прежнего жительства (205 чел.) и прочие категории нарушителей (71 чел.).

⁴⁷Основной контингент задержанных при переходе в СССР составляют лица, возвращающиеся к месту прежнего жительства (50 человек), нарушившие границу с хозяйственно-бытовыми целями (42 человека). Из СССР пытались нарушить границу изменники Родине (8 человек), жители Закарпатской области, намеревавшиеся перейти на жительство в Чехословакию (208 человек), лица, пытавшиеся вернуться к прежнему месту жительства (155 человек) и с хозяйственно-бытовыми целями (48 человек).⁴⁸

На границе с Венгрией задержано ⁴⁹229 человек⁵⁰, из них при переходе в СССР — 95 человек ⁵¹(главным образом, в поисках лучших условий жизни)⁵² и при переходе из СССР — 127 человек, ⁵³в основном венгры — жители Закарпатской области УССР, пытающиеся перейти на жительство в Венгрию.⁵⁴

На границе с Румынией задержано 2.569 человек, из них при переходе в СССР — 959 и при переходе из СССР — 1.610 человек.

⁵⁵Основной контингент задержанных при переходе в СССР составляют лица, перешедшие в поисках лучших условий жизни (569 человек), с хозяйственно-бытовыми целями (502 человека) и возвращающиеся к местам прежнего жительства (67 человек).

При попытке нарушить границу из СССР в основном задерживались лица, возвращающиеся к местам прежнего жительства (115 человек) и нарушители границы с хозяйственно-бытовыми целями (113 человек).⁵⁶

⁵⁷Кроме того, было задержано 492 человека, пытавшихся нелегально уйти в Румынию в связи с имевшими место в начале прошедшего года экономическими затруднениями на юге Молдавии и в Измаильской области Украинской ССР.⁵⁸

Характерным в оперативной обстановке на границе с Румынией является задержание иностранных агентов, забрасываемых на территорию СССР реакционно-настроенными румынскими кругами при участии в отдельных случаях английских и американских офицеров для сбора данных о дислокации частей Советской Армии, пограничных войск и данных политико-экономического характера.⁵⁹

^{47–48} нет в Б;

^{49–50} 222 нарушителя (Б);

^{51–52} нет в Б;

^{53–54} нет в Б; далее в Б (л. 101–102) напечатано с абзаца Основной контингент нарушителей границы составляют венгры — жители Закарпатской области, пытающиеся перейти на жительство в Венгрию (95 чел.) и возвращающиеся к месту прежнего жительства (43 чел.).

Остальной контингент нарушителей составляют лица, нарушающие границу с хозяйственно-бытовыми целями и для свидания с родственниками (27 чел.) в поисках лучших условий жизни в СССР (19 чел.) и прочие категории нарушителей (45 чел.).

^{55–56} нет в Б;

^{57–58} в Б данный абзац помещен в самом конце раздела «На границе с Румынией» перед разделом «На границе с Турцией» (л. 103);

⁵⁹ в Б далее (л. 102–103) напечатано с абзаца За 1947 год на границе с Румынией задержано и разоблачено 7 агентов иностранной разведки.

10 апреля 1947 года на участке 31 пограничного отряда Закарпатского округа при попытке ухода в Румынию задержана МУРАРЕСКУ Елизавета Константиновна (она же УВАРОВА Елизавета Михайловна), 1927 года рождения, с марта 1945 года по февраль 1947 года работала в советском госпитале № 1134 в г. [Брайдов] (Румыния).

Следствием в пограничном отряде установлено, что МУРАРЕСКУ-УВАРОВА 17 ноября 1945 года завербована двумя неизвестными ей английскими офицерами, которые снабдили ее документами на имя УВАРОВОЙ Е.М. и под видом репатриантки в марте 1947 года направили в УССР с заданием установить дислокацию частей Советской Армии, наличие аэродромов и собрать сведения о ходе коллективизации в Западных областях УССР.

Посетив г. Киев, Львов, Тернополь, Станислав, Мукачево и Ужгород, МУРАРЕСКУ-УВАРОВА после выполнения задания возвращалась обратно в Румынию, но была задержана пограничниками. Военным Трибуналом войск МВД Черновицкой области МУРАРЕСКУ-УВАРОВА осуждена на 15 лет ИТЛ.

На границе с Турцией⁶⁰ ⁶¹ задержано 368 человек, из них при переходе в СССР — 9 и из СССР — 359 человек.⁶²

Из числа задержанных 359 нарушителей, пытавшихся уйти в Турцию, 328 человек составляют армяне-репатрианты, в том числе 40 человек из числа⁶³ прибывших в Армянскую ССР в 1947 году.

По состоянию на 1 января с.г. пограничными войсками МВД выявлено 968 реиммиграционно-настроенных и готовящихся к нелегальному побегу за границу армян-репатриантов.⁶⁴

В целях предотвращения побегов армян-репатриантов за границу МВД СССР были приняты дополнительные меры к увеличению плотности охраны⁶⁵ границы в пределах Армянского пограничного⁶⁶ округа (первое усиление погранвойск в Армении производилось в 1946 году). В 1947 году выставлено дополнительно 15 линейных застав, 8 разведывательных постов и 2 неотдельные пограничных комендатуры, а общая численность войск Армянского округа увеличена на 1.132 человека.

В 1947 году отмечено также увеличение попыток к бегству в Турцию отдельных лиц из глубинных районов СССР. Таких нарушителей в 1947 году было задержано на участке Батумского пограничного отряда 9 человек.⁶⁷

В течение прошлого⁶⁸ года на советско-турецкой границе отмечались неоднократные случаи провокационных действий турецких солдат и офицеров, выразив-

На участке 31 пограничного отряда Закарпатского округа задержан нарушитель на границе из Румынии ПАКСИН Василий Антисьянович, румын, житель г. Бухарест. На следствии в пограничном отряде ПАКСИН показал, что в сентябре 1944 года был завербован инспектором сигуранцы жандармского управления ФИРАРУ в присутствии одного иностранца. До мая 1946 года использовался указанными лицами на румынской территории, ведя наблюдение за воинскими эшелонами, следующими из СССР в Румынию и обратно. В июне 1946 года ПАКСИН в присутствии двух американских и одного английского офицеров получил от ФИРАРУ задание выехать в СССР под видом репатрианта для сбора разведывательных данных о количестве и роде войск в пограничных селах Черновицкой области, об отношении населения, в частности румынского, и советской власти. ПАКСИН осужден Военным Трибуналом за шпионаж на 10 лет тюремного заключения.

Остальной контингент задержанных на границе с Румынией составляют: изменники Родине — 153 чел., военнопленные и интернированные, бежавшие из лагерей — 135 чел., переправщики — 15 чел., контрабандисты — 20 чел. Остальные нарушители границы, это лица, перешедшие границу в поисках лучших условий жизни — 569 чел., с хозяйственно-бытовыми целями — 615 чел., возвращающиеся к месту прежнего жительства — 182 чел., случайно нарушившие границу — 145 чел. и прочих категорий нарушителей — 236 чел.

Кроме того, было задержано 292 чел., пытавшихся нелегально уйти в Румынию в связи с имевшими место в начале года экономическими затруднениями на юге Молдавии и в Измаильской области Украинской ССР.

⁶⁰ в Б далее напечатано с абзаца (л. 103) Оперативная обстановка на границе с Турцией характеризуется наличием значительного числа реиммиграционных настроений среди армян-репатриантов, прибывших из-за рубежа в 1946—47 гг. и активной подготовкой их к побегу в Турцию.

⁶¹⁻⁶² нет в Б;

⁶³ нет в Б;

⁶⁴ нет в Б (армян-репатриантов);

⁶⁵ в охране (Б);

⁶⁶ нет в Б;

⁶⁷ в Б далее напечатано с абзаца (л. 104) 19 июля 1947 года на участке этого отряда при попытке ухода в Турцию был задержан КАРИМОВ Мегарли, башкир, курсант Рязанского пехотного училища. Будучи отчислен и в часть за совершенные проступки, КАРИМОВ дезертировал и прибыл в г. Батуми с целью нелегального ухода через Турцию в Америку.

25 июля 1947 года на участке этого же отряда был задержан НОВИЦКИЙ Андрей Зиновьевич, который до 1946 года служил в Черноморском флоте в должности писаря-старшины. После демобилизации разъезжал по разным городам СССР и прибыл в Батуми с целью нелегального ухода в Турцию.

⁶⁸ 1947 года (Б);

шихся в обстрелах советской территории и пограничников (5 случаев), в попытках втянуть в разговоры пограничников и местных советских жителей и склонения их на переход в Турцию (7 случаев) и нарушения границы турецкими солдатами (3 случая). По всем случаям нашими пограничными комиссарами были заявлены протесты турецким⁶⁹ властям⁷⁰.

На границе с Ираном задержано 726 человек, из них при переходе в СССР — 428 и при переходе из СССР — 298 человек.

⁷¹Основной контингент нарушителей границы из СССР составляют иммигранты из Иранского Азербайджана, пытавшиеся нелегально возвратиться в Иран (207 человек), а в СССР лица перешедшие границу в поисках лучших условий жизни или убежища (237 человек)⁷².

В 1947 году иранские разведывательные органы усилили работу по заброске в СССР агентуры с заданиями разведывательного характера⁷³.

На границе с Афганистаном задержано 72 человека, из них при переходе в СССР — 64 и при переходе из СССР — 8 человек⁷⁴.

⁶⁹ туркам (Б);

⁷⁰ в Б далее напечатано с абзаца (л. 104) В то же время со стороны турецких пограничных комиссаров увеличилось количество необоснованных протестов о якобы имевших место [освещениях прожекторами] турецкой территории, нарушениях границы советскими самолетами и др. За 1947 год от турецких пограничных комиссаров было получено [21] таких письменных протестов. Все они после тщательной проверки и расследования были отклонены нашими пограничными комиссарами, как необоснованные.

^{71–72} нет в Б;

⁷³ в Б далее напечатано (задержано и разоблачено 9 агентов); далее (л. 104–105) с абзаца В феврале 1947 года на участке 67 пограничного отряда Туркменского округа одновременно было задержано 6 нарушителей из Ирана, которые под видом членов народно-демократической партии перешли в СССР якобы в поисках убежища от преследования иранских властей. В процессе следствия все они были разоблачены, как агенты иранских разведывательных органов и были направлены в СССР для сбора шпионских сведений о численности и дислокации советских войск и политико-экономическом состоянии отдельных районов Туркменской ССР. Задержанные имели задание устроиться на работу на нефтепромыслах или на железной дороге с целью сбора сведений об этих объектах, связаться с иранской агентурой нашей территории, установить местонахождение иранских эмигрантов — руководителей местных организаций народно-демократической партии и склонить их к возвращению в Иран.

10 октября 1947 года на участке 46 пограничного отряда того же округа задержан ИСМАИЛ МАМЕД ОГЛЫ, который следствием в пограничном отряде был разоблачен, как агент иранской разведки. ИСМАИЛ МАМЕД ОГЛЫ был направлен в СССР резидентом иранской разведки МИРЗА СОВДАГАРОВЫМ для связи с агентом иранской разведки ЛАЛЛЫХ ХАНОМ, проживающим в [Каахкинском] районе Туркменской ССР, от которого получить сведения о мероприятиях советского военного командования в пограничной полосе, дислокации и численности пограничных войск.

Остальной контингент нарушителей границы составляют: изменники Родине — 18 чел., иммигранты из Иранского Азербайджана, пытавшиеся нелегально возвратиться в Иран — 207 чел., с хозяйственно-бытовыми целями — 157 чел., в поисках лучших условий жизни — 120 чел., в поисках убежища — 117 чел., прочих категорий нарушителей — 98 чел.

Кроме того, в июне 1947 года в поисках убежища от преследований иранских властей в СССР перешел отряд курдов племени [«Барзани»] в количестве 500 чел. во главе с МОЛЛА МУСТАФОЙ. Все курды расселены в тыловых районах Азербайджанской ССР (доложено письмом № 1/10320 от 19 июня 1947 года).

⁷⁴ в Б далее (л. 105–106) напечатано с абзаца Из числа задержанных следствием разоблачено три агента афганских разведывательных органов и 34 изменника Родине, бежавшие в Афганистан в период войны и возвращавшиеся в СССР. Кроме того, из числа жителей нашей пограничной полосы арестовано и разоблачено два агента афганской разведки.

22 июня 1947 года на участке 66 пограничного отряда Таджикского округа при переходе границы из Афганистана был задержан ДЖИРАКОВ Абдулмамед, он же ДУРБОС, 192[5] года рождения, уроженец и житель Афганистана. Следствием установлено, что ДЖИРАКОВ с 1946 года является агентом афганской разведки, завербован помощником афганского погра-

⁷⁵ Большинство задержанных нарушителей границы в СССР составляют лица, перешедшие границу в поисках лучших условий жизни (31 человек) и из СССР иммигранты из Иранского Азербайджана, пытавшиеся нелегально возвратиться в Иран через афганскую границу (4 человека).⁷⁶

На границе с Западным Китаем задержано 2.134 человека, из них при переходе в СССР — 1.944 и при переходе из СССР — 190 человек.

Обстановка на границе с Синьцзяном характеризуется увеличением количества задержаний нарушителей границы преимущественно за счет лиц, идущих из Синьцзяна в СССР на постоянное жительство. В 1947 году количество задержанных нарушителей этой категории составило 1.418 человек и по сравнению с 1946 годом увеличилось на 915 человек.

По показаниям задержанных, причинами, побудившими их к переходу в СССР, являются тяжелое экономическое положение в Синьцзяне, безработица, особенно среди молодежи, высокие цены на продовольственные и промышленные товары и стремление молодежи учиться в СССР.

Среди перешедших из Синьцзяна в СССР много русских женщин с детьми, которые в 1937–38 г.г. выехали в Синьцзян по визам со своими мужьями-китайцами. Во время национально-освободительного движения в Синьцзяне главы этих семей убиты или выехали в Центральный Китай, вследствие чего семьи возвращаются в СССР к прежнему месту жительства.

⁷⁷ Установлено, что⁷⁸ полицейские органы Южного Синьцзяна усилили заброску агентуры в СССР с заданиями разведывательного характера.⁷⁹

На границе с Монгольской Народной Республикой задержано 279 человек, из них при переходе в СССР — 115 и при переходе из СССР — 164 человека.

Большинство⁸⁰ задержанных составляют лица, пытавшиеся нарушить границу в МНР с хозяйственно-бытовыми целями (154 человека).

На границе с Маньчжурией задержано 1.537 человек, из них при переходе в СССР — 1.418 и при переходе из СССР — 119 человек.⁸¹

ничного комиссара в г. Шугнана, по поручению которого дважды выходил в СССР для сбора сведений о дислокации пограничных войск, милиции, автотранспорта в Хороге и установлении ранее перешедших в СССР афганских эмигрантов. Военным Трибуналом войск МВД Таджикской ССР ДЖИРАКОВ Абдулмамед осужден на 15 лет лишения свободы.

^{75–76} Остальные задержанные на границе нарушители составляют: в поисках лучших условий жизни — 31 чел. и иммигрантов Иранского Азербайджана, пытавшихся нелегально возвратиться в Иран через афганскую границу — 4 человека (Б);

^{77–78} нет в Б;

⁷⁹ в Б далее следует (задержано и разоблачено 6 агентов китайской полиции); далее (л. 106–107) напечатано с абзаца 29 июля 1947 года на участке 16 отдельной пограничной комендатуры Киргизского пограничного округа при переходе границы из Западного Китая были задержаны: АСЫЛБЕКОВ Алмат и ЮСУПОВ Тохта — жители Западного Китая. Задержанные признались в принадлежности к органам китайской полиции, по заданию которой перешли в СССР для сбора шпионских сведений.

АСЫЛБЕКОВ Алмат и ЮСУПОВ Тохта Военным Трибуналом МВД Киргизской ССР осуждены к 15 годам лишения свободы каждый.

⁸⁰ Основное количество (Б);

⁸¹ в Б далее (л. 107–108) напечатано с абзаца В числе задержанных нарушителей следствием в пограничных отрядах разоблачено 6 агентов гоминдановской разведки в Маньчжурии.

9 сентября и 22 октября 1947 года на участке 58 Гродековского пограничного отряда при переходе границы из Маньчжурии были задержаны китайцы ВАН ШОУ-ЛИН, 1895 года рождения, и БИ ЮЙ-ХЭ, 1925 года рождения. Следствием установлено, что они являются агентами гоминдановской разведки и были направлены на территорию СССР с заданиями:

- установить связи Народно-Освободительной Армии Китая с СССР;
- в чем выражается помощь СССР Народно-Освободительной Армии Китая;
- обучаются ли войска Народно-Освободительной Армии Китая на территории СССР;
- оборонное и экономическое состояние пограничной полосы СССР.

⁸² Большинство нарушителей⁸³ составляют лица, перешедшие в СССР в поисках лучших условий жизни (518 человек), в том числе задержано 395⁸⁴ русских, жителей Маньчжурии, преимущественно из числа принявших советское гражданство в 1946⁸⁵ году. Свой переход в СССР они объясняют тяжелыми условиями жизни в Маньчжурии⁸⁶.

В процессе фильтрации задержанных русских выявлено 22 человека, служивших в организованном до войны японцами белогвардейском отряде⁸⁷.

Кроме того, на границе с Маньчжурией на участке Хабаровского пограничного округа в течение 1947 года имели место 54 выхода на территорию СССР представителей Народно-Освободительной Армии Китая, которые обращались с просьбой⁸⁸ об оказании помощи медикаментами, средствами связи и т. п.

Все они возвращены обратно в Маньчжурию.

На Южном Сахалине задержан 61 человек, в том числе было задержано 27 человек на шести катерах, случайно нарушивших границу вследствие потери ориентировки в тумане, неисправности моторов⁸⁹ и другим причинам⁹⁰. Задержанные по согласованию с МИД СССР направлялись⁹¹ в Японию.

При попытке ухода из СССР задержано 34 человека, в том числе 26 корейцев, пытавшихся нелегально выехать с Южного Сахалина через Японию в Корею, и 8 японцев, пытавшихся бежать в Японию.

На побережье Курильских островов в сентябре — октябре 1947 года отмечено 4 случая полета американских самолетов над островами Малой Курильской гряды — Суйсето, Сикотан, Актори-Сима и Юри-Сима.

На границе с США в 1947 году были отмечены систематические полеты американской авиации в районе Чукотского полуострова и прилегающих к нему

Для дальнейшего следствия ВАН ШОУ-ЛИН и БИ ЮЙ-ХЭ переданы в УМГБ Приморского края.

21 сентября 1947 года на участке 69 Ханкайского пограничного отряда при нарушении границы из Маньчжурии в СССР был задержан китаец ЮЙ ЧАН-ЛУН, 29 лет. Следствием установлено, что ЮЙ ЧАН-ЛУН с марта 1947 года состоял на службе в частях Народно-Освободительной Армии Китая, 5 мая 1947 года в районе г. Мукден был захвачен в плен войсками Гоминдана и впоследствии был завербован гоминдановской разведкой. Пройдя тщательную подготовку, он 15 сентября 1947 года перешел на территорию СССР с заданием:

- установить дислокацию и численность частей Советской Армии;
- расположение аэродромов, количество самолетов;
- наличие артиллерийских парков;
- интенсивность железнодорожных перевозок и характер перевозимых грузов через станцию Гродеково.

22 ноября 1947 года на участке того же отряда при переходе границы из Маньчжурии был задержан СИНИЦЫН Андрей Матвеевич, 1928 года рождения, русский, уроженец г. Гродеково, Приморского края, в 1930 году был вывезен родителями в Маньчжурию, где и проживал до перехода границы в СССР, в 1945 году принял советское гражданство. Предварительным следствием установлено, что СИНИЦЫН с июля 1946 года является членом подпольной гоминдановской организации на ст. Пограничная (Маньчжурия), в состав которой входило 9 человек русских и 2 китайца. Выполняя обязанности радиста, он по заданию этой организации систематически собирал сведения о количестве и характере перевозимых из СССР в Маньчжурию через ст. Пограничная грузов. Для дальнейшего следствия задержанный передан в УМГБ Приморского края.

82–83 Остальной контингент нарушителей (Б);
84 395 чел. (Б);
85 1945 году (Б);
86 в Б далее напечатано (трудность получения работы, высокие цены на продукты питания и пр.);
87 в Б далее напечатано Асано (японец, бывший начальник этого отряда);
88 с различными просьбами (Б);
89–90 или незнании принадлежности островов (Б);
91 выдворялись (Б);

островов, а также появление в Беринговом проливе судов американского военно-морского флота.

В течение года у побережья мыса Принца Уэльского, островов Диомид и Кинг зафиксировано 50 случаев полета американских самолетов, базирующихся на аэродроме в г. Ном (Аляска). В августе 1947 года в Чукотском море и Беринговом проливе находилась в плавании база подводных лодок «Перус»^г (4 подводные лодки). 9 августа две лодки проходили в 16 милях от побережья Чукотского полуострова.

В целях усиления наблюдения за действиями американской авиации и флота, МВД СССР приняты меры к усилению охраны границы на Чукотском полуострове, для чего⁹² дополнительно выставлены пограничные заставы и сформирована эскадрилья самолетов.

⁹³Безнаказанно нарушило границу в 1947 году 634 человека, из них: в СССР — 104 человека, из СССР — 530 человек.

В результате проведенных мер по усилению охраны границ Советского Союза в 1947 году безнаказанно нарушило границу на 516 человек или на 44,9 % меньше, чем в 1946 году.⁹⁴

Пропуск через границу контрольно-пропускными пунктами и задержание контрабанды

Контрольно-пропускные пункты пограничных войск МВД⁹⁵ осуществляли пропуск⁹⁶ через границу советских граждан, возвращающихся из-за границы на Родину,⁹⁷ военнослужащих Вооруженных сил СССР и членов их семей,⁹⁸ обслуживающего персонала транспортных средств заграничного следования,⁹⁹ лиц, эвакуируемых в порядке соглашения между СССР и Польшей, оптируемых в порядке соглашения между СССР и Чехословакией, репатрируемых военнопленных и гражданских лиц¹⁰⁰.

Всего за 1947 год пропущено через границу 3.013.480 человек, в том числе 19.653 иностранца по паспортам и визам.

За этот период пропущено через границу 51.181 поезд, 9.957 судов и 12.346 самолетов.

Из числа следовавших через границу задержано с неисправными документами 5.113 человек и пытавшихся нелегально проехать через границу 67 человек.

^{11,1}В 1947 году пограничными частями и контрольно-пропускными пунктами² задержано контрабанды на сумму 12.174.136 рублей.

Демаркация государственной границы и прием под охрану новых участков границы

В 1947 году закончены работы по демаркации государственной границы между СССР и Норвегией, СССР и Финляндией в пределах регулирующей плотины Янискоски-Нискакоски, участок которой принят под охрану пограничными войсками МВД 15 июля 1947 года, и между СССР и Польшей.

Работа по демаркации государственной границы между СССР и Афганистаном продолжается.

^г другое написание «Нерус» (Б);

⁹² далее в Б напечатано в составе 110 пограничного отряда;

⁹³⁻⁹⁴ нет в Б;

⁹⁵⁻⁹⁶ вели работу по пропуску (Б);

⁹⁷ в Б далее напечатано эвакуируемых, оптируемых, репатрируемых военнопленных, в том числе японцев и корейцев в Японию;

⁹⁸ в Б далее напечатано а также;

⁹⁹⁻¹⁰⁰ нет в Б;

^{11,1-2} нет в Б;

Мероприятия по пограничному режиму

³В 1946 году в целях усиления пограничного режима по представлению Министерства внутренних дел Советом Министров СССР было издано постановление № 1435-631 сс об установлении запретной пограничной зоны и береговой пограничной полосы в пределах Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Белорусской, Украинской и Молдавской ССР, Мурманской, Ленинградской и Южно-Сахалинской областей⁴.

⁵В результате проведенной во исполнение этого Постановления паспортизации⁶ из пограничной полосы на западной границе отселено 2.377 человек, не имеющих права проживать в пограничной полосе.

На основании этого же Постановления Советами Министров Белорусской и Украинской ССР были приняты меры к отселению жителей из 800-метровой пограничной полосы. Подлежало отселению 4.243 хозяйства, из них отселено 2.499 хозяйств. Остальные 1.744 хозяйства будут отселены после утверждения Правительств СССР и Польши протоколов Смешанной Советско-Польской Комиссии по демаркации границы.

⁷В связи со значительным некомплектом⁸ в пограничных войсках, составляющим 41.504 человека (28,8%), были приняты меры к широкому развертыванию работы среди местного пограничного населения по привлечению⁹ его к охране границы в помощь пограничным войскам¹⁰. В результате проведенной¹¹ работы местным населением за 1947 год задержано 912 нарушителей границы.

В 1947 году пограничными войсками продолжалась работа по инженерно-техническому оборудованию границы.

Для усиления контроля за ненарушимостью границы контрольно-следовая полоса, служащая для фиксации следов нарушения границы, увеличена на 988 км, а общее протяжение контрольно-следовой полосы вдоль государственной границы составляет в настоящее время 10.246 км. На наиболее важных участках границы установлено 410 км проволочных заграждений, из них 206 км специальных сигнализационных заграждений. Всего на сухопутной границе СССР в настоящее время установлено 2.830 км проволочных заграждений различных типов.

Одновременно были приняты меры к усилению контроля и¹² соблюдением пограничного режима. Пограничными войсками за 1947 год задержано 138.183 нарушителя пограничного режима.¹³

В целях дальнейшего укрепления наиболее активных участков границы из состава конвойных войск МВД передаются на усиление пограничных войск на границе с Турцией, на некоторых участках границы с Польшей в Украинской ССР и на побережье Балтийского моря¹⁴ 5.000 солдат.

¹⁵МВД СССР принимает¹⁶ необходимые меры к дальнейшему усилению контроля за паспортным и пограничным режимом, развертыванию¹⁷ работы среди

³⁻⁴ нет в Б;

⁵⁻⁶ В результате проведенной паспортизации во исполнение Постановления Совета Министров Союза ССР от 29 июня 1946 года № 1435-631 сс (Б);

⁷⁻⁸ Учитывая значительный недокомплект (Б);

⁹⁻¹⁰ его в помощь пограничным войскам в охране границы (Б);

¹¹ этой (Б);

¹² за (Б);

¹³ в Б далее (л. 111) напечатано с абзаца В результате проведенных мер по усилению охраны границы количество безнаказанных нарушений по сравнению с 1946 годом сократилось на 516 человек или 44,9%.

Всего безнаказанно нарушило границу в 1947 году 634 человека, из них: в СССР — 104 человека, из СССР — 530 человек.

¹⁴ Прибалтики (Б);

¹⁵⁻¹⁶ Кроме того, МВД принимает (Б);

¹⁷ к дальнейшему развертыванию (Б).

местного населения пограничных районов в целях более широкого привлечения его к охране границы и к усилению инженерно-технического оснащения границы, в первую очередь на наиболее важных участках.

МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР (С. КРУГЛОВ)

— ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 80–95. (А) Заверенная машинописная копия того времени. На л. 80 вверху слева машинописью дата «21 января [194]8» (число от руки), ниже от руки регистрационный номер (?) «357/к». Вверху справа напечатано столбцом «Копия Совершенно секретно Экз. № » (номер отсутствует); здесь же штамп «Особая папка № 1-1 стр. 19» (цифры вписаны от руки). На л. 95 внизу слева столбцом напечатаны адреса рассылки: «отп<равлено> 7 экз. 1–3 — адресатам. 5 — в дело с[екретария]та. 6 — т. Давыдову. 7 — I Управл[ению] ГУИВ. исп. т. Рындзюнский. печ. Леонова, 19.1–48 г.»; цифра 3 исправлена от руки из цифры 4. Ниже от руки приписка «экз. № 4 — уничтожен». Внизу справа рукописная помета «Снята копия для Секретариата МГБ СССР». Внизу листа две подписи-росчерка (неразборчиво).

— Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 96–111. (Б) Машинописный экземпляр того времени. На л. 96 вверху справа напечатано столбцом «Проект Совершенно секретно». На л. 111 внизу напечатано «МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Союза ССР (С. КРУГЛОВ)», ниже слева дата «...января 1948 г.» (число отсутствует), подпись-росчерк (неразборчиво). Имеются неразборчивые рукописные пометы на полях (вверху и слева) на л. 96, 99, 101, 110. Разночтения в текстах публикуемого документа и проекта отражены в подстрочных примечаниях. Не отмечены в качестве разночтений различия в написании отдельных слов (СССР — Союза ССР, оуновцы — ОУНовцы и др.) и незначительная стилистическая правка в процессе редактирования.

С.М. Слоистов

ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОЛЯКОВ, ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ (1941–1945 гг.)

За событиями на советско-германском фронте периода 1941–1945 гг. в отечественной историографии закрепилось справедливое название Великой Отечественной войны, с перспективы которой основной театр военных действий развивался в западном направлении. В этом же направлении происходило освобождение территории Польши и Чехословакии. С точки зрения антигитлеровской коалиции их эмигрантские правительства были единственными законными представителями польского, чешского и словацкого народов. Опуская перипетии сложной политической игры (признание СССР Словацкой республики в 1939 г., разрыв с большим трудом налаженных отношений с Лондонским польским правительством в 1943 г. и др.), можно сказать, что Советский Союз как главный участник коалиции также придерживался данного подхода. Примером тому служат сформированные при его помощи на советской территории польские и чехословацкие вооруженные силы, которые вместе с Красной армией приняли участие в освобождении своих народов. У противной стороны сложилась своя терминология, которая естественным образом отображает логичный для нее взгляд. В немецкой литературе обычно театр войны между Германией вместе с ее союзниками и СССР называют Восточным фронтом.

© С.М. Слоистов, 2013

Для подобной парадигмы восприятия выражение «поляки, чехи и словаки на Восточном фронте» (т. е. вместе с немцами) звучит диссонирующе и в массовом сознании скорее всего будет ассоциироваться с коллаборационизмом. Однако рассматриваемое нами явление не сводится к последнему. Массовое включение представителей данных народов в вермахт и союзные ему армии имело совершенно другую природу, чем типичное для коллаборационизма добровольное сотрудничество с врагом в ущерб своему государству. Для понимания этого необходимо обратиться к исследованию идентичности, изучению представлений интересующих нас лиц о себе и своем окружении, границы между «своим» и «чужим». При этом делая акцент на национальной, этнической и региональной составляющих идентичности человека, мы не оставим в стороне и другие характеризующие ее элементы, например, представления о роли в семье, о своем социальном положении и пр. Поскольку последние в экстренных условиях борьбы за жизнь порой имеют определяющее значение в поведении человека.

В попытке вскрыть механизмы эволюции идентичности интересующей нас группы лиц мы постараемся проследить изменения в положении таких традиционных маркеров, как ситуации с использованием родного языка, религии, национальных и региональных традиций, а также ответить на вопрос: каким образом изменения в данных сферах влияли на социальное положение, позволяли сохранить жизнь себе и близким. Такой подход дает возможность более всесторонне посмотреть на процессы, сопутствующие массовым перемещениям гражданского мужского населения в результате их принудительного призыва в действующую армию. Фашистскими руководителями тогда одновременно решалось сразу несколько задач: тактическая — восполнение потерь в живой силе и стратегическая — инкорпорация присоединенных территорий через германизацию солдат славянской национальности, сражающихся в интересах Третьего рейха. Сходные проблемы стояли и перед советской стороной, вынужденной бороться за каждого союзника по ту сторону фронта: в краткосрочной перспективе на период войны ответом на германизацию должна была стать активизация чувства всеславянской взаимности. Именно этот фактор рассматривался как предпосылка укрепления внутренней стабильности освобожденных государств и формирования дружественного отношения к СССР и проводимой им политике.

В этом противоборстве события на фронте занимают ключевое положение. Изменение ситуации в результате битв под Москвой, под Сталинградом или начало активных военных действий на территории Польши и Чехословакии заставляло принимать воюющие стороны новые решения, вносить коррективы в свою политику и даже идеологию. В то же время в событийном плане для простого человека фронт также имеет свое измерение, состоящее из перемен в его обыденной жизни. Он начинается задолго до боев на передовой, порой уже с момента ощущения себя призывником, и не заканчивается с отбытием в тыл или попаданием в плен. И в тылу, и в плену само ощущение фронта продолжает оставаться благодаря реальности связанных с ним событий, необходимости занимать эту или противоположную сторону, принимать участие в борьбе, в том числе вооруженной, которая сопутствует как бы освободившемуся от войны солдату.

Еще в период активной смены границ в результате оккупации Чехословакии и Польши в 1938–1939 гг. внутри Рейха оказались значительные территории со смешанным в этнонациональном плане населением. Это были пространства традиционного взаимодействия разных государственных образований и культур. Поморье — немецкой и польской, Силезия — немецкой и польско-чешской со значительным моравским, а также словацким влиянием.

Первая фаза интеграции этих новых, непосредственно включенных в Третий рейх территорий в целом завершилась к началу войны Германии с СССР. Изучению механизмов германизации, которые применялись фашистской администрацией Поморья, так называемого Края Варты, Силезии и территорий, присоединенных к Восточной Пруссии, отличиям сложившейся там ситуации от положения в Генерал-губернаторстве, а также Протекторате Богемии и Моравии посвящена достаточно богатая исследовательская литература¹. В частности, одним из таких механизмов стало разделение коренного населения на четыре категории согласно их принадлежности к немецкой нации (*Deutsche Volksliste*). Представители низших, т. е. третьей и четвертой, категорий собственно не считались полноценными немцами, а были лишь второсортным человеческим материалом.

Несмотря на схожие установки нацистских лидеров, политика германизации на разных оккупированных территориях существенно различалась. Особая ситуация была в Силезии и Поморье. Проводимая там нацистами преступная деятельность существенно отличалась от практик, применяемых в Великой Польше и на территориях, присоединенных к Восточной Пруссии. В Силезии и Поморье германизации планировалось подвергнуть огромные массы населения, за которым признавалось немецкое происхождение. В то время как в Великой Польше акцент делался на депортацию коренного польского населения. За этим стояли как объективные экономические причины (невозможность провести массовые депортации из Силезии без подрыва развитой в этом регионе промышленности), так и понимание особенностей национального развития на данных исторических польских землях: Великая Польша являлась традиционным оплотом польскости в борьбе против германизации в XIX в.²

Для автохтонного населения Силезии и Поморья как для жителей культурного пограничья патерналистское, подчас уничижительное и сопряженное с недоверием отношение не было чем-то новым. За многовековой период жизни на спорных территориях у них выработался определенный адаптационный механизм, который с успехом применялся ими как в условиях Австро-Венгрии и Пруссии, так и в последующие два межвоен-

¹ См.: *Serwański E.* Hitlerowska polityka narodowościowa na Górnym Śląsku. Warszawa, 1963; *Madajczyk Cz.* Polityka III Rzeszy w okupowanej Polsce. Warszawa, 1970. Т. 1–2; *Boda-Kręžel Z.* Sprawa volkslisty na Górnym Śląsku: Koncepcje likwidacji problemu i ich realizacja. Opole, 1978; *Jastrzębski W., Sziling J.* Okupacja hitlerowska na Pomorzu Gdańskim w latach 1939–1945. Gdansk, 1979; *Madajczyk Cz.* Faszyzm i okupacje 1938–1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europie. Warszawa, 1983. Т. 2; *Zimmermann V.* Sudetští Němci v nacistickém státě: Politika a nálada obyvatelstva v říšské župě Sudety (1938–1945). Praha, 2001; *Maršálek P.* Protektorát Čechy a Morava: Státoprávní a politické aspekty nacistického okupačního režimu v českých zemích 1939–1945. Praha, 2002; и др.

² *Boda-Kręžel Z.* Sprawa volkslisty... S. 25–27; *Kaczmarek R.* Górnoślązacy i górnośląscy gauleiterzy // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej.* 2004. N 6–7. S. 50.

ные десятилетия, когда в государствах региона стали доминировать славянские нации. В его основе лежало признание главенства титульной нации и сохранение лояльности к государству, что в свою очередь компенсировалось сохранением традиционного локального социума. Это в конечном итоге и привело к формированию такой структуры идентичности, при которой ее региональная составляющая часто являлась доминирующей. Например, в первую очередь я — силезец, но при этом могу быть немцем, поляком или чехом, одновременно признавая большую солидарность с другими силезцами независимо от выбранной ими национальной ориентации. На практике это выражалось в терпимом отношении государствообразующей нации к использованию местных диалектов, повсеместному бытованию региональных традиций, наличию множества замкнутых на локальном уровне социальных, в том числе хозяйственных, связей. По инерции в подобных категориях местное население рассматривало и политику Третьего рейха, даже несмотря на явно новые, наполненные нацизмом, устремления властей на включенных в его состав землях.

С этих позиций можно интерпретировать примеры принятия III категории принадлежности к немецкому народу, воспринимаемой обывателем лишь как акцептация своей государственной принадлежности, чего не было в действительности. Или призыв к силезцам главы местной католической церкви, катовицкого епископа Станислава Адамского задекларировать свою немецкую принадлежность и тем самым избежать депортации из родного региона. «Согласно правилам III и IV категории предназначались для лиц немецкого происхождения, следовательно поляков, — объяснял необходимость применения так называемой тактики «маскировки» катовицкий епископ. — Причислялись к одной или другой в зависимости от того: признала ли партия большую или меньшую связь с немецкостью. Кто же не был принят даже в IV категорию, тот становился кандидатом на выселение в Генерал-губернаторство или во Францию, или в глубь Германии, на работы. Семьи таких людей разрывались, имущество отбиралось. <...> *Все жители Силезского воеводства без исключения подвергались принудительной классификации в категориях volksliste.* Уклониться от подписания volksliste и проведенной классификации было невозможно, если только не скрыться или выехать в Генерал-губернаторство. Поляк, который в духе призыва, оглашенного польским правительством, желал остаться в Силезии, *должен был volksliste принять*»¹.

Немецкая бюрократическая машина практически не оставляла другого выбора. Включение человека в состав низших категорий немецкого народа носило во многом формальный характер. Собственное мнение индивида, т. е. самоидентификация, мало кого интересовала. Чтобы не стать немцем, недостаточно было одного желания и настойчивого волеизъявления. Как вспоминал уроженец Тешинской Силезии чех Штепан В., впоследствии военный служащий вермахта на Восточном фронте, необходимо было доказать наличие родственников в Протекторате Богемии и Моравии². Естественно, что не в каждой семье они были. Одновременно мно-

¹ Adamski S., bp. Pogląd na rozwój sprawy narodowościowej w województwie śląskim w czasie okupacji niemieckiej. Katowice, 1946. S. 16.

² Emmert F. Češi ve Wehrmachtu: Zamřčované osudy. Praha, 2005. S. 36.

гие семьи характеризовались влиянием разных национальных культур, что было типично для пограничного региона и позволяло маневрировать в сложившихся тяжелых условиях. Особенности родословной упомянутого нами в качестве примера чеха не были исключением. «Штепан В., учитывая свое происхождение и детство, едва ли мог культивировать какие-либо национальные предрассудки. Он не только вырос в сильно смешанной по национальному составу Тешинской Силезии, но и происходил из смешанной семьи. Его отец приехал из Восточной Словакии. Мать, наоборот, была коренной тешинской чешкой, однако она окончила немецкую школу. Поэтому одинаково хорошо говорила и по-чешски, и по-немецки. Более того, все понимали польский. Дома говорили “по-нашему”, то есть силезским наречием»¹.

До начала крупномасштабных действий на Восточном фронте вопрос призыва данных групп лиц в вермахт не имел большого значения. В борьбе между интересами военного ведомства и политикой нацистских идеологов победили последние. Благодаря этому за армией сохранялся статус «кристально чистой» с нацистских позиций организации. В частности, появились предписания демобилизовать тех силезцев, которые не получили III категории². Однако созданные на территории Силезии и Поморья административно-управленческие структуры по учету населения с целью наложения на него принудительной трудовой и воинской повинности позволяли очень быстро изменить ситуацию, начав массовую мобилизацию ненемецкого населения в вермахт³.

Под схожим углом зрения межнациональных отношений можно рассматривать и ситуацию в Словакии, которая, безусловно, выделялась на общем фоне территорий, непосредственно включенных в Рейх. Словаки, бывшие объектом мадьяризации в венгерской части двуединой монархии, не избавились от крайне патерналистского к себе отношения и в межвоенной Чехословакии, поскольку со стороны многих чехов за ними признавались скорее лишь региональные отличия. В то же время их роль в государствообразующих процессах и международной политике была несравненно большей, чем положение обычной пограничной группы населения. Было бы упрощением рассматривать «чехословакизм» чешских элит лишь как политику экспансии внутри чешского государства (что, конечно, имело место). Чехи крайне нуждались в словаках, ведь именно благодаря им и только с ними они могли быть большинством и, следовательно, стать полноценным государствообразующим народом в борьбе с немецким влиянием. Словаки же традиционно воспринимали чехов союзниками в борьбе против мадьяризации. С оккупацией Чехословакии и началом войны ситуация остается схожей: выигравшие в чешско-немецком споре немцы теперь берут под свою опеку от чрезмерного наступления Венгрии Словакию. Последняя для них не является полноценным партнером, а только одним из элементов в выстраиваемой Германией системе сдержек

¹ Ibid. S. 34.

² Madajczyk Cz. Faszizm i okupacje 1938–1945... S. 29.

³ Подробнее о формировании и последующей деятельности данных структур на примере Поморья см.: Sziling J. Pomorzanie w Wehrmachcie // Pomorzanie w Wehrmachcie. Toruń, 2012. S. 39–68.

и противовесов в Карпатском регионе. Это дает основание говорить, что во многом словацкая идентичность, несмотря на появление собственного формально независимого государства — Словацкой республики, продолжала нести в себе черты пограничного региона, хотя и с ярко выраженной автономией. Например, я — словак, но могу им быть только в союзе с чехом (в этом смысле быть чехословаком), в союзе с немцем или кем-то другим, т.е. с тем, кто будет выступать гарантом стабильности словацкой общности. Другими словами, главенствующую роль продолжает играть дихотомия, заложенная в понятие региона, который, с одной стороны, имеет черты самостоятельности, с другой — может существовать только как часть большего образования.

С наступлением трудностей на Восточном фронте политика Третьего рейха претерпевает существенные изменения. Все более превалирующей становится точка зрения о полезности массового набора в вооруженные силы местного ненемецкого населения. Показателем может служить следующая позиция, высказывавшаяся немецкими жителями Поморья: «Наши враги заставляют также свои колониальные народы воевать за себя, однако никто не думает о том, чтобы сделать из них англичан»¹. Вторило им и фашистское руководство, считая полезными любые действия, которые уменьшают потери на фронте собственно немцев. Правда, оно проявляло большую дальновидность, нежели обычный немец, желающий найти себе замену и тем самым отсрочить свой призыв на фронт. В политике мобилизации одновременно с тактическими также присутствовали и стратегические цели — германизация населения посредством службы в вермахте².

Возникающие трудности с набором, последующим дезертирством, ненадлежащим выполнением своих обязанностей новобранцами решались крайне жесткими репрессивными мерами, в том числе связанными с коллективной ответственностью. Показательным примером «вины» отца, матери и сестры поляка-перебежчика на Восточном фронте может служить текст постановления гданьского Гестапо об отправке в лагерь: «Поскольку ваш сын, будучи немецким солдатом, перебежал к русским...»³. Отправка в лагерь всех членов семьи (включая родителей, братьев и сестер, жен и детей) в случае уклонения от службы или дезертирства⁴ ломала ранее сложившиеся механизмы проявления той или иной степени лояльности взамен сохранения традиционного локального сообщества. В таких критических случаях очень тяжело структурировать мотивацию человека, поскольку любые национально ориентированные патриотические устремления могли уступать место традиционной роли любящего сына, отца, мужа, желающего спасти своих близких от гибели. При этом часто от

¹ Sziling J. Przymusowa służba Polaków z III grupy niemieckiej listy narodowościowej w Wehrmachcie na przykładzie Pomorza Gdańskiego // Biuletyn Głównej Komisji Badania Zbrodni Przeciwko Narodowi Polskiemu Instytutu Pamięci Narodowej. 1991. T. 33. S. 96.

² Sziling J. Pomorzanie w Wehrmachcie... S. 40.

³ Jążdżewski L., ks. Religijność w obliczu śmierci — o Kaszubach w Wehrmachcie // Pomerania. 2005. N 6. S. 12.

⁴ Примеры репрессий по отношению к уклонявшимся от службы в вермахте дезертирам и членам их семей см.: Drywa D. Polacy z III grupy DVL w obozie koncentracyjnym Stutthof z powodu odmowy służby wojskowej w Wehrmachcie // Pomorzanie w Wehrmachcie. Toruń, 2012. S. 69–82.

лагеря семью не спасал пронецкий выбор других ее членов. Существуют факты безуспешных попыток улучшить положение репрессированных, апеллируя к заслугам их близких родственников в рядах вермахта¹.

Обратные германизации последствия, т.е. усиление региональной идентичности в ее антинемецком варианте, имело также применение экстерриториального принципа подготовки новобранцев в учебных войсковых частях или трудовых военизированных организациях. «В пути мы чувствовали себе потерянными. Везде была слышна немецкая речь, причем в различных диалектах, часто вообще не понятных. <...> Персональный состав подразделения состоял в основном из жителей Тироля, Баварии и частично Тешинской Силезии...» — вспоминал первые дни после призыва в Имперскую службу труда Л. Липовчан по окончании службы в этой парамилитарной организации недалеко от Витебска, направленный уже в качестве солдата на фронт в район Кубани². Существующие воспоминания представляют широкую палитру негативных последствий отрыва от привычной языковой среды: от просто сильно отчужденного, подавленного состояния из-за невозможности контакта с немцами, язык которых отличался от ранее знакомой индивиду нормы, до суровых наказаний в результате неправильного исполнения команд из-за полного незнания немецкого³. В этом контексте вполне объяснимы такие проявления антинемецкого национального чувства, как открытое, несмотря на строгие запреты, пение польских песен среди новобранцев, желание использовать свой родной, трактуемый немцами как славянский, диалект в устной и письменной речи и пр.⁴

Непосредственно на фронте дальнейшая ситуация могла развиваться по двум сценариям: успешная интеграция индивида в немецкий коллектив и фактически принятие, хотя бы на время, немецкой идентичности или усиление взаимного антагонизма. Интеграции способствовало хорошее знание немецкого языка, наличие относительно привилегированной военной специальности (механика, радиста и т.д.), служба в более престижных и имеющих ярко выраженный корпоративный характер родах войск (танковые, авиация, флот и др.), отсутствие рядом земляков. Совокупность данных факторов не могла быть повсеместным явлением. Одновременно не до конца урегулированный правовой статус (наличие лишь временного гражданства) способствовал восприятию такой ситуации как преходящего явления, связанного с хорошими отношениями внутри коллектива военнослужащих, взаимовыручкой в условиях боя и т.д.

¹ См., напр.: Dobrski B. Byłem żołnierzem Wehrmacht. Trzecie pokolenie Bartków. London, 2002. S. 237.

² Lipowczan L. Wspomnienia Ludwika Lipowczana. Ustroń, 1994. Relacja pisemna. <http://www.wehrmacht-polacy.pl/relacja19.html> [25.09.2013].

³ Случались и курьезы, когда немцы нарочно учили польских солдат немецкому, придавая заучиваемым фразам противоположный смысл, за что поляки потом получали суровое наказание. См.: Archiwum Historii Mówionej. Lipiński R. Posługiwanie się językiem niemieckim przez Polaków w wojsku niemieckim. <http://www.audiohistoria.pl/web/index.php/swiadkowie/osoba/id/3315/from/szuk> [25.09.2013].

⁴ Примеры массового проявления польского патриотического чувства и демонстрации своего негативного отношения к службе в вермахте см.: Sziling J. Pomorzanie w Wehrmachcie... S. 51–52.

В воспоминаниях лиц с подобной биографией можно обнаружить указания на попытки контактов с пленными советскими военнослужащими для того, чтобы узнать как обращаются со взятыми в плен в Красной армии, которые не способствовали активизации желания перехода на советскую сторону и подтверждали лживую немецкую пропаганду о массовых расстрелах перебежчиков большевиками. Так, уже знакомый нам Л. Липовчан, оторванный совсем юным от родного дома и направленный умирать за чужие интересы, размышлял о возможности перехода на советскую сторону: «...мы конвоировали несколько военнопленных. Один из них, украинец польского происхождения, достаточно хорошо знал польский язык. Мы разговорились. Он рассказал, что его отец во время Первой мировой войны находился в австрийском плену и условия там не были плохими. Отец целым вернулся домой. Мне не хотелось ему рассказывать, что немецкий плен — это не австрийский и условия там страшные. <...> Я также спросил его, знает ли он что-нибудь о немецких солдатах, переходящих на советскую сторону. Вначале он не хотел ничего говорить, но потом добавил, что в случае, когда в плен сдается большее число солдат, то их отправляют в тыл. Когда речь идет об одном человеке, то после допроса комиссарами (НКВД) его ликвидируют, поскольку хлопотно одного солдата отправлять в тыл. Более того НКВД необыкновенно подозрительно и в каждом перебежчике видит немецкого шпиона»¹. Данный отрывок воспоминаний хорошо передает атмосферу страха, связанную как с общим понижением ценности жизни на войне, так и с постоянными сомнениями в том, что возможно сохранить жизнь. Многим это удавалось. Случаи удачной сдачи в плен, в том числе осуществленные в одиночку, хорошо известны². Этот пример также иллюстрирует временный характер адаптации поляка в вермахте. Достаточно было краткого контакта с украинцем, чтобы возникло пока еще слабое, но вполне реальное желание узнать о переходе на советскую сторону, несмотря на сносные условия у немцев. Примечательно, что легкость общения между ними обусловлена не только отсутствием языкового барьера, но и общей исторической памятью о недавнем совместном государстве (украинец польского происхождения), о знакомых из семейной истории реалиях Австро-Венгрии (отец в австрийском плену).

Негативную роль в принятии решения остаться у немцев могли играть собственные наблюдения нерационального использования живой силы и, следовательно, отношения к солдату в Красной армии — если так относятся к своим, то что говорить о пленных. «Я не мог понять того, что в течение дня маршировали по ней [дороге] части неприятеля, удачно обстреливаемые нашими гаубицами, неся серьезные потери, — продолжает Л. Липовчан. — Если бы их переброска происходила ночью, то точно потерь бы не было. Это был результат приказов неких комиссаров, которые совсем не считались с бессмысленными потерями людей». Впрочем, такие характеристики своего положения были естественны для лиц, так

¹ Lipowczan L. Wspomnienia...

² Многочисленные примеры перехода на советскую сторону поляков из вермахта см.: Hajduk R. Pogmatwane drogi. Warszawa, 1976.

и не решившихся перейти фронт и достаточно интегрированных в немецкое общество.

Чувство славянской общности среди поляков, чехов и словаков усиливалось во многом и за счет того, что реальность, с которой они столкнулись в условиях советского плена, оказалась намного более благоприятной, чем они ожидали. «Попав в плен, жизненные силы тотчас покинули меня, пропала надежда выжить», — вспоминал словак из Кошице Йозеф Ж.¹ Пережитое этим военнослужащим венгерской армии острое чувство было распространенным явлением. Ведь пропаганда неустанно повторяла, что там «страшные люди — большевики» и «каждого пленного убивают»². В дальнейшем, еще на фронте, его представления изменились: «Через три недели я попал в одну воинскую часть, которая ремонтировала на фронте дороги, там у меня появилась возможность узнать, какая разница между венгерской и Красной армией»³. Особенно его поражало «насколько были сплочены гражданское население и Красная армия, офицеры и рядовые»⁴.

Трудности перехода на сторону противника не исчерпывались только преодолением страха перед неизвестным. Часто переход был сопряжен со множеством опасностей, что очень сильно понижало шансы успешного преодоления линии фронта. О фактах таких неудач свидетельствуют судьбы пойманных и осужденных немцами перебежчиков. Без преувеличения можно сказать, что часто переход на советскую сторону правомерно квалифицировать как героический поступок, связанный с огромным риском для собственной жизни, а также жизни близких, которые находились в тылу. Без сомнения, так можно оценить уникальный переход по замерзшему Дону силезца Я. Скутелы, который перед этим взял в плен своего командира и его заместителя, а потом удачно доставил их на советскую передовую⁵.

В большинстве случаев, когда мы имеем дело с массовым переходом, крайне затруднительно достоверно разделить собственно добровольную сдачу в плен и вынужденное пленение, особенно в условиях острого контактного боя. Примером такого сюжета, вокруг которого до сих пор в историографии не утихли споры, является массовый переход — сдача — взятие (в зависимости от интерпретации) в плен словацких военнослужащих во время боя у Каховки в октябре 1943 г.

Если рассматривать динамику идентичности человека как неотъемлемую часть мотивации его поведения, то вполне понятно, что желание перехода неразрывно связано с антагонизмом, который возникал у славян, надевших ненавистный им мундир. Когда определяющим поведение были, с одной стороны, отношения как к солдатам второго сорта, «пушечному мясу», с другой — активные контакты с местным советским населением, которое на поверку оказалось другим, более близким, далеким от рисуемого фашистской пропагандой образа варвара.

¹ РГВА. Ф. 4п. Оп. 27. Д. 12. Л. 12.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Hajduk R. Pogmatwane drogi. S. 205–206.

Примеров такого взаимодействия достаточно много описано в литературе. В первую очередь сближающим фактором было легко преодолимое, по крайней мере на бытовом уровне, языковое различие. Чех из Тешинской Силезии, солдат вермахта Карл Р., описывая свои контакты с местным населением, замечает: «“Чешский, русский, украинский — ведь это одно и то же”, — думали наши офицеры и посылали нас везде, где была необходимость перевести что-нибудь местным людям или с ними договориться. <...> Итак, мы вместе ездили покупать продовольствие по окрестным деревням. Мы русским и украинцам говорили по-чешски, они нам отвечали по-своему, и всегда неплохо понимали друг друга»¹. Случались и нелегальные по отношению к командованию, но законные (заключенные в православных церквях или старостами) браки словацких военнослужащих и местных девушек². В случае с польско-украинским или польско-белорусским взаимодействием уместно предположить, что существовавший ранее негативный опыт противостояния данных народов на кресах, компенсировался происхождением этих новых для местного населения поляков, отягощенных лишь памятью о польско-немецком пограничье, т. е. региональная составляющая идентичности работала на усиление их польскости. «...Когда фронт проходил по линии Орша — Могилев. В это время я находился около Бобруйска. Поляку было не трудно завести контакты с гражданским населением, и ни с того ни с сего я оказался в уютной квартире местного учителя. <...> Там я с первой минуты заметил, какое отношение занимает русский человек к славянским народам. Несмотря на то, что я был в немецком мундире, в противовес этому со дня на день соединяло нас все большее отношение дружбы, и я должен признать, что мы были между собой как братья», — рассказывает поляк с Поморья Ян С.³ Общение между ними было обусловлено общими взглядами, что выражалось в обмене информацией о планах немецкого командования в отношении партизан, сводках с фронтов, различных новостях, например о польской армии в СССР⁴.

Мемуары партизан содержат воспоминания об активной помощи, которая оказывалась военнослужащими вермахта и союзных ему армий польского, чешского и словацкого происхождения, в том числе при проведении диверсионных боевых операций. Организатор партизанского движения в Белоруссии В.И. Козлов положительно характеризовал их поддержку: «И в дальнейшем чехи, словаки, румыны, поляки много помогали минскому соединению. <...> Так было с чехами и словаками, стоявшими в Слуцке, со словаками и румынами, несшими охранную службу в окрестностях Минска...»⁵.

Активное взаимодействие с партизанами было возможно благодаря меньшей регламентации военной службы в тылу. Проживание на частных квартирах, появление множества знакомых среди местного населения, доступ к альтернативным источникам информации (советское радио, офи-

¹ Emmert F. Češi ve Wehrmachtu... S. 63.

² Falt'an S. Slováci v partizánských bojoch v Sovietskom sväze. Bratislava, 1957. S. 125–126.

³ РГВА. Ф. 4п. Оп. 27. Д. 12. Л. 11.

⁴ Там же.

⁵ Козлов В.И. Люди особого склада. М., 1952. С. 318.

циальная и подпольная печать) — все это не было чем-то особенным. Для иллюстрации обратимся к донесению начальника политотдела 8-й гвардейской армии об участии одесских партизан в разложении войск противника: «Младший лейтенант словацкой армии Карл Пагач заявил: “У меня был радиоприемник. Хозяева и их знакомые часто обращались ко мне с просьбой включить Москву. <...> Когда соседи узнали, что мы почти ежедневно слушаем Москву, к нам стали все чаще приходиться. Мой хозяин Казимир Янковский... однажды предложил мне: «Пойдемте со мной, — сказал он, — в катакомбы, там встретим моих друзей и приятелей». Я пошел. Так состоялось мое первое знакомство с партизанами, с которыми впоследствии мне и моим солдатам пришлось вести борьбу рука об руку против немцев”»¹. Многие из тех, кто не участвовал в активной борьбе с фашистами на фронте, пришли к ней в советском плену.

Восприятие реальности в категориях славяне — неславяне не только остается, но даже усиливается в плену. Срабатывает все тот же эффект несоответствия сформированных пропагандой представлений намного более лучшей действительности. Также стоит помнить, что статус меньшинства оставался и в лагере. Ключевые должности во внутренней лагерной администрации часто доставались немцам, которых, как правило, было большинство. Представителей меньшинства дискриминировали, отсылали на самые тяжелые работы. Даже у куда более многочисленных венгров возникало устойчивое ощущение: «Мы в плену у немцев, а не у русских»². В то же время существуют положительные контакты с местным населением, которое порой находилось в сопоставимых по быту условиях, что сглаживало различие пленный — свободный. «После окончания карантина последовал период работ за пределами лагеря, что дало возможность ближе познакомиться с русским народом, — писал в своем памятном отзыве о жизни в плену чиновник из Брно Карел-Ян Т. — Здесь в совершенстве можно было узнать добродушие, трудолюбие и жертвенность, которые являются прямой характеристикой для русского народа»³.

Важное значение имела советская пропаганда возрожденных идей всеславянской взаимности. В данных условиях ее роль сводилась к конкретизации и универсализации частных форм идентификаций. Ощущение славянской взаимности было реанимировано самой суровой реальностью жизни. Принадлежность к славянскому миру формировалась у каждого человека по-разному, исходя из его уникального опыта. Пропаганда же предоставляла удобные формы для соотношения своей неповторимой биографии с биографией коллективной. При этом будет слишком большим упрощением сводить общеславянскую доминанту в идентичности данной группы лиц лишь к прагматическому выбору. В действительности прагматизм скорее определял ранжировку внутри ее сложной структуры, рассматриваемой шире этнонациональных категорий (например, сейчас я — в первую очередь крестьянин, затем рядовой по званию, потом словак, ка-

¹ Русский архив. Великая Отечественная. М., 1999. Т. 20 (9): Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 594–595.

² Örkény I. Lágerek népe. Budapest, 1984. 115. old.

³ РГВА. Ф. 4п. Оп. 27. Д. 12. Л. 13.

толик и т. д., а в иной ситуации я — словак, католик, рядовой, крестьянин и т. д.).

Славянская идея в данном общем случае, в условиях внешней угрозы, имела естественный для защищающегося сообщества людей мотив: обосновать свое право на существование, показать свою глубокую историю и перспективу развития. Она являлась своего рода символом, убеждающим в неотвратимости победы. Вспомним «Родло» — символ Полонии в Третьем рейхе, который как своей графичностью, так и заложенным в изображении смыслом напоминает о древности славянских корней на просторах от Карпат до Балтики, об исконном характере польской культуры в этом регионе. Этим объясняется обращение к славянской идее уже как к политической концепции среди публицистов большинства направлений польской политической мысли периода Второй мировой войны. Правда, ей придавались разные формы: от вполне традиционных до весьма экзотичных, от просоветских до антисоветских и даже русофобских¹. В Чешских землях идея славянской взаимности имела свои глубокие традиции. В условиях войны ее мобилизационный потенциал был взят на вооружение чешскими политиками, в том числе президентом Э. Бенешем², что также можно рассматривать как ответ на активизацию общеславянского чувства среди чехов.

Противостояние внутри военнопленных позволяет более полно оценить антифашистскую деятельность в лагере. Ее невозможно свести лишь к ситуативному выбору в пользу победившей стороны. Поскольку порой данный выбор наряду с возможными и пока еще туманными привилегиями нес реальную опасность для жизни, исходящую со стороны других пленных. О таких трагических случаях расправы над антифашистами-военнопленными говорят нам опубликованные документы. Так, в ориентировке о противодействиях враждебных элементов антифашистскому движению наряду с многочисленными примерами избиений и других противоправных действий содержится общая характеристика сложившегося положения: «Реакционно настроенные военнопленные в этих лагерях становятся на путь организованной борьбы с антифашистами, применяя к ним угрозы, угрозы, избиения с целью заставить отказаться от антифашистской работы. Известны также факты возникновения на этой почве террористических групп, подготовляющих убийства антифашистов и сотрудников оперативных отделов, занимающихся антифашистской работой»³. Также неправильным было бы сводить роль участников антифашистского движения к обычной оперативной работе, когда в среде военнопленных формировалась сеть доносителей. Инструкции не рекомендовали привлекать к оперативно-агентурной работе в лагерях для военнопленных антифашистский актив⁴.

¹ Подробнее о развитии славянской идеи в польской политической мысли периода Второй мировой войны см.: Fertacz S. Polska myśl stowiańska w okresie drugiej wojny światowej. Katowice, 2000.

² О политических взглядах Э. Бенеша см.: Марьина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: Политик и человек. 1884–1948. М., 2013.

³ Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / Под ред. М.М. Загорулько. М., 2000. С. 742.

⁴ Там же. С. 731.

При построении антифашистской работы как непосредственно на передовой, так и на невидимом фронте в среде военнопленных политработники старались соблюсти баланс между собственно антифашистской агитацией и коммунистической пропагандой, не сводить первую ко второй. Не всегда это удавалось. Но именно там, где отталкивались от реалий, а не от идеологием, данная работа имела успех. Интересно рассмотреть программы занятий по истории для польского и чехословацкого секторов на антифашистских курсах. Они были составлены с опорой на политику будущего послевоенного преобразования Польши и Чехословакии и, по сути, скрыто апеллировали к региональной идентичности большинства слушателей. На занятиях правильная «антигерманская политика польских королей пястовского периода» постоянно противопоставлялась пагубным устремлениям магнатории «на Восток — на белорусские и украинские земли»¹. Поворот от традиционного на тот момент для польской историографии восточного вектора развития польского народа и государственности к рассмотрению национальной истории через призму пястовской традиции повышал статус Поморья и Силезии. Жители данных территорий, будучи важными, но все же в глазах большинства второстепенными участниками исторического развития, становились краеугольным камнем национальной истории.

С этой перспективы можно посмотреть и на общее отношение советского руководства к полякам в вермахте на Восточном фронте. Если в первые годы войны оно воспринимало весьма скептически возможность их освобождения и отправки в формируемые польские национальные части, то в заключительной фазе ситуация изменилась. Так, уроженцами Силезии наполнилась 3-я пехотная дивизия имени Ромуальда Траугутта Войска Польского в СССР² (в дальнейшем ей было присвоено почетное наименование Померанская). Хорошей иллюстрацией перемены отношения к полякам из Силезии и Поморья может служить их восприятие уроженцем Восточных Кресов писателем З. Залуским: «В селецких землянках, где был расквартирован зимой 43 года учебный батальон 3 дивизии пехоты <...> я вслушивался в неспешные разговоры коллег — силезцев и поморян, “перебежчиков” из вермахта. Насколько казались мне другими, далекими, прямо чужими эти люди — со всем их личным, семейным и историческим опытом, навыками, ментальностью, глухими на славянскую певучесть восточной речи, не верящими, что украинцы представляют главную проблему для Польши... Насколько другой будет та Польша, за которую нам идти на фронт, “Западная Польша”, в которой они — люди Запада и не деревни, а города — будут играть главную роль»³.

Подобное удачное совпадение мотивов большой политики и глобальных исторических событий с желаниями и представлениями, органично присущими определенным группам населения, можно заметить и в случае со словаками. Массовый характер Словацкого национального восстания и постоянное апеллирование к данному событию в антифашистской работе укрепляли представления о словаках как о независимом, имеющем право на самостоятельное существование народе.

¹ РГВА. Ф. 4п. Оп. 18. Д. 40. Л. 140.

² Hajduk R. Pogmatwane drogi. S. 260.

³ Zaluski Z. Czterdziesty czwarty. Warszawa, 1973. S. 284.

Подводя итог, можно сказать, что идентичность поляков, чехов и словаков на Восточном фронте имела сложную структуру. Вынужденные перемещения, новый опыт взаимодействия с представителями других регионов и — шире — народов, принятие критических для жизни решений и прочие сопряженные с войной обстоятельства сыграли решающую роль в ее формировании.

Органичным элементом их идентичности была общеславянская идентификация, выбор которой определялся прошлым и настоящим опытом военнослужащего. Ошибочно рассматривать ее доминирование как ситуативное принятие навязанного идеологического конструкта.

Важную и часто доминирующую позицию занимала региональная идентификация. Именно изменения различных групп факторов, непосредственно влияющих на динамику данной региональной составляющей идентичности, во многом определяли принятие как более общей этнонациональной идентификации (я — поляк, чех, словак), так и наднациональной — общеславянской. Наряду с другими факторами этим можно объяснить провал нацистской политики германизации и успех советских усилий по активизации чувства общеславянской взаимности среди данной категории лиц.

Часть 2
ЖИЗНЬ В ДЕПОРТАЦИИ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИИ

С.А. Красильников

**АДАПТАЦИЯ СПЕЦКОНТИНГЕНТОВ
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ К ПОСЛЕВОЕННЫМ РЕАЛИЯМ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РАМКИ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ**

Цель данной публикации — выявить и проанализировать основные факторы, тенденции, механизмы и итоги адаптации «спецконтингентов», находившихся на спецпоселении в Западной Сибири в послевоенный период. Отечественная война стала тяжелейшим испытанием для советского общества. Однако следует отметить, что немалая его часть пребывала в экстремальных условиях, равносильных военным по своим разрушительным последствиям. Уже в 1930-е гг. «социалистическое переустройство» деревни в сочетании с форсированным созданием индустриального сектора привели к масштабному беженству, исходу из деревни значительного контингента сельских жителей. Стихийное раскрестьянивание дополнялось раскрестьяниванием репрессивным, фактически заложившим основу формировавшейся системы принудительного труда. Созданная в начале 1930-х гг. сеть крестьянских спецпоселений по своей численности, достигавшей почти 2 млн чел. во второй половине 1931 г., существенно превосходила в тот момент сеть лагерей и колоний с содержащимися в них заключенными. В последующие годы сложился общий лагерно-комендатурный производственный комплекс со своей сложной внутренней организационной структурой, функциями и деятельностью. То же следует сказать и о лагерно-спецпоселенческом социуме, в котором существовали и выживали заключенные и депортированные. В данном контексте допустимо сравнение существования в условиях войны и в условиях массовых репрессий с точки зрения адаптации к экстремальной обстановке, поскольку войны и массовые репрессии суть разные формы социальной катастрофы.

Для той части крестьянства, которая оказалась в результате депортации на спецпоселении, адаптация к «чрезвычайщине» имела хронологическую протяженность примерно в четверть века, вплоть до демонтажа системы спецпоселений в послесталинский период. В то же время по своей экстремальности для ссыльного крестьянства наиболее критичными являлись периоды создания системы (первая половина 1930-х гг.) и Великой Отечественной войны. Данные фазы сменялись более «спокойными» состояниями спецпоселенческого социума, когда адаптационные механизмы подвергались определенной трансформации. Настоящая публикация нацелена на изучение указанного выше адаптационного феномена применительно к послевоенным реалиям. Центральное место отведено характе-

© С.А. Красильников, 2013

ристикам ссыльного крестьянства в составе «спецконтингента» режимных поселений, что требует привлечения контекстных характеристик — данных более ранних периодов, а также сравнений по ряду параметров с другими группами репрессированных.

Обратимся к такому важнейшему демографическому показателю, как соотношение рождаемости и смертности для депортированных крестьян (мы называем это рабочим термином — «ножницы адаптации»). Переход от стадии повышенной смертности и пониженной рождаемости к состоянию равновесия, а затем и постепенного превышения рождаемости над смертностью имел в эпоху сталинских депортаций свою логику.

Карательная статистика зафиксировала следующее соотношение между рождаемостью и смертностью в крестьянских спецпоселках в первые годы. Так, в 1932 г. соотношение этих показателей было 1:5 (т. е. в этом году на одно рождение приходилось пять смертей), в 1933 г. соотношение стало 1:9, в 1934 г. — 1:3, в 1935 г. — 1:0,8 (т. е. в этот год впервые возникло равновесие между рождаемостью и смертностью), в 1936 г. — 1:0,7, в 1937 г. — 1:0,6. Тем самым статистика зафиксировала, что для крестьянских семей срок адаптации к условиям репрессий составил примерно 5 лет¹. Однако, с громадными потерями преодолев первый демографический кризис, семьи ссыльных крестьян испытали воздействие новой социально-политической катастрофы — войны. Данные военного времени разрознены и не дают цельной картины. Соотношение рождаемости и смертности в послевоенное пятилетие (1945–1950 гг.) для ссыльных крестьян сложилось вновь как крайне неблагоприятное.

По данным карательной статистики, внутри этой группы в 1945 г. на поселении родился 1691 ребенок, умерло 8194 чел. (соотношение 1:4,8), в 1946 г. родилось 6269 детей, умерло 5980 чел. (соотношение 1:0,9), в 1947 г. — 2826 детей и 3216 чел. соответственно (соотношение 1:1,2), в 1948 г. — 1165 детей и 1980 чел. (соотношение 1:1,7), в 1949 г. — 1097 детей и 1450 чел. (соотношение 1:1,3), в 1950 г. на 357 рождений в крестьянских семьях на поселении пришлось 734 смерти (соотношение 1:2). Всего же за пятилетие в семьях «бывших кулаков» родилось 13 405 детей и умерло 21 554 чел., т. е. на одно рождение пришелся 1,6 смертного случая. Это — статистическое выражение второго с начала 1930-х гг. глубокого демографического кризиса, возникшего в крестьянской среде на спецпоселении².

Причины сложившейся после войны подобной ситуации лежали в изменении демографического облика крестьянской ссылки в годы войны и после нее. В этот период происходило массовое снятие с учета спецпоселений молодежи, достигшей 16-летнего возраста, лиц, призванных на военную службу, т. е. групп детородных возрастов. Соответственно, увеличилась доля лиц старших возрастов, что повлекло снижение рождаемости и повышенную смертность среди учетной категории «бывшие кулаки» и после окончания войны. Зафиксированный статистикой кризис становится

¹ Подсчеты сделаны на основании источника: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 216. Впервые эти данные были введены в научный оборот и интерпретированы В.Н. Земсковым. — См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 36–38.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 65–67, 106. В научный оборот впервые данные источника введены В.Н. Земсковым. — См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 194–196.

очевидным при сопоставлении данной ситуации с демографической динамикой в других депортированных группах.

Как указывалось выше, в крестьянской ссылке 1930-х гг. состояние равновесия между рождаемостью и смертностью (грань адаптации) наступило после 5-летнего пребывания на спецпоселении — в середине 1930-х гг. Для немецкого этноса этот период оказался несколько затянутым из-за условий войны и трудовых мобилизаций и составил 7 лет. В 1945 г. на одно рождение приходилось 3 смерти, в 1946 г. — 2, в 1947 г. — 1,7 и только 1948-й год стал первым, когда на одно рождение пришлось 0,7 смертей. В 1949 г. это соотношение составило уже 3:1 в пользу рождений (три рождения на одну смерть). То же повторилось и в 1950 г. Всего же за 1945–1950 гг. в семьях депортированных советских немцев родилось 92 763 ребенка, умерло 60 655 чел. (на три рождения — два смертных случая). Это означало, что немецкий этнос к началу 1950-х гг. преодолел состояние депопуляции.

Для другой этнической группы — калмыков, депортированных в восточные районы в 1944 г., адаптационный период занял 6 лет. Здесь соотношение рождений и смертей было следующим. В 1945 г. на одно рождение пришлось 10 смертей. В 1946 г. этот показатель составил величину 1:3,5, в 1947 г. — 1:2,5, в 1948 г. — 1:2,6, в 1949 г. наступило равновесие показателей — 1:1, и в 1950 г. рождаемость превысила смертность, дав соотношение 1,3:1 (на 13 рождений пришлось 10 смертных случаев). Однако для этноса в целом послевоенная пятилетка оставалась временем депопуляции (за эти годы в калмыцких семьях родилось 7843 ребенка, тогда как умерло вдвое больше — 15 206 чел.)¹.

Приведенные выше в динамике и в сравнении характеристики социально-демографического потенциала крестьянской ссылки в Сибири накануне, в годы войны и в послевоенный период позволяют сделать следующий вывод. С трудом и не без потерь выйдя из первой демографической катастрофы (1930–1935 гг.), когда рождаемость, хотя все еще низкая, начала превышать смертность, в годы войны крестьянская семья пережила вторую демографическую катастрофу (превышение смертности над рождаемостью), которая так и не была преодолена к началу 1950-х гг. Демографическая структура крестьянской семьи деформировалась и деградировала в силу и внешних политических, и социально-экономических (снятие с учета молодежи, военные и трудовые мобилизации и т. д.), и внутренних (на учете оставались лица средних и старших возрастов, общая трудоспособность которых и репродуктивность женской части в результате естественного старения постоянно уменьшалась) факторов.

Другой приоритетный фактор, прямым образом влиявший на действие адаптационных механизмов, — это нормативы и практики выхода из системы спецпоселений. Как работали механизмы легального (институционального) выхода из режимного состояния после войны? Для ссыльных крестьян до войны, во время нее и после действовал легальный широкий канал выхода по так называемой молодежной квоте — по постановлению

¹ Депортации как индикатор социальных катастроф в СССР (1930–1940-е гг.) // Миграционные последствия Второй мировой войны: Этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы. Новосибирск, 2012. С. 13–14.

СНК СССР от 22 октября 1938 г. о снятии со спецучета детей спецпереселенцев по достижении ими 16-летнего возраста; то же практиковалось в отношении женщин, вступивших в брак с неспецпереселенцами. Во время войны это происходило по постановлениям ГКО (апрель — октябрь 1942 г.) об освобождении из трудссылки лиц, призванных в Красную армию, а также их жен и детей (не распространялось на родителей призванных). Статистика кампании по мобилизации молодежи из трудпоселков в армию в 1942 г. свидетельствует о ее масштабах: всего из комендатур стран на военную службу было призвано около 60 тыс. чел., в том числе из нарымских комендатур около 5 тыс. чел. Как позднее, после войны, рапортовали партийные органы, среди призванных из комендатур Нарыма более 1 тыс. чел. были награждены орденами и медалями, т. е. каждый пятый¹. В целом по стране, по данным руководства спецпоселениями, боевых наград был удостоен каждый десятый из спецпереселенцев, призванных в Красную армию².

После войны потребовалась значительная трансформация механизма выхода из спецпоселений в связи с массовой демобилизацией из армии и возвращением с войны призванной молодежи и лиц среднего возраста. От фронтовиков стали поступать массовые ходатайства о снятии с учета родителей и прямых родственников — лиц старшего поколения. Кроме того, после войны осуществлялось массовое награждение правительственными наградами тех спецпереселенцев-крестьян, которые работали в тылу, главным образом медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Однако потребовался год (!) для того, чтобы согласовать процедуру освобождения из спецпоселков категории старших возрастов, учесть заслуги награжденных государственными наградами и т. д. Только 28 сентября 1946 г. вышел приказ МВД СССР и Прокуратуры СССР «О порядке освобождения из спецпоселения бывших кулаков» № 00868/208сс, затрагивавший три категории последних: а) имеющих детей в рядах Красной армии и участников Отечественной войны; б) награжденных правительственными наградами; в) женщин, вступивших в брак с неспецпереселенцами. Приказ был нацелен на упрощение процедуры получения необходимых документов, так как не требовал их рассмотрения Особым совещанием при МВД³. Процедура состояла в том, что заключение об освобождении в каждом случае проходило тщательную бюрократическую проверку в системе МВД—УМВД на местах спецпоселения, после чего утверждалось прокурором региона (области, края). Знакомство с практикой применения этого приказа к категории ссыльных крестьян (для этого нами было проанализировано около 100 личных дел крестьян — «бывших кулаков», хранящихся в Информационном центре УВД Томской области) показывает, что на его реализацию с момента ходатайства до положительного решения вопроса уходило в среднем до полугода.

В нормативном/режимном пространстве спецпоселений послевоенное положение ссыльного крестьянства определялось двумя разнонаправлен-

¹ Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1939—1945. Новосибирск, 1996. С. 138, 162.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 150.

³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. 2. 1946. Л. 9.

ными тенденциями: первая — установка на определенную мобильность (выход из спецпоселений), вторая — стремление к сохранению спецпоселений, недопущению массового исхода.

Исполнение общей нормативной установки — допущение снятия с учета и выезда из спецпоселков тех, кто подпадал под действие приказа/директивы 1946 г. — на практике растянулось до 1950 г. Причин для этого могло быть несколько, и все они так или иначе лежали в плоскости поведенческой — индивидуально-семейной со стороны ссыльных и ситуационно-корпоративной со стороны охранительных структур. Если рассматривать первую сторону взаимодействия (ссыльную семью, а точнее, старшее поколение), то очевидным было стремление легально выйти из режимного, надзорного и дискриминационного состояния (задача минимум) и при более благоприятных условиях покинуть место ссылки (задача максимум). Необходимыми и достаточными условиями для решения первой задачи являлись, как указывалось выше, два — служба сыновей в армии, участие в военных действиях и собственные награды родителей (медали за доблестный труд в тылу или за материнство). Решение второй задачи заключалось в возможности взрослых детей принять отцов и матерей на свое иждивение.

Последствия войны сказывались на статусно-миграционных ожиданиях старшего поколения ссыльных крестьян двояким образом. Призыв в армию и участие в военных действиях имели и трагическую сторону: гибель, плен, пропажа без вести, ранение, инвалидность. В ряде случаев статусное положение старшего поколения могло в известной степени даже ухудшиться, а инвалидность воевавшего и вернувшегося с фронта в свою семью могла ограничить возможность выезда из спецпоселка после снятия со спецучета. Кроме того, миграционные возможности лимитировались условиями послевоенной разрухи, когда возникшая за предыдущие годы ссыльного существования минимальная материально-бытовая обустроенность (наличие дома, двора, приусадебного участка, работа) сдерживала стремление к перемене места жительства. Еще одним лимитирующим фактором в данном случае мог выступать фактический запрет для ссыльных крестьян, депортированных в начале 1930-х гг., возвращаться на прежние места своего проживания. Так, во всех типовых бланках, заполнявшихся в послевоенный период на учетные категории спецпоселенцев, в том числе «бывших кулаков», имелась типовая фраза «без права выезда к прежнему месту жительства». И хотя снятие со спецучета автоматически переводило бывших ссыльных в новое статусное состояние, однажды введенные в сталинский период ограничительные нормы на места проживания для репрессированных (равно как и известный запрет на проживание «в режимных местностях») продолжали действовать.

Ниже рассмотрим конкретный случай, когда снятие с учета родителей военнотружущих затянулось до середины 1949 г. Семья Максима Яковлевича Окишева в составе 6 чел. (в том числе трое детей) подверглась высылке в Парабельскую комендатуру (Нарымский край) из Ордынского района (недалеко от Новосибирска) весной 1931 г.¹ В 1939 г. подростки

¹ ИЦ УВД по Томской обл. Д. Р-22960.

дети (старший сын Александр (1921 г. р.) и дочь Антонина (1923 г. р.)) получили возможность выезда из спецпоселка для получения профессионального образования в Новосибирск и Томск. Александр, не поступивший в техникум, в дальнейшем исчез из поля зрения режимных органов и с 1940 г. был объявлен в розыск. В декабре 1941 г. его мать, допрошенная комендантом, дала уклончивые показания о том, что сын получил ранение и находился на излечении в госпитале, адрес которого не сообщила¹. В 1943 г. младший сын Михаил был призван в ряды Красной армии.

С просьбой в комендатуру о снятии его и жены со спецучета М.Я. Окишев обратился только 15 февраля 1949 г. О судьбе сыновей он написал следующее: старший сын Александр «уехал учиться в Томск, откуда был взят в апреле 1941 г. в ряды Р.К.К.А. и в июне 1941 г. пошел на отечественную войну, где был дважды ранен и погиб в 1942 г. ... Михаил был призван в Р.К.К.А. в мае месяце 1943 г. и демобилизовался в 1947 г., награжден»². В личном деле сохранилась только справка Парабельского райвоенкомата о призыве М.М. Окишева в армию, однако не оказалось документов, подтверждавших военную службу и гибель на фронте старшего сына. Положительное решение о снятии со спецучета М.Я. Окишева и его жены было принято 24 мая 1949 г., т.е. в сравнительно краткие сроки, учитывая наличие в составе семьи воевавших детей³.

Есть определенные основания для предположения о том, почему М.Я. Окишев затянул фактически на два года обращение в режимный орган со своим ходатайством, это может быть связано прежде всего с неопределенностью относительно старшего сына. По сложившимся правилам факт смерти подтверждался документом, который должен был храниться у родителей для получения соответствующих социальных льгот. Но в деле никаких документов такого рода не оказалось. В этой ситуации оставалось только ожидать возвращения из армии демобилизовавшегося младшего сына, чтобы далее иметь «железные» основания для ходатайства о снятии со спецучета.

Прямая зависимость между снятием со спецучета отцов и матерей воевавших сыновей и наличием документов, это подтверждавших, прослеживается в случае с Федором Алексеевичем Ровниным. Родившись в 1881 г., он участвовал в Русско-японской войне, награжден двумя Георгиевскими крестами. Весной 1931 г. как «кулак» был выслан с семьей из Алтайского края в Асиновский район (недалеко от Томска). К началу войны он овдовел, двое его сыновей были призваны в армию в 1942 г., старший сын погиб в 1943 г., младший вернулся с войны и жил в том же поселке своей семьей отдельно от отца. Поскольку гибель старшего сына была подтверждена документально, Ф.А. Ровнин получал пенсию. В силу очевидности решения вопроса заявление Ф.А. Ровнина о снятии его со спецучета и восстановлении в гражданских правах, поданное 1 июля 1949 г., было рассмотрено с положительным исходом в течение календарного месяца⁴.

¹ Там же. Д. Р-22960. Л. 43.

² Там же. Л. 48–48об.

³ Там же. Л. 50–52.

⁴ Там же. Д. Р-30170. Л. 28, 36.

Выходу из дискриминационного режимного статуса способствовала не только военная служба сыновей. Согласно указанному выше нормативному документу 1946 г., столь же весомым аргументом должно было служить награждение правительственными наградами самих отцов и матерей. Война фактически сняла существовавшие ранее барьеры в этом направлении. Так, уже в военное время, 8 июля 1944 г., Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждались ордена и медали, связанные с материнством. Ими награждались матери, родившие и воспитавшие пять и более детей. Данный факт сыграл свою роль в решении вопроса о снятии со спецучета членов семьи Тереховых. Для этого имелось три основания. Так, их старший сын Иван (1925 г. р.) был призван в армию в 1943 г., в 1944 г. пропал без вести. Глава семьи Афанасий Захарович в 1944 г. был мобилизован для работы в промышленности и вплоть до весны 1947 г. работал в Новосибирской области (г. Искитим), пока не получил разрешения возвратиться в пос. Пудино Томской области для воссоединения со своей семьей. Однако решающую роль сыграл фактор многодетности этой семьи. Заявителем с просьбой о снятии ее и других членов семьи со спецучета выступила жена Вера Сергеевна. К заявлению, датированному 15 июля 1949 г., прилагалась справка о том, что она награждена медалью Материнства II степени (удостоверение № 805505 от 13 марта 1945 г.)¹.

Просмотр корпуса личных дел ссыльных крестьян, хранящихся в Информационном центре УВД Томской области, позволяет выявить определенный механизм реагирования ссыльных крестьянских семей на изменившиеся условия режима спецпоселения в послевоенные годы. Так, наряду с расширением «коридора возможностей» выхода из дискриминационного статуса для лиц данной категории, в тот же период времени началось ужесточение режимных правил и процедур для всех категорий спецпоселенцев в целом. Особенно это отразилось в установлении общих правил регистрации спецконтингентов в местах их расселения и усиления карательных мер за их нарушение. В частности, с января 1949 г. вводилась процедура ежемесячных явок для отметки в комендатуру, в личных делах появились контрольные листы явок спецпоселенцев на регистрацию. Подобного рода формализованные учетные процедуры не применялись даже в период становления системы крестьянских спецпоселений в первой половине 1930-х гг. Можно предположить, что ссыльными крестьянами, находившимися на спецпоселении почти два десятилетия, они воспринимались не просто как досадное обременение, но и как дополнительная дискриминационная «метка». Тем более что в послевоенный период категории спецконтингента при своем расселении, как правило, перемешивались. В поселках, особенно крупных, проживали депортированные разных времен и категорий. Возможно, это подтолкнуло к активным действиям в отношении снятия со спецучета тех, кто имел для этого основания уже с конца 1946 г., но в силу различных обстоятельств ничего не предпринимал. Основная масса заявлений от ссыльных датировалась 1948 и 1949 гг., тогда как 1947 г. фигурирует здесь крайне редко.

¹ ИЦ УВД по Томской обл. Д. Р-23392. Л. 47–48.

Другая причина «вялотекущего» процесса снятия со спецучета ссыльного крестьянства лежала в плоскости корпоративных интересов и действий коллективного регулятора режимных структур. Наличие совместного приказа МВД и Прокуратуры от 28 сентября 1946 г. не подкреплялось мотивацией активности его реализации. Между тем в предшествующий период существовали прецеденты, когда режимные органы выступали катализаторами данного процесса. В частности, согласно постановлению Правительства от 22 октября 1938 г., дети спецпереселенцев по достижении ими 16-летнего возраста снимались с учета спецпоселений при отсутствии «компрометирующего материала» на них. Соответственно, задавался весьма четкий возрастной критерий, и он работал. Режимные органы, будучи сами заинтересованы в выполнении данного постановления, осуществляли процедуру бесперебойно.

В случае с сентябрьской директивой 1946 г., касавшейся прежде всего представителей старшего поколения ссыльных крестьян, аппарат комендатур ее если и не саботировал, то и не считал одним из своих приоритетов. Прямое тому свидетельство — то, что инициатива снятия со спецучета исходила от самих репрессированных, хотя нет сомнений в наличии у спецслужб всей необходимой информации о воевавших на фронтах ссыльных крестьянах, о награждениях работавших в тылу правительственными наградами и т. д. Причин имевшего место торможения в исполнении директивы могло быть несколько. Среди них прежде всего следует отметить фактор массовости оснований для снятия со спецучета: массовость демобилизации, массовость награждений медалями многодетных матерей и передовиков производства после 1945 г. Предположительно, данное обстоятельство и требовало включения механизмов бюрократического дозирования при воплощении директивы в жизнь. Кроме того, с точки зрения режимных практик старшее поколение ссыльных крестьян было если не «образцовым», то достаточно управляемым контингентом, «осевшим» на местах своего ссыльного проживания и ставшим к тому же частью «постоянных кадров на производстве».

В пользу сказанного выше свидетельствует следующий факт. Григорий Софронович Степаненко, высланный с семьей весной 1931 г. в Нарымский край и имевший до этого опыт работы в системе кооперации, с середины 1930-х гг. работал уполномоченным спецпереселенческой артели, а после преобразования в 1938 г. неуставных артелей в колхозы являлся председателем колхоза «Рассвет» Парабельского района. Его старший сын Василий был призван в армию в 1944 г. и после войны продолжал военную службу. Справка из воинской части для предъявления в комендатуру о том, что он состоит на действительной военной службе, имела датировку 7 июля 1947 г.¹ Сам же Г.С. Степаненко подал мотивированное заявление с просьбой о снятии его и жены со спецучета комендатуры только 11 июля 1948 г.² Положительное решение по его заявлению было утверждено 12 января 1949 г., а расписка о выдаче справки о снятии с учета комендатура выдала Г.С. Степаненко 7 февраля 1949 г. Следовательно, срок рассмотре-

¹ Там же. Д. Р-22978. Л. 40.

² Там же. Л. 39–39об.

ния его заявления занял более полугода, хотя он был не ordinaryным спецпоселенцем, а представителем номенклатуры низового звена.

Ниже приводится первый по времени написания из выявленных нами документ — заявление от одного из вернувшихся фронтовиков, Леонида Кучевского, в комендатуру по месту проживания его семьи. Он хлопотал о том, чтобы вывезти семью из спецпоселка. К заявлению приложено нотариально заверенное обязательство о взятии членов семьи на иждивение (отец Кучевского, арестованный в 1937 г., к тому времени умер в местах заключения). Как следует из документов, в которых зафиксированы все процедурные действия по этому заявлению, мать Кучевского, Ирина Михайловна, будучи главой семьи по спецучету, получила справку, дающую семье право на выезд из спецпоселка, лишь через год после заявления сына-фронтовика.

**Заявление Л.С. Кучевского коменданту Пудинской спецкомендатуры
с просьбой разрешить выезд членов его семьи из спецпоселка в Томск
для соединения с ним**

5 июня 1946 г.

Заявление

С 1935 года по 1942 год я работал учителем в школах Пудинского района. В 1942 г. я мобилизован в Красную Армию. Участвовал на фронте Великой Отечественной войны в составе 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте я награжден орденом [«Отечественная война»] II ст., медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией в Отечественной войне 1941—1945 гг.». С декабря месяца 1944 г. член ВКП(б).

1 ноября 1945 г. я демобилизовался из Красной Армии. С 1 февраля 1946 г. я работаю учителем 16 шк[олы] г. Томска и без отрыва от производства продолжаю учиться. Моя семья: мать, Кучевская Ирина Михайловна, рождения 1895 г., бабушка, Григорьева Прасковья Матвеевна, рожд. 1874 г., брат, Кучевский Виктор Степанович, рожд. 1931 г., ученик 7 класса, сестра, Кучевская Галина Степановна, рожд. 1933 г., ученица 4 класса, проживают в пос. Калининск.

А поэтому прошу Вас дать разрешение на выезд из Пудинской комендатуры в г. Томск моей семьи на соединение.

Прошу не отказать в моей просьбе. К сему Л. Кучевский.

5 июня 1946 г.

— ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 41. Рукописный подлинник, подпись Кучевского — автограф.

К заявлению приложено нотариально заверенное и датированное тем же числом обязательство: «Я, Кучевский Леонид Степанович, учитель мужской семилетней школы № 16 Томска[,] беру на себя обязательство, что я обязуюсь кормить до конца жизни мать Кучевскую Ирину Михайловну, рожд. 1895, бабушку, Григорьеву Прасковью Матвеевну, рожд. 1874 г., и воспитать до совершеннолетия брата, Кучевского Виктора Степановича, рожд. 1931 г., и сестру, Кучевскую Галину Степановну, рожд. 1933 г.».

Заключение УМВД Томской области и областного прокурора о снятии с учета спецпоселения членов семьи Л.С. Кучевского было утверждено 5 апреля 1947 г. — ИЦ УВД Томской области. Д. Р-970. Л. 45—46.

Справка о снятии с учета спецпоселений была выдана И.М. Кучевской 3 июня 1947 г.

Упомянутый приказ, начавший действовать как основной канал «разгрузки» спецпоселений от ссыльных крестьян пожилого возраста, имел и отчетливый прагматичный смысл — освободить комендатуры от социального обременения так называемым нетрудовым и недееспособным контингентом, который под расписку брали дети и другие родственники. В сочетании с действием молодежного/возрастного канала (снятия с учета подростков по достижении ими 16 лет) крестьянская ссылка действительно начала динамично «разгружаться». Так, по данным статистики, в Кемеровской области в течение 1944–1953 гг., т. е. за 10 лет, из 60 тыс. ссыльных крестьян было снято с учета спецпоселения 50 тыс.¹

Весьма примечательно, что именно после войны в недрах самых различных ведомств, не только карательных, но и партийно-советских, формируется мнение о том, что режим спецпоселения в отношении «бывших кулаков» должен быть отменен. В основе такой установки лежал тот непреложный факт, что прошедшая война стала массовой проверкой этой части спецконтингента на лояльность и поддержку советского режима (участие призванной молодежи в военных действиях, результативный труд в тыловых районах, отсутствие значительных «антисоветских проявлений» в среде спецпереселенцев и т. д.). Аргументация в пользу такого рода решения базировалась, как это, в частности, формулировалось в письме секретаря Новосибирского обкома партии М. В. Кулагина в ЦК ВКП(б) от 20 марта 1947 г., на трех положениях: «бывшие кулаки» «за время нахождения на спецпоселении хозяйственно устроились и закрепились на постоянное место жительства в Сибири»; по своему демографическому составу потенциал крестьянской ссылки представлен главным образом «социально уязвимыми» группами («сейчас значительная часть спецпереселенцев быв[ших] кулаков, как престарелые, инвалиды, родители военнослужащих Советской армии и дети, достигшие 16-летнего возраста, подлежат снятию с учета спецпоселения»); в годы войны «трудились они наравне с правовым населением и зарекомендовали себя с положительной стороны»².

Представляется, что в основе данной позиции «верхов» лежала не столько «гуманистическая» позиция, сколько тот факт, что война ускорила уже наметившееся перед войной фактическое стирание граней между так называемым правовым населением и крестьянским спецконтингентом. Причем движение оказывалось встречным: смягчение режимного положения для ссыльных крестьян сопровождалось общережимным ужесточением для всех категорий социума, вводившимся уже перед войной и усилившимся в военную эпоху. В то же время в таких крупных спецпоселенческих анклавах с весьма высокой долей ссыльного крестьянства, которое к тому же стало составлять значительную часть «постоянных кадров» для угольной или лесной промышленности (в частности, в Кемеровской и Томской областях), хозорганизации при поддержке региональной номенклатуры фактически начинали саботировать указанную тенденцию на «освобождение крестьян» из режимного состояния.

¹ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 140.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 327. Л. 4.

Другая реалья военной и послевоенной эпох — появление поселков со смешанным составом спецконтингентов. Характерная ситуация — в спецпоселках Томской области, где в 1947 г. среди находившихся на спецучете (если взять спецконтингент за 100 %) распределение по так называемой окраске учета было следующим: ссыльные крестьяне (б/к) — 70 %, немцы — 25, калмыки — 1,5 %, остальные — ИПХ и «власовцы». Всего спецпоселков было 688; среди них «чисто крестьянским» население было в 225 поселках, в 200 поселках — крестьян было более 50 %, в 70 поселках крестьяне составляли менее половины. Примерно в 200 поселках ссыльные крестьяне проживали вместе с немцами. Существовало несколько населенных пунктов, в которых были представлены все разновидности спецконтингента, направленные в Томскую область в годы войны и после нее. Ситуация сохранилась и после 1947 г., когда на спецпоселение в Томскую область стали поступать депортированные из Прибалтики, прежде всего литовцы¹.

Со временем спецпоселки становились смешанными и с точки зрения пребывания в них как лиц, относившихся к спецконтингенту, так и не состоявших на учете. Здесь также действовало несколько факторов: и то, что снятые с учета дети оставались жить с родителями, но обладая уже правовым статусом; к ссыльным приезжали родственники, также имевшие правовой статус; имели место смешанные браки и т.д. Доля лиц, не состоявших на учете в спецпоселках, неуклонно увеличивалась, колеблясь в восточных регионах от 5 (Омская обл.) до 10 % (Челябинская обл.). Такого рода переплетение, взаимодействие режимного контингента с правовым в условиях спецпоселения порождало тенденцию, имевшую социально-демографический вектор. Система спецпоселений, выражаясь образным языком, вращалась в регионы длительного размещения спецконтингента, порождая гибридное население — полурежимное, полусвободное. Как бы то ни было, но в местах «оседания» депортированных формировался новый тип мигрантов, что отчасти следует признать одним из итогов и последствий сталинских депортаций, преследовавших цель колонизировать северные и восточные регионы страны.

Вопрос о том, какая часть депортантов различных потоков (общей массой превысивших за сталинскую эпоху 6 млн чел.) осталась или, выражаясь чекистским новоязом, «осела» в регионах спецпоселений, еще требует своего социально-демографического изучения. Проще всего выявить это по этническому индикатору, в частности, сравнить этнический состав этих регионов по переписям 1939 и 1959 гг. И если для русских этот критерий, возможно, не будет работать, то появление в составе населения сибирских краев и областей десятков тысяч немцев в 1959 г., тогда как по переписи 1939 г. их численность не превышала и нескольких тысяч, может служить некоторым замером последствий депортаций военного времени. Научные возможности реализации такого рода исследования продемонстрировала в своей публикации специалист в области исторической демографии Л.Н. Славина. Располагая сведениями о половозрастной структуре прибывших в Красноярский край осенью 1941 г. депортированных

¹ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 149.

советских немцев и сравнив соответствующие данные демографического характера об этой этнической группе в регионе по переписи 1959 г., исследователь получила ценные и достоверные сведения о социально-демографической «цене» депортации немцев¹.

Есть и другой показатель «эха» сталинских депортаций на сибирских территориях уже для современного замера. Это численность такой учетной категории, как репрессированные, признанные таковыми современным законодательством. Они с 1990-х гг. начали учитываться в статистическом порядке в регионах. И возникает очевидная корреляция между повышенной концентрацией лиц этой категории в регионах, ранее обладавших обширной сетью спецпоселений: в Сибири это Томская, Кемеровская, отчасти Новосибирская области, Красноярский край, Иркутская область.

Примечателен также и тот факт, что депортированные из Прибалтики с 1945 по 1952 г. (а это более 160 тыс. чел.) представляли собой преимущественно сельское, аграрное население, т. е. данную депортационную волну следует считать последней и завершающей массовые сталинские депортации. Они начинались как крестьянские по составу в 1930 г. и завершались так же, как крестьянские. В сентябре 1951 г. Совет министров СССР принял постановление о «выселении навечно кулаков с семьями» из Литвы «за враждебные действия против колхозов». Всего в течение последующего года высылке по этой категории подверглось около 18 тыс. чел.²

Такого рода цикличность, когда крестьянские депортации открывают массовые репрессии сталинской эпохи и они же завершают депортационную волну тоталитарного режима, носит не только символический характер. Здесь можно увидеть некоторые типологические черты сталинских депортаций. Их матрицу, или социальную основу, составляло крестьянство. Даже в этнических депортациях крестьянская и, шире, сельская поселенческая окраска в целом доминировала, что справедливо в отношении и таких крупных спецконтингентов, как немцы, калмыки, или таких специфических конфессиональных групп, как баптисты, Свидетели Иеговы, истинно православные христиане и др. Таким образом, можно говорить о том, что завершение сталинской эпохи явилось и определенным завершением жестокого процесса репрессивного раскрестьянивания.

Н.Н. Аблажей, Н.М. Маркдорф

ВЛАСОВЦЫ НА СПЕЦПОСЕЛЕНИИ В СССР

В конце войны лагерная система СССР пополнилась новыми категориями спецконтингента. Основными из них стали военнопленные, интернированные и репатрианты. Часть военнопленных и репатриантов была отнесена к категории «власовцы». По оценкам специалистов, общая чис-

¹ См.: Славина Л.Н. Социально-демографические последствия депортации (на примере немцев Красноярского края) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 34–39.

² История сталинского ГУЛАГа. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. Т. 5. С. 715.

ленность лиц, имевших отношение к Русской освободительной армии (РОА) и Русскому освободительному движению, составляла от 800 тыс. до 1 млн чел., но лишь третья часть их реально принадлежала движению¹.

Поскольку солдаты РОА носили немецкую военную форму, то в процессе репатриации их статус, согласно международному праву, должен был соответствовать положению военнопленных с размещением в лагерях НКВД–МВД СССР для военнопленных². Правовой статус иностранных военнопленных в СССР регулировался нормами советских правовых актов, так как советское государство использовало опосредованную форму трансформации норм международного права во внутреннее право³. Однако необходимо учитывать и то обстоятельство, что «власовский» контингент был представлен не только иностранцами⁴, но и советскими военнопленными. В СССР действовали правовые нормы, согласно которым военные и гражданские лица, бежавшие за границу, а также их семьи, совместно с ними проживавшие, подлежали суду Военного трибунала или высылке в отдаленные районы Сибири сроком на 6–10 лет. Именно это обстоятельство в значительной мере и определяло дальнейший правовой и режимный статус этой категории военнопленных.

В период Великой Отечественной войны на основании ряда директив и постановлений Государственного комитета обороны (ГКО) и НКВД–НКГБ СССР как советские граждане (находившиеся в плену, окружении или оказавшиеся на оккупированной территории), так и иностранцы и лица без гражданства в обязательном порядке подлежали учету и фильтрации. Основной объем фильтрационных мероприятий приходился на период войны и первые послевоенные годы. В 1944–1945 гг. «власовский» контингент выявляли органы ВКР «Смерш». В 1945 г. в соответствии с серией договоренностей между СССР и союзниками на территории Австрии была проведена массовая выдача советской стороне лиц, входивших в состав добровольческих национальных соединений вермахта и воевавших на стороне Германии против СССР.

Первичная фильтрация советских граждан и иностранцев осуществлялась на сборно-пересылочных пунктах (СПП), проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП), в проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) и специальных лагерях, действовавших в Европе в зоне советской оккупации. Репатрианты, оказавшиеся на территории союзников, попадали сначала на сборные пункты или передавались непосредственно репатриационным миссиям, а затем направлялись в приемно-пересыльные и сборно-пересыльные пункты на демаркационной линии между зонами СССР и союзников. В соответствии с директивами 1945 г. Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации и начальника тыла армии все репатрианты поступали в распоряжение НКВД и через прифронтовые ПФЛ и СПП

¹ См., напр.: Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология, проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 179.

² Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 5 (18) октября 1907 года // Международное право в избранных документах. М., 1957. Т. 3. С. 41–46.

³ Щелокаева Т.А. Правовой статус иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Екатеринбург, 2000. С. 12.

⁴ Подданными различных европейских государств, русскими эмигрантами — участниками организаций, враждебных к СССР.

переправлялись в отдаленные регионы СССР. В зависимости от градации репатриантов определялся способ их фильтрации с последующей отправкой либо в тыловые ПФЛ (советские и иностранные военнопленные; интернированные гражданские лица, подданные Германии; военнослужащие немецких строевых формирований), либо на спецпоселение (остарбайтеры, угнанные на работу в Германию, проживавшие на оккупированной территории и подозреваемые в сотрудничестве с оккупационными властями лица). Завершали работу по фильтрации территориальные органы МВД и оперотделы в лагерях для военнопленных.

Согласно директивам Начальника тыла Красной армии генерала армии Т. Хрулева № 1/1240645с и Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации Ф. Голикова № 1/1240646с от 18 января 1945 г., военнопленные и гражданские лица, служившие в строевых немецких спецформированиях, «власовцы», полицейские и прочие подозрительные должны были направляться в ПФЛ НКВД. Реальная практика фильтрации сложилась несколько по-иному. После предварительной проверки на СПП и в ПФЛ фронтов (групп войск) и в соответствии с директивой НКВД от 18 июня 1945 г. № 97 повторной проверке в ПФЛ НКВД подлежали следующие категории: военнослужащие Красной армии (офицеры, сержанты и рядовые), находившиеся в плену или в окружении независимо от того, сотрудничали они или не сотрудничали с оккупантами; невоеннослужащие, проживавшие на оккупированной территории и работавшие при оккупационных властях в качестве старост, рядовых полицейских, рядовых членов «народной стражи», «народной милиции» и других подобных организаций, созданных оккупантами; лица, служившие в немецкой армии, немецких строевых формированиях (за исключением трудовых), власовцы, легионеры¹. Директивой ОПФЛ НКВД от 7 мая 1945 г. № 53/3714 в ПФЛ НКВД направлялись также бывшие солдаты русской армии, «белые» эмигранты и другие лица, проживавшие раньше на территории СССР, имевшие германское или какое-либо другое гражданство, а также вообще без гражданства.

В ходе проверки в ПФЛ НКВД выявлялись следующие группы: руководящий и командный состав органов полиции, «народной стражи», «народной милиции», РОА, национальных легионов и других воинских и полицейских формирований, созданных под эгидой оккупантов; рядовые полицейские и рядовые участники перечисленных выше формирований, принимавшие участие в карательных экспедициях или проявлявшие активность при исполнении обязанностей; бывшие военнослужащие Красной армии, добровольно перешедшие на сторону противника.

Если вина проверяемых доказывалась, они подвергались аресту и отдавались под суд военного трибунала. Бывших военнослужащих, которым удавалось успешно пройти повторную фильтрацию, направляли в рабочие батальоны, функционировавшие при целом ряде промышленных наркоматов СССР. Этот процесс назывался «передача в постоянные кадры промышленности». Кроме того, этих людей использовали на стройках НКВД,

¹ Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД СССР. 1941–1951: Отчетно-информационные документы: Кн. 1 / Под ред. М.М. Загоруйко; Сост.: М.М. Загоруйко, К.К. Миронова, С.Г. Сидоров, Н.С. Тархова, Е.М. Цунаева. Волгоград: Издатель, 2005–2006. С. 567–569.

а также привлекали к службе в охране лагерей ОПФЛ и ГУЛАГ (Постановление ГКО СССР от 4 ноября 1944 г. № 6884). В 1945–1946 гг. на территории СССР действовало около 4 тыс. лагерей, спецгоспиталей и рабочих батальонов для военнопленных и интернированных иностранных граждан; все они находились в ведении Главного управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (ГУПВИ). «Власовцы» стали частью контингента «архипелага» ГУПВИ.

Согласно классификации ГУПВИ МВД, под «власовцами» понимались участники национальных строевых формирований вермахта из числа РОА, частей Походного атамана Казачьего стана генерал-майора Т.Н. Доманова, XV Казачьего кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта Хельмута фон Паннвица, Казачьих учебного и резервного полков под командованием генерала А.Г. Шкуро, Русского охранного корпуса генерал-лейтенанта Б.А. Штейфона, Отдельного русского полка СС «Варяг» под командованием полковника М.А. Семенова и восточных (русских, татарских, узбекских, таджикских, армянских, азербайджанских и др.) легионов. В эту же группу входили и члены семей казаков Казачьего стана. Согласно директивам МВД, к категории «власовцы» также были отнесены участники белоэмигрантских организаций, служившие в немецких строевых формированиях, и бывшие военнослужащие русской (царской) армии¹. Среди взрослых «власовцев», впоследствии поступивших на поселение, за границей побывало 93 тыс. чел., в плену — 79 тыс. чел.²

«Власовский» контингент подразделялся на офицерский и рядовой состав. Офицеры содержались в лагерях для военнопленных, где имелись режимные отделения, а также в особых режимных офицерских лагерях (№ 27 и 464). Эти меры производились на основании директивы НКВД от 15 марта 1945 г. № 39, постановлений ГКО СССР от 1 августа 1945 г. № 9702, от 18 августа 1945 г. № 9871, директивы НКВД от 30 августа 1945 г. № 149. Предварительно офицеров лишали их офицерских званий (Постановление СНК СССР от 22 октября 1945 г. № 2678-735 сс)³.

Для рядового состава (71,6 тыс. чел. из 83,6 тыс. «власовцев», ранее служивших в Красной (Советской) армии⁴) после прохождения проверки в ПФЛ НКВД предусматривалась ссылка в отдаленные районы страны сроком на 6 лет. Решение о направлении на спецпоселение лиц, перешедших во время войны на сторону немцев и служивших в немецкой армии и полиции, а также в РОА, национальных легионах и других организованных немцами воинских формированиях, было оформлено постановлением ГАКО от 18 августа 1945 г. № 9871с и касалось только бывших военнослужащих Советской армии и военнообязанных, освобожденных из германского плена и подлежащих зачислению в армию, но в связи с

¹ Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее — ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–45.

² По данным на март 1949 г. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 177 (со ссылкой на ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 4–5).

³ Постановление СНК СССР № 2678-735 сс от 22 октября 1945 г. // Региональные структуры ГУПВИ НКВД–МВД СССР. 1941–1951: Отчетно-информационные документы. Кн. 1. С. 679–680.

⁴ По данным на март 1949 г. См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 176 (со ссылкой на ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 98–99).

окончанием войны сведенных в рабочие батальоны и направленных на работу в промышленность¹. В соответствии с п. 6 указанного постановления фильтрационная комиссия, состоявшая из представителей НКВД, НКГБ, контрразведки «Смерш», проверяла весь личный состав рабочих батальонов и в зависимости от результатов проверки принимала следующее решение: лиц, чье поведение в плену у немцев не вызывало подозрений, передать для работы в кадры промышленности, а лиц, служивших в немецкой армии и полиции, РОА, национальных легионах и других организованных немцами воинских формированиях, передать НКВД СССР для расселения и использования на работах в районах Норильского и Ухтинского комбинатов, Печорского угольного бассейна и на лесозаготовках в верховьях р. Камы — на положение спецпоселенцев сроком на 6 лет.

Постановлением СНК СССР от 21 декабря 1945 г. и Совета министров СССР от 29 марта 1946 г. НКВД—МВД СССР было разрешено лиц, подлежащих в соответствии с постановлением ГАКО расселению в северных районах СССР, передать в постоянные кадры предприятий Наркомугля и Министерства черной металлургии, расположенных на Урале и в Сибири, с установлением на положении спецпоселенцев сроком на 6 лет². Ссылаясь на указанные выше постановления ГАКО, СНК и Совета министров СССР, МВД СССР 20 апреля 1946 г. издало директиву № 97, в которой предложило местным органам МВД направить на спецпоселение сроком на 6 лет всех годных к физическому труду, служивших в немецкой армии и полиции, РОА, национальных легионах и других организованных немцами воинских формированиях, распространив таким образом действие постановления ГАКО от 18 августа 1945 г. на такие же категории немецких пособников, которые в рабочих батальонах и лагерях МВД не содержались. Директива МВД уточняла, что «власовцы» поступают на спецпоселение сроком на 6 лет с закреплением на производстве.

Выявление лиц, которые не были в рабочих батальонах и лагерях МВД и подлежали в соответствии с директивой МВД СССР № 97 отправке на спецпоселение, возлагалось на городские и районные отделы МВД, а вынесение постановлений о направлении их на спецпоселение — на Главное управление по борьбе с бандитизмом (впоследствии Главное управление оперативного розыска) МВД СССР и его местные органы, которые этой работой занимались вплоть до их ликвидации и передачи в июле прошлого года в систему МГБ СССР, хотя в соответствии с приказом МВД и МГБ СССР от 9 декабря 1946 г. № 001113/00536 фильтрационные комиссии по проверке репатриантов свою работу прекратили 1 февраля 1947 г.

В каждую область «власовцы» отправлялись по распоряжениям СНК (Совета министров) СССР, оговаривавшим их расселение и трудоустройство: от 28 ноября 1945 г. — в Свердловскую область (№ 17074 рс), от 12 декабря 1945 г. — в Кемеровскую область (№ 3141-950 сс), от 16 апреля 1946 г. — в Карело-Финскую ССР (в 1940–1956 гг. имевшую статус союзной республики), от 29 июня 1946 г. — в Казахскую и Туркменскую ССР, Башкирскую АССР, Кировскую, Молотовскую и Сахалинскую области, от

¹ Арзамаскин Ю.Н. Заложники второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001. С. 79.

² ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 311.

25 августа 1946 г. — в Горьковскую область, от 28 августа 1946 г. — в Таджикскую, Киргизскую и Узбекскую ССР, на объекты Комбината № 6¹. Решения правительства были дополнены ведомственными директивами НКВД СССР и принимавших контингент министерств. В частности, оговаривалось, что после содержания в ПФЛ контингент следовало закреплять в качестве постоянных кадров в различных отраслях промышленности.

Первые партии «власовцев» стали поступать в регионы уже летом 1945 г. К июлю 1945 г. Дальстрой принял 4931 чел., завезенного из ПФЛ Ленинградского фронта. К концу года число «власовцев» увеличилось до 29 036². Но основное поступление в регионы происходило в 1946 г. Например, для Кемеровской области, в которую в соответствии с приказом НКУП СССР от 7 июня 1945 г. № 291с было направлено 52,5 тыс. военнопленных и «власовцев», первые партии прибыли только в августе 1946 г. Именно Кузбасс принял большую часть «белоэмигрантов» из 15-го Казачьего кавалерийского корпуса и Казачьего стана, которых разместили в лагерях № 0314 и 0315³.

Информация о перемещениях «власовского» контингента крайне скудна. Известно, что его перевозили в спецэшелонах, приравненных к воинским. Аналогично депортациям, проведенным в годы войны, эшелоны имели обозначение «СК»; с весны 1948 г. им присваивался пятизначный номер, начинавшийся с 97. Порядок приема «власовцев» предполагал распределение контингента в ПФЛ с последующим направлением в территориально близкие лагеря для военнопленных, находившиеся в ведении МВД СССР. В отделе спецпоселений этого министерства отложились данные о 28 эшелонах с «власовцами», отправленных в 1948–1950 гг. из Армянской, Азербайджанской, Белорусской, Грузинской и Украинской ССР. Основными принимающими регионами стали Иркутская, Кемеровская, Молотовская и Челябинская области, Красноярский и Хабаровский края, Якутская и Бурят-Монгольская АССР. Более 9 тыс. перевезенных «власовцев» было отправлено на объекты золотодобычи⁴.

Рост численности «власовцев», переводимых из ПФЛ и попадавших в категорию спецпоселенцев, характерен для всей второй половины 1940-х гг. Согласно инструкциям МГБ, основанием к отправке «власовцев» на спецпоселение были постановления МВД–УМВД и региональной прокуратуры⁵.

По статистическим данным Отдела «А» МГБ СССР, на основании постановлений ГАКО от 18 августа 1945 г. № 3871с и Совета министров СССР от 21 декабря 1945 г. № 3141-950сс, директивы МВД СССР от 20 ап-

¹ Речь идет о Комбинате № 6 Второго Главного управления при Совете министров СССР, занимавшегося добычей и переработкой урановой руды. Производство относилось к числу приоритетных в рамках атомного проекта СССР. Комбинат № 6 в Средней Азии являлся первой сырьевой урановой базой СССР. Известен в том числе как ПФЛ № 0333 (Таджикская ССР, г. Ленинабад). На работах на этом объекте использовалось 9445 «власовцев». — ГА РФ. Ф. Р-9479с. Оп. 1. Д. 372. Л. 111.

² Чернолуцкая Е.Н. Спецпоселенцы «власовцы» на советском Дальнем Востоке (1945–1955 гг.) // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. Магадан, 2011. № 2. С. 106–113.

³ ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 8. Д. 1. Л. 14.

⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 476. Л. 12об.–14.

⁵ Там же. Д. 372. Л. 148.

реля 1946 г. № 97, на спецпоселение было направлено 101 614 чел. Статистика Отдела спецпоселений фиксирует следующую динамику поступления: в 1945 г. взято на учет 4985 чел., в 1946 г. — 132 794, в 1947 г. — 30 751, в 1948 г. — 4573 чел.¹ Незначительное сокращение имело место в октябре 1948 г., когда около 1 тыс. полностью нетрудоспособных «власовцев» было освобождено со спецпоселения согласно распоряжению Совета министров СССР²; еще почти 9 тыс. чел. были освобождены как ошибочно причисленные к «власовцам»³. В 1949 г. контингент этой категории ссыльных увеличился еще на 3705 чел., в 1950 г. — на 2078 чел., за первую половину 1951 г. — на 316 чел.⁴ Суммарно за весь период речь идет о цифре в 179 202 чел., что даже выше максимальной численности «власовского» контингента — 177 573 чел., поступившего на спецпоселение в 1945–1951 гг. согласно справке МГБ СССР⁵. Разнятся не только суммарные данные, но и данные по отдельным годам. Согласно ведомственной статистике за 1946–1947 гг., на спецпоселение поступило 148 079 чел.⁶ Последнюю цифру подтверждают и данные переучета всех категорий выселенцев-спецпоселенцев, проведенного в начале 1949 г. в соответствии с февральскими приказами МВД СССР. «Власовцев», прошедших переучет (без арестованных и бежавших), насчитывалось 112 882⁷. По статистике за октябрь 1949 г., «власовцев» было 132 718, из них в наличии — 116 907, в местах лишения свободы — 14 379, в бегах — 1287, в инвалидных домах — 145⁸. На июль 1950 г. численность контингента составляла уже 133 336 чел. (133 318)⁹, по другим данным — 137 902 чел.¹⁰ На начало 1951 г. на положении спецпоселенцев находилось 138 460 «власовцев», из них в наличии — 121 576 чел.¹¹

Национальный состав «власовцев» был очень пестрым и включал более 50 национальностей. По данным переучета 1949 г., контингент состоял из 54 256 русских (48 %), 20 899 украинцев (18,5 %), 5432 белорусов (около 5 %)¹². К примеру, из 7016 спецпоселенцев-«власовцев», проживавших в марте 1949 г. в Коми АССР, русских было 2918 (42 %), украинцев — 1352 (19 %), немцев — 654 (9 %). В лагерях для военнопленных НКВД МВД СССР Кемеровской области среди «власовцев» 66 % были немцами, а 30 % «белоэмигрантов» — русскими¹³. В составе «власовского» спецконтингента, по данным переучета 1949 г., числилось 5842 чел. из числа народов, высланных в годы войны, в том числе 2836 немцев, 2470 крымских татар¹⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 82.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 134.

³ Там же. С. 133. С середины 1948 г. такие освобождения были скорее исключением.

⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 368.

⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 132.

⁶ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 311. Имеются также данные МГБ, согласно которым в 1948–1951 гг. на поселение было направлено около 12 тыс. «власовцев». — ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 89.

⁷ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 22.

⁸ Там же. Д. 372. Л. 146.

⁹ Там же. Д. 641. Л. 368.

¹⁰ Там же. Д. 597. Л. 238.

¹¹ Там же. Л. 239.

¹² Там же. Л. 240.

¹³ Подсчитано по: ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 5. Д. 4. Л. 1–23; Д. 5. Л. 1–39.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479с. Оп. 1. Д. 372. Л. 99.

К началу 1950-х гг. «власовский» контингент был расселен на территории 37 регионов страны. Численность «власовцев» в Сибири и на Дальнем Востоке составляла почти 63,5 тыс., на Севере — около 25 тыс.¹ Основная масса спецпоселенцев находилась на территории Дальнего Севера (Дальстрой, 24 892 чел. в наличии), Киргизской ССР (6709 чел.), в Удмуртии (5525 чел.) и Коми АССР (8138 чел.), Красноярском крае (6643 чел.), Кемеровской (13 740 чел.), Молотовской (12 473 чел.) и Горьковской (9963 чел.) областях.

«Власовцы» числились по 50 министерствам и ведомствам. Основная масса контингента в начале 1951 г. была занята в системе МВД (58 610 чел.), остальные — в системе Министерства угольной промышленности (32 158 чел.), лесной и бумажной (7179), лесного хозяйства (6146), нефтяной (2793) и др. Для каждого региона наблюдалась своя региональная специфика использования. Основная занятость в угольной промышленности была характерна для Иркутской, Кемеровской, Молотовской областей и Приморского края. Спустя год на предприятиях и стройках МВД работало 54 825 «власовцев», в том числе трудоустроено 54 514 чел. Основным «потребителем» был Дальстрой (27 701 и 27 490 чел. соответственно). Кроме того, в системе ГУЛАГ МВД СССР находилось 10 369 чел. Таким образом, всего в системе МВД в начале 1952 г. содержалось 65 194 чел., из которых 64 883 чел. трудоустроены.

«Власовский» контингент не относился к числу лояльных. Постановлением ГАКО от 18 августа 1945 г. № 3871с предусматривалось привлечение к судебной ответственности отправленных на поселение лиц, служивших в немецкой армии и полиции, РОА, национальных легионах и других организованных немцами воинских формированиях. При наличии проверенных данных о «предательской деятельности в период войны» предписывалось проводить аресты в установленном порядке, а всех остальных брать на оперативный учет и в разработку².

В 1947 г. по распоряжению МГБ СССР накануне принятия печально известного Указа Президиума Верховного Совета от 26 ноября 1948 г. была проведена кампания по мониторингу ситуации с побегами. До 1949 г. бежавшими числилось 12 673 «власовца», из них было задержано 10 180 чел.; к уголовной ответственности за побег привлечен 8281 чел., что превысило 81 % от числа задержанных³. В ходе проверки периферийных отделов отмечалось, что доля побегов у «власовцев» выше, чем у других категорий, в частности, в Молотовской области она составила почти 3 % от численности контингента⁴. В целом в начале 1949 г. в бегах находилось всего 2,5 тыс. чел. В ходе антипобеговой кампании 1949 г. их число сократилось втрое⁵. К моменту истечения 6-летнего срока пребывания на спецпоселении представители этой категории вновь подверглись массовым репрессиям, к 1951 г. более 16 тыс. чел. было арестовано или числилось в розыске.

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 549, 562.

² Там же. Л. 107.

³ См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 189–190 (со ссылкой на ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 488. Л. 13).

⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 332. Л. 118.

⁵ На 1951 г. в розыске находилось 706 «власовцев». — ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 2.

Кроме того, согласно данным Второго Главного управления МГБ СССР, в разработке находилось 9346 чел., в том числе 469 офицеров и 4840 чел., обвинявшихся в карательной и предательской деятельности. Спустя год 17 869 чел. были арестованы, 626 числились в розыске. По данным на январь 1953 г., число арестованных составляло 16 256 чел., удельный вес такой меры наказания, как арест, среди «власовского» контингента продолжал оставаться самым высоким.

В связи с истечением в 1951–1952 гг. у значительного количества «власовцев» срока ссылки возникла необходимость принятия какого-то решения об их дальнейшей судьбе. МВД было настроено весьма решительно, предлагая отменить для всех групп «власовцев» срок высылки, переведя их в категорию высланных навечно. Согласно подготовленному МГБ проекту постановления Совета министров СССР, датированному маем 1951 г., предполагалось всех «власовцев» оставить на спецпоселении навечно¹. Большую часть контингента — 105 840 чел. — планировалось оставить в местах ссылки в Красноярском крае, Якутской, Бурят-Монгольской и Коми АССР, Читинской, Иркутской, Кемеровской, Томской и Молотовской областях, Казахской, Таджикской ССР и в регионах Дальнего Севера. И еще 32 620 чел. из 25 регионов подлежали переселению в вышеперечисленные регионы. Масштабная перевозка и конвоирование контингента до мест поселения, как предлагалось в проекте постановления, поручались МВД. Частично предложения МГБ вошли в текст Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1951 г. и постановления Совета министров СССР от 7 октября 1951 г. № 3857-1763сс. Спецпоселенцы-«власовцы» из числа немецкой, чеченской, ингушской, балкарской, карачаевской, греческой национальностей и крымских татар — уроженцев и жителей республик, краев и областей, откуда производилось выселение в годы войны, переводились на спецпоселение навечно. Остальные лица этой категории по отбытии шестилетнего срока из спецпоселения освобождались². Постановление Совета министров СССР № 3857-173сс обязывало ряд министерств и ведомств, в том числе Министерство угольной промышленности СССР, в целях закрепления в составе постоянных кадров лиц, освобожденных от спецпоселения, принять меры к заключению с ними трудовых договоров. Широко практиковался принудительный перевод на трудовой договор.

В развитие этих решений вышел приказ МГБ СССР от 24 октября 1954 г. № 00776. Помимо вышеназванных групп «власовцев», переводившихся в контингент выселенцев, особо оговаривался статус еще нескольких категорий. «Власовцы», работавшие на строительстве комбината № 6 Второго Главного управления при Совете министров СССР, оставались в ссылке до завершения стройки в целях «обеспечения государственной тайны». В отношении власовцев, члены семей которых были высланы из Литовской, Латвийской, Эстонской ССР, западных областей Украины и Белоруссии и осуждены по решениям Особого совещания на вечное поселение как бандпособники, предусматривался также перевод в категорию выселенцев³.

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 152.

² Там же Д. 641. Л. 313.

³ Там же. Д. 372. Л. 83.

В октябре — ноябре 1951 г. МГБ провел переучет «власовского» контингента по всем регионам страны с целью выявить тех, кто подлежал «переводу в постоянные кадры промышленности» и должен был оставаться в ссылке. Обследование показало, что разница в численности между отправленными на спецпоселение согласно решению ГАКО от 18 августа 1946 г. № 3871с и директиве МВД СССР от 20 апреля 1946 г. № 97 и фактически находившимися на спецпоселении составляла 37 847 чел.¹ Порядок оформления дел на «власовцев», подлежащих оставлению на вечное поселение, а также порядок освобождения этой категории определяли директивы МГБ и Прокуратуры СССР от 25 декабря № 140/268сс, МГБ СССР от 1 ноября 1951 г. № 108 и разъяснения ГУМ МГБ СССР от 24 ноября 1951 г. № 10/а/5335². Хотя местные отделения МГБ заранее передавали на предприятия списки «власовцев», у которых заканчивался срок ссылки, в октябре — ноябре 1951 г. в ходе заключения новых трудовых договоров обозначился их массовый отток, что потребовало принятия срочных мер³. В отношении лиц, которым продлевался срок ссылки, согласно инструкции МГБ требовалось оформление заключений для рассмотрения Особым совещанием при МГБ СССР об оставлении на спецпоселении навечно. По получении решения Особого совещания оно объявлялось спецпоселенцам под расписку. Ужесточение режима предусматривало также активизацию агентурного наблюдения на местах, чтобы исключить возможность побега⁴.

5 марта 1952 г. было принято очередное постановление Совета министров СССР о «власовцах», № 1206-394 сс. После отбытия 6-летнего срока ссылки предусматривался их перевод в постоянные кадры промышленности с закреплением за предприятиями и стройками МВД, министерств угольной и нефтяной промышленности в качестве вольнонаемных рабочих и служащих сроком на 3 года, с распространением на них льгот, установленных для рабочих и служащих соответствующих ведомств. В отношении лиц, самовольно ушедших с работы, предусматривалась судебная ответственность в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г.⁵ с обязательным возвращением после отбытия установленного срока наказания на прежнее место работы. «Условно освобожденным» выдавались ссуды на строительство домов, приобретение скота и хозяйственного инвентаря в порядке и размерах, установ-

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 111.

² Там же. Д. 641. Л. 313; Д. 372. Л. 83.

³ Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). Кемерово, 2009. С. 247.

⁴ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 95–96.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июля 1951 г. «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогул, кроме случаев неоднократного и длительного прогула, мерами дисциплинарного и общественного воздействия». Хотя Указ 1951 г. отменял ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. о судебной ответственности за прогул без уважительной причины и самовольный уход с предприятий и учреждений, п. 4 Указа 1951 г. предусматривал судебную ответственность: наказание в виде исправительно-трудовых работ на срок до 6 месяцев или лишение свободы на срок от 2 до 4 месяцев. Получила распространение практика, когда часть бывших поселенцев отказывалась подписывать трудовые договоры, предпочитая 2–4 месяца заключения работе на тяжелом производстве.

ленных Постановлением Совета министров СССР от 7 октября 1951 г. № 3857-1763. Разрешался вывоз членов семьи для совместного проживания. Освобожденным со спецпоселения «власовцам» запрещалось проживать в столицах, пограничных и режимных зонах, а также в Прибалтике, Молдавии и западных областях УССР и БССР.

Тенденция к сокращению численности «власовцев» как особой категории ссыльных обозначилась в 1952 г. По данным на июль 1952 г., на учете находилось 103 454 «власовца», в наличии имелось 84 959 чел.¹, отбывавших ссылку почти в 40 регионах страны. Самые крупные контингенты находились на территории Таджикской ССР (8526 чел.), Коми (без учета лагерей — 6594) и Якутской АССР (5168), Красноярского края (без учета лагерей — 5629), Молотовской (6613), Иркутской (6003), Кемеровской (5626) областей². Почти 13 % контингента находилось на севере в подведомственном МВД Дальстрое, еще 9,6 % — в лагерях, находившихся в ведении ГУЛАГ МВД, в том числе в Коми АССР (Воркутлаг, Ухтижемлаг, Печорлаг, Устьвымлаг, Минераллаг) — 5107 «власовцев»; в Красноярском крае (Енисейстрой, Норильлаг) — 2717; в Тюменской обл. (Обский ИТЛ) — 328 чел.³ Количество освобожденных в 1952 г., но закрепленных на три года за предприятиями угольной, нефтяной и химической промышленности Приморского и Хабаровского краев, Сахалинской и Читинской областей, а также Туркменской ССР, составило 5,7 тыс. чел. (без учета «закрепленных» в системе МВД). Есть основания предполагать, что еще около 10 тыс. чел. после истечения срока ссылки были временно оставлены на промышленных предприятиях⁴.

Анализ ведомственной отчетности показал, что количество освобожденных «власовцев», согласно директиве МГБ СССР № 00776 на 1 июля 1952 г., составило 41 983 чел. Самые масштабные сокращения происходили в Дальстрое (13 249 чел.), Кемеровской (7685 чел.), Молотовской (5414 чел.) и Иркутской (3688 чел.) областях⁵. За 1952 г. Дальстрой сократил численность «власовского» контингента на 21 тыс. чел.⁶ Согласно данным на январь 1953 г., на учете продолжали состоять 56 746 «власовцев», из которых 39 873 были в наличии⁷. На март 1954 г. численность «власовцев» составила 56 476 чел.⁸ В шестилетний срок ссылки не входило время содержания в местах заключения, поэтому и произошла сдвижка по срокам.

17 сентября 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны», и такая категория, как «власовцы», формально перестала существовать. Окончательное освобождение, тем не

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 178.

² Там же. Л. 264.

³ Подсчитано по: ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 641. Л. 181–188.

⁴ Подсчитано по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 136–137.

⁵ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 223–224.

⁶ Чернолуцкая Е.Н. Спецпоселенцы «власовцы» на советском Дальнем Востоке (1945–1955 гг.). С. 106–113.

⁷ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 225.

⁸ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: В 3 т. [Т. 2]: Февраль 1956 — начало 80-х годов / Сост. А. Артизов [и др.]. М., 2003. С. 658–660. (Россия. XX век. Документы).

мене, относится к 1957 г. По мере снятия с учета в течение 1952–1957 гг. были расформированы 80 спецкомендатур, произведено сокращение личного состава в 120 спецкомендатурах. Последними были расформированы (или значительно сокращены) переселенческие отделы МГБ–УМГБ Карело-Финской ССР, Якутской и Бурятской АССР, Приморского края, Мурманской, Читинской и Сахалинской областей, УМГБ строительства Дальнего Севера¹. Массовое освобождение из ссылки не предусматривало реабилитации. Массовая реабилитация «власовцев» началась только со второй половины 2000-х гг., хотя до сих пор этот вопрос является крайне болезненным для российского общества.

В.Ю. Башкуев

СОХРАНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИТОВСКИМИ СПЕЦПОСЕЛЕНЦАМИ В БУРЯТ-МОНГОЛИИ (1948–1960 гг.)

Литовцы в современной Бурятии образуют совсем небольшую этническую диаспору. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., ее численность составила всего 144 чел.² Сегодняшняя община литовцев в Бурятии — это все, что осталось от самого многочисленного из этнических контингентов спецпоселенцев, расселенных в конце 1940-х гг. на ее территории. Тогда, в июне 1948 г., три спецэшелона под № 97908, 97912 и 97913 привезли и выгрузили на станциях Заиграевского аймака Бурят-Монгольской АССР 4109 мужчин, женщин, детей и стариков. Эти люди были литовскими крестьянами, обвиненными в пособничестве «бандитам и националистам» и выселенными в ходе крупнейшей в истории Литвы депортационной операции «Весна» (22–23 мая 1948 г.).

Литовские спецпоселенцы провели в Бурятии более десяти лет. Вместе с местными жителями они трудились на предприятиях республики, восстанавливая народное хозяйство после тяжких испытаний войны. Несмотря на то, что большинство предпочло возвратиться на родину после освобождения со спецпоселения в конце 1950-х гг., для некоторых литовцев Бурятия стала вторым домом. Они и их потомки до сих пор живут в республике, являясь частью ее многонационального народа.

К сожалению, за восемь лет, прошедших с переписи 2002 г., количество литовцев Бурятии уменьшилось на 40,7 %. Это обусловлено как миграционным оттоком, так и ассимиляционными процессами, в частности сменой этнического самосознания людей под влиянием смешанных браков³. В этих условиях работа по сохранению этнической и религиозной идентичности

¹ ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 372. Л. 89.

² Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения 10.09.2013).

³ Свыше 167 национальностей проживает в Бурятии по данным переписи населения // Там же. URL: <http://www.perepis-2010.ru/news/detail.php?ID=7534> (дата обращения 10.09.2013).

литовцев приобретает особую актуальность. Несмотря на усилия общественной организации «Национально-культурное общество литовцев Бурятии» и активистов, литовская диаспора постепенно исчезает, растворяясь среди других народов республики. Одним из важнейших условий существования этнокультурного своеобразия литовцев Бурятии, на наш взгляд, является сохранение исторической памяти, в том числе и о том, как ссыльные литовцы сумели в тяжелейших условиях спецпоселения сберечь свою традиционную культуру, веру и национальную идентичность.

В данной статье внимание сосредоточено на тех аспектах повседневной жизни литовских спецпоселенцев, где сильнее всего проявлялось их стремление оставаться теми, кем они были до депортации, ограждать себя и своих детей от идеологической обработки, не предавать свои традиции и веру. Как показывают материалы наблюдательных дел ОСП МВД БМАССР, чаще всего катализатором подобных настроений выступал социокультурный диссонанс, возникавший на фоне принуждения к выполнению советских ритуалов и некоторых повседневных практик. Поэтому в реакции спецпоселенцев на советские реалии наиболее отчетливо выкристаллизовывается парадигма противостояния, основывавшаяся на этнопсихологических и социокультурных отличиях литовцев от местного населения. Религиозная жизнь спецпоселенцев во всех ее проявлениях также являлась мощным средством противостояния советской системе и одновременно способом остаться самим собой и не потерять надежду в экстремальных условиях. И наконец, захоронения литовцев в Бурятии, материальные объекты культурно-исторической памяти служат «мостами в прошлое» и являются этнически маркированными местами памяти и поклонения, имеющими большое значение для сохранения своеобразия литовской общины в современных условиях.

Отношение литовских спецпоселенцев к советской действительности и повседневным практикам

В ходе «оперативно-чекистского» обслуживания литовского спецконтингента сотрудниками 9-го отдела МГБ БМАССР был собран обширный массив разнообразных доносов, в которых фиксировались проявления политической нелояльности и в особенности факты высказывания спецпоселенцами различных антисоветских идей. Даже поверхностного ознакомления с этими документами достаточно, чтобы понять, что среди литовцев подобные настроения находили широкое распространение. Докладные записки о состоянии агентурной работы в местах их расселения в большинстве случаев начинаются так: «Анализ полученных от агентуры данных показывает, что значительная часть спецпоселенцев-литовцев на почве укоренившихся еще раньше враждебных Советскому Союзу убеждений высказывает антисоветские взгляды на проводимые в нашей стране мероприятия... ведет пропаганду о скорой предстоящей войне Америки против СССР... восхваляет капиталистический строй Америки, занимается отпращиванием религиозных культов...»¹.

¹ Группа спецфондов Информационного центра при МВД Республики Бурятия (далее — ГСФ ИЦ МВД РБ). Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Т. 1. Л. 105, 255.

В формулировках оперативников варьирует только «окраска» высказываний, во многом зависевшая от описываемого временного периода, а общая суть остается прежней — враждебное отношение спецпоселенцев к проводимой в СССР политике и вообще ко всему советскому. Для исследователя же равно важны как сами примеры выражения нелояльности, так и их интерпретация, помогающая глубже понять их смысл и контекст.

Образ Советской России в высказываниях и образцах устного творчества литовских спецпоселенцев не просто негативен, а уничижителен. В нем часто выделяется тема нищеты, причем в контексте, позволяющем однозначно судить об отношении говоривших к проблеме аннексии и советизации Литвы. Слова типа «...заграблена наша земля нищей Россией»¹ или «...пришла советская власть как нищая и испортила жизнь литовцам...»² характерны для бытовавших в среде спецпоселенцев песен. В разговорах же тема советской нищеты всплывала подчас в неожиданных и курьезных ситуациях. Так, 14 октября 1951 г. на участке Харакутул во время перекура литовец Пранас Вайтелис достал «Казбек» и, обратившись к секретному осведомителю «Шимкус», попросил его, как грамотного, объяснить рисунок на папиросной коробке. На вопрос источника, что же сам Вайтелис определяет по изображению на ней, последний ответил: «На этих сигаретах нарисован нищий человек с вещевым мешком. Советская власть доказывает, что в Советском Союзе люди живут в положении нищих»³.

Формированию подобного отношения к окружающей действительности способствовали некоторые привычные для советского человека административные практики. Так, в апреле 1950 г. начальство Эрийского мехлесопункта для оказания помощи колхозу им. Карла Маркса в уборке прошлогоднего урожая мобилизовало на общественные работы литовских домохозяек. Возвращаясь 5 апреля 1950 г. с колхозного поля домой, литовка Барбора Кленаускене заявила: «Недолго коммунистам придется издеваться над нами, они стараются нас всячески эксплуатировать. Мне пишут мои родные из Литвы, что здесь пробудем не более двух месяцев. Надо работать не спеша, нам не достанется то, что мы в поле соберем, пусть идут и работают те, кто нас посылает, а нам незачем работать»⁴. Естественно, в наблюдательном деле данное высказывание было охарактеризовано как «крайне враждебное».

Особенно сильное раздражение у литовских спецпоселенцев вызывали кампании по подписке на различные государственные займы, регулярно проводимые администрацией треста «Бурмонголлес» среди рабочих своих предприятий по указанию вышестоящих партийных и советских органов. Во время этих мероприятий агентура доносила о таком усилении антисоветских настроений среди спецпоселенцев, что сотрудникам МВД–МГБ приходилось составлять отдельные отчеты, целиком посвященные настроениям среди спецконтингентов в связи с проводимой подпиской на государственный заем.

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 10. Л. 124.

² Там же. Л. 47.

³ Там же. Д. 91. Т. 2. Л. 209.

⁴ Там же. Т. 1. Л. 161.

Негативное отношение спецпоселенцев к этим кампаниям вполне объяснимо. Местные «комитеты содействия», состоявшие из ударников производства, бригадиров, членов местной администрации и других активистов, обрушивали на спецпоселенцев ливень пропаганды, часто носившей агрессивный, принудительный характер. Так, во время проведения подписки на заем народного хозяйства 1951 г. на участке Харакутул местный актив устроил собрание, на котором самодеятельные агитаторы занимались контрпропагандой среди спецпоселенцев-литовцев. Когда источник «Скворцов» призывал подписываться на заем, спецпоселенец Антанас Стонкус обругал его по-литовски нецензурной бранью и назвал «коммунистом»¹.

9 мая 1951 г. в беседе с источником «Шимкус» о проходившей подписке спецпоселенец-литовец Казис Тубутис с возмущением сказал: «Как им не совестно, пришли в барак к старухе и просят, чтобы она подписалась на заем на 25 рублей, это не коммунистическая партия, а мошенники»².

6 мая 1951 г. в присутствии источника «Рогова» спецпоселенка Аницета Вайчулите в беседе с другими спецпоселенцами сказала, что изначально она подписалась на 50 рублей, а затем ей пришлось подписаться на 700 рублей. За этим последовало следующее «враждебное умозаключение»: «В Литве так ходят нищие с торбой, которые выпрашивают подачки, если им дашь яйцо, они выпрашивают мясо, так же и советские активисты, ходят и выпрашивают у нас, как нищие в Литве»³.

Сравнение советских «комсодов» с нищими подтверждает существование среди литовцев уничижительного образа Советской России и коммунистической партии, представляющей в их глазах не более чем мошенниками, вытягивающими деньги у обездоленных ими же людей. Некоторые спецпоселенцы-литовцы даже чувствовали себя виновными в том, что они все-таки подписались на заем. Они оправдывались перед своими товарищами и самими собой тем, что агитаторы не останавливались и перед применением силы, чтобы заставить людей отдать государству еще даже не заработанные ими деньги. Так, спецпоселенка Антанина Кузьмайте сказала пришедшим к ней гостям: «Советский Союз чувствует, что скоро начнется война, а поэтому увеличил в этом году сумму займа. Я не хотела подписываться на заем, но меня вызвали в контору леспромхоза, где продержали до трех часов ночи и все же заставили подписаться на трехнедельный заработок, и если случится, что американцы в войне победят Советский Союз, я не виновна буду перед ними в подписке на заем, я не сама подписалась, а меня заставили, и не боюсь, что американцы на меня в этом обиделись...»⁴.

А спецпоселенка Петронеля Серепенене на просьбу подписаться на заем ответила с нескрываемой злобой: «Если требует Советский Союз подписаться на заем на 100 рублей, я выкладываю из американского кармана 100 рублей»⁵.

¹ Там же. Л. 256.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Иногда нежелание спецпоселенцев помогать государству в восстановлении народного хозяйства, приобретая облигации госзаймов, выливалось в весьма курьезные высказывания. 26 июня 1953 г. во время подписки на очередной заем спецпоселенка Зинаида Благожевичуте, проживавшая на участке Мойгото Хоринского района БМАССР, произнесла такую фразу: «Я ненавижу этого замдиректора по политической части, так как он заставляет меня подписывать на заем, сколько я не хочу. В прошлом году я не подписалась на полный оклад, из-за этого умер Сталин, а в этом году, если не подпишу, умрет Маленков...»¹.

Отдельные спецпоселенцы, не желая подписываться на суммы, превышающие их реальный заработок, выражали желание, чтобы на такие суммы подписывались коммунисты и активисты. Например, обсуждая результаты подписки на заем 1952 г., литовец Миколас Римкус сказал: «Нас заставляют подписываться на такую сумму, которую мы не зарабатываем, пусть на большую сумму подписываются коммунисты...»².

Многие спецпоселенцы, в особенности женщины, вообще запрещали своим младшим родственникам и детям подписываться на государственные займы. Так, во время подписки на заем на участке Мойга спецпоселенка Елена Шнарайте вела агитацию среди соотечественников, чтобы они не подписывались на него, а своей сестре она в присутствии других строго наказала, чтобы та подписалась только на 50 рублей, а не на средний трехнедельный заработок³.

Похожая ситуация имела место во время выборов в Верховные советы союзных и автономных республик и в местные органы власти. Литовские спецпоселенцы, понимая, что голосовать им все равно придется, упрямо выражали свое недовольство такими безальтернативными «выборами». Особенно их возмущало отсутствие в списках кандидатов литовских имен, ведь по закону спецпоселенцы имели право избираться в местные советы. «Что нам голосовать за этих кандидатов, разве они облегчат нам труд или разрешат возвратиться в Литву? — негодовала спецпоселенка-литовка Кузмайте. — Выдвинутые депутаты все русские, литовцев нет. Если бы все не пошло голосовать, ничего бы с нами и не сделали, а если я не пойду только одна, то вызовешь на себя лишние подозрения»⁴.

Некоторые спецпоселенцы, помня о том, что советская власть выселила их из родных мест, не желали голосовать за ее представителей, которых они считали виновными в своей депортации. Так, в разговоре с источником «Слива» о ходе проводившейся кампании по выборам в Верховные советы союзных и автономных республик спецпоселенка Катря Жукене сказала: «Вот настала жизнь, хоть не хочешь, но голосуй, не пойдешь на избирательный участок, придут с урной на квартиру, но как же голосовать за людей, выселивших нас из Литвы. Они же по сути дела являются нашими врагами»⁵.

Приведенные высказывания еще раз подтверждают, что часть литовских спецпоселенцев воспринимала советскую власть и ее представителей

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 130. Л. 251.

² Там же. Д. 93. Т. 1. Л. 196.

³ Там же. Д. 91. Т. 1. Л. 257.

⁴ Там же. Л. 106.

⁵ Там же.

как врагов, которым нужно было оказывать посильное сопротивление даже в условиях спецпоселения. При этом слова «советский» и «русский» для литовцев зачастую являлись синонимами, а слово «коммунист» приобретало бранный оттенок. Полная лишений жизнь на спецпоселении обусловила четкое разграничение черного и белого. Ассоциации с коммунистическими идеями вызывали у некоторых спецпоселенцев сильные негативные эмоции. Накопившись, негодование выплескивалось наружу даже в бытовых ситуациях, не говоря уж о спорах на идеологической почве. Так, зимой 1952 г. у автолавки на участке Харакутул спецпоселенец Антанас Стонкус в перебранке с источником «Скворцовым», проталкивавшимся к машине, чтобы купить конфет, сказал ему: «Ты нахал, как коммунист, куда лезешь и толкаешь добрых людей?!»¹.

В споре с источником «Петрескене» русская по национальности спецпоселенка Вера Ивановна Дулявичене заявила: «Я отвечаю в данное время за своего сына Леона, а вы? Вы скоро будете отвечать за свою красную родину, за своего брата, работающего в МВД. Вот стоит только нам вернуться в Литву, но места вам там не будет...»². Литовка Она Висоцкене, у которой, по данным МГБ, два сына находились в банде, а один отбывал срок в лагерях, с радостью говорила: «Какая я счастливая, в моей семье нет ни одного коммуниста, я не буду отвечать, а те, которые имеют коммунистов, будут впоследствии плакать кровью...»³.

Понятие «коммунизм» как конечная цель большевистской политики вызывало у части спецпоселенцев полное отторжение. Уже знакомый нам источник «Скворцов», разговаривая со спецпоселенкой Павлиной Поплаускайте, сказал, что в скором будущем в Советском Союзе будет построен коммунизм, на что получил ответ: «Ты этими словами портишь мне настроение, если это будет, я жить не буду, лучше покончу с собой, лучше умереть, чем жить при коммунизме»⁴.

4 сентября 1951 г. источник «Барасов», работая с бригадой путейцев-спецпоселенцев, во время перерыва предположил, что скоро будет построен коммунизм и жить тогда станет лучше, на что литовец Пранас Повилайтис ответил с нескрываемым презрением: «Нам не нужен коммунистический строй, вы как хотите, так и стройте его. Скоро придут американцы, уничтожат ваши законы и коммунизм, мы вам тогда покажем, как нужно жить»⁵.

Обсуждая просмотренный 16 октября 1951 г. фильм «Марите», спецпоселенка Казе Юрчуте сказала источнику «Невнивайте»: «В киноленте показывали, как одна молодая девушка-литовка продана коммунистам и свою жизнь отдала за коммунизм. Какая она глупая, да, среди нас есть еще люди, которые продают себя коммунистам»⁶.

Примечательно, что спецпоселенцам демонстрировали литовские фильмы о событиях, происходивших в конце 1940-х — начале 1950-х гг., снятые, так сказать, «по горячим следам». Преследуя пропагандистские цели,

¹ Там же. Д. 93. Т. 1. Л. 31.

² Там же. Д. 10. Л. 28.

³ Там же. Д. 93. Т. 1. Л. 78.

⁴ Там же. Д. 91. Т. 2. Л. 207.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 210.

местные агитаторы давали спецпоселенцам удобный повод критиковать содержание кинофильмов. Так, рассуждая о фильме «Закаленные люди», спецпоселенка Ольга Вантелите говорила: «В кинокартине показывали, как русские побеждают до зубов вооруженных немцев, это неправда, чтобы русские побеждали немцев. Вообще в кинокартинах показывают неправду, только этим дурманят и обманывают народ»¹.

Пропаганде в печати и по радио спецпоселенцы верили мало и гораздо больше полагались на письма, приходившие к ним из Литвы или других мест обязательного поселения, на слухи и обрывки иностранных радиопередач, которые иногда удавалось поймать на бытовые радиоприемники. Презрительное и недоверчивое отношение к произведениям советских писателей и статьям в официальной прессе хорошо выражено в высказывании спецпоселенки Альдоны Артишаускайте: «Что сейчас могут писать хорошего, какую-нибудь чепуху о стройках да о колхозах, сейчас все писатели перестроились и доброго ничего не пишут...»².

Особенно живо спецпоселенцы интересовались развитием международной ситуации в связи с Корейской войной. Обычным выводом из иностранных радиопередач было то, что после победы в Корее американцы обязательно нападут на СССР и в последующей войне коммунисты потерпят сокрушительное поражение. Настроения внутри спецконтингента в связи с ожидаемым конфликтом варьировали от фаталистических предсказаний до оптимистичных надежд на освобождение и начало новой жизни без коммунистов и их идеологической атрибутики.

Высказывания некоторых, особо непримиримых, спецпоселенцев вызвали оправданную тревогу у сотрудников МВД. В них сквозила угроза советским и партийным работникам, различным активистам, а также литовцам, сочувствующим коммунистическим идеям. В случае победы американцев, говорили они, литовцам следует нападать на коммунистов и их пособников и безжалостно их убивать. Приведем несколько подобных высказываний.

Так, Стасис Миколайтис, выпивая в компании с другими спецпоселенцами, 17 июня 1951 г. сказал: «Скоро начнется война, американцы победят, коммунистам будет крышка, мы их всех перевешаем, а своих предателей, которые ходят в комендатуру и докладывают, их перережем. Русские сейчас все захватывают, подождите, будет и наш праздник, мы русским отомстим»³. Другой литовец, Костас Лекис, 1923 г.р., проживавший на станции Новоильинск, говорил в ноябре 1948 г.: «Вы видите сами, нам здесь жить плохо, для нашего скорейшего освобождения с места спецпоселения надо нам разрушать все порядки, установленные советской властью». Затем, рассказывая о жизни в Литве, он сказал: «Мои товарищи остались в лесу, они за меня не дадут покоя и отомстят органам МГБ»⁴.

Спецпоселенец Йонас Клямас 5 октября 1949 г. в беседе с источником «Дубраускас» заявил: «Мы в скором времени поедем в Литву, нам необходимо подготовить оружие, хотя бы наковать здесь, в кузнице, ножей.

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 210.

² Там же. Т. 1. Л. 257.

³ Там же. Л. 260.

⁴ Там же. Д. 93. Т. 1. Л. 78.

А когда прибудем в Литву, должны повести борьбу на уничтожение советских военных»¹. Его соотечественник, спецпоселенец Матос Нарбантас, до своего выселения состоявший в одной из вооруженных групп сопротивления, агитировал остальных литовцев: «Скоро начнется война, нам литовцам надо оформляться в свою организацию и убивать местных активистов»².

В высказываниях женщин основной темой являлось возвращение в Литву и устройство новой жизни без коммунистов. Тема расплаты за преступления режима в высказываниях спецпоселенок несколько отличается от радикальных заявлений мужчин. Многие литовки надеялись на то, что после победы американцев коммунисты и их пособники будут расплачиваться за рабский труд спецпоселенцев, поменявшись с ними местами. Например, спецпоселенка Стася Алюмайтене, разговаривая с источником «Барасов» 17 ноября 1951 г., говорила: «Ничего, подождите, Америка разделяется с Кореей, американцы придут сюда, будет и на нашей улице праздник, русские под нашим контролем будут работать, кое-кого заберем с собой в Литву»³.

Однако самой заветной надеждой литовцев оставалось возвращение на родину. Большинство высказывавшихся по поводу предстоящей войны выражало уверенность, что после прихода американцев всех спецпоселенцев отпустят по домам. Мысли о том, что при падении СССР и оккупации Сибири западными войсками литовцам «будет большое счастье», что война «принесет нам, литовцам, большую радость» и «Америка... Советский Союз победит и освободит нас со спецпоселения», встречаются практически в каждом «проамериканском» высказывании⁴.

Такое обилие антисоветских «проявлений», естественно, не могло возникнуть на пустом месте. В приведенных высказываниях хорошо видно, против чего так часто выступали спецпоселенцы, какие мероприятия вызывали у них особенно сильное возмущение и что именно в государственной политике они не одобряли, а подчас и высмеивали. Вырванные из родной культуры и привычной среды и помещенные в незнакомую им действительность, литовские спецпоселенцы с трудом приспосабливались к каждодневным трудностям жизни в послевоенной сибирской глубинке. Любая несправедливость, ужесточение режима или очередной подбор вызывали вполне оправданные вопросы, а понимание собственной беспомощности и бессилия изменить что-либо в этой новой жизни в конце концов приводили к взрыву негодования.

Следует учитывать, что литовцам, насильно включенным в состав СССР в 1940 г. и еще не полностью понявшим суть построенного сталинской диктатурой социализма, абсурдным и несправедливым виделось то, к чему советские рабочие и колхозники давно привыкли. Со временем люди приспосабливаются ко всему. И вот для одних ежегодная подписка на займы в счет еще не заработанной зарплаты стала нежелательной, но все же привычной формальностью. Для других же такой способ привле-

¹ Там же. Л. 79.

² Там же. Л. 77.

³ Там же. Д. 93. Т. 1. Л. 81.

⁴ Там же. Д. 91. Т. 1. Л. 259, 260.

чения дополнительных средств в народное хозяйство нелюбимого ими государства казался грабежом, против которого они считали нужным высказываться если не публично, то в кругу знакомых. Ложь о процветании советских людей, исходившая со страниц газет, из радиопередач и с экранов кинозалов, ставшая привычным фоном повседневной жизни в СССР, также вступала в противоречие с той реальностью, которую литовцы видели каждый день за окнами своих жилищ.

В такой ситуации единственной отдушиной стала надежда на чудесное освобождение из спецпоселения, которая подогревалась рассказами побывавших в США литовцев о богатстве и мощи заокеанской державы. Люди полагались на соблюдение западными державами положений принятой в 1941 г. Атлантической хартии, в которых закреплялся принцип независимости всех наций, потерявших свободу во время Второй мировой войны. Находясь в сибирской ссылке, они не знали, что англичане и американцы, создатели Атлантической хартии, еще в 1945 г. во время Ялтинской конференции договорились со Сталиным о послевоенном устройстве Европы, фактически согласившись с аннексией и советизацией Прибалтики.

Тем не менее непоколебимая вера в возвращение на родину была одной из основных составляющих той силы, что помогала литовским спецпоселенцам стойко переносить каждодневные тяготы сибирской ссылки. Веками формировавшиеся черты литовского национального характера — самостоятельность, свободолюбие, развитое историческое самосознание и неистребимая любовь к родному краю — не давали изгнанникам отчаяться, прекратить борьбу за выживание и поддаться коммунистическим лозунгам, забыв традиции и веру своих предков. Напротив, находясь в незнакомом краю, литовцы старались держаться друг за друга, насколько возможно сохраняя свою национальную и религиозную идентичность.

Многие из них, рискуя свободой и жизнью, шли на открытую конфронтацию с всемогущими карательными ведомствами — МВД и МГБ. Даже в лагерях они предпочитали оставаться теми, кем были до своего выселения. Ярлык особо ненадежного в политическом отношении контингента, данный литовцам сотрудниками органов госбезопасности, был ими полностью заслужен. Наиболее ярые противники коммунистов с гордостью заявляли, что никакие наказания не изменят их сущность и национальную принадлежность. Один такой «пособник националистов», бывший кулак, заявлял: «При немцах я жил хорошо, всего было вдоволь. Все это забрали и выслали [из Литвы], разве это можно забыть? Нет, никогда этого не забуду. Каким я был, таким и останусь. Я не латыш, а литовец. Латыши, как только пришли русские, стали организовывать колхозы, а у нас в Литве... днем организуют, а ночью убьют руководителя колхоза, и на утро опять колхоза нет»¹.

Установка на сохранение своей идентичности в инокультурном окружении под жестким идеологическим и психологическим давлением, приверженность традициям своего народа, прочная эмоциональная связь с родиной и вера в возвращение четко выражены в строках перехваченного

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 93. Т. 2. Л. 159.

сотрудниками МВД письма домой литовки по имени Праня: «Нам говорят забыть про Литву, но мы этого не слушаем...»¹. Таким образом, изученный материал по особенностям восприятия ссыльными литовцами советской действительности позволяет сделать следующий вывод. Противопоставление традиционной литовской идентичности советским повседневным практикам, направленным на воспитание коллективизма, идеологизированного интернационализма, самоотречения и жертвенности во имя коммунистических идеалов, было одной из распространенных стратегий выживания на спецпоселении. В сочетании с сохранением традиционной религии эта поведенческая модель обеспечивала надежную защиту от идеологической «промывки мозгов» и не давала потерять веру в справедливость и возвращение в Литву.

Сохранение традиционной веры и религиозной идентичности как стратегия выживания на спецпоселении

Большое значение в жизни литовских спецпоселенцев играла религия. Господствующей религией в Литве является католицизм, и основная масса выселенцев исповедовала католическую веру. В некоторых семьях имелись близкие родственники, обучавшиеся в католических учебных заведениях как в Литве, так и за рубежом и принявшие духовный сан. Так, бывшая спецпоселенка А.В. Арефьева рассказала, что ее дяди со стороны обоих родителей обучались в духовных семинариях и стали священниками. Дядя со стороны матери, Пятрас Баршаускас, еще до войны преподавал в католической школе в Японии. Перед самой войной он вернулся в Литву, сложил с себя духовный сан и стал учителем в местечке Дубингяй, недалеко от Вильнюса. Во время немецкой оккупации он был расстрелян. Дядя со стороны отца учился в духовной семинарии в Италии и впоследствии работал в Ватикане².

В семьях, где среди родственников не было священников, люди также были весьма религиозны. Дети старше семи лет, как правило, обучались в школах, в которых преподавались основы религии. В своих воспоминаниях бывший спецпоселенец П.Ю. Свилис отметил, что к моменту депортации он уже окончил четыре класса школы в Литве и, как и его родители и другие члены семьи, исповедовал католическую веру. У него до сих пор сохранилось официальное свидетельство о принятии первого причастия, написанное на литовском языке³. Думается, что подобные свидетельства были у большинства литовских детей, успевших принять причастие до мая 1948 г., т. е. до момента депортации в Сибирь.

Преданность традиционной вере проявилась с первых же моментов обрушившегося на людей несчастья. По свидетельству П.Ю. Свилиса, в момент депортации, который он запомнил очень ясно, солдаты поставили его старших братьев лицом к стене, чтобы те не могли убежать, отца отправили запрягать лошадь, а женщинам велели собирать самое необходи-

¹ Там же. Д. 10. Л. 124.

² Воспоминания бывшей спецпоселенки А.В. Арефьевой. Текст интервью от 25.03.2005 г. находится в архиве автора.

³ Воспоминания бывшего спецпоселенца П.Ю. Свилиса. Текст интервью от 16.03.2005 г. находится в архиве автора.

мое. Среди паники и неразберихи, в условиях, когда требовалось собрать все то, что впоследствии спасло бы жизнь большой семье, женщины взяли с собой молитвенники и четки, чтобы обращаться к Богу в критические моменты жизни¹. Эти предметы, несомненно, обладали огромным значением для испуганных людей, которые не знали, куда их везут и долго ли им осталось жить.

Барбара Армонас, автор обошедшей весь мир книги «Leave Your Tears In Moscow» («Оставь свои слезы в Москве»), депортированная в Иркутскую область в ходе все той же операции «Весна», отмечает, что, несмотря на страх и горе, люди старались не падать духом. По ее словам, молодежь, сидевшая в товарных вагонах, запела литовские песни, прощаясь с родиной, когда эшелон отошел от перрона². По словам П.Ю. Свилиса, во время депортации люди были очень напуганы и поэтому вполне могли петь молитвы, потому что не были уверены в том, что их везут не на смерть. И у них были очень серьезные причины для опасений: во время депортаций 14–20 июня 1941 г. многие из тех, кого забирали сотрудники НКВД, были обнаружены в массовых захоронениях на территории Литвы, а семьи депортированных на периферию СССР безжалостно разделялись. Многие так никогда и не увидели своих родных. Выселенцам 1948 г. в этом плане, можно сказать, повезло — их семьи не разделяли, и на спецпоселение они прибыли тем же составом, что и в момент выселения.

По словам бывшего спецпоселенца К.В. Заляускаса, попавшего в ссылку в девятилетнем возрасте, религиозные обряды он чаще всего видел на похоронах. Первой потерей для этой семьи стала 77-летняя бабушка, умершая от дизентерии через два месяца после прибытия в Бурят-Монголию. В отсутствие священника похоронные обряды проводил спецпоселенец по имени Йонас Чепонис. Он же проводил домашние мессы в спецпоселке Барун, где жила семья Заляускас³. П.Ю. Свилис также вспоминает, что особенно много похорон было в 1948 г., когда смертность среди стариков и детей была очень высокой. Как и во время похорон в Литве, собравшиеся пели молитвы до и после погребения. В Челане, где первое время жила семья Свилис, похороны и обряды проводил старший и наиболее уважаемый среди спецпоселенцев человек. Его фамилия была, по-видимому, Пакарнас. К сожалению, больше ничего об этом человеке П.Ю. Свилис вспомнить не смог.

Еще одним обстоятельством, которое отмечает П.Ю. Свилис, было то, что для погребения по католическим канонам требовалось металлическое распятие, укреплявшееся на кресте. Тем, кто не смог взять такое распятие из дома, их присылали в посылках родственники. На многих фотографиях того времени металлические распятия, укрепленные на крестах, сразу бросаются в глаза. Они, вернее, их искореженные фрагменты, видны на крестах и сегодня. Здесь поработали уже не сотрудники МГБ, а грабители могил.

¹ Воспоминания бывшего спецпоселенца П.Ю. Свилиса. Текст интервью от 16.03.2005 г. находится в архиве автора.

² Armonas B. Leave Your Tears In Moscow. Philadelphia; New York, 1961. P. 45–46.

³ Воспоминания бывшего спецпоселенца К.В. Заляускаса. Текст интервью от 20.02.2005 г. находится в архиве автора.

В экстремальных условиях ссылки знание традиций и обычаев своего народа, вера в Бога и строгое соблюдение религиозных ритуалов были необходимы детям даже в большей мере, нежели взрослым. Ведь если взрослые воспринимали тяготы депортации с высоты своего жизненного опыта и старались противопоставить им надежду на высшую справедливость и благополучное возвращение домой, во многом навеянную знакомыми молитвами и религиозными обрядами, дети, в особенности малолетние, не обладали подобным иммунитетом. Им приходилось ходить в школу, где религия рассматривалась как нечто порочное или в лучшем случае архаичное и отжившее свой век. На них оказывалось мощное идеологическое давление, противостоять которому могла только атмосфера в семье.

Поэтому неудивительно, что родители старались передать детям свое знание религиозных обрядов и праздников, укрепить в них традиционную систему ценностей, с раннего возраста привить сопротивляемость покаравшей их системе. В повседневной жизни это выражалось в обычной молитве и в отмечании религиозных праздников, с которыми у бывших спецпоселенцев связано много воспоминаний. В семье П.Ю. Свилиса праздновались в основном Рождество и Пасха. На Пасху литовцы, как и русские, красили яйца. Справляя религиозные праздники, спецпоселенцы старались сохранить атмосферу торжества. Вынимали лучшую одежду, на стол ставили лучшие блюда. В условиях спецпоселения особенных лакомств не было, однако на Пасху делали кулич, а на Рождество — свиной студень и клецки. Те из стариков, кто успел взять с собой национальные костюмы, надевали их во время праздника. Варилось домашнее пиво.

На весенние и летние праздники молодые литовцы гуляли на природе. П.Ю. Свилис вспоминает, что в Челане была красивая долина с речкой и там на Секминис (Троицу) собиралась молодежь, строили качели иногда из подручных материалов, а иногда специально вкапывая в землю столбы. Молодые люди плели венки, пели, играли, разговаривали. Такой же праздник с гуляниями и венками был на Иванов день, или Лиго — праздник середины лета. Особенно запоминающиеся венки плелись специально, чтобы порадовать тех, чье имя совпадало с именем святого, чей день отмечался. В таких случаях эти венки тихо прикреплялись к двери именинника, чтобы еще раз доказать, что он или она не забыты своей общиной¹.

Все вышеописанное представляет собой наиболее характерные элементы традиционных праздников, справляемых в Литве, перенесенные в новую среду. Интересно, что никто из опрошенных литовцев не помнит случаев, чтобы местная администрация пыталась пресечь празднование религиозных праздников или соблюдение религиозных обрядов во время похорон или венчания². По-видимому, спокойные и трудолюбивые литов-

¹ Воспоминания бывшей спецпоселенки А.В. Арефьевой. Текст интервью от 25.03.2005 г. находится в архиве автора.

² Такие случаи описываются в статье Барбары Роговской о религиозной жизни сосланных в Сибирь поляков. Автор приводит в пример случай, когда несколько поляков написали письмо представителям советской власти, в котором требовали сделать 25 декабря нерабочим днем в связи с празднованием Рождества Христова. В результате подписавшиеся под прошением были осуждены на один год лагерей. — См.: Роговская Б. Соблюдение религиозных обрядов поляками, депортированными в Сибирь (1939–1945) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 481.

цы справляли свои праздники таким образом, что не вызывали у местной администрации желания немедленно вмешаться и запретить. Вполне возможно и то, что в относительно изолированных от «большой земли» спецпоселках Барун и Челан, где проживали информанты, просто не нашлось начальства, готового ревностно охранять атеистические устои советской власти. Те же немногие представители власти и администрации Бурмонголеса, которые проживали рядом с литовцами в поселках, скорее всего, опасались идти на открытую конфронтацию, зная, с каким уважением спецпоселенцы относятся к своим религиозным праздникам и обрядам. Однако назвать данную ситуацию характерной для всей Бурят-Монголии мы, к сожалению, не можем. Дело в том, что конце 1940-х и в 1950-х гг. все опрошенные нами бывшие спецпоселенцы были детьми и, скорее всего, просто не знали о проводившихся МВД–МГБ мерах по пресечению деятельности собиравшихся на дому религиозных групп. Между тем в документах ОСП МВД БМАССР нам не раз попадались сообщения о «подпольной» деятельности религиозных групп, среди которых наибольшей активностью отличались «иеговисты» и католики.

Приведем несколько характерных примеров. В докладной записке «О результатах работы среди спецпоселенцев, расселенных на территории Заиграевского района за январь — февраль 1951 г.», адресованной начальнику 9-го отдела МГБ БМАССР, находим следующие строки: «Антисоветская деятельность среди спецпоселенцев-литовцев проводится еще и путем отправления некоторыми из них религиозных обрядов. 17 января 1951 г. источник “Валя” сообщила, что в квартире спецпоселенки Кузмайты Антонины Стасиса, 1922 г.р., проживающей на станции Илька, собираются сборища, на которых под видом отправления религиозных обрядов распеваются антисоветские песни»¹.

В том же наблюдательном деле, в докладной записке за март — апрель 1951 г., приводится другое сообщение: «...15 апреля 1951 года, будучи на работе на участке Белая Речка совместно со спецпоселенкой Пучинскайте Ангелей Прано, источник поинтересовалась блокнотом Пучинскайте, в котором составлен ряд националистических, враждебных Советскому Союзу песен...» Здесь же указано, что 25 марта 1951 г. на участке Верхняя Аракорка, в квартире спецпоселенки Аницеты Анрутайте «по случаю литовской Пасхи было устроено сборище в количестве 30 человек, на котором выступали с религиозными националистическими словами Узнис Казис и другие с пожеланиями, призывая литовцев к соблюдению своих националистических религиозных обрядов»².

Подобных сообщений достаточно много, и все они подчеркивают тот факт, что отправление религиозных обрядов сопровождается распеванием песен националистического содержания и присутствием соответствующей символики. Это наводит на мысль о том, что для МВД–МГБ опасными были не сами обряды, а их националистическое «оформление». Собрание в глазах сотрудников МВД–МГБ играло роль ячейки пассивного сопротивления действию советской пропаганды. И, судя по всему, это беспокойство было вполне оправданным. Недаром наиболее частые донесения

¹ ГСФ ИЦ МВД РБ. Ф. 58Л. Оп. 1. Д. 91. Л. 108.

² Там же. Л. 159.

о подобных собраниях поступали во время проведения ненавидимых литовцами кампаний по подписке на госзаймы.

По словам информантов, к религиозным верованиям местных жителей литовцы относились с пониманием и интересом. По словам К.В. Заляускаса, с обычаями и обрядами православных и староверов литовцы были знакомы еще на родине, так что здесь непонимания не возникало и после депортации.

Необычными поначалу казались верования бурят. По признанию П.Ю. Свилиса, когда он впервые увидел, как буряты отправляли ламаистский обряд «Дугжууба», символизирующий очищение плоти и духа от греха накануне лунного Нового года и состоящий в сожжении кусочков ткани или теста в ритуальном костре, то очень удивился. Для католиков литовцев такой обряд поначалу показался языческим и непонятным с точки зрения христианства. Однако вскоре они поняли, что это такой же религиозный обряд, как и те, что выполняли сами литовцы. Тем более что буряты, жившие бок о бок с литовцами, показались им приветливыми и дружелюбными людьми, которые испытывали те же трудности работы на лесоповале, когда нанимались работать в сезонные бригады. Литовцы охотно торговали с бурятами, дружили с ними и считали их добрыми соседями.

С русскими у литовцев также не было непонимания по поводу религии. Во всяком случае с простыми людьми они всегда находили общий язык. Некоторые литовцы, проживавшие в Улан-Удэ, посещали православную церковь, где крестили детей и венчались. Речь, скорее всего, идет о литовцах православного вероисповедания, так как среди представителей этого спецконтингента нередко встречались русские и белорусы¹. Конечно, иногда под воздействием алкоголя возникали недоразумения на бытовой почве. Однако чаще литовцы приглашали местных жителей на свои религиозные праздники, угощали их своими национальными блюдами. По выражению А.В. Арефьевой, «мы друг к другу присматривались, они к нам, мы к ним». В целом обе стороны придерживались принципа, сформулированного опрошенными мной литовцами: «если верят, значит, хорошие люди».

Долгое время сосланным в Бурят-Монголию литовцам приходилось жить без настоящего священника. В некоторых местах домашние мессы, проводимые наиболее уважаемыми членами общины, имели место по воскресным дням в поселковом клубе. Так было в спецпоселке Барун, где проживала семья Заляускас. Либо верующие собирались в чьем-нибудь доме, где было достаточно места для размещения нескольких человек. По словам К.В. Заляускаса, на эти собрания ходили в основном пожилые люди, детей его возраста там было немного. Так продолжалось до 1955 г., когда в Бурят-Монголию приехал католический священник отец Пятрас Ясас.

При отце Ясасе религиозная жизнь спецпоселенцев из Литвы претерпела значительные изменения. По словам К.В. Заляускаса, большие мессы, собиравшие несколько сотен литовцев из близлежащих населенных пунктов, проводились отцом Ясасом в поселке Халсан в течение нескольких

¹ Государственный архив Республики Бурятия (далее — ГА РБ). Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 164. Л. 41–47.

лет. Семья Заляускас посещала эти мессы, проводившиеся в летнее время на открытом воздухе — литовцы, естественно, не могли позволить себе арендовать помещение, способное вместить сотни людей, да и советские власти вряд ли дали бы на это разрешение.

Литовские спецпоселенцы придавали огромное значение самому факту присутствия католического священника в Бурят-Монголии и всеми силами старались узаконить его статус. В 1955–1956 гг. в Совет по делам религиозных культов при Совете министров БМАССР неоднократно подавались коллективные заявления с просьбой зарегистрировать отца Ясаса и разрешить ему проведение религиозных обрядов в домах и с выездом на лесоучастки Заиграевского и Хоринского аймаков. На этот раз настойчивые просьбы литовцев не остались без ответа. В апреле 1956 г. Совет по делам религиозных культов дал указание своим уполномоченным разъяснить представителям местной администрации, что не нужно препятствовать верующим исполнять религиозные обряды, такие как крещение, венчание, исповедь, причащение, похороны. Исполнять подобные обряды предписывалось на дому у верующих. При этом оговаривалось, что уполномоченные должны были предупреждать верующих о том, чтобы те не превращали обряды в публичные богослужения, а отца Ясаса — о недопущении миссионерской деятельности¹.

Отец П. Ясас вел постоянный учет проведенных им обрядов. Благодаря его точности, а также скрупулезному слежению за его работой со стороны уполномоченных Совета мы знаем, что не менее 80–90 % проживавших в республике литовцев были верующими людьми. Только за 1957 г. отец Ясас провел 84 крещения, 34 венчания, трое похорон, исповедовал и причастил 2,5 тыс. чел. В общей сложности на венчаниях и крещениях присутствовало около 500, а на похоронах — около 200 чел. Из дохода священника, составившего за год 8593 руб., был заплачен налог в 3949 руб.² При этом основная деятельность священника происходила во время его пасторских визитов на лесоучастки и в леспромхозы Заиграевского и Хоринского аймаков БМАССР.

В конце 1959 г. активность отца П.П. Ясаса стала вызывать беспокойность представителей советской власти. Священник был вызван к уполномоченному Совету по делам религиозных культов для проведения беседы о прекращении «незаконной религиозной деятельности». В последовавшем разговоре отец Ясас выразил недовольство преследованиями со стороны властей и заявил о желании покинуть республику, но, как свидетельствуют документы, он оставался в Бурят-Монголии еще некоторое время³. После отъезда в 1960 г. П. Ясаса сменил священник П. Лигнугарис, проживавший до этого в Томской области и Красноярском крае.

Таким образом, сохранение традиционной веры и религиозной идентичности являлось действенной стратегией выживания и этнической консолидации в условиях ссылки. Католицизм был важным социокультурным маркером литовской общины, определявшим ее «особость» в идеологически и культурно чуждом окружении. В личной жизни спецпоселенцев религия и ее характерная, отличная от советской рутины, обрядность

¹ ГА РБ. Ф. Р-248. Оп. 4. Д. 164. Л. 41–47.

² Там же.

³ Там же. Д. 105. Л. 56.

были психологическим «якорем», помогавшим сохранять надежду и сопротивляться общепринятым в СССР практикам идеологической «перековки» и абсорбции в советский социум. С появлением в Бурятии священников, официально направленных католической церковью, эти факторы усилились, ведь институционализация религиозной жизни спецпоселенцев подразумевала «возвращение к нормальности», а значит, вселяла спокойствие и уверенность в будущем.

Литовские кладбища на территории Бурятии как объекты исторической и культурной памяти

Большое значение в процессе осознания своей принадлежности к литовской нации имеет преемственность исторической памяти. Оставшиеся в Бурятии кладбища литовских спецпоселенцев представляют собой естественные мемориалы трагических событий шестидесятилетней давности и важные маркеры литовской национальной и религиозной идентичности. Поэтому их восстановление, благоустройство и содержание в порядке имеют огромное значение для работы «Национально-культурного общества литовцев Бурятии». Кропотливый и тяжелый труд по воссозданию материальных объектов памяти о литовских ссыльных, не доживших до возвращения на родину, не только является способом поминовения усопших и конкретным проявлением христианских добродетелей, но и объединяет литовскую диаспору. Эта работа глубоко символична как акт передачи исторической памяти от поколения к поколению. Важна она и как пример гражданского самосознания для еще только формирующейся культуры гражданского общества в Бурятии.

Литовские захоронения в основном сконцентрированы в Заиграевском и Хоринском районах Бурятии — там, где были расселены литовские спецпоселенцы в 1948 г. Самые крупные из них находятся в Ильке (84 могилы), Верхней Аракорке (66), Зоне (50), Хара-Кутуле (48), Старой Бряни (41) и Новоильинске (38) Заиграевского района. В Хоринском районе есть крупное кладбище литовцев в местности Челан (70 могил, расположено в лесу недалеко от с. Верхние Тальцы). Небольшие литовские кладбища или участки на общих кладбищах есть в Сангоне (17), Баруне (16), Верхнем Нарыне (14), Мойсе (14), Хандагае (12 могил), Эхи-Горхоне (12), Тибигутах (12), Челутае 24-й км (10), Эрии (6), Шабуре (6) и Онохое (6). Всего насчитывается более 20 известных членам литовского национально-культурного общества мест захоронений, где покоится прах 522 литовцев. По всей республике их количество должно быть гораздо больше, так как часть могил расположена на общих кладбищах, а некоторые захоронения остаются затерянными глубоко в тайге.

Внешне литовские захоронения существенно отличаются как от привычных кладбищ советского периода с их увенчанными звездами пирамидальными памятниками, так и от православных и бурятских могил. Их основной особенностью являются видимые издали высокие кресты, гладкие или украшенные декоративной резьбой. На разных кладбищах встречаются кресты трех основных типов. Одни сделаны из лиственничного бруса, мало подверженного гниению, прочного и очень тяжелого. Этот недорогой и повсеместно доступный в тайге материал часто использовался

там, где кладбища находились в непосредственной близости от лесоучастков и спецпоселков. Много деревянных листовенных крестов установлено на кладбищах в Челане, Старой Бряни и Баруне. В настоящее время большинство таких крестов обветшало, многие упали на землю.

Более долговечные кресты изготовлены из металла. Как правило, это сваренные особым образом трубы, укрепленные на бетонном основании. Такие памятники широко распространены везде, где есть литовские захоронения. Большинство благополучно сохранилось в советский период, но современные осквернители могил, охотящиеся за металлоломом, испортили часть крестов, оторвав перекладины. Например, такая участь постигла литовские захоронения в с. Новоильинск.

На местах захоронений литовских спецпоселенцев встречаются и полностью бетонные монументы, состоящие из надгробия и памятника, увенчанного крестом, либо стелы, на которых выбиты или отлиты крест, имена погребенных и эпитафия. Это наиболее долговечные памятники, нуждающиеся в меньшем объеме восстановительных работ. На таких могилах литовцы из национально-культурного общества реставрируют надписи и даты, восстанавливают утраченные таблички и оградки. Многие бетонные надгробия комбинированы с металлическими крестами несколько меньшего размера, чем те, о которых речь шла выше.

И наконец, важным отличительным признаком литовских захоронений является наличие монументов, воздвигнутых и освященных по католическому обряду еще в период спецпоселения, чтобы увековечить память литовцев, погребенных в сибирской земле. Пожалуй, самый характерный монумент расположен на кладбище в Челане. Он был сооружен в 1957 г. и освящен католическим священником отцом Пятрасом Ясасом. До сегодняшнего дня дошла фотография этого события. На ней можно увидеть представителей всех поколений литовских спецпоселенцев, от стариков до детей. Памятник был отреставрирован в 2000 г. силами местных литовцев, вокруг него сооружена ограда и установлена памятная доска. Подобные монументы есть в Новоильинске и Челутае. Мемориальная табличка на новоильинском памятнике была украдена современными вандалами. Со временем литовцы из национально-культурного общества надеются ее восстановить. В Челутае же на одном из надгробий выбиты слова «Жертвы сталинского геноцида» и список имен похороненных там литовцев. По-видимому, этот памятник был установлен уже после распада СССР одной из литовских экспедиций, изучавших захоронения соотечественников в Сибири.

Отдельного внимания заслуживают эпитафии. Наряду с внешней формой надгробных памятников они являются значимым маркером литовской национальной и религиозной идентичности. В основном эпитафии отражают основные католические постулаты — единение с Богом, надежда на воскрешение, увековечение памяти. Однако, так или иначе, многие тексты напоминают о мученической судьбе умерших на чужбине литовцев. Одна из надгробных надписей в Ильке гласит: «Здесь обрели вечный покой сыны и дочери литовского народа, умершие с 1948 года. Боже, ведь ты воскресишь нас, и твой народ возрадуется вместе с тобой». Эпитафии на литовских могилах четко маркируют католическую веру и национальную принадлежность усопших, место происхождения и трудную судьбу,

выпавшую на долю ссыльных, а также содержат обращения к потомкам. Эти признаки делают литовские захоронения хорошо узнаваемыми и отличимыми от могил местного населения.

Изучение литовских захоронений на территории Республики Бурятия началось в 1989 г. Исследователи неоднократно бывали в республике в 1990, 1997, 1999 и 2004 гг. По результатам экспедиций составлялись карты расположения литовских захоронений и схемы отдельных кладбищ. Карта, хорошо демонстрирующая географию расселения спецпоселенцев вдоль железнодорожных линий и таежных узкоколеек, была составлена в 1992 г. Антанасом Садецкисом в масштабе 1:5 км. Существуют подробные схемы, показывающие расположение литовских могил на кладбищах населенных пунктов Челутай 24-й км, Зона, Старая Брянь, Илька, Новоильинск и Хара-Кутул (Заиграевский район), а также сделанные от руки схемы захоронений в Хандагае, Баруне и Челане (Хоринский район).

Первые крупные работы по реставрации литовских кладбищ были проведены в 2000 г. на кладбище в Челане. Там отремонтированы надгробные памятники и отреставрирован общий монумент, вокруг которого возвели металлическую ограду с мемориальной табличкой. Кроме того, было восстановлено сгоревшее при лесном пожаре ограждение кладбища, а возле могил высажены молодые лиственницы.

Затем в деле реставрации кладбищ наступил перерыв, вызванный отсутствием финансирования. Работы по восстановлению возобновились в 2007 г. По мнению председателя литовского общества Бурятии, это очень поздно, так как отдельные захоронения настолько обветшали, что их очень сложно восстановить. В самом плохом состоянии находятся захоронения литовцев в Старой Бряни. Деревянные оградки там давно разрушились, а самое главное — поверх старых литовских могил производятся новые захоронения. Таким образом, могилы литовских спецпоселенцев в Старой Бряни постепенно исчезают с лица земли. К сожалению, вместе с ними уходит и память о трагических страницах общей истории Бурятии и Литвы.

В Бурятии работы по реставрации литовских кладбищ ведутся комплексно. На крупных кладбищах (например, в Верхней Аракорке) производится полная реконструкция. Заново устанавливаются кресты, изготавливаются новые надгробия, там, где существует необходимость, восстанавливается ограждение кладбища. На отреставрированном кладбище возводится памятный металлический крест. В тех местах, где захоронения уже практически не видны, могильные холмики обкапываются и поднимаются, чтобы кладбище можно было восстановить позже.

Сохранившиеся на территории Бурятии места захоронений литовских спецпоселенцев представляют собой важные материальные объекты исторической памяти. В условиях, когда доступ исследователей к архивным материалам МВД и ФСБ, проливающим свет на историю спецпоселенчества, остается ограниченным, эти кладбища являются своеобразным «мостом в прошлое», соединяющим период массовых репрессий 1940–1950-х гг. с современностью. Надгробные памятники, даты и эпитафии дают представление о суровых реалиях того времени и постоянно напоминают о судьбах умерших в ссылке спецпоселенцев. Кладбища ссыльных литовцев имеют большое значение для сохранения этнической, культурной и религиозной идентичности современной литовской диаспоры Бурятии.

За десятилетний срок ссылки литовцев в Бурятии в ведомственных архивах отложился значительный пласт материалов, иллюстрирующих различные формы и способы сохранения спецпоселенцами своей этнической и культурной идентичности, католической веры и традиций. Изучение этих источников дало возможность осветить те аспекты повседневной жизни на спецпоселении, в которых наиболее выпукло проявлялись особенности национального характера литовцев, их социокультурное взаимодействие с окружающей действительностью и местным населением, диссонанс с инокультурной средой обитания и постепенная адаптация к ней. Будучи самым многочисленным контингентом спецпоселенцев в Бурят-Монголии, литовцы обладали, пожалуй, наиболее выраженной этнической и религиозной идентичностью и были особенно упорны в ее манифестации и сохранении. Проявлявшееся в социокультурном конфликте с советским образом жизни упрямое нежелание становиться «как все» у части спецпоселенцев превратилось в стратегию выживания, эффективность которой подтверждается тем, что практически все пережившие ссылку и оставшиеся в Бурятии литовцы говорят на литовском языке и исповедуют католицизм.

В условиях ограничения свободы, подавления воли и идеологической обработки на спецпоселении религия стала основным средством консолидации этноса, духовным «цементом», связывающим воедино литовскую общину, и одновременно пространством взаимодействия с другими народами республики и полем взаимного изучения и понимания. Институционализация религиозных практик после прибытия католических священников сделала религию символом «нормализации» жизненного порядка и создала дополнительную опору национальному самосознанию ссыльных литовцев. Недаром литовцы так стремились к этому, а советские органы, осознав нежелательность ситуации, поспешили избавиться от священников.

Благодаря упорству литовских спецпоселенцев в сохранении национальных и духовных основ своей общины в Бурятии до сих пор сохранились объекты материальной культуры этого народа в виде кладбищ и мемориалов. Сегодня эти места исторической памяти имеют большое значение для воспитания новых поколений и являются «мостами в прошлое», одновременно позиционируя литовскую общину в истории Бурятии и связывая ее с родиной.

В.В. Сарнова

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЦЫ ИЗ РЕСПУБЛИК ПРИБАЛТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1941–1945 гг.

Ссыльнопоселенцы из республик Прибалтики и Молдавии стали вторым (после польского) крупным этническим контингентом, депортированным в Западную Сибирь в указанное время. 14 июня 1941 г. Л.П. Берия утвердил «План мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской

и Молдавской ССР»¹. Документ был составлен на основании «Сведений о количестве учтенного антисоветского и социально-чуждого элемента по НКГБ Литовской, Латвийской и Эстонской ССР» от 5 июня 1941 г. за подписью начальника 3-го отделения 4-го отдела 3-го Управления НКГБ СССР Рудакова². Ранее, 16 мая 1941 г., ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли совместное постановление «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента»³. Текст данного постановления до сих пор не опубликован, но очевидно, что основанием для него послужила докладная записка наркома госбезопасности Литовской ССР П.А. Гладкова. Фрагмент последней был опубликован в № 10 «Известий ЦК КПСС» за 1990 г. О том, что данное постановление базировалось на предложениях и разработках спецорганов, говорит сложившаяся еще в 1930-е гг. практика подготовки и принятия директивных решений подобного рода. «Наверх» представлялась подготовленная спецорганами инициативная записка, доклад и т.п., в которых обосновывалась необходимость государственного решения по тому или иному вопросу, к документу прилагался и подготовленный спецорганами проект постановления.

В докладной записке предлагалось «приступить к аресту и выселению из Литовской ССР наиболее активных категорий лиц» в силу того, что «последние месяцы в республике значительно растет активная враждебная деятельность. Этому способствует непосредственная близость границы и подрывная деятельность германских разведывательных органов»⁴. В листовках, распространяемых на территории республики, «намечаются даты восстания, приуроченные к военным действиям между Германией и СССР». Вероятно, в тексте преамбулы к Постановлению от 16 мая 1941 г. говорилось, что в связи с возросшей напряженностью на вновь присоединенных территориях, вследствие увеличившейся активности реакционно настроенной части населения, поддерживаемой германскими разведывательными органами, и возможным началом военных действий ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили провести аресты и высылку антисоветских, уголовных и социально опасных элементов. Таким образом, депортация должна была исключить возможность возникновения «пятой колонны».

Докладная записка П.А. Гладкова содержит пояснение, кто именно должен быть включен в «активные категории лиц»: государственный буржуазный аппарат, члены контрреволюционных партий, руководящий состав литовской националистической контрреволюции, фабриканты, банкиры, акционеры, биржевики, русские белоэмигрантские формирования, лица, подозревающиеся в шпионаже, уголовники и бандиты, проститутки и притоносодержатели. Для некоторых категорий указывалась численность. Например, «литовская национальная контрреволюция» насчитывала более 10 тыс. чел. только руководящего состава. Примечательно, что эти сведения были заимствованы наркомом госбезопасности из «статистических данных бывшей литовской буржуазной прессы»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 37–40.

² Там же. Л. 189.

³ Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 189.

⁴ Цит. по: Изв. ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 132.

⁵ Там же. С. 133.

Несмотря на то, что в названии Постановления указывалась лишь Литовская ССР, оно касалось всех трех прибалтийских республик. «Мероприятия по очистке» должны были быть также проведены на территории Латвийской и Эстонской ССР¹. Необходимо было представить сведения о количестве «неблагонадежных» граждан в этих республиках. Во всех трех республиках «социально-чуждого» и «антисоветского» элемента оказалось 39 395 чел. По «Плану мероприятий...» из Прибалтики должно было быть выслано 39 403 чел. Наибольшую долю из них составляли «члены семей» — 49 %, «главы семей» и «репатрианты» — 38, уголовники — 13 %. В реальности расстановка категорий сильно изменилась: 64–66 % составили «члены семей», 29–31 % — «главы семей», 5 % — уголовники. Таким образом, число «членов семей» увеличилось в 1,3 раза, почти так же уменьшилось количество «глав семей», а число уголовников, высылаемых именно в лесные ИТК НКВД СССР, сократилось в 2 раза².

Фактически 14–16 июня 1941 г. из республик Прибалтики было депортировано не менее 43 тыс. чел., из которых 28 тыс. составляли «члены семей», 12,5 тыс. — «главы семей», 2,5 тыс. чел. — осужденные «не по политическим статьям». В частности, из Латвийской ССР было выслано 16,4 тыс. чел., среди них 5,7 тыс. «глав семей», 10,1 тыс. «членов семей», 0,6 тыс. уголовников. Из Литовской ССР — 17,2 тыс. чел., «глав семей» — 3,2 тыс., «членов семей» — 12,3 тыс., уголовников — 1,7 тыс. чел. Из Эстонской ССР — 9400 чел., из которых 3,7 тыс. — «главы семей», 5,7 тыс. — «члены семей»³.

На территории Западной Украины эта депортация началась 22 мая, в Молдавии (с Черновицкой и Измаильской областями УССР) — в ночь на 13 июня, в Западной Белоруссии — в ночь на 20 июня 1941 г.⁴ Операция по выселению «антисоветского и социально-чуждого элемента» из прибалтийских республик началась 13 июня 1941 г. Непосредственно аресты начались рано утром 14 июня. Утром 13 июня были разосланы телефонограммы парторгам, комсоргам, председателям волисполкомов и другим должностным партийным работникам с указанием явиться вечером того же дня в означенное место. Собравшиеся были разделены на «четверки» для непосредственного проведения арестов. «Четверкой» руководил работник госбезопасности, кроме него и штатских в группу входил и кто-нибудь из военных. Для организации акции на местах были созданы традиционные «тройки». На республиканском уровне операцией также руководили «тройки», в которые входили наркомы госбезопасности республик, наркомы внутренних дел республик, первые секретари республиканских компартий⁵. В масштабах СССР проведение депортации было возложено на зам. наркома внутренних дел В.В. Чернышова и начальника ГУЛАГ НКВД СССР В.Г. Наседкина⁶.

¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину... С. 189.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 37–40.

³ Риекстыньш Я. Начало сталинских репрессий // Даугава. 1990. № 1. С. 140.

⁴ Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае — июне 1941 г. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 138.

⁵ Лаар М. Черные дыры истории // Радуга. 1991. № 6. С. 63.

⁶ Резолюция Л.П. Берии на «Плане мероприятий...»: «Мероприятия утверждаю. Проведение возлагается на тт. Чернышова и Наседкина. 14.4.41 г.». — ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 40.

Одновременно с 13 июня во все населенные пункты, где должна была проводиться операция, начали стягиваться автотранспорт, гужевые подводы, вагоны. Депортируемым сообщали, что органами НКВД они переселяются в отдаленные районы СССР. Причем были случаи, когда ордер был только на арест главы семьи, а уже во время ареста в него вписывались родственники, нередко ордеров не было вообще. В «Инструкции начальникам эшелонов по сопровождению заключенных из Прибалтики» оговаривалось, что именно можно взять с собой. Этот список ничем не отличался от приведенного выше, содержавшегося в «Инструкции о порядке переселения польских осадников из Западных регионов УССР и БССР». Только в отличие от поляков ссыльнопоселенцам разрешалось взять с собой не более 100 кг вещей¹.

Все высылаемые были поделены на две группы — «А» и «В». В группе «А» включались все «главы семей», в группу «В» — «члены семей». Группа «А» обыскивалась работниками НКГБ после посадки в вагоны, группа «В» принималась начальниками эшелонов без обыска по именному списку. Это правило действовало и на станциях первичной погрузки и на станциях концентрации заключенных². Каждый эшелон группы «А» сопровождал конвой в составе 65 чел., группы «В» — 29 чел. Кроме того, в каждом эшелоне был санитарный вагон, в котором работали один врач и один фельдшер³.

В «Плане мероприятий...» оговаривалось, что учет, режим, питание, оперативное обслуживание «глав семей» возлагалось на Управление НКВД по делам военнопленных, особые отделы лагерей и Управления НКГБ по территориальности. А «члены семей», или «ссыльнопоселенцы», передавались под надзор ОТСП НКВД СССР, НКВД и УНКВД по территориальности и первые спецотделы НКВД и УНКВД⁴.

6 июня 1941 г. начальникам УНКВД была разослана записка за подписью В.В. Чернышова, в которой указывались основные принципы расселения ссыльнопоселенцев. Согласно ей, депортированных следовало передавать в ведение лесных предприятий с тем, чтобы последние занимались их жилищно-бытовым устройством⁵. 7 июня в места планируемого расселения ссыльных было отправлено другое указание В.В. Чернышова, являвшееся стандартным для всех областей, менялись лишь численность и место высылки. В Новосибирскую область, в частности, был передан следующий текст: «Пятнадцатого июня [в] вашу область направляются ссыльно-поселенцы из Эстонской ССР в количестве 9115 человек 48 часов сообщите станции разгрузки, районы поселения. Потребные средства перевозку, питание до мест расселения»⁶. 9 июня с мест стали поступать сообщения, включавшие данные о станциях высадки ссыльнопоселенцев и районах их будущего вселения. Таким образом уточнялись области расселения, затем запрашивались сведения непосредственно из этих областей

¹ РГВА. Ф. 18 444. Оп. 2 с. Д. 264. Л. 153.

² Там же.

³ Там же. Л. 152.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 39.

⁵ Там же. Л. 66.

⁶ Там же. Л. 67.

о предполагаемых районах расселения с учетом указания о том, что «новый контингент» должен быть трудоустроен в лесной промышленности.

Питание депортированных в пути следования требовалось организовывать «через железнодорожные буфеты... из расчета 3-х рублей в день, включая 600 граммов хлеба на 1 человека»¹, что несколько меньше, чем в случае переселения польских граждан из западных областей Украины и Белоруссии, к тому же этот пункт не всегда выполнялся. Воду и пищу на станциях получали «старосты», выбранные из числа этаплируемых в каждом вагоне. Во время пути с эшелона снимали больных и умерших, которые передавались в соответствующие больничные ведомства. При этом потери в пути, судя по официальным эшелонным данным, сравнительно невысоки².

Всего в июне и июле 1941 г. в Новосибирскую область для расселения были завезены ссыльнопоселенцы из Латвийской, Литовской, Эстонской, Молдавской республик и западных областей Украины и Белоруссии в количестве 19 362 чел. «Контингент» включал «членов семей осужденных тройками УНКВД к 20 гг. высылки», «главы семей которых репрессированы, а часть их находилась на нелегальном положении»³. Из общего количества взрослых (старше 16 лет) прибыло 12 614, детей — 6748 чел. Среди взрослых было 3640 мужчин и 8974 женщины. По «социальным признакам» «контингент» состоял из духовенства (84 чел.), фабрикантов-заводчиков (834 чел.), жандармов и офицеров (2616 чел.), крупных торговцев и домовладельцев (3012 чел.), помещиков-кулаков (4152 чел.), представителей других социальных прослоек (8664 чел.).

Все поступившие ссыльнопоселенцы были расселены в 12 районах Нарымского округа и в двух других северных районах области — Пихтовском и Шегарском. Основное хозяйственное направление всех 14 районов состояло в «расширении посевных площадей за счет раскорчевки и освоения лесной, рыбной промышленности и охоты»⁴. В связи с необходимостью расселения новых «контингентов» образовывались новые спецпоселки, часть которых «обслуживалась» уже существовавшими, часть — вновь создаваемыми комендатурами.

Расселение ссыльнопоселенцев производилось в основном в трудпоселках, которые обслуживались районными и поселковыми комендатурами, и незначительная часть — в населенных пунктах правового населения, в т.ч. в районных центрах и городах, расположенных в 10-километровой зоне от железных дорог⁵.

В конце 3-го квартала 1941 г. количество ссыльнопоселенцев уменьшилось, так как на основании Указа Правительства от 12 августа 1941 г. граждане Польского государства подлежали освобождению. Было освобождено 3734 чел., осталось в спецпоселках — 15 242 чел., разница в 386 чел. — «за счет естественной убыли». Структура трудоустройства ссыльнопоселенцев выглядела следующим образом: 80 % вступили в трудпоселенческие

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 39.

² См., напр.: Гурьянов А.Э. Масштабы депортации... С. 173.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 81. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 82.

⁵ Там же. Л. 15.

Таблица 1

**Численность и половозрастной состав ссыльнопоселенцев
в конце 1941 — начале 1942 г.***

Регион высылки	Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей
Западная Украина, Западная Белоруссия	602**	1689	217	462	1010
	11,07	11,08	8,75	6,69	17,26
Латвия	892	2570	335	1421	814
	16,41	16,86	13,51	20,56	13,91
Литва	1452	3502	374	1811	1317
	26,71	22,98	15,09	26,2	22,51
Эстония	550	1601	262	688	651
	10,12	10,5	10,57	9,96	11,12
Молдавия	1940	5880	1291	2529	2060
	35,69	38,58	52,08	36,59	35,2
Всего	5436	15 242	2479	6911	5852
	100	100	100	100	100

* Составлена по: ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1 Д. 81. Л. 87.

** Числитель — абсолютные цифры, знаменатель — процент от общей численности.

колхозы и промартели, 20 % были трудоустроены в леспромхозах и других хозяйственных организациях¹. Данные, приведенные по Новосибирской области, характерны для Западной Сибири в целом (табл. 1).

3 июня 1941 г. в Омскую область прибыл первый эшелон (№ 2597) с ссыльнопоселенцами. Этот эшелон первоначально следовал в Красноярск, но в пути получил «переадресовку». Необходимо отметить, что начальник эшелона об указанной переадресовке не знал, не знал он и номера, присвоенного его эшелону. Всего было принято 3094 чел. («750 семей, главы которых репрессированы или находятся на нелегальном положении»). Пунктами разгрузки депортированных были Омск, Тюмень и Ишим, куда были направлены «ответственные работники из аппарата УНКВД», которые и провели всю подготовительную работу по приемке и отправке к местам расселения прибывших ссыльнопоселенцев². С 23 июня по 1 июля 1941 г. в Омскую область прибыло еще семь эшелонов, в которых находились 6182 чел. из Молдавской ССР. С 7 по 13 июля — еще два эшелона с 2208 спецпереселенцами из западных областей БССР. Таким образом, в Омской области на 27 июля 1941 г. оказалось 11 484 ссыльнопоселенца³. Причиной подобных «неточностей» является, на наш взгляд, отсутствие четкого определения спецпереселенческих категорий, которое должно было быть спущено местной администрации «сверху». Позже аналогичная ситуация имела место в случае с советскими немцами.

На 15 сентября 1941 г., по данным начальника УНКВД по Алтайскому краю майора г. б. Волошенко, в крае находилось 17 446 ссыльнопоселенцев (9984 из БССР, 7462 из Литвы). В этот период они расселялись по 46 районам и городам края. Наибольшее количество ссыльнопоселенцев было

¹ Там же. Л. 88.

² Там же. Д. 87. Л. 144–145.

³ Там же. Л. 150–154. В документе ссыльнопоселенцы ошибочно именуются «административно-высланными» или «административно-ссылными».

вселено в Барнаул (4434 чел.), Троицкий (3841 чел.), Барнаульский (743 чел.), Каменский (1016 чел.), Рубцовский (695 чел.) и Старо-Бардинский р-ны (994 чел.), а также в Ойротскую АО (1423 чел.). В остальные районы края было вселено приблизительно по 100–150 чел. на район¹. По национальному признаку они были представлены поляками, белорусами и литовцами. На учете в ОТСП УНКВД по Алтайскому краю к концу 1942 г. находилось 1394 семьи ссыльнопоселенцев (3800 чел.) только из трех прибалтийских республик. Из них трудоспособных — 1486 чел., инвалидов, живущих на иждивении, — 334, детей до 16 лет — 2080 чел. Ссыльнопоселенцы были расселены в 33 районах края и Ойротской АО. Структура занятости этой группы — в совхозах, МТС, «Заготзерно» — 500 чел., в лесхозах — 986 чел.²

Таким образом, можно говорить о некоторой специфичности депортационной операции весны — лета 1941 г. по сравнению с предыдущими массовыми высылками с бывших польских территорий. Она была спланирована как значительно более сложная, чем предшествующие, хотя и уступала по числу депортированных самой первой из них — выселению семей польских «осадников» и «лесников» в феврале 1940 г. Данная операция началась не одновременно в разных регионах. Основное же ее отличие состояло в дифференциации правового статуса различных категорий высылаемых, подвергавшихся различным видам репрессий³. Если «главы семей» направлялись в лагеря военнопленных НКВД СССР (Козельщанский, Путивльский, Старобельский и Юхновский), то «члены семей» — на поселение сроком 20 лет в Казахскую ССР, Коми АССР, Алтайский и Красноярский края, Кировскую, Омскую и Новосибирскую области в качестве ссыльнопоселенцев, а уголовники — непосредственно в лесные ИТЛ системы ГУЛАГ с последующим оформлением дел через особое совещание при НКВД СССР⁴. Общим же для всех категорий высылаемых являлось то, что к моменту высылки никто из них не был формально осужден, хотя юридически ссылка на поселение требовала судебного оформления.

Депортированные в июне 1941 г. из Прибалтики высылались на 20 лет как ссыльнопоселенцы с поражением в гражданских правах (ссыльнопоселенцы не имели паспортов). В адресованной В.В. Чернышову докладной записке от 5 сентября 1941 г. о расселении и трудовом устройстве ссыльнопоселенцев в Новосибирской области начальник управления НКВД по Новосибирской области М.Ф. Ковшук-Бекман писал, что «в целях усиления режима по месту трудового устройства ссыльных и полноценного охвата их оперативным обслуживанием в связи с военным временем...» целесообразно было распространить на ссыльнопоселенцев режим, установленный положением о спецпоселках и трудовом устройстве «осадников», утвержденный постановлением СНК СССР от 29 декабря 1939 г., а также передать ссыльнопоселенцев в административное обслуживание комендатур по трудпоселению, в связи с чем реорганизовать районные и

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 81. Л. 210.

² Там же. Д. 61. Л. 85.

³ Гурьянов А.Э. Масштабы депортации... С. 138–139.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 37–41.

поселковые комендатуры в смешанные, именуя их в дальнейшем «комендатурами по труд- и ссыльнопоселению»¹.

В справке старшего инспектора ОТСП ГУЛАГ Д. Гринберга о ссыльнопоселенцах от 26 января 1942 г. говорилось, что персональный учет ссыльнопоселенцев в местах их расселения был поручен 1-му спецотделу и должен был производиться «в соответствии с инструкцией, объявленной в приказе НКВД СССР № 0143 от 1 июня 1939 г.». Проведение «переучета» этого «контингента» приказом народного комиссара № 002559 от 20 сентября 1942 г. возлагалось на ОТСП. Как уже отмечалось, паспорта ссыльнопоселенцам не выдавались. Те же, что имелись у них на руках, подлежали изъятию и уничтожению органами НКВД и «заменялись соответствующими удостоверениями для этой категории лиц (ссыльных)». Ссыльнопоселенцы были обязаны в установленное время являться на регистрацию в органы НКВД. Самовольный выезд с места поселения рассматривался как побег из ссылки со всеми правовыми последствиями. За совершенные ссыльнопоселенцами уголовные преступления они должны были привлекаться к ответственности «в общем порядке». Ссыльнопоселенцы имели право работать в государственных, кооперативных и других предприятиях и учреждениях, быть членами сельскохозяйственных, кустарно-промысловых и рыболовецких артелей, причем на них распространялось общее трудовое законодательство. Органы НКВД должны были помогать в подыскании работы ссыльнопоселенцам, которые самостоятельно не могли устроиться на работу. Ссыльнопоселенцы могли вступать в брак как между собой, так и с другими гражданами, а также получать государственное пособие по инвалидности по смете НКВД СССР².

На положение спецпереселенцев, дающее формальное сохранение статуса полноправных граждан СССР, но без права покидать место поселения, они были переведены лишь в 1952 г. Основными документами, регламентировавшими положение ссыльнопоселенцев, являлись директивные указания и циркулярные инструкции НКВД СССР и ОТСП, в отличие, в частности, от депортаций поляков, когда решение о содержании последних в ссылке принималось СНК СССР.

Специфика документов, определяющих пребывание на спецпоселении высланных из «вновь присоединенных территорий», состояла в том, что они, во-первых, зачастую касались не всех ссыльнопоселенцев, а лишь высланных из западных областей Украины и Белоруссии, а во-вторых, в их предельной краткости. Это вызывало недопонимание и вопросы работников органов НКВД на местах. Так, в своей докладной записке «О выполнении директивы № 104 от 10 марта с/г года по переучету контингентов Отдела труд- и спецпоселений (№ 97768) по состоянию на 20 октября 1943 г.» начальник УНКВД по Красноярскому краю И.П. Семенов писал: «...следует указать, что по ссыльнопоселенцам вообще не имеется утвержденного положения и других установленных для этой категории правил содержания в ссылке, тем более в системе райкомендатур ОТСП, что не создает необходимых условий в обслуживании»³. Естественно, что доку-

¹ Там же. Л. 232–237.

² Там же. Л. 1–1об.

³ Там же. Д. 131. Л. 287.

менты, устанавливавшие правила содержания в спецсылке, существовали. Ниже приводится их перечень (за исключением документов о направлении «спецконтингентов» в северные районы для использования их в рыбной промышленности): приказы НКВД СССР № 0143 от 1 июня 1939 г. и № 001223 от 11 октября 1939 г. «О высылке антисоветских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии»¹, указание наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии от 21 мая 1941 г. «О мероприятиях по очистке Литовской ССР от антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента»², директивное указание зам. наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова № 1684/б от 29 мая 1941 г. «О режиме для ссыльнопоселенцев», «План мероприятий по этапированию, расселению и трудоустройству спецконтингентов, высылаемых из Литовской, Латвийской, Эстонской и Молдавской ССР» от 14 июня 1941 г.³, директивные указания зам. наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышова № 30/6225/016 от 21 июня 1941 г. «О правах и обязанностях ссыльнопоселенцев»⁴, № 30/6769/016 от 3 июля 1941 г., запрещающее перемещения ссыльнопоселенцев за пределы района поселения⁵ и № 41/1585 от 13 сентября 1941 г.; указание Главного Управления милиции НКВД СССР № 32–Д/907 от 10 октября 1941 г., приказ НКВД СССР № 002559 от 20 ноября 1942 г. «Об усилении агентурно-оперативного обслуживания трудпоселенцев и спецпоселенцев»⁶, директивное указание начальника ГУЛАГ НКВД СССР В.Г. Наседкина № 42/11923 от 18 декабря 1942 г. о проведении переучета «контингента», циркуляр № 104 от 10 марта 1943 г., Постановление СНК СССР № 25 «О правовом положении спецпереселенцев» от 8 января 1945 г.⁷ и т. д.

Несмотря на кажущееся обилие документов, они относились либо к вопросам учета и проведения переучетов (приказ НКВД СССР № 0143, приказ НКВД СССР № 002559, директивное указание № 42/11923, циркуляр № 104), либо копировали друг друга, либо отменяли. Здесь не указан еще один документ — проект «Положения о порядке применения ссылки на поселение для некоторых категорий преступников»⁸, который, не будучи принят, хранится в фонде ОТП/ОСП ГУЛАГ НКВД СССР. Однако примечательно, что официальные документы, определявшие права и обязанности ссыльнопоселенцев, во многом являлись прямой калькой с данного «Положения...»

В «Плане мероприятий...» о регламентации пребывания в ссылке не сказано ничего, кроме того, что ссыльнопоселенцев следовало направлять для работы на предприятия лесной промышленности, в совхозы и кустарно-промысловые артели, а их расселение возложить на НКВД–УНКВД по территориальности⁹. Основным же документом, который определял права

¹ См.: Полян П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 253.

² См.: Там же. С. 99.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 40.

⁴ Там же. Д. 67. Л. 144.

⁵ Там же. Л. 145.

⁶ Там же. Л. 1–1 об.

⁷ Там же. Д. 213. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 87. Л. 3–9.

⁹ Там же. Л. 40.

и обязанности ссыльнопоселенцев и их взаимоотношения с властью, являлось указание № 30/6225/016 от 21 июня 1941 г. При этом оно, во-первых, являлось лишь дополнением к «ранее данным указаниям», а во-вторых, относилось к ссыльнопоселенцам, высланным из западных областей Украины и Белоруссии. Согласно ему, ссыльнопоселенцы имели право передвигаться в пределах области поселения с ведома органов НКВД, в которых они состоят на учете. Работать как в государственных, так и в кооперативных предприятиях и учреждениях, быть членами артелей, причем место работы могло быть выбрано самим высланным, или определялось «по указанию органов НКВД»¹, вступать в брак «как между собой, так и с другими гражданами»², получать пособие в случае нетрудоспособности. Если ссыльнопоселенец не мог самостоятельно найти себе работу, то органы НКВД обязаны были оказать ему содействие в трудоустройстве. На ссыльных распространялось общее уголовное и трудовое законодательство.

Паспорта ставших ссыльнопоселенцами лиц уничтожались, и их основным документом становилось удостоверение ссыльного, выдававшееся на 20 лет. Е. Ишутина описала в своем дневнике момент выдачи подобного удостоверения: «23.08.[1941] приехал начальник Угрозыска... Собрание. Нам вручил удостоверения с печатями о том, что мы ссыльные, в течение 20 лет не можем оставить Парабельского района. Я приняла это за шутку и сострила: “Как для начала — это не много!”... Мне ответили — вы совершенно правильно смотрите на вещи: сегодня один документ, завтра другой...»³.

Так как свободное передвижение поселенцев было запрещено указанием НКВД СССР № 1684/6 от 29 мая 1941 г., то п. 3, в котором говорилось об относительной свободе передвижения ссыльных, вступал в явное противоречие с вышеназванным документом. В связи с этим было разослано указание № 30/6769/016 от 3 июля 1941 г., содержание которого приводится полностью: «Впредь до особого распоряжения запрещается выезд ссыльно-поселенцев из района поселения. Самовольный выезд с места поселения рассматривать как побег. Пункт 3 указания НКВД СССР № 30/6225/016 от 21 июня 1941 года — отменяется»⁴. В упоминавшемся ранее «Положении...» напротив п. 13, подпункта «а», в котором речь шла о свободе передвижения ссыльных в пределах области поселения, имеется надпись от руки: «отменен»⁵.

Необходимо рассмотреть этот документ более детально, опустив общую часть и большую долю раздела о порядке направления в ссылку, учета и регистрации. Раздел III «Обязанности и права ссыльных» мало отличается от текста указания № 30/6225/016. В п. 14 оговаривается, что за нарушение правил явки на регистрацию ссыльные могут быть оштрафованы на сумму до 100 руб. либо подвергнуты аресту сроком до 30 суток или привлечены к уголовной ответственности. Органы НКВД, согласно

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 140.

² Там же. Л. 141.

³ Ишутина Е. Нарым. Дневник ссыльной. Нью-Йорк, 1965. С. 16.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 67. Л. 154.

⁵ Там же. Л. 6.

«Положению...» (раздел III, п. 16), могли «в отдельных случаях... возбуждать ходатайство перед Особым Совещанием... о сокращении срока для тех ссыльных, которые пробыли в ссылке не менее 10 лет и за это время проявили себя с положительной стороны»¹. Предположительно, подобным правом сотрудники органов НКВД пользовались только для своих осведомителей, агентурного «актива».

Указание № 30/6225/016, вероятно, вызвало некоторое замешательство на местах. Именно в этой связи 13 сентября 1941 г. из НКВД СССР зам. наркома В.В. Чернышовым было направлено разъяснение начальнику УНКВД Новосибирской области М.Ф. Ковшуку-Бекману о том, что «ссыльнопоселенцы не могут быть приравнены к “административно-высланным”», и поэтому постановление СНК СССР № 2122/617 сс от 29 декабря 1939 г. на них не распространяется². Отмеченное обстоятельство соответствовало ранее принятым документам. Так, согласно Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1941 г., депортации из республик Прибалтики по форме осуществления репрессии являлись судебной высылкой³. Однако в запросе зам. Прокурора Эстонской ССР по спецделам Никифорова зам. Прокурора СССР Вавилову от 24 февраля 1947 г. депортированные из Эстонской ССР 14 июня 1941 г. определялись как «административно высланные», что вполне соответствовало реальному положению дел, так как ни один из них не был осужден, и фактически основанием для высылки служил все тот же принцип «социальной опасности». По сути, это были административно высланные, к которым применили режим ссыльнопоселения: 20-летний срок ссылки, удостоверение ссыльнопоселенца вместо паспорта и пр.

В разъяснении, данном В.В. Чернышовым региональному УНКВД, все же четко не определялось, каковы должны быть функции спецкомендатур по содержанию ссыльнопоселенцев. Начальник ОТСП по Новосибирской области Бурака в своей докладной записке «Об оперативном обслуживании и трудоустройстве ссыльнопоселенцев» от 30 октября 1942 г. писал: «Руководствуясь директивными указаниями Замнаркома внутдел СССР... тов. Круглова от 30/5-1941 за № 1684/б (так в документе. Указание № 1684/б датировано 29 мая 1941 г. — В. С.) о том, что ссыльнопоселенцы обслуживаются в соответствии с приказом НКВД СССР № 0143-1939 г., и разъяснениями замнаркомвнутдел... тов. Чернышева от 13.09-1941 года за № 41/1585 о том, что ссыльнопоселенцы не могут быть приравнены к спецпереселенцам, а также в связи с неполучением на протяжении истекшего года указаний из ОТСП ГУЛАГа... о задачах ОТСП в обслуживании этого контингента и неполучением до сих пор никаких указаний о задачах отдела в обслуживании ссыльнопоселенцев и отчетности перед НКВД СССР, ОТСП не занимался обслуживанием этого контингента»⁴. Таким образом, ссыльнопоселенцы, расселенные в Новосибирской области, «были приняты в обслуживание» лишь в феврале 1943 г.⁵

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 67; Д. 87. Л. 7.

² Там же. Л. 154.

³ Там же. Д. 57. Л. 40–41.

⁴ Там же. Д. 106. Л. 223 об.–224.

⁵ Там же. Д. 132. Л. 214.

В 1944 г. ОТСП НКВД СССР был реорганизован в Отдел спецпоселений (ОСП) в соответствии с положением об отделе спецпоселений ГУЛАГ НКВД СССР № 0049 от 12 января 1944 г. В связи с этим был упразднен ряд наименований, таких как «трудпоселенцы», «ссыльнопоселенцы», «трудпоселки» и «трудссылка». Теперь «трудпоселенцы (бывшие кулаки)» становились «спецпереселенцами (бывшими кулаками)», «ссыльнопоселенцы» — «спецпереселенцами (ссылными из Молдавской и Прибалтийских республик)»¹. Однако кроме названий ничего не изменилось. 17 августа 1944 г. был организован ОСП НКВД СССР. Основанием для создания самостоятельного отдела в составе НКВД послужило «значительное переселение за время Отечественной войны новых контингентов...». Функции отдела включали содействие трудовому и хозяйственно-бытовому устройству спецпереселенцев, их «оперативное чекистское обслуживание», а также учет и административный надзор за ними в местах расселения. На 5 сентября 1944 г. на попечении отдела находилось 2 млн 225 тыс. спецпереселенцев из различных «контингентов»².

В том же 1944 г. на места было отправлено разъяснение о том, кто из членов разрозненных в результате высылки семей подлежит розыску и соединению. Согласно этому документу, органы НКВД должны были разыскивать и соединять ссыльнопоселенцев, состоявших в следующем родстве:

А) «родителей и несовершеннолетних детей;

Б) родителей и совершеннолетних детей, если родители до переселения находились на их иждивении или имели с ними общее хозяйство;

В) мужей и жен;

Г) нетрудоспособных и несовершеннолетних спецпереселенцев и их родственников, на иждивении которых они находились до переселения или тех, которые могут их взять на свое иждивение в настоящее время»³. Розыск мог быть инициирован по заявлению кого-либо из вышеперечисленных родственников. Вопрос о переселении решался органами НКВД исходя из «состояния хозяйственно-трудового устройства соединяемых, их желания и целесообразности»⁴.

Следующий документ, устанавливавший условия жизни и положение «ссыльнопоселенцев», был принят лишь через год — в январе 1945 г. Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев»⁵ немногим отличалось от более ранних документов по данному вопросу. Его принятие, на наш взгляд, обуславливалось лишь увеличением числа «спецпереселенцев» за счет так называемых новых контингентов и необходимостью в унифицированном оформлении их правового положения.

Если в первые годы пребывания в ссылке государство устанавливало и оговаривало именно режим пребывания на спецпоселении, то в после-

¹ Там же. Д. 155. Л. 9–9об.

² История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: сб. док.: В 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 439.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 155. Л. 87.

⁴ Там же.

⁵ Депортация народов СССР: 1930–1950-е гг.: В 2 т. / Сост. О.Л. Милова. М., 1992, 1995. Т. 1. С. 76–77.

дующем, в связи с увеличением числа различных «спецконтингентов», акцент был перенесен на регламентацию агентурно-оперативной работы спецорганов. К сожалению, почти все документы, связанные с этим кругом проблем, до сих пор секретны в связи с законом об оперативно-розыскной деятельности. Однако из косвенных источников известно о существовании циркуляра НКВД и НКГБ № 203/89, принятого в 1944 г., по которому соответствующие органы на местах должны были увеличить число агентов и осведомителей среди «спецпереселенцев»¹.

Еще одной важной стороной взаимоотношений государственных органов и спецпереселенцев являлась уголовная ответственность последних за всевозможные нарушения и преступления. В регламентирующих документах оговаривалось, что ссыльнопоселенцы привлекаются к уголовной ответственности в общем порядке. Однако в источниках о том, как именно проходили суды и были ли они вообще, не говорится. Тем не менее в рассказах самих спецпереселенцев упоминания об этом встречаются нередко. Чаще всего ссыльные осуждались за расхищение социалистической собственности, прогулы и другие мелкие правонарушения. Д. Гринкевичюте в своих воспоминаниях пишет о суде над ней за кражу нескольких досок. «Суд происходил в соседнем бараке, — пишет она. — Стоял стол, покрытый красной материей. На скамье подсудимых нас сидело семеро. Пятеро за доски, двое за хлеб. ...За полчаса судья опросил шесть человек и обратился ко мне...

Никто не думал о величине наказания... Год или десять лет — все равно. В лагерь... погонят по снегу 50 км. Всем ясно, в том числе и судьям, что никто туда не дойдет. Каким ни был приговор — это смерть. Приговор: за хлеб по три года. За доски — всем по году. Меня оправдать за признание...»².

О Меркине судили за опоздание на работу. По ее свидетельству, дела «разбирались» очень быстро, так же как это происходило и в случае, описанном Д. Гринкевичюте. «За рыбешку голодным детям, за доску с легкостью давали год-два тюрьмы». Автора оправдали благодаря ходатайству одного из местных начальников³.

Согласно докладной записке начальника УНКВД по Новосибирской области Ф.Г. Петровского от 3 марта 1945 г., результатами следственной работы спецорганов стали заведенные на спецпереселенцев 97 следственных дел, на основании которых к ответственности было привлечено 115 чел. (табл. 2).

Рассмотрев основные документы, касающиеся ссыльнопоселенцев, можно сделать следующие выводы. Депортации из Прибалтики и Молдавской ССР были проведены как бы «походя», т. е. не планировались заранее. Решение об их проведении возникло в некоторой степени спонтанно, после докладной записки наркома госбезопасности Литовской ССР Глад-

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 164. Л. 161. Подробнее см.: Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003. С. 227–252.

² Гринкевичюте Д. Литовцы у моря Лаптевых // Литовцы у Ледовитого океана. Якутск, 1995. С. 26.

³ Меркине О. Мир не без добрых людей // Там же. С. 52.

кова (напомним, что постановление о высылке из республик Прибалтики и Молдавии до сих пор не найдено и, весьма вероятно, не существовало вовсе). О такой возможности упоминает А.Э. Гурьянов, считающий, однако, маловероятным, «чтобы операция по высылке из Прибалтики и Молдавии, довольно существенно отличающаяся от предшествующих депортаций... могла быть проведена без соответствующего решения высших органов власти СССР, лишь на основании Постановления для западных областей УССР»¹. Поэтому регулирование положения данной категории ссыльных не было достаточно отработано. В связи с этим органы на местах в Сибири не всегда понимали, что именно им следует делать, и часто попросту снимали с себя всякую ответственность по вопросам, связанным с положением ссыльно-поселенцев.

Из докладных записок начальников областных УНКВД (М.Ф. Ковшук-Бекман, Семенов и др.), датированных сентябрем 1941 г., следует, что прибывшие тотчас же были трудоустроены в колхозах, кустарно-промысловых артелях, на предприятиях лесной и цветной промышленности, т. е. в основном в леспромпхозах и рудниках. При этом, однако, оставался без внимания тот факт, что большинство ссыльнопоселенцев просто не имело физической возможности трудиться на той работе, которая им была определена. Почти все из них, «в т. ч. бывшее городское население и частично интеллигенция»², были вынуждены заниматься непривычным тяжелым физическим трудом.

Первое время, судя по докладным запискам, серьезных проблем с трудоустройством ссыльнопоселенцев не возникало. Однако позднее, в 1943 г., выяснилось, что «многие из специалистов работать не могут в силу незнания языка»³. Кроме того, поскольку ссыльнопоселенцы не являлись «правовым населением», их не принимали на «ответственную работу». Как и представители других вышеописанных категорий, подвергшихся принудительной миграции, не все трудоспособные ссыльнопоселенцы могли выполнить норму на 100 %. Хотя в отдельных случаях, более характерных для трудоустроенных в колхозах, они выполняли ее на 130 и даже на 200 %, гораздо большее количество ссыльнопоселенцев вырабатывало лишь 15–20 % от установленных норм. Причинами невыработки норм, как и для польских граждан, оставались неприспособленность

Таблица 2

Количество спецпереселенцев, привлеченных к уголовной ответственности в IV квартале 1944 г. в Новосибирской области*

Вид преступления	Количество заведенных дел	Число привлеченных по заведенным делам
Измена Родине	10	23
Антисоветская агитация	7	7
Бандитизм	1	2
Хищения соцсобственности	38	42
Побеги с мест поселения	6	6
Дезертирство с оборонной промышленности	25	25
Прочие	10	10
Итого...	97	115

* Составлено по: Спецпереселенцы в СССР. С. 459.

¹ Гурьянов А.Э. Масштабы депортации... С. 144.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 263.

³ Там же. Д. 131. Л. 284.

к тяжелым работам, отсутствие необходимых инструментов и рабочей одежды¹.

Труд большинства ссыльнопоселенцев использовался в сельском хозяйстве и лесной промышленности. Наиболее «неудобными» в отношении «трудиспользования» оказались ссыльнопоселенцы, которых вселили в Новосибирскую область. Возникшие проблемы объяснялись крайней малочисленностью трудоспособных в составе прибывших семей, большим количеством лиц слабых, больных или прикрывающихся болезнью и совершенно отказывающихся от работы, прямым нежеланием работать (городские деклассированные группы — уголовники и проститутки)².

По мнению работников органов НКВД Новосибирской области, проблема трудоустройства ссыльнопоселенцев была решена к концу 1942 г. Ссылные в большинстве своем приобрели необходимые навыки работы в деревообработке и выгонке пихтового масла. Многие летом работали в колхозе и «полученными на трудодни продуктами обеспечили себя»³. Данный факт не вполне подтверждается воспоминаниями, в том числе Д. Шмудере-Геркис, жившей на поселении в Васюганском р-не: «Когда кончился год, мы за свои 56 трудодней получили два килограмма гороховой муки. За связанные сети несколько раз нам давали... жмых»⁴. Разумеется, двумя килограммами муки невозможно прокормить семью из трех человек. По свидетельству Е. Ишутиной, высланной в Парабельский район, работавшие в колхозе должны были получать 400 г хлеба в день, но так как нормы не выполнялись, то и «заработная плата» соответственно была меньше⁵.

В докладе помощника начальника УНКВД по Новосибирской области Шехтмана от 28 апреля 1943 г. впервые появились данные о количестве трудоспособных и работающих среди ссыльнопоселенцев, расселенных на территории области. Согласно этим сведениям, учитывая всех ссыльнопоселенцев, трудоспособными были признаны 7841 чел., из которых работало 5418 чел. Напомним, что общее количество спецпереселенцев данной категории, расселенных в Новосибирске, составляло 19 362 чел.⁶ Причинами, по которым не работала почти третья часть трудоспособных, указывались нежелание работать и «что их к работе никто не принуждал, и каждая семья устраивалась по... собственному усмотрению»⁷. Большинство из них были трудоустроены в сельскохозяйственных и кустарно-промысловых артелях, а также на предприятиях местной промышленности, «незначительная... часть пристроилась на подсобные работы в разные организации, а около 120 семей занимаются кустарным ремеслом и составляют некооперированный сектор»⁸.

Согласно «Справке о трудовом использовании ссыльно-поселенцев по Новосибирской области» по состоянию на 1 июля 1943 г., труд ссыльных

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 131. Л. 227.

² Там же. Д. 87. Л. 233–234.

³ Там же. Д. 106. Л. 222об.

⁴ Нарымская хроника. 1930–1945. М., 1997. С. 149.

⁵ Ишутина Е. Нарым. Дневник ссыльной. С. 13.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 132. Л. 233об.

⁸ Там же. Л. 234.

использовался в следующих наркоматах: НКЗем — 69,1 %, НКЛес — 9,6, Всекомпромсоюз — 9,1, НКТорг — 1,9, НКРечфлот — 0,5, НКПрос — 0,5, НКПищепром — 0,4, НКЗдрав — 0,3, разные учреждения — 3, неорганизованное население — 4,8 %¹.

Трудовое использование ссыльнопоселенцев описывается в докладной записке «О хозяйственно-бытовом устройстве и трудиспользовании ссыльно-поселенцев, расселенных в Новосибирской области» от 9 февраля 1944 г., из которой следует, что к концу 1943 г. работало 93,2 % от общего количества трудоспособных ссыльнопоселенцев. В состав неработавших вошли «освобожденные от работы по болезни, лица не могущие выходить на работу из-за отсутствия обуви и одежды и детные женщины»². Число же работающих увеличивалось за счет проведенного в данный период внутриобластного переселения из Васюганского, Пудинского и Пихтовского районов на предприятия Кузбассшахтстроя, лесной и рыбной промышленности. При этом возросло не только количество работающих, но и «добросовестно относящихся к своей работе».

Среди ссыльнопоселенцев даже появились стахановцы. На Парабельском шпалозаводе за вторую половину 1943 г. среди представителей этой категории спецпереселенцев появилось 14 стахановцев. В основном же ссыльнопоселенцы, работавшие в сельском хозяйстве, выполняли нормы на 60–70 %, выработывая от 70 до 250 трудодней. Особенно высокая производительность труда наблюдалась у украинцев, молдаван и латышей. В других сферах деятельности ссыльнопоселенцы выработывали 70–90 % от установленной нормы. Если ранее выполнявшие норму составляли 30 % от общего числа, то теперь это число составляли те, кто выполнял производственные задания всего на 40–50 %, т. е. «не желающие работать»³. Причины этого оставались прежними: отсутствие необходимой одежды и обуви, физическая слабость и «нежелание работать вообще той части ссыльных, которые ранее не занимались трудовой деятельностью, а жили за счет эксплуатации чужого труда»⁴.

В докладных записках с мест отмечалось, что нередко на производительности труда отрицательно сказывалось «бездушное отношение к устройству контингента», примером которого может служить заявление председателя Васюганского райисполкома Киселева: «...у меня много русских, которых необходимо всем обеспечивать, а об этих проявлять заботу я не собираюсь». Одна из основных проблем «трудиспользования» состояла в невозможности рационального трудоустройства специалистов. Во-первых, по специальности практически невозможно было использовать педагогов, научных работников, музыкантов и пр. Во-вторых, руководители предприятий очень часто отказывались принимать на работу ссыльнопоселенцев «из-за боязни... т. к. они все-таки являются ссыльными и не русской национальности»⁵. В 1944 г. число наркоматов, в которых на

¹ Так в документе, еще 1,2 % не учтены. Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 142. Л. 7.

² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 133. Л. 247.

³ Там же. Л. 248.

⁴ Там же. Л. 248 об.

⁵ Там же. Л. 249 об.

Таблица 3

Использование труда ссыльнопоселенцев по наркоматам, на 1944 г.*

Наркомат	Количество по документам, чел.	Используется на работах, чел. (%)
НКЗем	7001	3674 (52,48)
НКМестпром	1431	973 (67,99)
НКЛес	708	390 (50,08)
НКРыбпром	410	226 (55,12)
НКЛегпром	293	156 (53,24)
НКТорг	205	134 (65,37)
НКУголь	190	158 (83,16)
НКО	181	109 (60,22)
НКРечфлот	126	107 (84,92)
НКПрос	81	51 (62,96)
НКПС	81	44 (54,32)
НКСтрой	68	41 (60,29)
НКПищепром	48	20 (41,67)
НККоммунхоз	38	30 (74,95)
НКЗдрав	38	21 (55,26)
НКВД	10	8 (80)
Госучреждения	449	159 (35,41)
Единоличники	77	0 (0)
Всего...	6313	2906 (46,03)

* Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 187. Л. 19.

различных работах были заняты ссыльнопоселенцы, значительно расширилось (табл. 3).

Перераспределение ссыльнопоселенцев между наркоматами произошло из-за увеличения количества «спецконтингентов» в связи с новой волной депортаций. К марту 1945 г., на тот момент, когда в области было расселено чуть больше 600 чел., наибольшее число — 165 ссыльнопоселенцев — использовались в НКЗем, 124 чел. — в НКСовхозов, 113 чел. трудились в промартелях (НКМестпром), по нескольку десятков ссыльнопоселенцев работало в лесной промышленности, в сфере образования и здравоохранения¹. Резкое «уменьшение» числа спецпереселенцев данной категории объясняется не только перебросками «контингентов», но и изменениями границ Новосибирской области в связи с выделением из нее Томской и Кемеровской областей в 1943–1944 гг.

В 1942 г. из Алтайского края на рыбодобычу в Якутскую АССР была переселена большая часть ссыльнопоселенцев литовцев. Полных сведений о том, как использовался их труд с 1942 по 1944 г., получить из имеющихся документов оказалось невозможно в силу того, что они в это время просто не учитывались по месту нового вселения. Согласно воспоминаниям ссыльных, которые выжили после двух лет на рыболовецких промыслах, совершенно не приспособленных для жизни, люди либо ловили рыбу, либо солили и обрабатывали ее, либо вязали сети, некоторые работали в созданных школах, больницах, хлебопекарнях². В 1944 г. ссыльнопоселенцы в Якутской АССР в подавляющем большинстве работали в рыбной промышленности, немногим менее 200 чел. (из 2300 расселенных) — на предприятиях лесной промышленности и единицы — в учреждениях НКПрос, НКЗдрав, НКЗем.

В Алтайском крае, согласно докладной записке «о результатах переучета и хозяйственном устройстве...», на 1 января 1943 г. из 7040 ссыльнопоселенцев литовцев значилось всего 1731 трудоспособных, т. е. 24,5 % от их общего числа. Из них работало 1308 чел., или 75,5 % от количества трудоспособных и 18,5 % от общего числа. Остальные не работали по причинам «наличия детей, отсутствия обуви и одежды и часть не желают работать»³. Те же, кто работал, в большинстве своем были заняты в лесной промышленности и в совхозах. По мнению местной администрации,

¹ ИЦ ГУВД по НСО. Фонд ОТСП/ОСП УНКВД по НСО. Д. 14. Л. 96.

² См.: Литовцы у Ледовитого океана. Якутск, 1995.

³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 131. Л. 261 об.

«из всего контингента к своим обязанностям добросовестно относятся лишь единицы, которые не только выполняют нормы выработки, но и перевыполняют их». Среди всех работающих таковых было выделено 6 чел.: Е. Жендулене (120 % нормы), Б. Василянускас (135 %), И. Купчунас (150 %), Гриблевская (160 %), П. Борткевич (200 %), Савицкас (250 %). При этом подавляющее большинство выполняло нормы всего лишь на 25–50 %. Отмечалось, что «социалистическим соревнованием охвачены лишь единицы ссыльно-поселенцев. Все остальные не соревнуются»¹. В марте того же года начальнику УНКВД по Алтайскому краю Волошенко из ОТСП НКВД СССР было направлено указание, в котором отмечалось: «...при более внимательном отношении к вопросам трудового использования ссыльно-поселенцев рабочая сила этой категории была бы расставлена по объектам более целесообразно, люди за год освоились бы с ней, получили бы специальность и квалификацию, а злостно уклоняющиеся от занятия общественно полезным трудом были бы привлечены к ответственности». Таким образом, по мнению начальника ГУЛАГ В.Г. Наседкина, ссыльнопоселенцы на Алтае не работали не потому, что они не имели возможности, а потому, что их неправильно организовали, недостаточно убедили или заставили»².

Некоторые ссыльнопоселенцы отказывались вступать в колхозы, так как опасались ответственности в случае невыполнения норм и трудодней, справедливо полагая, что наказание для них будет значительно более строгим, чем для представителей «правового» населения, однако работали в них как «приглашенные». Из работающих же ссыльнопоселенцев, по приведенным данным, только 30 % могли обеспечить свой прожиточный минимум³. Указывались также случаи высокой производительности труда ссыльнопоселенцев. Так, заведующим табачной плантацией в сельхозартели «Труженик» Бакчарского района Новосибирской области работал ссыльнопоселенец («бывший помещик») И. Меч, благодаря которому плантация заняла первое место в районе. В том же районе, в колхозе «Андарина» работал с семьей из восьми человек И. Левин («в прошлом фабрикант»), на трудодни они «обеспечили питанием себя и приобрели корову»⁴.

Ссыльнопоселенцы могли не иметь работы не только из-за приведенных уже обстоятельств, но и потому, что в некоторых районах были установлены ограничения по принятию их на работу. Так, в Шегарском районе райисполком запретил принимать ссыльнопоселенцев членами артелей «как социально чуждых лиц», более того, райком того же района обязал принимать ссыльных только чернорабочими⁵.

В докладной записке «О работе ОТСП УНКВД Новосибирской области по обслуживанию ссыльнопоселенцев в первом полугодии 1943 года» от 3 августа 1943 г. отмечается улучшение отношения к работе среди ссыльнопоселенцев, что дало основание руководству УНКВД прийти к парадоксальному выводу: «...летнее пребывание в... условиях Нарымской

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 131. Л. 262.

² Там же. Л. 263.

³ Там же. Л. 234.

⁴ Там же. Л. 234 об.

⁵ Там же.

ссылки... и лишения многому выучили»¹. Постепенно уменьшалось число плохо работающих спецпереселенцев, «прикрывающихся неприспособленностью к тяжелому физическому труду или различными болезнями». Большинство неработающих составляли женщины с детьми, которые по причине отсутствия детских садов и яслей не могли оставить своих детей надолго и выйти на работу. Для того чтобы трудоустроить такие семьи, ОТСП определил их в подсобные хозяйства «Военторга», где они должны были участвовать в сборе ягод, грибов, а также на других работах, где мог использоваться труд детей.

Условия ссылки не могли не сказаться на состоянии ссыльнопоселенцев, как и других категорий депортированных в Сибирь. Им предстояло либо приспособиться к тяжелому физическому труду, либо умереть. К концу 1944 г. большинство из них могли обеспечивать свой прожиточный минимум, который к тому моменту значительно снизился по сравнению с первыми годами спецпереселения. Ссыльнопоселенцы, расселенные в Западной Сибири, в основном использовались на работах в сельском хозяйстве, лесной и рыбной промышленности, а также в промысловых артелях.

На территории Омской области на 1 января 1942 г. было расселено 7622 ссыльнопоселенца. Из них 5133 чел. прибыли из западных областей Украины и Белоруссии, а 2489 — из Молдавской ССР². В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 6 января 1942 г. о развитии рыбной промышленности, УНКВД в навигационный период 1942 г. переселило 4505 чел. из числа трудоспособных и малосемейных в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа для работы в рыбной промышленности. Остальные 2276 чел. были расселены и трудоустроены в 42 районах области небольшими группами от 187 до 4 чел.³

Кроме рыбной промышленности, ссыльнопоселенцы были трудоустроены в колхозах, промартелях, системе леспромхозов и «других организациях». Для Омской области также были характерны частые «переброски» спецпереселенцев с одной работы на другую, что отрицательно сказывалось на их заработной плате. В докладной записке зам. начальника УНКВД по Омской области Шеварова за 1942 г. фиксируется, что «отношение к работе большинства этих ссыльнопоселенцев — хорошее»⁴ (в документе нет точной даты. — В. С.). Однако некоторые ссыльнопоселенцы, официально признанные трудоспособными, «под всякими предлогами не желали работать, ссылаясь главным образом на отсутствие теплой одежды». Такие спецпереселенцы добывали средства к существованию самыми различными путями: «занимаясь воровством сельхозпродуктов», работая у частных лиц, продавая продукты своего труда (вязаные вещи и пр.) или обменивая на продовольствие привезенные с собой предметы. Все это имело место, так как заработок ссыльнопоселенцев, «занятых на работах в предприятиях», был очень низким — от 115 до 250 руб. Шеваров объясняет это тем, «что ссыльно-поселенцы, в большинстве своем, не

¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 132. Л. 214.

² Там же. Д. 106. Л. 233.

³ Там же. Л. 236—236 об.

⁴ Там же. Л. 235 об.

имеют никакой специальности и работают в качестве чернорабочих и, кроме того, среди них не проводится массово-разъяснительная работа». Часть руководителей местных предприятий считала ссыльнопоселенцев «обузой» и даже ставила вопрос «об их изъятии», как это произошло, например, в зерносовхозе «Коммунист» Черлакского р-на. Из специалистов, расселенных в Омской области, по специальности использовались три врача, счетные работники и часть учителей.

Всего по Новосибирской области на 10 февраля 1942 г. из депортированных специалистов было учтено 507 педагогов, 457 портных, 259 бухгалтеров, 187 чел. среднего медперсонала, 106 техников, 54 сапожника, 48 инженеров, 44 врача, 33 агронома, по 19 юристов и артистов, по 11 музыкантов и художников, 6 журналистов, 5 зоотехников, 4 научных работника, всего 1770 чел.¹

В Алтайском крае среди учтенных специалистов ссыльнопоселенцев было 134 учителя, 74 счетных работника, 17 медработников, 10 агрономов и садоводов, шесть машинисток, по 5 инженеров, юристов и врачей, 4 телеграфиста, всего 260 чел.²

Расселялись ссыльнопоселенцы либо в домах местных жителей, либо в помещениях, не приспособленных для жилья: клубах, школах и т. п. При этом за жилую площадь, занимаемую депортированными в домах «правового» населения, им приходилось платить самим деньгами и вещами либо своим трудом в хозяйстве «сдающих квартиру». Если средства заканчивались, ссыльный мог в самом прямом смысле оказаться на улице. Д. Шмудере-Геркис вспоминает о смерти ссыльнопоселенки З. Генгерис: «Последнее время она была бездомной. За квартиру платить ей было нечем. И она ночевала, где придется, кто пожалеет и пустит ее. В ту ночь она ночевала под порогом у ссыльных из Черновиц. Как она на корточках сидела, так ее холодную уже утром и нашли»³.

С течением времени жилищные условия изменились незначительно. Ссыльнопоселенцы были переведены из школ, клубов, контор в более пригодные для жизни, по мнению органов НКВД, бараки, которые ничем не отличались от уже описанных. Некоторые были совсем без дверей либо с некоторым их подобием, с одинарными («летними») рамами в условиях сибирской зимы и т. д. Ссыльнопоселенцы, переселенные на Север на рыбные промыслы, были вынуждены жить в юртах-землянках, вырытых в вечной мерзлоте, обшитых досками и мхом, с одним небольшим окошком, с куском льда вместо стекла. Отапливались они с помощью печек, сделанных из металлических бочек, а чтобы добыть топливо, приходилось воровать доски.

В целом социально-бытовые условия, в которых находились этнические группы спецпереселенцев, на территории Западной Сибири в период Второй мировой войны зависели от места вселения, т. е. климата, предлагаемых работ и пр., хотя и оставались относительно схожими для всех «контингентов», вне зависимости от национальной принадлежности при-

¹ Там же. Д. 142. Л. 19 об.

² Там же. Д. 131. Л. 257.

³ Исследования новейшей русской истории. Нарымская хроника. 1930–1945. М., 1997. Т. 3. С. 161.

бывших. В условиях военного времени происходил процесс их статусной и социально-бытовой унификации. Представители местной администрации рассматривали прибывающих спецпереселенцев исключительно как необходимую для выполнения производственных планов и норм рабочую силу, достаточно дешевую и легко заменяемую. Безусловно, нельзя забывать о том, что и «правовое», в особенности эвакуированное население тоже оказалось в тяжелых условиях. Так, материалы одной из комиссий, обследовавших общежития, куда вселили эвакуированных из Ленинградской области учеников ФЗУ, демонстрируют те же самые условия: бараки со сплошными нарами, лишенные освещения, грязные, в которых больные туберкулезом живут вместе со здоровыми. То же касалось их продуктового и промтоварного снабжения¹.

Э. Мондон

СУДЬБА ВЫСЛАННЫХ ИЗ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ СЕМЕЙ НА ПРИМЕРЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (1944–1960 гг.)

Вопрос о судьбе высланных после войны на спецпоселение из Западной Украины семей в ходе борьбы с «оуновцами»² остается крайне мало разработанным в исторической литературе. Причин тому несколько. Во-первых, долгое время проблема спецпереселения в российской и зарубежной историографии исследовалась по двум основным направлениям: к первому относились работы по проблеме выселения раскулаченных крестьян и их судьбе в условиях спецпоселений, а второе сосредоточивалось на изучении истории депортации народов в 1940-е гг. Проблема послевоенных принудительных миграций, касающихся более маргинальных групп, таких как «власовцы» или «оуновцы», сравнительно недавно стала объектом изучения исследователей. Во-вторых, историки, которые интересовались «оуновцами», в первую очередь обращали внимание на историю украинских националистических организаций и их прямых участников³, судьбы которых были разнообразными, и, как правило, не заканчивалась с освобождением из спецпоселений.

Среди около 30 категорий спецпереселенцев в делопроизводстве государственных структур в 1953 г. насчитывалось 175 013 «оуновцев», в том числе 39 192 ребенка⁴. На самом деле в этот «контингент» вошли не столько участники ОУН, сколько члены их семей. Именно им посвящена эта статья. Мы проследили судьбу этих семей на примере Архангельской области, куда было выслано около 5 тыс. чел., рассмотрев весь период их

¹ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 159. Л. 66–70.

² «Оуновцы» — образовано от названия «Организация украинских националистов» или ОУН.

³ Существует ряд публикаций на эту тему. Ограничимся указанием на недавнее издание: Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: В 2 т. М., 2012.

⁴ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: сб. док.: В 7 т. М., 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. С. 714–715.

пребывания в данном регионе с зимы 1944/45 г. до начала их освобождения в марте 1956 г. В рамках исследования мы изучали изменения количественного состава спецпереселенцев-«оуновцев» как на региональном уровне, так и на общегосударственном, условия вселения и проживания этих семей в спецпоселениях Архангельской области, характер их трудовой деятельности, особенности режима надзора над ними. Мы также пытались выявить поведенческие реакции спецпереселенцев-«оуновцев» на репрессивную политику власти по отношению к ним на протяжении более чем 10 лет¹.

В исследовании использованы документы центральных архивов, частично опубликованные в документальных сборниках² и монографиях о спецпереселенцах на территории СССР³. Но основные сведения были получены из регионального архива УВД по Архангельской области⁴. Это прежде всего документы репрессивных органов власти: статистическая отчетность, докладные записки НКВД–МВД, переписка между центральным отделом спецпоселений и местными органами НКВД. Материалы делопроизводства НКВД–МВД, которые руководили на местах работой спецкомендатур, предназначались для внутреннего пользования, поэтому отражали реальное положение дел в отношении действий карательных структур. Особое место занимают докладные записки НКВД–МВД, которые содержат ценный материал об условиях жизни в спецпоселках, показывают «настроения» высланных семей, в том числе различные проявления протеста против установленного режима. Эти докладные записки основывались на доносах самих спецпереселенцев, состоявших в «агентурной сети». «Осведомители» были обязаны выявлять всякие «антисоветские высказывания», чтобы не быть обвиненными в «двурушничестве», поэтому такие материалы носят тенденциозный характер. Тем не менее эти систематические доклады выявляют большой спектр настроений, меняющийся со временем, что позволяет определить основные тенденции поведения спецпереселенцев. Материалы отдела спецпоселений УВД по Архангельской области охватывают период с начала заселения первых партий спецпереселенцев-«оуновцев» до конца 1950-х гг., что также позволяет проследить длительный процесс освобождения этой категории репрессированных.

Особенности депортации спецпереселенцев-«оуновцев»

Депортация членов семей «оуновцев» была административной формой высылки и носила семейный характер. Она сопровождалась принудительным трудом, но в отличие от других спецпереселений, которые, как правило, являлись бессрочными, длилась от 5 до 10 лет. Таким образом, сталинский режим ввел в отношении этих лиц новые правила, которые

¹ Такого же подхода мы придерживались и в нашей диссертации, посвященной судьбе репрессированных крестьян на Русском Севере, «Первые сталинские спецпереселенцы и их судьба на Европейском Севере СССР (1930–1948)» (под науч. рук. Франциса Конта; защита состоялась 24 ноября 2011 г. в Сорбонне (Париж IV)).

² История сталинского ГУЛАГа...; и др.

³ Земсков В.Н. Спецпереселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003; и др.

⁴ Информационный центр УВД Архангельской области, Отдел архивной информации и реабилитации (ИЦ УВД АО). Отдел спецпоселений. Ф. 33. Оп. 1 (документы за 1941–1958 гг.).

неоднократно менялись. Как только пятилетний срок истек, его просто заменили вечной ссылкой, вследствие чего «оуновцы» из статуса «спецпоселенцев» вошли в широкий круг «выселенцев» навечно. Эта депортация отличалась и тем, что она растянулась на длительный период — с 1944 по 1952 г. — в ходе трех кампаний.

Первая кампания была проведена сразу после «освобождения» оккупированной Германией Украинской ССР весной 1944 г. на основании директив НКВД от 31 марта и 7 апреля 1944 г. «О выселении членов семей оуновцев, активных повстанцев, как арестованных, так и убитых при столкновениях». На протяжении этой первой кампании, длившейся до 1946 г., на пятилетний срок было выслано 24 730 чел.¹ Вторая кампания началась осенью 1947 г. и продолжалась до 1949 г. на основании двух постановлений Совета министров СССР от 10 сентября 1947 г. и 4 октября 1948 г. «О выселении в порядке ответных мер членов семей оуновцев и активных бандитов в северные районы страны». В результате этой второй кампании было выслано 87 903 чел. на срок от 8 до 10 лет или без срока². Третья волна осуществлялась с 1950 по 1952 г. в ходе продолжающейся борьбы с бандитизмом и националистическим подпольем, а также во время «раскулачивания» западных окраин СССР. В эти годы 50 % поступивших на спецпоселение контингентов было выселено из Западной Украины, среди них насчитывалось 46 798 «оуновцев»³. В итоге с 1944 по 1952 г. около 160 тыс. чел. из категории «оуновцев» подлежали спецпереселению в глубь СССР.

Что касается порядка выселения этих семей, изначально предусматривалось, что дети до 16-летнего возраста депортации не подлежат, но 7 апреля 1944 г. новая директива НКВД упразднила предыдущие решения и приказала высылать всех членов семей, в том числе и несовершеннолетних⁴. Тем не менее многие высказывания спецпереселенцев свидетельствуют о том, что семьи были высланы не в полном составе. Особенно наглядно прослеживается это после объявления о вечной высылке в 1950 г., когда многие «оуновцы» хотели, чтобы невысланные члены семей приехали на спецпоселение и воссоединились с ними⁵.

Семьи повстанцев предписывалось выслать в Красноярский край, в Омскую, Новосибирскую, Иркутскую области, их имущество подлежало конфискации в соответствии с приказом НКВД СССР от 10 декабря 1940 г. «О ссылке в отдаленные северные районы СССР всех членов семей изменников Родины», который сопровождался инструкцией о том, что все имущество указанных семей подлежит конфискации (жилые помещения, сельскохозяйственный инвентарь, хлева и пр.)⁶. Иными словами, советская власть отождествляла «оуновцев» с изменниками Родины. Под категорию «оуновцев» на самом деле попадали не только лица, связанные с националистическим подпольем, но и те, которые оказали содействие

¹ История сталинского ГУЛАГа... С. 628–629.

² Там же.

³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 198.

⁴ История сталинского ГУЛАГа... С. 754.

⁵ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 39. Л. 86–87.

⁶ История сталинского ГУЛАГа... С. 754.

немецким оккупантам, и даже всякие «социально опасные элементы», включая крестьян, раскулаченных в ходе коллективизации в Западной Украине.

Категория спецпоселенцев-«оуновцев» была разбита на пять групп: «бандиты и националисты», «члены семей бандитов и националистов», «пособники бандитов», «члены семей пособников» и «кулаки-националисты с семьями»¹. Как правило, группа «члены семей» по численности намного превосходила группы бандитов, националистов и их пособников. Об этом говорит и тот факт, что группа спецпоселенцев «члены семей бандитов и националистов», в свою очередь, делилась на пять подгрупп: «члены семей лиц, убитых при ликвидации банд», «члены семей лиц, отбывающих наказание в лагерях, колониях и тюрьмах или осужденных к высшей мере наказания», «члены семей лиц, освобожденных из лагерей, колоний и тюрьмы и проживающих вместе с семьями на спецпоселении», «члены семей лиц, находящихся на нелегальном положении» и, наконец, «члены семей бандитов и националистов, местонахождение которых неизвестно». Преобладали «члены семей бандитов и националистов, убитых при ликвидации банд» (по состоянию на 1 января 1958 г. их было 46 924 чел.²). Следует сказать, что довольно большая часть «украинских националистов» была выслана в качестве «антисоветских элементов», которые ввиду их повышенной социальной опасности были поставлены в условия более жесткого режима «ссыльнопоселенцев». На 1 января 1954 г. насчитывалось 63 675 «ссыльнопоселенцев», среди них было 23 934 «украинских националиста»³.

Какой бы ни была дальнейшая судьба «украинских националистов», негативным фактором стала убыль мужчин, которая повлекла за собой разрозненность семей на спецпоселении и большую долю женщин в ранге главы семьи. На всем протяжении жизни украинских семей на спецпоселении доля женщин более чем в 2 раза превышала долю мужчин. Отметим, что мужчины, которых обвиняли в участии в украинских националистических организациях, не всегда являлись отцами — главами семьи. Среди членов семей «оуновцев» были лица, высланные из-за деятельности сына или брата. Одна спецпоселенка даже объяснила, что она была выслана из-за того, что у нее были контакты с мужем своей сестры, который вел борьбу за самостийную Украину⁴. Таким образом, понятие «члены семей» следует рассматривать в самом широком смысле. В итоге эти люди отправлялись на спецпоселение без наличия конкретной вины с их стороны, а исключительно по семейным или родственным связям.

В.Н. Земсков видит в этой репрессии превентивную меру. По его мнению, массовое выселение юридически невиновных семей из Западной Украины производилось с целью ослабления социальной базы национали-

¹ Следует уточнить, что такая классификация появилась не сразу в 1944 г., а в ходе дальнейших депортационных кампаний. Изначально существовала одна общая категория «оуновцев». В статистике УВД АО разделение «оуновцев» на пять групп появилось в 1956 г.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 266.

³ Там же. С. 257–258.

⁴ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 56. Л. 31 (из агентурных материалов от 10.11.1953, спецпоселенка З.И. Самолук, Пинежский район).

стического подполья, которая могла стать помехой установленному советскому строю¹. Агентурные дела УНКВД Архангельской области, касающиеся «оуновцев», свидетельствуют о том, что их высылка также предпринималась, чтобы наказать тех или иных лиц как за пособничество немецким войскам во время войны, так и за участие в ОУН. Как мы уже указали выше, депортация «оуновцев» осуществлялась и в ходе «раскулачивания», а также во время рутинных «зачисток» западных областей УССР от всякого рода «антисоветских и социально опасных элементов». Какой бы ни была причина выселений, депортация части населения из Западной Украины в послевоенное время приняла характер частичной этнической чистки, поскольку национальный состав «оуновцев» был почти однородно украинским².

Во второй половине 1940-х гг. высланные украинские семьи направлялись в Западную Сибирь (Кемеровскую и Омскую области), Восточную Сибирь (Иркутскую область, Красноярский край), на Урал (в Молотовскую и Челябинскую области), на Русский Север (в Архангельскую и Вологодскую области, Коми АССР), а также в Казахскую ССР. В начале 1950-х гг. география расселения спецпоселенцев-«оуновцев» несколько изменилась. Дальний Восток стал важным местом вселения данной категории спецпоселенцев (Хабаровский край, Амурская и Читинская области). Судя по всему, власти этим намеревались предотвратить попытки побега. В целом по стране депортированные члены семей украинских националистов содержались на спецпоселении в 20 областях. В 1949 г. Архангельская область была восьмым регионом расселения «оуновцев» по количеству высланных семей.

«Оуновцы» в Архангельской области: вселение и условия жизни

За 1945 г. количество спецпереселенцев, расселенных в Архангельской области, увеличилось на 10 тыс. чел. На 1 января 1946 г. в этой области имелось 22 897 «бывших кулаков», 1731 «мобилизованная немка», 8054 «репатриированных немцев» и 4612 членов семей «оуновцев». Одновременно увеличилось и количество спецпоселков со 112 (на 1 января 1945 г.) до 143 (год спустя), находящихся в 24 районах области³.

В Архангельскую область высланные семьи украинских националистов приехали из Волынской и Дрогобычской областей. Эти области были образованы в 1939 г. на территориях Республики Польша, занятых Советским Союзом 1 сентября 1939 г. вследствие пакта Молотова — Риббентропа. Первые железнодорожные эшелоны со спецпереселенцами приехали в Архангельскую область зимой 1944/45 г. После выгрузки эшелонов прибывшим спецпереселенцам предстоял путь в десятки, а иногда и сотни километров по зимникам. На 1 апреля 1945 г. числилось уже 4150 чел.⁴, которые были расселены в спецпоселки десяти районов Архангельской

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 281.

² Например, в марте 1949 г. среди 19 945 взрослых спецпоселенцев-«оуновцев», проживавших в Кемеровской области, было 19 829 украинцев, 74 поляка, 25 русских и 17 пр. — См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 155.

³ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 132.

⁴ Там же. Д. 14. Л. 6.

области. Для размещения спецпереселенцев-«оуновцев» всего в области было организовано два новых спецпоселка (1-ый километр и Сарга), все остальные 15 спецпоселков, в которые была вселена значительная часть вновь прибывших спецпереселенцев, являлись старыми спецпоселками либо построенными высланными крестьянами в начале 1930-х гг., либо организованными для спецпереселенцев — польских граждан в 1940—1941 гг. и после их амнистии переданными в ведение местных леспромхозов. До приезда семей, высланных из Западной Украины, в этих местах жили «раскулаченные» крестьяне и вольнонаемные рабочие. Отметим, что «оуновцы» были размещены не только в спецпоселках, но и на лесо- и сплавуучастках, где условия жизни были еще хуже. Отдельные партии спецпереселенцев были поселены в Архангельске и Котласе, где они работали на разных заводах. Незначительное число «оуновцев» было трудоустроено в колхозах, где они проживали «за счет уплотнения местного населения».

Главная проблема, которую решало руководство Архангельской области в 1940—1950-е гг., — это «закрепление спецпереселенцев в составе постоянного кадра рабочих лесной промышленности», поэтому практически все работающие спецпереселенцы-«оуновцы» были переданы для трудового устройства в лесозаготовительные организации Наркомлеса. Основная ответственность за жизнеобеспечение этих высланных семей возлагалась именно на Наркомлес. Спецпереселенцы были размещены в домах барачного типа, принадлежащих леспромхозам трестов «Котласлес», «Двинолес» и «Онеголес». Но, судя по докладным запискам начальника Отдела спецпоселений Архангельской области, предприятия Наркомлеса не очень стремились снабдить спецпереселенцев всем необходимым для жизни и работы. Жилье для спецпереселенцев-«оуновцев» должным образом не подготовили, в результате чего из 4357 чел., расселенных в Архангельской области, более 1300 чел. проживали в непригодных для жилья помещениях, в которых царили скученность и антисанитария¹. В отдельные комнаты расселялись в первую очередь те семьи, которые имели малолетних детей, все остальные жили в общежитиях, где условия жизни были крайне тяжелыми. Бараки не были подготовлены к зиме, не работало отопление, окна не были застеклены. Отсутствовали элементарные бытовые условия (не было умывальников, тазов, кипятильников, сушилок для одежды). Крайне неблагоприятное состояние бараков вело к массовым простудным заболеваниям и вспышкам эпидемий. Согласно справке начальника Отдела спецпоселений УНКВД Архангельской области о наличии заболеваемости сыпным тифом с момента завоза «оуновцев», по состоянию на 25 апреля 1945 г. уже числилось 240 болевших сыпным тифом и 35 умерших². Руководство области было крайне обеспокоено тем, что эпидемия распространилась и среди местного населения. Согласно квартальному отчету, в области за первые девять месяцев 1945 г. умерло 617 спецпереселенцев-«оуновцев»³. По данным статистики Отдела спецпоселений НКВД СССР, общие потери среди «оуновцев» за 1945 г. по Архангель-

¹ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 9.

² Там же. Д. 10. Л. 46.

³ Там же. Д. 14. Л. 7, 47, 161.

ской области составили 2904 чел.¹ Основной причиной смертности были эпидемические заболевания. Примечательно, что в Архангельской области умирали в первую очередь мужчины-одиночки. Это позволяет думать о том, что среди умерших было много престарелых лиц, высланных на спецпоселение без семьи.

В течение ноября 1945 г. была проведена проверка подготовки к зиме спецпоселков, куда расселили членов семей «оуновцев». Из докладов о результатах этой проверки следует, что жилищные условия улучшились в большинстве районов вселения². Бараки постепенно переоборудовали, сделав отдельные комнаты. По данным на октябрь 1949 г., все спецпереселенцы, проживавшие раньше в непригодных для жилья бараках, были переселены в жилые помещения³. Таким образом, через 5 лет после депортации бытовые условия высланных из Западной Украины семей нормализовались. Но не стоит преувеличивать роль УНКВД в этом улучшении. Разумеется, работники УНКВД старались продемонстрировать руководству, как они выполняют свою задачу, обеспечивая спецпереселенцам нормальные условия жизни и работы. Однако другие документы свидетельствуют, что квартиры зачастую ремонтировались самими спецпереселенцами в свободное от работы время⁴.

Труд спецпереселенцев в Архангельской области использовался преимущественно в лесной промышленности: в леспромпхозах, на механизированных лесопунктах и сплавучастках. Меньшая часть «оуновцев» была занята в камнеразработках на Соломбальском сульфат-целлюлозном заводе. В совхозы было передано всего лишь 13 чел. Эта тенденция характерна и для других областей, где проживали спецпереселенцы-«оуновцы». По данным на март 1949 г., из 62 754 взрослых «оуновцев» 41 954 чел. работали в качестве рабочих, а очень незначительное число использовалось в сельском хозяйстве, в том числе 4621 колхозник и 52 единоличника⁵. В тех же статистических сведениях указывается, что подавляющее большинство спецпереселенцев-«оуновцев» получило низшее образование (4614 чел.), а доля неграмотных среди них была относительно большая (15 463 чел.)⁶. Незначительное число специалистов (учителя, бухгалтеры, агрономы, медсестры и др.), которые поступали в спецпоселки в первые годы, не работали по специальности, а использовались на лесозаготовительных работах. Что касается квалифицированных рабочих (сапожники, слесари, печники, портные, плотники и др.), которые в Архангельской области составляли около 10 % трудоспособного населения, то почти половина их работала по специальности⁷.

В Архангельской области всего лишь половина взрослых спецпереселенцев была трудоспособной. Это говорит о большой доле среди них беременных женщин, пожилых людей и инвалидов. Но даже среди трудоспособных лиц каждый квартал около ста человек не работало из-за

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 194.

² ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 167–169.

³ Там же. Д. 26. Л. 33.

⁴ Там же. Л. 165.

⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 174.

⁶ Там же. С. 178.

⁷ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 162.

болезней, отсутствия детских учреждений, а также из-за недостатка теплой одежды и обуви. Из-за нехватки людей на производстве к работам в лесозаготовительных организациях привлекались престарелые люди и подростки. Вначале основная масса спецпереселенцев-«оуновцев» не могла приспособиться к лесным работам, так как это явилось для них новым видом производства. К тому же не проводилось элементарное профессиональное обучение, работающие не были обеспечены пилами и топорами в нужном количестве. Спецодежда не выдавалась, и многие спецпереселенцы были вынуждены зимой выходить на работу без рукавиц, в легкой обуви, в результате чего имелись случаи обморожения рук и ног. К этому следует добавить, что были постоянные задержки в выдаче зарплаты и повсеместно допускалось грубое отношение к спецпереселенцам со стороны администрации лесопунктов. К примеру, директор Ленского леспромпхоза назвал отдельных рабочих «паразитами» за то, что они обратились к нему по вопросу обеспечения обувью и одеждой¹. Были случаи, что при поступлении обуви и теплой одежды половину вещей, предназначенных для спецпереселенцев-«оуновцев», руководители хозорганизаций раздавали знакомым, конторскому и производственному аппарату². Это свидетельствует о том, что условия жизни местных руководителей и работников были такими же тяжелыми.

Несмотря на неопытность репрессированных в лесозаготовках, со второго квартала 1945 г. производительность труда в ряде районов повысилась, среди «оуновцев» появились «ударники»³. Ударничество в спецпоселках было одним из способов выжить, так как за перевыполнение норм на производстве увеличивалась норма снабжения.

Самым болезненным вопросом на спецпоселении было снабжение продуктами питания. Во всех докладах областного отдела спецпоселений продовольственное обеспечение характеризовалось как «крайне неудовлетворительное». Существовали разные системы снабжения в зависимости от предприятий, в которые были переданы спецпереселенцы для трудового использования. Как правило, рабочие лесной промышленности получали хлеба по 500 г, перевыполнившим нормы выдавалось сверх того до 200 г и дополнительное блюдо. Неработающие и дети получали только 300 г хлеба в день и пустой капустный суп. Предприятия должны были организовать на производственных участках столовые, но в них готовились только дешевые супы из капустного листа, крапивы и щавеля. Мясные и рыбные блюда бывали крайне редко. К тому же во многих спецпоселках состояние столовых было совсем плохим. Например, в спецпоселках Запань, Верхняя Лупья и на участке 52-й км совершенно отсутствовали тарелки и ложки. В спецпоселках действовали и магазины Отдела рабочего снабжения, где по идее спецпереселенцы могли снабжаться наравне со всеми рабочими, но в большинстве из них отсутствовали даже самые необходимые продукты. Из докладных записок Ленского района выяснилось, что в спецпоселках существовала практика старым рабочим выдавать продукты лучшего качества, а «оуновцам» — то, что оста-

¹ Там же. Л. 236.

² Там же. Д. 19. Л. 84.

³ Там же. Д. 14. Л. 50.

лось. Доходило до того, что отдельно выпекался пшеничный хлеб для старожилков, а для «оуновцев» — хлеб низкого качества¹.

Отсутствие нормального снабжения привело к многочисленным случаям истощения. Во всех районах Архангельской области отмечались случаи отеков, цинги, дистрофии и, как следствие, высокая смертность. Каждый квартал умирало более 150 чел. Самыми уязвимыми в этом отношении были так называемые иждивенцы — престарелые, инвалиды, беременные женщины, дети.

Следует отметить, что к зиме 1945/46 г. продовольственное обеспечение улучшилось. В отдельных районах работающие спецпереселенцы на заготовке леса получали килограмм хлеба независимо от выполнения норм². Для того чтобы улучшить ситуацию с продовольствием, руководство Архангельской области с первой весны после приезда спецпереселенцев-«оуновцев» поощряло самоснабжение. Для этой цели каждому хозяйству выделялись приусадебные участки или индивидуальные огороды, а также семена картофеля. Однако многие семьи «оуновцев» не соглашались на приобретение и разработку участков. Свой отказ они мотивировали тем, что в связи с окончанием войны ожидали скорого возвращения на родину³. Даже в мае 1948 г., когда уже было понятно, что их надежды на возвращение не сбылись, половина хозяйств продолжала отказываться от этого средства к существованию⁴. К этому времени они уже ожидали конца пятилетнего срока высылки. По тем же причинам они не были склонны к обзаведению скотом. В 1948 г. всего 250 семей (из более 2 тыс.) имели овец и коз, которых они купили на свои собственные деньги⁵.

Антисанитария, недоедание, отсутствие теплой одежды и обуви приводили к недовольству спецпереселенцев, которое они проявляли различными формами протеста: отказ от работы, стихийные «сборища», высказывания, определяемые как «повстанческие» или «террористические», а также распускание «провокационных слухов» о неизбежной войне, исходом которой будет поражение СССР⁶. Но самым распространенным видом протеста среди «оуновцев» были побеги с мест поселений. Сам начальник Отдела спецпоселений П. Мальцев докладывал, что в течение 1946 г. 10 % высланных «оуновцев» бежало из спецпоселков⁷ и для этого пользовались всевозможными «ухищрениями» — покупка фиктивных документов, симу-

¹ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 14. Л. 230.

² Там же. Д. 14. Л. 238.

³ Там же. Л. 52–53.

⁴ Там же. Д. 25. Л. 6; Д. 22. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 22. Л. 15.

⁶ Следует сказать, что такие слухи были распространены не только среди «оуновцев», но и среди всех категорий спецпереселенцев. Например, в конце войны даже спецпереселенцы-«бывшие кулаки» ожидали интервенцию бывших союзников (Англии и Америки) для будущего «освобождения угнетенного народа». — См.: Мондон Е. Первые сталинские спецпереселенцы и их судьба на Европейском Севере СССР (1930–1948). С. 661. В отличие от «пораженческих» слухов 1920–1930-х гг., которые свидетельствовали о настоящем «психозе войны» среди населения (см.: Верт Н. Пораженческие и апокалиптические слухи в СССР 1920-х — 1930-х годов // Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. С. 101), в до- и послевоенных слухах в среде спецпереселенцев звучала надежда на скорую войну и падение СССР.

⁷ История сталинского ГУЛАГа... С. 544–553.

лирование несчастного случая или болезни. С 1944 по 1948 г. из Архангельской области бежало 1587 «оуновцев»¹, а по всему СССР с момента расселения до 1949 г. бежал 14 261 «оуновец»². Параллельно с традиционными средствами предотвращения побегов («круговая порука», «группы содействия», «агентурно-оперативная» сеть и проч.) в Архангельской области для склонных к побегам спецпереселенцев создавались «особорезимные спецпоселки» в самых отдаленных районах. В 1947 г. во всех поселках, где проживали спецпереселенцы-«оуновцы», было введено ночное патрулирование, прекращена выдача разрешений на право выезда из спецпоселков, наличие спецпереселенцев в бараках и на работе стали проверять 3 раза в день³. В результате этих мер в последнем квартале 1947 г. количество побегов резко снизилось⁴. К началу 1950-х гг. побегов спецпереселенцев из Архангельской области уже не было.

Среди 9935 «оуновцев», задержанных за побег на территории СССР за 1944–1949 гг., к уголовной ответственности было привлечено 3903 чел.⁵ Как правило, за побег спецпереселенцы получали три года лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Однако в марте 1948 г. ввиду многочисленных побегов среди «оуновцев» Главное управление борьбы с бандитизмом решило на ужесточение режима их содержания, заставляя их подписывать документ, согласно которому в случае побега все спецпереселенцы-«оуновцы» в возрасте от 16 лет подлежат аресту и 10 годам лишения свободы⁶. Всех остальных направляли обратно в спецпоселки. Имели место случаи, когда задержанные после возвращения из бегов передавались для отбытия срока высылки в Иркутскую область. На 1 января 1949 г. в бегах находилось 4326 спецпереселенцев-«оуновцев»⁷. Примечательно, что именно у этой категории был наибольший вес находившихся в бегах спецпереселенцев по отношению к общей численности данного контингента. Это говорит о том, что «оуновцы» сумели не только бежать, но и скрыться от местных властей.

Другим важным направлением работы спецкомендатур было разоблачение «организованных антисоветских выступлений». Следует напомнить, что наименее благонадежными в политическом отношении считались такие контингенты спецпереселенцев, как «оуновцы», прибалты, «власовцы» и «репатриированные немцы». В целом по стране именно на контингенты «оуновцев» и прибалтов приходилось наибольшее количество подпольных организаций, возникших в местах спецпоселений. Среди агентурных дел, касающихся «оуновцев», можно привести в пример дело «Осколки»⁸. Четырех человек обвиняли в повстанческих настроениях. Согласно содержанию данного дела, некая Посальская, по ее словам, до выселения принимала участие в работе оуновских организаций и ставила задачу установить связь с оуновским подпольем, через условную переписку и при помощи

¹ Там же. С. 568–577.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 190.

³ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 20. Л. 291.

⁴ Там же. Л. 350–351.

⁵ История сталинского ГУЛАГа... С. 544–553.

⁶ Там же. С. 568–577.

⁷ Там же. С. 544–553.

⁸ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 37.

своих связей организовать в поселке повстанческую группу и достать для нее оружие через известных ей оуновцев. В итоге в сентябре 1945 г. агентурное дело «Осколки» было ликвидировано и закончилось арестом всех обвиняемых, которые были приговорены к уголовной ответственности по 58-й статье¹. Агентурные дела позволяют установить факт наличия письменных связей между спецпереселенцами и участниками ОУН. Очевидно, «оуновцам» была разрешена переписка с родственниками именно для того, чтобы раскрыть возможные контакты с националистическим подпольем на Украине. К примеру, вот что сказал некий Ф. Бузданович (по донесению источника МВД) 27 сентября 1953 г.: «Мне пишет письма из Западной Украины Данилюк Василий <...> Он пишет, что сейчас бандитов стало еще больше, чем раньше, они много убивают русских солдат. Бандиты ОУН есть не только на Украине, но и в большинстве капиталистических стран. Скоро придет конец нашим мукам. На земле много есть народа, которым не нравится эта власть, но сейчас что-либо мы не в силах сделать, надо терпеть»².

Судя по самым значительным восстаниям и забастовкам, прошедшим в лагерях с 1947 по 1956 г., и той роли, которую сыграли украинцы в разложении сталинской репрессивной системы³, вполне возможно, что среди спецпереселенцев-«оуновцев» были люди, готовые на все, чтобы продемонстрировать свою ненависть к советскому режиму и продолжать борьбу против него. Однако особенность протеста в спецпоселках Архангельской области состоит в том, что не было никаких восстаний «оуновцев». Даже когда 6 апреля 1950 г. вместо ожидаемого освобождения вышло постановление «Об оставлении оуновцев навечно в специальных поселениях и об уголовной ответственности за побег, предусмотренной указом от 26 ноября 1948 г.», никакого бунта в спецпоселках не возникло.

Следует сказать, что власти приложили максимум усилий, чтобы избежать волнений и побегов. Для этой цели на органы УМВД возлагалась непростая задача объявить в один день всем «оуновцам» об их вечной ссылке. Во всех районах Архангельской области это было сделано 7 мая 1950 г. по четко продуманному плану⁴. В каждом спецпоселке были подготовлены подходящие помещения с двумя комнатами и отдельными выходами для того, чтобы в одной комнате можно было собрать всех «оуновцев», а во второй каждому отдельно объявлять постановление, после чего направлять его домой через второй выход, минуя первое общее помещение⁵. Для того чтобы никаких перегибов не допускалось, кроме 82 работников УМВД мобилизовали весь «актив» спецпоселков («старших домов-общежитий», членов «групп содействия» и др.) и местных представителей власти (председателей сельсоветов и колхозов)⁶. По итогам докладной записки о результатах объявления⁷ отмечалось, что до этого дня подавляю-

¹ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 97.

² Там же. Д. 56. Л. 31–32.

³ См.: Кравери М. Кризис ГУЛАГа: Кенгирское восстание 1954 года в документах МВД // Cahiers du monde russe, XXXVI (3), juillet-septembre 1995. С. 319–343.

⁴ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 39. Л. 72.

⁵ Там же. Л. 75–76.

⁶ Там же. Л. 73, 76.

⁷ Там же. Л. 72–89.

щее большинство «оуновцев» жили надеждой как можно быстрее получить документы об освобождении и уехать на родину. В связи с этим постановление явилось для них полной неожиданностью. В поселке «Первый квартал» (Приозерный район) ряд выселенок при объявлении указа о 20 годах каторжных работ в случае побега сильно плакали. В Вельском районе у «оуновок» случилась истерика. Проживающие в спецпоселке «Экодим» престарелые «оуновцы» после объявления «слегли в постель и не вставали в течение двух дней». Очевидно, что вначале спецпереселенцы в основном болезненно реагировали на объявление, но со временем смирились с тем, что теперь должны устраивать свою жизнь на Севере. Однако они просили улучшения бытовых условий, возможности получить ссуды на индивидуальное строительство и обзаведение скотом, а также ослабления режима и свободного передвижения в пределах области. Начальник УМВД по Архангельской области тогда заметил, что до объявления указа таких стремлений не наблюдалось.

До смерти Сталина никакого ослабления режима быть не могло. Наоборот, была введена еженедельная явка «выселенцев-оуновцев» в спецкомендатуры МВД и снова было установлено ночное патрулирование¹. Судя по словам самих репрессированных, к 1953 г. условия их жизни далеко не улучшились. В одном из агентурных донесений говорилось: «Для колхозов жизнь улучшилась, а для нас, спецпоселенцев, никакого улучшения нет. Загнали нас в эту пропасть, в этот проклятый лес, и нужно всю жизнь мучиться. Если бы у меня не было ребенка, то комендатура меня здесь не видела»².

Даже когда в июле 1954 г. принимались решения, направленные на смягчение режима спецпоселений и приближение статуса спецпереселенцев к статусу полноправных граждан, «оуновцы» были исключены из этого процесса, им не предоставили право свободного проживания в пределах области, куда они были высланы³.

Длительное освобождение семей украинских националистов

Амнистия репрессированных семей из Западной Украины шла медленно. Она началась в 1956 г. и растянулась до 1960-х гг., по мере освобождения самих украинских националистов из мест лишения свободы. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1956 г., около 24 тыс. «украинских националистов» (ссылнопоселенцев) были освобождены из ссылки на поселение⁴. Вслед за этим указом вышло постановление Совета министров СССР «О снятии ограничений по спецпоселению с членов семей украинских и белорусских националистов, освобождаемых из ссылки на поселение» от 15 мая 1956 г.⁵ В Архангельской области сразу же в 1956 г. последовало массовое освобождение. Из 3064 спецпереселенцев-«оуновцев», имевшихся на 1 января 1956 г., в течение года было

¹ Там же. Л. 88.

² Там же. Д. 56. Л. 34.

³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 237.

⁴ Там же. С. 256, 258.

⁵ Там же. С. 250.

снято с учета 1206 чел.¹ По всей стране с мая 1956 г. по июль 1957 г. около 14 тыс. членов семей украинских и белорусских националистов было снято с учета спецпоселений², в целом в 1957 г. был освобожден 11 241 член семей «оуновцев». Отметим, что те же члены семей «ссылнопоселенцев» могли вернуться к прежним местам жительства, но проезд к нему амнистированные оплачивали за свой счет. Что касается самих националистов, то им возвращение было запрещено. По Указу Президиума Верховного Совета Украинской ССР «О запрещении бывшим руководителям и активным участникам украинского националистического подполья, которые были осуждены и отбыли наказание, возвращаться в западные области Украинской ССР» от 9 ноября 1956 г., самовольно возвратившиеся в Западную Украину подлежали по приговору суда ссылке на срок до 5 лет³.

На 1 января 1958 г. на учете спецпоселений состояло 145 968 спецпереселенцев, из которых более половины были «оуновцы»⁴. Согласно статистике МВД, среди 79 412 «оуновцев» было 4478 «бандитов и националистов» и 46 924 члена их семей; 6975 «пособников бандитов» и 19 577 членов их семей; а также 1458 «кулаков-националистов»⁵. В 1958 г. процесс освобождения «оуновцев» ускорился. В январе этого года решался вопрос о снятии с учета спецпоселений «пособников бандитов и националистов» и членов их семей. Министр внутренних дел Украинской ССР А.Н. Бровкин считал, что, в отличие от семей «ссылнопоселенцев», этих лиц следует снять с учета без права возвращения в западные области УССР и распространить на них действие Указа от 9 ноября 1956 г. в случае самовольного возвращения в области, откуда производилось выселение⁶. В течение 1958 г. сняли с учета 44 696 «оуновцев»⁷. Эта массовая амнистия касалась не только «пособников бандитов» и членов их семей (в целом 26 552 чел.), но и 1026 «бандитов и националистов», 15 660 членов их семей, а также 1458 «кулаков-националистов»⁸.

На 1 января 1959 г. оставались только две группы в составе спецпереселенцев-«оуновцев» послевоенной депортации — «бандиты и националисты» и члены их семей (всего 34 716 чел.⁹). По Указу от 7 января 1960 г. были сняты ограничения с членов семей руководителей и участников националистического подполья и вооруженных националистических банд, выселенных из западных областей Украины (всего 31 264 чел.¹⁰). После освобождения на учете спецпоселений остались только представители группы «бандитов и националистов» (всего 3452 чел.¹¹). В Архангельской облас-

¹ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 259–260.

³ Там же. С. 250.

⁴ Там же. С. 261, 265.

⁵ Там же. С. 265–266.

⁶ Там же. С. 266.

⁷ На 1 января 1959 г. осталось 34 716 чел. данной категории. — См.: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 266, 269.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 269.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

ти в начале 1960 г. на учете состояли 937 спецпереселенцев, все они являлись «оуновцами». Таким образом, в начале 1960-х гг. «оуновцы» были одним из последних контингентов спецпереселенцев, состоявших на учете спецпоселений. Примечательно, что националисты ОУН, которые были заключенными, освободились из лагерей ГУЛАГа гораздо раньше, чем те, которые были высланы на спецпоселение, более того, они успели вернуться на родину. По докладу МВД УССР от 10 октября 1956 г., 45 тыс. «оуновцев», выпущенных из лагерей, массово вернулись на Украину в 1956 г.¹

Депортация «оуновцев» преследовала политические и экономические цели. Если экономические потребности государства всегда играли важную роль в осуществлении массовых принудительных переселений, то десятилетняя государственная политика по отношению к этой категории спецпереселенцев показывала, что экономические основания для репрессии отошли на второй план. Главная цель этой депортации — маргинализация социальной базы украинского националистического подполья. Поэтому важнейшей составляющей репрессивной политики по отношению к «оуновцам» являлся усиленный надзор за ними. Специально для них создавался на спецпоселении особый режим — учащенные явки в спецкомендатуру, срок 10 лет лишения свободы в случае побега, направление в особорежимные поселки для предотвращения повстанческих движений и многочисленных побегов среди «оуновцев».

Что касается процесса адаптации этих украинских семей, то, как и для всех спецпереселенцев, наиболее тяжелым и драматичным был первый период высылки (с 1944 по 1950 г.). Демографическое развитие имело отрицательную динамику (в этот период смертность в 6 раз превышала рождаемость²). В сочетании с массовым бегством эта динамика показала неспособность или, скорее всего, нежелание репрессированных адаптироваться. Сложно сказать, когда именно ситуация спецпереселенцев-«оуновцев» стала стабилизироваться, поскольку регулярно поступали новые партии спецпереселенцев из этой категории, что отражалось на общем демографическом развитии. К примеру, смертность достигла своего пика не в первый год вселения, а в 1948 г., во время второй волны выселений семей националистов из Западной Украины³. Так, в Архангельской области, куда все спецпереселенцы приехали в 1944–1945 гг. и проживали до освобождения, в начале 1951 г. демографические показатели вошли в нормативную стадию (рождаемость стала превышать смертность)⁴. Этот поворот случился именно после того, когда спецпереселенцам объявили, что они высланы навечно.

Однако эта репрессивная «оседлость» была бесперспективной, так как постоянный дисбаланс между мужчинами и женщинами препятствовал созданию семей и естественному демографическому развитию. К тому же сам факт того, что был заранее определен срок высылки, лишал эти семьи способности к адаптации. С окончания войны до начала 1950 г. спецпереселенцы-«оуновцы» всегда жили в ожидании скорого возвращения на

¹ См.: Верт Н. Массовые освобождения заключенных ГУЛАГа... С. 458.

² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. С. 194.

³ Там же.

⁴ ИЦ УВД АО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 45. Л. 20.

родину, поэтому вполне естественно, что после освобождения во второй половине 1950-х гг. большинство репрессированных покинуло место высылки, которое они называли «проклятым Севером»¹.

Н.Н. Аблажей, Л.М. Салахова

РЕЖИМНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ И НАДЗОРА В СПЕЦПОСЕЛЕНИЯХ

В архивохранилищах информационных центров МВД, в фондах отделов спецпоселений сохранился массив документов, представляющих большой интерес для исследователей, изучающих историю ссылки в СССР 1930–1950-х гг. Названные отделы, как известно, выполняли функции административного надзора за спецпоселенцами, ссыльнопоселенцами и ссыльными. В июне 1950 г. статус этой структуры в очередной раз был уточнен: соответствующий отдел МВД передан в МГБ СССР, в составе которого для работы со спецпереселенцами создано 9-е управление. Такие же реорганизации были проведены на местах: отделы переселений УМВД трансформированы в 9-е отделы и переподчинены УМГБ.

К настоящему времени от когда-то весьма обширного массива делопроизводства и отчетности органов МВД–МГБ в фондах региональных архивов МВД остались довольно немногочисленные и разрозненные коллекции документооборота по организации режима поселения, размещению, трудовому и жилищно-бытовому устройству, другим аспектам жизни различных контингентов ссыльных. Тем не менее отчетная документация территориальных управлений МВД–МГБ, наряду с наблюдательными делами и личными делами спецпоселенцев, в целом позволяет создать цельное представление о режиме спецпоселений. К сожалению, низовой сегмент делопроизводства отдела спецпоселений — делопроизводство районных спецкомендатур — сохранился крайне фрагментарно, поскольку большая его часть была уничтожена на рубеже 1950–1960-х гг., после ликвидации в СССР системы поселений.

Несмотря на плохую сохранность этих коллекций в бывших регионах ссылки, доступность для исследователей документов отделов спецпоселений, сохранившихся, хоть и фрагментарно, в спецфондах региональных информационных центров МВД, дает уникальную возможность изучения феномена советской ссылки, в том числе ее повседневных практик. Вместе с тем ведомственное делопроизводство региональных управлений МВД остается малодоступным источником для большинства исследователей. Возможно, поэтому документы из подобных архивных коллекций почти не вводятся в научный оборот. Наряду с отчетным и наблюдательным делопроизводством МВД–МГБ такие источники, как протоколы заседаний

¹ Вопрос о возвращении анализируется в работе: Блюм А., Кустова Э. Такое долгое ожидание: Возвращение спецпереселенцев на родину после смерти Сталина [Рукопись].

оперативного состава спецпоселенческих отделов, расширяют знания о деятельности служб по надзору за спецконтингентом.

В документах Информационного центра ГУВД по Иркутской области отложилось несколько выписок из протоколов совещаний оперативного состава 9-го отдела УМГБ, относящихся к началу 1950-х гг. Большинство этих документов формализованы и представляют собой машинописные подлинники. В качестве повестки подобных совещаний обозначено, как правило, знакомство оперативного состава с приказами МГБ СССР и УМГБ, касавшимися изменения режима содержания и учета контингента, а также приказами по кадровому составу. Крайне редкими были заседания, посвященные конкретным ситуациям: годовым и квартальным отчетам спецкомендантов о работе или текущей оперативной работе. Исследователям, изучающим систему спецпоселений, оказываются доступными в значительной степени только статистические сводки о движении контингента и его трудовом использовании, а также типовые годовые отчеты региональных отделов спецпоселений, отложившиеся в головном московском отделе. Подобные документы, построенные вокруг двух базовых разделов: «наличия спецконтингента, его расселения и трудового устройства» и «состояния режима и чекистской работы», хотя и отражают практику работы надзирающих органов со спецконтингентом и режим ссылки, не позволяют, однако, анализировать и сопоставлять формальные отчеты и реальные повседневные практики.

Эффективность спецпоселенческой системы измерялась в значительной мере показателями этой годовой отчетности по количеству предотвращенных побегов, раскрытых политических преступлений и фиксации антисоветских проявлений, в первую очередь среди этнических контингентов. При этом «эффективность» системы гласного и негласного наблюдения за спецконтингентом зачастую вызвала всестороннюю критику со стороны самих сотрудников МВД–МГБ. В этой связи крайне любопытным представляется публикуемый ниже протокол оперативного совещания 9-го отдела МГБ по Иркутской области от 28 марта 1952 г. с отчетами комендантов четырех спецкомендатур: три из них размещались в сельской местности в Балаганском, Усольском и Черемховском районах области, одна комендатура — на территории г. Ангарска. Помимо заявленных четырех отчетов, значительная часть совещания оказалась посвящена де-факто отчету коменданта спецкомендатуры № 15 Иркутского района. Отметим, что в документе не содержится объяснений того, чем обусловлен отбор для заслушивания отчета того или иного коменданта.

Публикуемый документ позволяет анализировать спецпоселение одновременно как элемент режимной дискриминационной системы и как конструкт социума, объединившего и надзирателей, и поднадзорных: со своими правилами и внутренними конфликтами, социальными характеристиками и повседневной жизнью, которая оставалась «за кадром» в выхолощенных для Москвы отчетах периферийных отделов, описывающих состояние дел на местах.

Систему надзора в спецкомендатурах и должностные инструкции комендантов регламентировало Положение СНК СССР от 8 января 1945 г. № 34-14 с, а также ведомственные инструкции. Непосредственное руковод-

ство спецкомендатурами осуществляли районные отделы НКВД–МВД–МГБ по территориальному принципу. В обязанности спецкомендантов входили обеспечение учета, надзора за спецпоселенцами и реализация комплекса мер, направленных на пресечение побегов, беспорядков и антисоветских проявлений. В качестве инструмента контроля выступали административные взыскания и система гласного (аппарат спецкомендатур и групп содействия) и негласного (через осведомителей) наблюдения за всеми переселенцами, в первую очередь за теми, кто считался «склонным к побегам», «антисоветским проявлениям» и «уголовно-бандитским действиям». Штат районной комендатуры состоял обычно из четырех человек: комендант, он же оперативный уполномоченный райотдела, помощник коменданта, делопроизводитель и статист. Штат поселковой комендатуры состоял из коменданта, а количество помощников — оперативных уполномоченных или надзирателей определялось в зависимости от численности контингента (в среднем из расчета 200 семей на одного уполномоченного).

Приведем только несколько фактов, иллюстрирующих Иркутскую область как крупнейший регион ссылки. Согласно официальной статистике, по численности принятых ссыльных Иркутская область замыкала пятерку лидеров среди регионов РСФСР. На 1 января 1953 г., по данным Отдела спецпоселений МГБ СССР, на территории Иркутской области состояло на учете почти 92 тыс. депортированных¹. Иные данные о численности на тот же период приводятся в справке регионального отдела спецпоселений, согласно которой в ссылке в Иркутской области находилось 69,3 тыс. чел.² Расхождение численности фиксируется по всем контингентам, но наиболее значительные — по немецкому, литовскому и украинскому. Высланные размещались на территории 38 районов области. На территории районов, где располагались спецкомендатуры, о которых речь идет в публикуемом документе, содержалось более 16 тыс. ссыльных.

В приводимом ниже протоколе наиболее полно представлен только первый отчет, сделанный начальником спецкомендатуры № 2 Черемховского района. Он выстроен в формате типового ежегодного годового отчета и включает базовые разделы о «наличии и движении контингента» и блоки о «состоянии режима и чекистской работы» и об «оперативной работе». Сюжеты о трудовом использовании, антипобеговых мероприятиях и об улучшении работы с контингентом также обсуждались в ходе отчета коменданта. Что касается остальных отчетов, то в тексте стенограммы оказались отражены только вопросы и реплики, обращенные к комендантам. Как упоминалось ранее, в ходе совещания был заслушан отчет коменданта спецкомендатуры № 15 Иркутского района, который и спровоцировал эмоциональное и критичное обсуждение³. Основные вопросы к комендантам и комментарии были высказаны по ходу обсуждения отчетов работниками 9-го отдела УМГБ Иркутской области.

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2003. С. 215.

² ИЦ ГУВД Иркутской области. Ф. 49. Оп. 1. Д. 27. Л. 9.

³ Подробнее опубликованный нами отчет коменданта спецкомендатуры № 15 Иркутского районного отдела Т.Г. Лопарева о работе за 1951 г. и первый квартал 1952 г. см.: Аблажей Н.Н., Салахова Л.М. «Как у вас организован режим и контроль?» // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 58–63.

При публикации сохранены стилистика, орфография и пунктуация источника. В тексте передаются авторские подчеркивания. Исправляются только явные опечатки. В квадратных скобках даются пропущенные в документах слова или части слов, буквы, знаки препинания.

ИЗ ПРОТОКОЛА СОВЕЩАНИЯ С КОМЕНДАНТАМИ СПЕЦКОМЕНДАТУР

от 28 марта 1952 г.

Повестка дня:

Отчет комендантов спецкомендатур Балаганска, Усолье, Ангарска и Черемхово о их работе

Отчет Черемхово: (доклад прилагается) с[пец]/ком[ендатура] № 2 дислоцируется на территории шахты 5 бис[,] все выселенцы расселены в пос. Дзержинского[,] на 1/1 52 г. состояло вл[асовцев] 429[,] оун взр[ослых] ЗП и детей — 135, литовцев — 116 чел. взр[ослых] 46 чел.[,] 70 дет[ей] 36 вкл[ючая] 2 чел. и реб[енки] 1 = 3. Итого взр[ослых] 858 чел., муж[чин] 575 и жен[щин] 283 чел. и дет[ей] 172 чел.[,] всего 1030 чел.[,] в заключении 61 чел.[,] на 18/III — всего [в] с[пец]/к[омендатуре] взр[ослых] 751 чел. — остальных снимали с учета — в заключении 65 чел.[,] один в розыске.

В 1951 г. взято на учет достигших 16 лет — 18 чел.[,] на них оформлены личные дела и влиты в картотеку, взято учет новорожден[ных] 8 чел. и 2 чел. родившихся в 1952 г.[,] освоб[ождено] власовцев 321 чел.

Состоит на врем[енном] учете 22 чел. прибывших из других р[айо]нов. Все движ[ение] отражается в регулярных сводках. Все взяты на учет.

Состояние режима и чекистского надзора

Режим и надзор организ[ованы так,] что о каждом выс[еленном] было известно комендатуре о их поведении путем десятидворок, старших барачников. Все десятидворки ежедневно проверяются надзор[ным] составом работающих на других предприятиях путем их администраторов. Некоторые десятидворки халатно относились к своим обязан[ностям,] расписывались за них. Старший десятидворки (а<...>кулин) был изобличен в дезинформации.

С десятидворками проводится совещание и инструктаж по устранению недостатков в работе (замечание <...> Мирошниченко совещание не проводить). В спецком[ендатуре] организ[ованы] 2 группы содействия.

На 20/III 52 имеется старших десятидворок, барачников — 27 за 1951 г. имелось 11 случаев самовольных отлучек. За I кв[артал] 52 г. самовольных отлучек не было. В 1951–52 все с[пец]/ком[ендатуры] проходили регистрацию и от каждого с[пец]/пос[еленца] отбиралась роспись. Иногда регистр[ация] проводилась по месту работы с[пец]/пос[еленца,] отметка проводится комендантом или пом[ощником] коменданта. Наличие контингента за каждый день я знаю.

(вопрос Мирош[ниченко]) когда будет совершен побег[,] когда вы узнаете?

ответ: я узнаю в 8 ч. вечера.

Состояние агентурной операт[ивной] работы

На /I 51 г. в сети было 37 чел. в течении года передано 5 чел. на 20/III 52 г. было

вопрос: как становится известно[,] что нужно передать агента?

ответ: по личным делам агента.

За весь

^a Здесь и далее текст не читается;

Вопрос Деревяг[ина] — сколько у Вас было на связи?

ответ — 11 человек.

Вопрос Деревяг[ина] — сколько всего получили донесений[?]

ответ — за 15 месяцев получил ценного матер[иала] 30 донесений.

Вопрос — сколько получили за 1951 год донесений всего и сколько за I кв[ар-
тал] 52 г.[?]

ответ — таких данных у меня нет.

Вопрос Куприна — где принимаете агентуру?

ответ — в комендатуре. Встречу провожу ночью или во дворе комендатуры и говорю ему о следующей встрече.

Вопрос Деревяг[ина] — сколько человек у Вас из агентуры расшифровано[?]

ответ: — не знаю, сведений нет.

Вопрос Мирошниченко: заявляли ли Вам спецпоселенцы о их расконспира-
ции[?]

ответ: был такой случай.

Вопрос: Почему стал возможен побег Егина?

ответ: — был слабый контроль с нашей стороны.

Вопрос Деревяг[ина] — почему установили слабый контроль?

ответ — не был обставлен агентурой, имел много свободного времени, про-
давал вещи на базаре.

Вопрос Деревяг[ина] Вы говорили, что получали донесения о бежавших?

ответ: — это в основном о бежавших в 1951 году.

Вопрос Мирош[ниченко]. Сколько человек привлечены за наруш[ение] об-
раз[а] жизни?

ответ — Ни одного человека.

В заключении я в ближайшее время усилю всю работу.

Вопрос Назарова: Охарактеризовать о личном составе своих подчиненных.

Ответ — Пом[ощник] Костенко не серьезно относится к работе, не знает всех по фамилии и в лицо. Тов. Яковлев — человек новый, ничего не могу сказать.

Надзор состав грубо относится к спецпоселенцам. Коллектив — работоспо-
собный, со своими обязанностями справляется.

III

Балаганск

Вопрос Мирош[ниченко]. Сколько было побегов с 1948 г.[?]

ответ — 13 чел. все разысканы привлечены к ответственности

Вопрос Деревягин — сколько было самовол[ьных] отлучек?

ответ — отлучек не было.

Вопрос Деревяг[ина] — как-же не было, когда задержали Масулевич?

ответ — Да, такой случай был.

Вопрос Куприн — Где на фермах принимается агентура?

ответ — агентуру принимаем по воскресениям путем отпроса у директора.

Вопрос Куприна — где же принимаете агентуру?

ответ — Иногда в поселке во время регистрац[ии,] иногда в комендатуре.

Вопрос Деревяг[ина]. Вы сказали, что очис[т]ка агентуры закончена, какова
ее работоспособность?

Ответ: Все работоспособные.

Вопрос Мирош[ниченко]. Знаете ли Вы сколько спецпоселенцев думает бе-
жать?

ответ — Пока точных данных нет.

Вопрос Деревягина — Чем объяснить, что Вы в феврале получили 4 донесе-
ния, когда агентов 18 человек[?]

Ответ — Нет данных[,] о чем можно бы было писать.

Вопрос Деревягина — Какую работу Вы проводите со старшими бараков и по регистрации[?]

ответ — я сказал, что на регистрацию являются все, а со старшими бараков работаю повседневно.

Вопрос Деревягина — Как Вы контролируете работу старших бараков[?]

ответ: Мне доложат, что люди на месте я иду еще проверять.

Вопрос Куприн — Если будет побег, когда узнаете?

ответ — Если ночью, то узнаю утром.

Вопрос Деревягина — Почему доклады пишете под копирку?

ответ — это правильно, форма старая мне уже надоела.

Вопрос Назарова — Сколько было арестов?

ответ — не было

Вопрос Мирош[ниченко] — Есть у Вас агентура по которым видно о враждебном отношении к СССР?

ответ — есть у меня 2 человека.

Усолье Тайкурск. с[печ]/ком[ендатура].

Вопрос: обеспечены ли вы надзорсоставом[?]

Ответ: нет всего только один чел.

Вопрос: Где вы встречаете агентуру[?]

Ответ: в помещении комендатуры в др. половине, в колхозе «В стране Советов». принимаю в школе.

Мы агентуру знаем райотдел <...> без нас они даже не могут никого и вызвать на явку. Также они знают нашу агентуру.

Вопрос: по вашим материалам заводились дела[?]

Ответ: заводились одно дело, которое и взял Райотд[ел].

Вопрос: кто у Вас помощник[?]

ответ Зубков, который имеет склонность к спирт[ным] напиткам.

Вопрос: Как часто быв[ают] опер[ативные] совещания[?]

Ответ В июле мес[яце] 1951 г. одно и

вопрос: а надзиратели[?]

ответ: с ними нет. Приказ № 0015 мы не знаем.

вопрос Куприна — Вы говорите, что у вас всего 5 чел. агентуры и не даете сведе[ний] о склонных к побегу[?]

ответ — агентура дает сведения, но сейчас склонных к побегу пока нет.

Вопрос: Вам достаточно 4-х чел. агентуры[?]

Ответ: нет[,] недостаточно[,] подготавливаем еще 1 человека.

Вопрос Деревягин — Почему за невыход на работу привлекаете к адм[инистративному] взысканию. Вы привлекали с[печ]/пос[еленку] Авликайте[?]

Ответ: Нет[,] не было такого случая. Она привлекалась по 9 спецкомендатуре.

Ангарск г. Татарников

Вопрос: Лошадь нужна ли?

Ответ: Да, нужна. Хотя сейчас наш работник купил мотоцикл и теперь у нас будет лучше.

Вопрос: у Вас был побег Холмановской[?]

Ответ: Ее освободили, по постанов. Особого совещания. А Полховская тоже освобождается. Сведений нет о побеговых намерениях.

Вопрос: будут ли у Вас побеги[?]

Ответ: Думаю, что нет.

Вопрос: а нарушения будут[?]

Ответ: да[,] нарушения могут быть[,] так как есть еще с[пещ]/пос[еленцы,] работающие на автотранспорте.

Вопрос: сколько заведено дел опер[ативного] учета?

Ответ: дел нет заведенных. Нет достаточных материалов.

Вопрос: почему плохо работаете?

Ответ: я был занят другой работой, а с агентурой мало. Я принимал агентуру в присутствии опер[ативного] работ[ника], но мы сейчас это дело прекратили. Теперь я принимаю агентуру один

Вопрос: нужен ли вам помопер[ативника] по учету[?]

Ответ: да нужен. Потому что я сам веду всю отчетность.

Ком. № 15 Иркутского РО
коменд[ант] Лопарев

т. Пустовалов работает плохо[,] больше уделяет внимания своему хозяйству, имеет двух коров, откармливает свиней для продажи, имеет бесчисленное количество кур, молоко продает по 20 литров в детсад, продает мясо, яйца.

А работы от Пустовалова не видно, за последнее время он привез материалы, которые не имеют никакой ценности[,] я бываю у него два раза в месяц, даю указания, но он их невыполняет. Он знает свое дело, но все у него связано с личными делами, шкурные дела больше всего его занимают[,] имеет дом, все для его хозяйства делают спецпоселенцы (привозят воду, дрова и др.). Уезжая в отпуск, оставлял в доме хозяйничать литовку[,] а также когда жена болела, то также хозяйничала литовка. Там был завмаг[,] который сделал растрату, и будучи в квартире перед ревизором хвастался большой суммой денег, которые Пустовалов не принял мер для изъятия этих денег. Сейчас начал работать очень плохо.

Вопрос: были ли нарушения режима[?]

Ответ: был[о] 6 случаев самовольных отлучек, по ним приняты меры и наложены взыскания.

Вопрос: сколько чел[овек] привлекли за паразит[ический] образ жизни[?]

Ответ: таких не было. Есть один человек симулирует[,] не работает, он сейчас находится у меня, берет деньги у администрации, а не работает, т.е. постоянно не выходит на работу.

т. Кривой грамотный, умеет работать, но нет базы для работы и с 1 апр. направим на участок, где работает сейчас т. Пустовалов.

Затолокин и Русаков мне не нужны, толку от них мало, особенно от Затолокина.

Маров — имеет ряд недостатков, имеет связь со спецпереселенцами и последнее время он хочет уйти, брал деньги у спецпоселенцев.

Вопрос: Как у Вас организован режим и надзор? Есть ли у Вас уверенность в том, что о побеге райотдел узнает утром.

Ответ: на Малышкино там тяжелее, т. Пустовалов держит надзирателя при себе, а необходимо ему быть на участке. <...> два раза надзиратель выезжает на точки, о чем он мне докладывает, это я сам перепроверяю. С Русаковым я выезжал сам и спрашиваю о его посещении этих точек. В Малышкино дело обстоит плохо, там работает Пустовалов, порой не выезжает на участок.

Вопрос: сколько вам нужно надзирателей[?]

Ответ: 3 человека.

Вопрос Назарова: Не вызывает ли необходимость разделить на две комендатуры[?]

Ответ: с 1 апреля там нужна будет комендатура, туда Леспромхоз забрасывает людей, около 400 сот человек.

Вопрос: как у вас проходит регистрация[?]

Ответ: проводится, но расписываются за неграмотных члены их семей.

Вопрос: сколько дней проходит регистрация[?]

Ответ: дня 4–3.

Вопрос: были случаи самовольной отлучки[?]

Ответ: 3 случая в 1951 г. и 3 случая в 1952 г.

Вопрос: Здесь у нас есть письмо от нач[альника] Леспромхоза, который пишет о том, что т. Лопарев ведет себя неправильно.

Ответ: были сигналы о растрате Адамия, но я не имел права его арестовать[,] у меня не было данных. Представители были <...> пьяные, я и с ними не мог ничего делать. Позже мы приняли меры и Адамий был арестован.

Вопрос: что делается по приобретению агентуры?

Ответ: Мы готовим целевые вербовки и есть подготовленные 4 человека.

Вопрос: какие цел[евые] вербовки[?]

Ответ: в Хархатае подготов[лено] 2 чел. цел[евой] вербовки. По нашей работе цел[евых] вербовок нет.

Вопрос: у вас на всех участках есть агентура — и как вы ее принимаете[?]

Ответ: агентура есть, принимаю я ее поздно вечером в период регистрации, до регистрации и второго после регистрации. Есть случай расконспирации, но только не полностью, только предположение, и его мы перебрасываем на др. участок.

тов. Соколов — повседневный контроль осуществляется каждый день. Но это не так, на докладе выяснилось, что они проверки не делают[,] а просто записывают со слов. Агентура дает другие сведения, а задания не выполняет.

Аг[ент] «Молот» — это ходящий агент, бывает на многих участках, и он этим себя расконспирировал.

Книга учета с[пец]/пос[еленцев] ведется не полностью. Пункт регистр[ации] заявлен[ий] не выполняется. Пункт 85 не ведется. Почему не выпол[няется]?

Пункт 110 инструк[ции] не выполняется, возвращает обратно в Райотдел — был утерян пакет, который был возвращен из секретариата Востсиблеса.

Тов. Клещевников. ком. № 15 — разбросанная и большая ком[енда]тура, там в то время т. Лопарев завалился работой, но в данное время положение улучшилось. Я скажу [так] возможности к нарушениям были, так как Лопарев не согласовывал с РО — направлял в Иркутск с[пец]/поселенцев, даже с записками, в которых указывает, что направляет людей на работы дом[ашней] хозяйкой. Есть с[пец]/пос[еленцы], которые находятся по 2 мес[яца] без надзора и Лопарев провёл после времени регистрацию Лаукайтис работал на пароходе с 42 года и ездил в течении этого времени на пароходе!

Дикая — получила разрешение до 23[,] а она живет до 25 и никто не знает, где она. Нарушение не включено в число даже указанных нарушений.

К Шевчук прибыла жена[,] она жила долгое время и склонила его к побегу, и Лопарев знал даже фамилию жены Шевчук.

Пустовалов — работал хорошо, и его хоз[яйст]во на работе не отражалось[,] только в последнее время запустил работу обещал исправить.

Лопарев — сам также стал работать хуже и надзор[ный] состав у него имеет все плохие показатели. Работы с ними тов. Лопарев не проводит.

Возникает необходимость разделить на две комендатуры, т. к. большое количество людей.

Тов. Куприн — самым большим местом является агентурная работа. Лит[ера-турных] материалов, которые от нас требуются, по приказу — о побеговых построениях, агентура не нацелена на выполнение данного указания.

Несмотря на то[,] что мы освободились от балласта в агентуре, продолжает иметь место явоч без материалов, и хорошие агенты не дают тоже материалов.

С приемом агентуры дело обстоит плохо — нет места для приема агентуры. Нет конспир[ативных] квартир. Нужно ли допускать расконспирирования агенту-

ры и исключена возможность расконспириров[ания] хорошей агентуры. Встречи с агентурой один раз в месяц можно подготовится, так, чтобы не расконспирировать агента.

После первых материалов о склонных к побегу у вас по ним больше материалов нет.

Тов. Зайцев — есть возможность приобрести конспиратив[ные] квартиры. Нужно только приложить руки. Вы принимаете агентуру в доме, где проживают литовцы, есть случаи расконспирирования.

Побег Егина — это результат плохой работы, потеря бдительности работников с[пец]/ком[ендатуры]. Даже сейчас неизвестно когда же он бежал, и он ли был взят на учет после прибытия его из заключения и когда его видели на базаре в воскресенье, не взял его, а он в понедельник уже и явился.

В Ангарске — трудно учесть[,] сколько было самовольных отлучек[,] и они продолжают сейчас и мер к их устранению нет. На аресты прокурор не дает санкции и конечно будет трудно принять меры. Необходимо применять меры к самовольно отлучающимся пред<...> на 5 и это будет иметь большое значение.

Допарев — как[-]то получается[,] что человек хорошо работал и вдруг испортился, чем это объяснить. Нужно создать соответствующие условия для работы[,] чтоб не портить людей.

Зайцеву — необходимо, чтоб <...> него т.^б работал лучше тоже и с <...> нужно принять меры и навести должный порядок.

Костенко тоже нужно привести к порядку, там командует его жена, распоряжения которой выполняются скорее[,] чем его.

т. Деревягин. № 5Б перед нами поставлена задача недопустить побегов с[пец]/пос[еленцев]. В прошлом году в результате слабой работы с аген[турой] мы имеем 36 побегов и в настоящее время мы имеем уже два побега.

Из докладов 5 комендатур и результ[атов] проверок некоторых комендатур видно, что при современном состоянии выполн[ения] указан[ий] о недопущении побегов есть возможность этих побегов.

Недостатки у нас имеются.

1 недостаток — это жесткость строгого режим не создан. Мы должны знать наличие с[пец]/пос[еленцев] ежедневно. Регистрация превращена в простую формальность, в Черемхово и Усолье нарушается график регистрации, <...> по графику на середину <...> относятся на конец месяца. Имеют место факты, когда с[пец]/пос[еленцы] не являются на регистрацию.

Серьезным недостатком явл[яется], что разрешается расписываться за грамотных членам их семей, проверка показала, что люди здоровы, но не хотят придти на регистрацию. Старшие барака и десятидворок ежедневно не проверяют наличие с[пец]/поселенцев.

Связь с агентурой иногда теряется надолго, если сорвется плановая явка. Имеется случай, когда агент явился на явку не [в] указанное время, в силу чего был расконспирирован.

Есть возможность приобрести конспиративные квартиры в Зиме — но работники РО не занимаются этим вопросом.

Ком[ендатура] № 10 — имеет библиотеку, но все[-]таки работа там с агентурой не проводится.

С агентурой[,] которая дает мало материалов[,] не ведут воспитательной работы.

Необходимо принять меры к устранению недостатков. Нужно установить график явки на регистрацию и явку всем обязательно.

^б далее пропуск в документе.

Стар[ших] барачников нужно иметь в таком количестве[,] чтоб они имели возможность выполнять свою работу, установить за ними строгий контроль, проводить с ними воспитательную работу индивидуально и систематически. Смену старших производить только когда они не выполняют работу. Комендантам нужно будет проверить работу стар[ших] барачников и своевременно удалить недостатки.

Добиться полного искоренения фактов нарушений со стороны с[пец]/поселенцев. Комендантам свою работу нужно ежедневно планировать. Подбирать кандидатуры для подготовки новой агентуры. Нужно вести инструктаж с агентурой, усилить воспитательную работу, не допускать срыва явок агентуры, выполнения им орган<...>

Вопрос к т. Лопареву —

Вопрос к Татарникову — как у Вас дела с учебой[?]

Ответ: работаю над книгой «Что делать».

Чехахин не учится.

Серегин — в прошлом году закончил райпартшколу. Нынче в школе там-же учится по программе.

Зайцев — пропагандист веду кружок с надзорсоставом. 4-ю главу закончили, начинаем 5-ю.

Тов. Мир[ошниченко].

Мы стоящую работу перед нами выполняем плохо и из этого нужно делать каждому выводы и каждому устранить эти недостатки[,] как это требуется согласно приказу[,] все здесь присутствующие способны обеспечить эту работу, для этого нужно чувствовать ответственность за эту работу, держать всю работу в ажуре, учет чтоб был проведен правильно и своевременно делались изменения[,] чтоб на каждого с[пец]/пос[еленца] был регистрационный лист, и чтоб в нем была его роспись ежемесячно. Чтоб комендант правильно подбирал из спецпоселенцев, от этого многое зависит, в течение 10 дней мы должны дать ответ по его заявлению.

Он должен знать, что есть не во всех делах постановления по содержанию на спецпоселении людей. Нет протоколов допроса в делах, нужно комендантам знать это дело и проверять это.

На эту сторону прошу обратить внимание, нужно эти постановления и решения были на эти дела.

я хочу сказать — мы

Комендант должен знать каждый день о наличии спецконтингента, он это будет знать путем высокого политического уровня комендантского надзора, требуется знать каждый день о имеющемся у него контингенте. У нас имеют случаи[,] когда побеги совершаются в субботу на воскресенье — вот случай побега в Иркутске. Человек не мог доложить в течение двух дней.

У Вас должна быть поставлена четкая работа со старшими барачников, чтоб была фактическая проверка людей. Чтоб стар[шие] барачников лучше работали[,] поэтому ему дается людей немного, чтоб он мог работать лучше.

Нужно работать с теми людьми, которые плохо работают, и если они недобросовестно выполняют свою работу, нужно их освобождать от этой работы. <...> коменданты неправильно применяют меры взыскания к спецпоселенцам, укравшим ботинки[,] и др.

Если мы будем подходить к этим вопросам с партийных позиций, мы эту работу наладим.

О работе с агентурой.

Агентуру принимают в помещении комендатур, чего нельзя делать ни в коем случае. Нужно конспиративно работать. Мы получаем письма от спецпоселенцев — с полным наименованием адресата: 9 отдел УМГБ И[ркутской] О[бласти,]

т. Мирошниченко. Почему коменданты сами говорят спецпоселенцам эти адреса, <...> отделен<...> — по распискам — коменданты дают секретный документ в руки с[пец]/пос[еленцу] для ознакомления с ним и росписки. Нужно на запросы с[пец]/пос[еленцев] отвечать, чтоб они обращались в Управление МГБ или в Министерство Гос[ударственной] безопасности.

Спецпоселенцев ни в коем случае нельзя привлекать к канцелярской работе в спецкомендатуре. Нужно не только чтоб коменданты работали, но нужно[,] чтоб и весь состав комендатур также работал четко и правильно.

Хозяйство можно завести для своего собственного потребления, но когда начинают заводить по 2–3 коровы, и другое, то это также начинает бросаться в глаза, не только спецпереселенцам, но и еще кое-кому. Наша задача парт[ийная] и госу[дарст]венная работа, и потом уже личное.

Трудоустройство — это дело хозорганов, а наша задача следить чтоб все работали и были трудоустроены и привлекать к ответственности за паразитический образ жизни. Всеми другими вопросами должны заниматься хозорганы.

Наша задача — не допустить побег с[пец]/пос[еленца], знать настроения с[пец]/поселенцев. Знать[,] как и чем он дышит, на что он способен, особенно обращать внимание на молодежь, и мы сможем тогда.

Вопрос Лопарев

<...> нам дает о антисоветском материале и все это проходит в форме учебы.

Ответ: учебные материалы намереваемся проводить, но оно не получается, нет материала[,] на базе которого мы должны проводить занятия. Ждем материалы.

Вопрос Зайцев: может пом[ощник] коменданта иметь агентуру на связи[?]

Ответ: это будем рассматривать отдельно по каждому, пока они пусть работают, и в дальнейшем мы этот вопрос будем рассматривать в каждом отдельном [случае.]

Вопрос Татарников — Имеем ли мы право вести разработку по 9 формуляру[?]

Ответ: там, где есть возможность, не в ущерб по работе 9-го отдела.

Усолье — О партийном учете. Часть людей состоит на учете в Райкоме партии, а часть в горкоме партии. Есть указания комендантов не отвлекать от парт[ийной] работы.

Лопарев — я недопонимаю — агентура же у всех есть, и как мы должны работать[?]

Ответ Мир[ошниченко] — каждый должен вести свою работу, но вы должны иметь задачу выявлять выказывающих побеговые намерения и готовящихся к побегу.

Вопрос Кочергин: о прибывающих на соединение членов семьи.

Ответ Мирошниченко — об изменении в составе семьи нужно в трехдневный срок должно быть извещено в комендатуру, и комендант обязан опросить его. Проверить документ, но не отбирать. Нас интересует[,] подлежит ли он зачислению на спецпоселение и не имеет ли он задачи шпионской деятельности. Но на регистрацию он не является.

тов. Татарников — у немцев отсутствуют документы основания содержания на с[пец]/пос[елении].

ответ — нет, на них должно быть решение правительства, которое у нас есть.

Вопрос т. Лопарев — поступили иеговисты и кулаки — 31 семья. Как их регистрировать[?]

Ответ — писать в учет кулаки с зап[адных] обл[астей] Украины, выселенные в 1951 году.

Вопрос — имеют ли спецпоселенцы право на пенсию[?]

Ответ: имеют право только выселенные навечно.

Вопрос Лопарева: когда будут выдавать паспорта[?]

Ответ: не знаю.

Вопрос Лопарев — с[пец]/пос[еленцы] должны выезжать, но нет денег.

Ответ: нет если давно, то нужно по[-]новому.

— ИЦ ГУВД Иркутской области. Ф. 49. Д. 21. Л. 1–22. Рукописный подлинник, выполненный карандашом. Дата проставлена синими чернилами.

М.Я. Рожанский

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ДЕПОРТАЦИИ: СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ МИФЫ

«Мы признавали это “крепостное право”, потому что война недавно кончилась. Из деревни дезертиров было полно, скрывались в лесах. Банд сколько было. А сколько предателей было. И это всё знали. И отношение западных украинцев, и что сделали татары крымские. Задавался невольно вопрос: может предать или нет, в разведку с ним пойдешь или нет. А сколько комиссаров стреляли в спину и командиров. Всё это знали».

(из биографического интервью В.Т., 1931 г. р.)

Процитирована реплика, которой бывшая участница строительства Братской ГЭС ответила мне на неудачно сформулированный вопрос. В вопросе содержалась оценка («крепостное право») тех порядков, от которых моя собеседница по собственному признанию «сбежала» на ударную стройку. Реакция, по моему представлению, объясняется не просто чутким и ревнивым отношением рассказчика к тому, как воспринимает слушатель «рассказанное прошлое», но и опасениями по поводу возможной интерпретации. Опасения особенно сильны и могут определять канву, стилистику рассказа, степень детализации и меру откровенности, если свидетельства о прошлом (собственном и/или увиденном) слушает историк, социолог, журналист — опасения умножаются вероятной публикацией. Но за этими опасениями не только переживания от чтения публикаций на исторические темы, но и опыт, полученный при рассказах о прошлом представителям более молодых поколений — в том числе в собственной семье. И как необходимая степень защиты от скороспелых интерпретаций — напоминание о сложностях эпохи.

В биографических повествованиях тех, кто пережил войну, независимо от их возраста основной аргумент, отсылающий к сложности эпохи (единственная доминанта или одна из доминант), — война. Иногда одним из компонентов этой доминанты войны выступает и образ врага, включающий и «пособников» — реальных и потенциальных. Этот образ, как и в случае процитированного интервью, всегда обобщен, если он персонафицируется, то не в деталях «вражеской деятельности», а в негативных характеристиках конкретного представителя конкретной вражеской группы (как правило, этнической). Если приводятся детали вражеской деятельности, то они, напротив, вплетены в предельно широкие обобщения

«этнографического» характера. Эклектичный образ, несмотря на явную уязвимость, все же нужен рассказчику. В биографических повествованиях тех, кто пережил войну в детском или подростковом возрасте и сам не сталкивался с актами враждебной деятельности групп, репрессированных в качестве потенциальных или реальных врагов советского строя, тема депортированных выполняет существенные экзистенциальные функции. Гораздо реже в сибирских городах с темой депортированных можно столкнуться, если биографическое интервью берешь у представителей других поколений, если только сами интервьюируемые не происходят из депортированных семей. Поэтому те два биографических интервью, которые легли в основу этой статьи, можно считать исключениями. Интервью взяты осенью 1994 г. у членов одной семьи — матери и дочери. История семьи и была темой неструктурированных интервью. В центре обоих нарративов оказался образ М.Г. — мужа и отца моих собеседниц. Обозначим его инициалами — М.Г. К моменту интервью М.Г. уже давно не было в живых. Для обеих рассказчиц он был не только ключевым персонажем истории семьи, но и человеком, с которым вдова сравнивала не только своих детей, но и своих родителей, а дочь — своих сыновей, бывшего и нынешнего мужа, брата и, конечно, себя. При этом в повествовании о перипетиях судьбы и человеческих качествах самого М.Г. один из центральных эпизодов — его участие в организации предвоенной депортации из Прибалтики.

«Люди, которые сошли с ума»

Вдова М.Г. рассказывает о его работе перед войной подробно, дочь предельно лаконично, но для обеих рассказчиц эпизод участия М.Г. в депортации необходим, и чтобы объяснить биографическую траекторию семьи, и чтобы раскрыть человеческие качества мужа и отца. Приведем сначала свидетельство старшей рассказчицы, которая в начале войны с маленькой дочкой на руках, родившейся в конце 1940 г., в Ярославле неделями не видела мужа, занятого организационной работой на Ярославской железной дороге:

Началась война с немцами. Он работал уже в кадрах. А надо сказать, перед войной Прибалтика присоединилась к нам. Как присоединилась? Вынужденно — что называется, оккупировали. Это сейчас мы правду узнаем, а тогда-то: «она руками... Мы присоединимся к Советскому Союзу. Мы, мы, мы». А на самом деле действительно оккупировали. И когда началась война и бомбежка сразу, расширенная была бомбежка: не только нас, но и Прибалтику бомбили. Нужно было эвакуировать детей. И эвакуация шла через Ярославль. Шли эшелоны, эшелоны, эшелоны... надо сказать этот военный план рухнул моментально, все рухнуло — то, что на бумаге было — сама жизнь изменила все. Ну, тем не менее, что-то осталось: запасные пути, эшелоны шли на запасные пути. Эти прибалтийцы, ну кто-то за советскую власть, кто-то хотел присоединяться, а большинство не хотели. «Мы эстонцы, мы литовцы»... Зачем?

Оружие под скамейкой, кто как мог, даже до пулеметов. Какая у них была цель? Приехать туда с эшелоном, поднять бунт, массы поднять и, так

сказать, освободиться: там немцы нападают, а тут массы поднимаются. Ну это проскочило среди машинистов, помощников, проводников и т. д. — они взбунтовались. Мы не поедем. Надо сказать, они по две смены работали и что там было: «Давайте нам сопровождающих». КГБ участвовало и вот от железной дороги представители были, в том числе и он. Едут и по вагонам ходят. Это был какой-то ужас, это была какая-то внезапная травма для людей: в одном нижнем белье, кто одеялом, кто платком... Кто цветочный горшок... «моя внучка». Или «дочка»... Кто, понимаете, вообще безумные глаза, кто что... А они ходят — все это видят. Ну, слава Богу, покушений не было. И они ездили туда и обратно, сопровождали.

Я-то не знала. У меня же была уже маленькая девочка, чтобы не расстраивать, он говорил на работе: жене не говорите. А сам неделями домой не приходил. Я говорю: «ну приди». Ну приди, переоденься, ну поешь, ну выпишься. А когда звоню, там говорят: «его нет, его не будет». Где он, что он? Ну, война есть война. Я тоже это понимала — сорок первый год.

В рассказе переплетаются сюжеты: эвакуация детей и депортация «пятой колонны». Выражение «расширенная бомбежка» (включая Прибалтику) представляет все перебрасывание людей на восток как акцию спасения, а самоотверженную работу мужа как миссию по спасению.

Да, а в это время хотели бомбить мост через Волгу, затем, чтобы отрезать от Урала, отрезать от Дальнего Востока — единственный там мост был. Значит, отрезать все — тут вообще паника будет. И в Ярославле там было все окружено, все: над нами столько самолетов, зенитки оберегали нас. Мост бомбят, но мост не разбили. А само население как себя чувствовало? — Во-первых, никакого огонька, ни свечки даже — ничего. Город мертвый. Ну часть производства сократили, часть, и в том числе жильцы — черной бумагой. И само население охраняло этот покой города. Мы всю ночь ходили по очереди, дети если грудные какие — «идите караульте» и если где огонечек какой-нибудь... Чтобы не бомбили город. День и ночь радио не выключали: «Граждане, возьмите необходимое в сумки» — чтобы там было для детей питание, чтобы было на смену белье и так далее и так далее. Вот устанут, пройдет 10–15 минут, и опять... Вы представляете, какая это была обстановка? (Плачет.)

Столь обширный фрагмент интервью процитирован без купюр, чтобы можно было почувствовать тот эмоциональный фон воспоминания, который заставляет рассказчицу (и позволяет ей) переплести в сбивчивом повествовании события, в реальности несколько разделенные во времени. Массовая депортация из Прибалтики происходила в мае — июне 1941 г., а бомбардировки Ярославля начались в августе. Но в памяти и в рассказе они сливаются в один масштабный и трагический образ начала войны, в одно событие. Трагизм и масштаб события позволяют моей собеседнице объяснить, что произошло с ее мужем:

Ну, наконец-то кое-как пришел, я ему налью: «выпей». Поест. Чтобы спал, уложу ребенка в другую комнату. Он, значит, забудется, а потом как: «кровь, кровь, кровь». Опять разбужу. Вот. Там и кровь была и все. Вся эта обстановка на него подействовала. И у него было истощение нервной системы. Наши больницы не могли ничего сделать. Надо было лечить капитально, иначе он мог... ну.. с ума сойти.

Даже из приведенного фрагмента ясно, что работа М.Г. в дни, о которых идет речь, не сводилась к организации депортации. Но именно переживания и впечатления от встречи героя с депортированными, рассказанные жене, — главное объяснение происшедшего нервного срыва и дальнейшей биографической траектории М.Г. и его близких. Дочь, родившаяся в конце 1940 г. и знающая все по поздним рассказам родителей, не упоминает о депортации из Прибалтики и депортированных, даже не локализует причины «срыва» отца периодом начала войны. Ее рассказ гораздо лаконичнее рассказа матери, но ключевой образ, который мать определенно связала с трагедией депортированных, повторен в рассказе дочери:

Когда он работал как начальник военного мобилизационного отдела — так его называлась должность — прошел тридцать седьмой, тридцать восьмой, тридцать девятый год, время подготовки к войне. Война — все то, что он видел, что было на железных дорогах... Почему-то ему запомнилась женщина, которая обнимала засохший горшок с цветком, который уже завял, и принимала его за ребенка. Люди, которые сошли с ума, — и он все это видел и должен был каким-то образом отреагировать на это, разместить и формировать все это. И у него случился нервный срыв, вплоть до какого-то полного паралича.

В рассказе дочери, кажется, речь об эвакуации, а не депортации, но образ эпохи, скорее, датирован подготовкой к войне, чем самой войной. Хотя слова «депортация» и «Прибалтика» не произнесены рассказчицей, для которой сочетание этих слов несет иные смыслы, чем для ее родителей, но в объяснении нервного срыва, случившегося с отцом, ключевой образ — столкновение отца с трагедией депортированных.

В том и в другом повествованиях присутствует и сочувствие к тем, кого везли в вагонах на восток, и объяснение необходимости работы, которую вынужден был исполнять герой их рассказа, главный персонаж истории семьи. В первом случае это объяснение опирается на мифологию о «пятой колонне», во втором — на более широкий контекст «подготовки к войне». Нарративы дочери и матери, посвященные «главе семьи», организованы тем, что они принадлежат к разным поколениям этой семьи. Но повествования различаются не только индивидуальностью рассказчиц и тем, что одна — вдова героя, а вторая — дочь. Они из разных поколений советских людей. И даже лаконизм дочери в приведенном пересказе ключевого эпизода гипотетически может быть объяснен не только тем, что она не была свидетелем событий, но и нежеланием вдаваться в тему депортации как таковую, потому что упоминание о депортации (в отличие от эвакуации) отсылает к теме репрессий. Содержание интервью в целом подтверждает эту гипотезу. Для ее матери такой однозначной оценки не существует. На мой взгляд, было бы опрометчиво отнести подобную стратегию интервью к стратегии сознательной, к защите от предполагаемых оценок их героя со стороны интервьюера. Дочь и мать охотно согласились рассказать о своей семье, чтобы помочь мне в сборе историй семей в молодом сибирском городе. В рассказе о превращении мужа и отца в жертву того дела, которому он служил, прочитываются и внутренние противоречия моих собеседниц, стремление согласовать то, что нанесло или

могло бы нанести травму, с признательностью мужу и отцу, соавтору их собственных биографий. Во внутриличностных противоречиях и в трудностях повествования, которые они обходят или преодолевают, явно присутствует поколенческий фактор. Старшая, Татьяна, — не только свидетель репрессий, но и их жертва, младшая — самостоятельно мыслящий и образованный человек, которая «пропустила через себя» пересмотр исторических оценок и исторические публикации.

«Я — враг народа»

Татьяна начала автобиографическое повествование, естественно, с истории родительской семьи, как, практически без исключения, начинают все рассказывающие о собственной жизни. И каким бы подробным или кратким ни было это введение в родовую историю, в нем всегда есть скрытое (не только от интервьюера, но и часто от рассказчика) предварительное примечание к собственной судьбе, своему характеру, своим отношениям с людьми и т.д. Поскольку собственная судьба для Татьяны — следование за М.Г., то и рассказ о родительской семье — предупреждение к рассказу о муже. Татьяна родилась в 1913 г. на Алтае, пятый ребенок в семье. Отец — артельный мастеровой, нанимался на строительные работы, поэтому семья кочевала по стране. В рассказе об истории семьи и о родителях два лейтмотива. Во-первых, постоянно звучат слова *неграмотный, неграмотная* и каждый раз в противопоставлении «неграмотный, но разбирался», «неграмотный, но вот как-то мыслил по-современному» и т.п. Стремление учиться рассказчица отмечает уже в себе и в своем брате, видя в этом стремлении (и в умении) непосредственную преемственность от способностей отца. А второй лейтмотив — самостоятельность и независимость поведения родителей. Два этих мотива сходятся в фокусе рассказа Татьяны об истории родительской семьи: арест отца в тридцать седьмом году. Семья к этому году собралась в Ярославле.

В тридцать седьмом году его арестовали, и он просидел десять лет. За что? Он был прямой человек. Он не то что был против советской власти... Нет. Коли он сам из рабочей среды, так они же защищали рабочих. Он ценил вот это новшество, ценил передовое, что делалось, что там строилось — он это ценил. Но он дошел до глубины внутренней жизни. Организовалась касса взаимопомощи: «мы будем вам помогать, что-то вам нужно приобрести — дадим вам ссуду и так далее. Но нужно платить взносы. По заработку — кто как, кто чего может». И в том числе он. Пришел домой и говорит «вот я вступил». Он платил, из месяца в месяц платил. А нам надо было одежду зимнюю купить. Ну как бы он там ни работал, мать не работала, она неграмотная, а семья была большая — всю семью ведь надо было воспитывать, одевать-обувать, кормить. «Папа, возьми — пальто мы купим зимнее». Он подал заявление — ему не дали. И было собрание — рабочее собрание. Когда говорили, что еще вступило мало — еще вступали робко, еще не знали, что это такое. И там пришел агитатор и говорит: вот касса взаимопомощи, будем помогать. Пятое-десятое. Он возьми и выступи: «Вот вы говорите, вот я подал заявление — вы же мне не дали. Вот Петр Иванович — ему тоже не дали. Денег нет, денег не хватает?»

А вот тому дали — он техник. Вы значит кассу взаимопомощи для себя только? Вы себя обеспечиваете? А на рабочих наплевали?» Ну, в таком духе он выступил, ну выступил и все. «А-а-а, он — враг народа. Он против. Он против коммунистов, он против советской власти, он против, против, против». И ночью пришли и его забрали.

Когда отца забрали, Татьяна пошла на курсы медсестер при железной дороге в Ярославле, а закончив их, — на работу в железнодорожную поликлинику, решила стать врачом.

И я подала в Московский, во 2-й МГУ подала заявление. Так как я училась не ахти, а там надо было и физику сдавать, и биологию, и так далее, я лето училась на подготовительных курсах в институт. Кончила все это, жду вызов. Ну, нет и нет, и нет вызова. «Ну что, — мама говорит, — поезжай, узнавай». Я поехала туда, прихожу — там народу битком набито в этом секретариате. Все выясняют, наконец, пришла моя очередь: «я такая-то — Фетисова — вот я вызов жду, мне не прислали вызов. Пожалуйста, мне объясните, почему мне не пришел вызов». Она посмотрела мое дело — и мне вот так вот швырнет: «Вы что не понимаете, почему вам нет вызова?» Я говорю: «Нет, не понимаю». — «Вы — дочь врага народа». Я так и села... Ну, представьте мое состояние. Вы извините, я никогда этого не забуду. (Плачет.) Я вышла на улицу — редела, редела, редела. Ну, приехала домой — что делать? Маме говорю: «Я — враг народа». Ну, тогда еще в школе учились, мы все были пионерами, комсомольцами — и старшие братья, и мы все. Из комсомола меня выбросили как врага народа дочь. (Плачет.) Кто испытал эти тридцать седьмые, тридцать восьмые годы — это очень тяжело. Представьте себе собрание и меня клеймят. А относились ко мне хорошо. В райкоме тоже: «враг народа».

События от ареста отца до замужества — единственная часть повествования, в которой Татьяна рассказывает свою биографию. Она ничего не сказала о своем детстве, ее личная история начинается с тех событий, которые предшествуют встрече с будущим мужем и следуют за арестом отца. В повествовании о дальнейших годах ее упоминания о себе — «заметки на полях» биографии мужа. Очевидно, что ключ к биографии самой Татьяны в этом периоде перехода из родительской семьи в семью собственную. Все биографическое повествование сложилось из истории родительской семьи, биографии мужа и рассказе о переходе. При этом биографию мужа до их встречи Татьяна пересказывает не менее подробно, чем рассказывала историю родительской семьи, и приступает к этому пересказу со словами: «Какая была у мужа эпопея».

«Советская власть назначила...»

Эпопея — слово не случайное. М.Г. в рассказе его вдовы не просто близкий человек, а эпический персонаж. Нет возможности пространного цитирования, поскольку биография мужа (до встречи с Татьяной) заняла более половины времени двухчасового интервью: участие в Гражданской войне, детское увлечение скрипкой, неудачные женитьбы, замешанные на женском обмане, руководство сельской школой в юношеском возрасте, участие в индустриализации, выполнение особых поручений. Но образ

мужа необходимо включить в анализ биографического нарратива. Иначе нельзя понять, почему в памяти его близких именно драматизм участия в депортации всплывает как то, что позволяет увидеть сложность его личности и судьбы.

Приведем два эпизода из рассказа вдовы о муже. Первый, если принять последовательность событий в повествовании Татьяны, относится к 1920—1921 гг. и стал началом советской служебной биографии М.Г.

Вот его послали туда (в соседнее большое село. — М. Р.) директором школы. А почему? Директора были старые. Причем там директором был — это вот, знаете, «изюминка», что называется. Он так любил школу, так любил учеников. И тогда же была благотворительность — эти все купцы. Мало было бездушных, они были с душой, сколько благотворительных было. Кто больницы строит, кто школы строит, кто еще что-то строит. А этот на свои собственные, он для школы покупал оборудование. Там физический кабинет был прекрасный, там библиотека была прекрасной, там все было. Он отдавал душу в эту школу. Но он был не годен для советской власти, туда надо было своего посадить. А он был что: двадцать-двадцать один год, по сути дела еще сосунок, ничего своего. Как была школа оснащена, так вот он все и принял, и там даже была малая железная дорога, ну комнатная. А почему она была? Ученикам преподавали физику, как образуется пар, как работает двигатель и так далее. Как работает паровоз? И вот по этим рельсам паровоз идет, и вот ученики, значит, учились. И он этот директор новый пришел в эту школу и давай играть с этим паровозиком — не то чтобы играть, ему интересно было самому, он еще молодой мальчишка был. Вот как-то в обед заходит директор: ну что, играешь? (Смеется.) Ну он вострепнулся, он его уважал, хоть его и послала советская власть, но он с ним дружбу не терял. И тот не сердился на него, не сердился. Он понял, что не мальчишка виноват, а виновата жизнь, советская власть — он остался там, остался учителем.

Тридцатые годы — период выдвижения М.Г. на ответственные посты. Как развивалась его карьера между Гражданской войной и индустриализацией, в рассказе Татьяны не говорится, но на основе сказанного в остальных частях интервью можно утверждать, что в двадцатых годах он работал в органах внутренних дел в Донбассе, и именно этот его опыт был востребован в эпоху индустриализации и мобилизационной экономики. По одной из реплик можно предположить, что, работая еще в органах или уже (и одновременно) в «кадрах», он участвовал в «Шахтинском» деле. Посты, на которые затем назначается М.Г., — это «работа с кадрами», руководство созданием новой структуры или нового поселения, «опека» над иностранными специалистами, расследования злоупотреблений и «вредительства».

Второй эпизод из пересказа Татьяной биографии мужа, который я привожу, относится к первой половине тридцатых годов и связан со строительством Краматорского машиностроительного завода.

Наши-то рабочие руки только были, специалистов-то не было, а чтобы принять какого-то инженера, специалиста, ему нужны условия, ему нужно хорошее питание, ему нужно хорошее жилье, поэтому строили коттеджи, чтобы ванна была, отопление было и то, и то. И вот, понимаете, так как

это входило в спецотдел, потому что в спецотдел входили эти специалисты, все тесно было: дирекция завода и спецотдел тесно работали, в контакте работали. А специалистов не было своих: всех расстреляли, разбросали, а кто просто ушел. Тогда в Ленинграде сделали такой ну институт, что ли, проектный. Там были специалисты высокограмотные из Англии, из Америки, из Бельгии и так далее. И они делали проекты на эту военную технику. А его туда послали ну директором, что ли. Вот как ему доверяли. А почему ему доверяли? Потому что он был непродажный, потому что он был честный. Он не продаст ни советскую власть, не выдаст тайны, одним словом, доверяли ему. Жил в гостинице. Иногда надо было принять того или иного большого специалиста, инженера. Иногда к ним и семьи приезжали. Нанимали, значит, трехкомнатные номера и так далее. Там и ванны, и спальни хорошие, одним словом, все хорошее. Он все время недоумевал, почему. «Зачем? Они же высокие культурные люди. Они же жили там хорошо, а у нас бедность». Потому ему давали деньги, это так называемые представительные деньги. Для того что надо было принять и угостить. «Сколько тебе надо: тысяча, две, три? Бери». И он, значит, тратил. Хороший стол накрыть, вина хорошие и так далее. И он работал там, и работал долго, уважали его там, даже альбом именной сделали.

Хотел бы обратить внимание на то, как в приведенных эпизодах из пересказа вдовой биографии мужа (и известных ей по его рассказам) возникает понятие «советская власть». Во-первых, это высшая инстанция, которая в одном синонимическом ряду с жизнью, историей, необходимостью и внешней неизбежностью. Во-вторых, советская власть — это источник полномочий героя повествования, она дает герою самые сложные поручения и доверяет ему. В-третьих, советская власть не всегда и не во всем справедлива и правильна, и герой это понимает. Мы не знаем, оспаривал ли он то, что неправильно и несправедливо, но, безусловно, замечал и переживал. Муж в рассказе Татьяны — персонификация правильной советской власти. Он принадлежит к тому кругу людей, которые сами распоряжаются судьбами, а не только зависят от власти, но его право распоряжаться судьбами мотивировано исключительными человеческими и деловыми качествами, а зависимость от власти добровольна. М.Г. — убежденный сторонник советской власти, дорожит ее доверием и ей доверяет, даже понимая, что не во всем она правильна. Он из того поколения советских идеалистов, которые советскими стали не в силу рождения в Советском Союзе или необходимости приспособиться к советской власти, а в силу участия в рождении этой власти. Сам М.Г. — ровесник века. Противоречия, которые он переживает, могут быть объяснены как противоречия между нормами мира, в котором прошла его первичная социализация (маленький город с патриархальным укладом, семья столяра-краснодеревщика, школа), и историческим миром, в котором проходила его вторичная социализация (радикальные социальные сдвиги, открывшиеся возможности, зависимость от событий локальных и глобальных). В повествовании вдовы образ мужа сочетает черты эпического героя и человеческие слабости. Эпичны масштабность деятельности, включенность в главные события мира, особые задачи, возложенные на героя властью-историей. А сочувствие вызывают подорванное Гражданской войной здо-

ровье и неумение беречь его, одиночество, простодушие в отношениях с женщинами, коварно использующих это простодушие. Эпизоды биографического рассказа, в которых масштабный исторический контекст соединяется с человеческой незащищенностью героя, передают представление Татьяны о своем муже как о человеке, служившем решению больших исторических задач и, одновременно, страдавшем от собственного идеализма. Он был на переднем крае истории, находился в доверительных отношениях с властью (которая синоним истории) и дружил с легендарными людьми. Но на этом переднем крае он вынужден был выполнять поручения, которые ему «не по нутру», был обречен на образ жизни, который его тяготил, и на тяжелые переживания, иногда связанные с историческими обстоятельствами, а иногда — с несправедливостью решений власти и устанавливаемых ею правил.

Татьяна принадлежит к другому поколению, она на 13 лет младше мужа, ее детство пришлось на двадцатые, а молодость — на тридцатые. Советская власть для нее безальтернативна. Речь не об идеалах и убеждениях (хотя дочь, рассказывая о родителях, объединила их с отцом понятием «коммунисты по убеждению»), а о том, что быть советским человеком — норма социализации поколения. Знакомство с будущим мужем и замужество в автобиографическом повествовании Татьяны следуют за рассказом об аресте отца, о том, как она сама обрела стигму «врага народа», и об исключении из комсомола. В комсомоле Татьяну через некоторое время восстановили. Рассказывает об этом Татьяна, опираясь, видимо, на те исторические «свидетельства», которые услышала от М.Г. как доверенного человека власти:

А потом, когда Берия пришел: «Специалистов-то сколько, специалистов посадили?! Сколько расстреляли?! Сколько с ума сошли?!» И так далее, и так далее. Видят, что дело неладно, и военных сколько погубили, и интеллигенции сколько погубили, и дело дошло до того, что у нас специалистов-то мало стало, а промышленность развивается. Так, тогда Берия нажимает на Сталина: «Слушай, прекрати ты это делать. Что же это такое, надо разбираться». И тогда вышло такое ну постановление, что ли: неправильно вы делаете, не всех надо подряд забирать, разбираться надо. Не тот враг народа, с кем чай пили, а тот враг народа, кто пакостит, кто вот истинный враг народа, а кто сослуживец — какой он враг народа, ну чайку выпили, в гости пришли и все такое. И стало раскручиваться, раскручиваться, и меня восстановили, конечно, ну извинились и так далее.

Объяснение это непосредственно предшествует в интервью эпизоду знакомства с будущим мужем. Мы не знаем, разделены ли эта «гражданская реабилитация» девушки и ее знакомство с человеком из власти во времени, и насколько разделены. В повествовании Татьяны этого разделения нет, и тот, и другой эпизод — введение в обстоятельства «перехода». Переход совершается не только из родительской семьи в собственную, но и в новое социальное состояние. Вероятно, этот переход не избавляет от стигмы. Из рассказа дочери Татьяны мы знаем, что когда дедушка, т.е. отец Татьяны, после войны вернулся из лагеря, он и мать Татьяны поселились в доме дочери. Но служебное положение М.Г. делало невозможным или нежелательным совместное проживание, и родители Татьяны перебра-

лись в семью ее сестры, в гораздо более стесненные условия. И младшая рассказчица говорит, что ее родители тяжело переживали эту вынужденную драму (очевидно, со слов самих родителей — рассказчица 1940 года рождения была во время этих событий в младшем школьном возрасте). Но независимо от того, что Татьяна сама пострадала от репрессий (отец провел десять лет в лагере, ей самой как «врагу народа» отказали в праве учиться), и от того, зажила стигма или нет, она и по прошествии десятилетий, уже после разрушения советского мира, проводит границу между собой и другими жертвами репрессий. Среди других и жертвы депортации, в которых, напомним, Татьяна готова увидеть «пятую колонну». Повествование Татьяны о биографии М.Г. до их знакомства и эпизоды собственной биографии, предшествовавшие этому знакомству, позволяют понять, что это за граница. Более того, само центральное место рассказа о муже в биографическом повествовании может быть объяснено потребностью оправдать эту границу. Замужество стало переходом в социальный мир уполномоченных советской властью и, следовательно, историей. Но М.Г. — не просто член советской номенклатуры, человек власти. Он — персонификация правильной советской власти. И граница, которая отделяет Татьяну от людей, не причастных к истории, — это не сословная граница, а граница причастности к правильным смыслам происходящего. Она сама может не всегда знать эти смыслы, но она знает, что эти смыслы есть. Возможно, именно это ее дочь определила как «коммунисты по убеждению», употребив эту формулу как синоним бескорыстия и антоним карьеризма.

«Я не знаю, кем бы стал отец»

Судьба М.Г. определялась поворотами «большой истории», а через его судьбу история определяла траекторию семьи. В этом обе рассказчицы, мать и дочь, проявляют себя как советские люди. Их гордость мужем и отцом включает и гордость за то, как он отдавал себя порученным ему делам. Но дела, порученные ему, можно оценивать по-разному на той исторической дистанции, которая измеряется не только годами, но и эпохами публичного пересмотра исторических оценок (и в эпоху «оттепели», и в эпоху «гласности»). Само участие отца в спецоперациях, как и вообще в деятельности спецорганов, в рассказе об истории семьи — тема неизбежная и в то же время не слишком желательная. Она не табуирована и не замалчивалась в ходе интервью. По сути, и вдова и дочь дают понять, что работа «в органах» (Татьяна называет их «КГБ», дочь — «той организацией») или сотрудничество с ними были лейтмотивом биографии М.Г. В то же время эти мотивы не могут стать лейтмотивом повествования. Причины и в том, что вдова, а тем более дочь недостаточно «в курсе», и в том, что им обеим важно как-то отделить близкого человека и память о нем от системы, которой он самоотверженно служил. Прочитав начало рассказа дочери об отце, когда она обрисовывает его личность, масштаб этой личности и его значение для себя. В этом фрагменте нарратива, на мой взгляд, достаточно отчетливо можно почувствовать, что работа отца «в органах» для его дочери не тема, которую приходится задеть в биографическом повествовании, а предмет для собственного понимания.

Обращение к теме диктуется не столько искренностью для интервьюера, сколько искренностью перед самой собой.

Мы были очень близки с отцом, более с отцом, чем с матерью. Мне нравилось, видимо, «как на цыпочках». На цыпочках в каком плане? То есть дорости, допонимать то, что он говорит. Его интеллект был действительно настолько могуч, его умение работать — это бешеная работоспособность. Я так думаю, что для отца тогда было открытие, что из себя представляла та организация, в которой он работал по поручению, в которой он был партнер, и, наверное, партия. Может быть, оно было раньше, потому что потом стали говорить более откровенно. Я знаю, что мечта жизни отца была, чтобы я была членом КПСС. Но как-то судьба поворачивала всякий раз так, что я так и не вступила. Удивительно, но факт. Но это была мечта всей его жизни. Так и не стала. Видимо, какое-то противодействие, хотя на это были какие-то причины, совсем может быть не от меня... Я, видимо, как-то руководящую роль партии... может быть, во мне карьеризма ну нет и нет.

Чем знаменателен был его жизненный путь, так его личной дружбой с Орджоникидзе. Вот эта лампа, которую вы видите, — существовал второй экземпляр у Серго Орджоникидзе. Есть, кстати, уникальный альбом по этому Краматорску. Готовили его руководящему составу, и в том числе сохранился и у меня, ну как память. Вот — тесная дружба. Его приглашали и на дипломатическую работу. Патоличев был его другом, а когда им предложили пойти на дипломатическую работу, отец не согласился¹. Патоличев согласился, так их судьбы разошлись. Я не знаю, кем бы стал отец. Отец писал книгу, которая называется «Испытание жизнью». Естественно, все это, черновики у меня сохранились, почему я говорю, что не знаю какова бы была служебная карьера моего отца, если бы не война.

Рассказ об отце продолжается тем фрагментом, который я процитировал в начале статьи — о предвоенном «срыве» М.Г. во время обеспечения депортации/эвакуации. Этот сюжет позволяет образ самого значимого для рассказчицы человека отделить от той репрессивной машины, которой служил человек, в этом сюжете переплетается драма жертв репрессий и драма, пережитая героем и его семьей. Герой сам оказывается жертвой исторической необходимости и поручения, полученного от власти, — представление, которое объединяет два интервью. В рассказе дочери эпизод «нервного срыва» отца становится еще и предисловием к собственной биографии, потому что обстоятельства ее детства, определившие судьбу, призвание, характер, — это тот период, когда семья оказалась в таежном

¹ Чтобы спроецировать это воспоминание дочери М.Г. на его судьбу и характер, нужно вспомнить служебную биографию Николая Семеновича Патоличева. Его партийная карьера разворачивалась с 1938 по 1941 год в Ярославле (от парторга завода до первого секретаря обкома). Затем был первым секретарем Челябинского обкома, секретарем и членом Оргбюро ЦК ВКП(б), зам. председателя Совмина СССР, начальником управления ЦК по проверке партийных органов, секретарем ЦК КП(б) Украины, первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. В 1956 году Патоличев стал заместителем министра иностранных дел, затем первым заместителем, а с 1958 по 1985 г. возглавлял Министерство внешней торговли. Таким образом, «переход на дипломатическую работу» относится к середине пятидесятых годов, к периоду XX съезда. Вероятно, к этому периоду относится и отказ М.Г. от нового поворота в карьере.

леспромхозовском поселке, на сибирской железнодорожной станции. Этот период, пришедшийся на военные годы, предстает в обоих интервью как «золотой век» истории семьи и «звездный час» главы семьи. Его работа и жизнь семьи на этой станции в нарративах Татьяны и дочери никак не связаны с «органами», с выполнением каких-либо заданий, а предстает реализацией незаурядных способностей, социальных идеалов и лучших человеческих качеств.

На станции У.

Он дошел до того, что не мог ходить уже, его шатало. Ему дали сопровождающего одного мужчину и он его туда (в санаторий в Иркутске. — М.Р.) привез. Тут ему сразу, чтобы все процедуры были... И его выписали и дали такое заключение: не только не возвращаться в зону, где война, в частности в Ярославль, даже в городе нельзя жить: нервная система еще была слаба. Ну, пришел к начальнику дороги, раз он железнодорожник: «Вот вам заключение врачей». — «Ну куда вас девать? Без работы нельзя жить. Так как вы учитель — вот вам директором на любую железнодорожную станцию, вот выбирайте». Он говорит: «Я не знаю, для меня это все равно». Вот станция У. — директором школы.

Ну куда он один поедет? Он дает телеграмму: так и так, давай согласие. Какое согласие — мне бы куда-нибудь. Ну и приехали и там были всю войну.

В интонации рассказа Татьяны о «таежном» периоде в жизни семьи слышится ностальгия по годам, которые оказались исключительными для истории семьи. На станции У. они были не только вдали от войны, военные годы оказались единственными, когда они были «в отпуске» от большой истории. И сами наполняли свою жизнь смыслом, а не исполнением требований Истории и начальства, говорящего от ее имени. В образе М.Г. преобладают эпические мотивы. Его появление в поселке преобразило рутинный мир.

Понимаете, это ведь была станция раньше замухрышка, а тут Он — смотрите. И когда стали дети варить обед в школе и на большой перемене кормить — это же было счастье... А ученикам он выхлопотал по 800 грамм (хлеба. — М.Р.). Почему? Потому что они работали, потому что они делали винтовки, они делали горшки, они делали игрушки — это считалось рабочий класс. И потому что его ценили, его знал начальник дороги: Орс тогда был на железной дороге свой, он к городу не относился. И он выхлопотал 800 грамм.

М.Р.: *А чем люди в поселке занимались?*

— Работали в леспромхозе. Мужчины работали где-то — лес валили, там речушка небольшая — где-то что-то плывет — баграми собирали. Потом этот лес привозили, сгружали — его там разделявали, пилюрама была, а потом опять нагружать. А женщины коров держали, свиней держали, у каждого огород был. Одним словом, леспромхоз. Место красивое: лес, тайга.

Опускаю описание лесного пожара и борьбы с ним. И сам пожар, и противостояние ему описываются с интонацией восхищения как часть

гармоничного мира, а не драматическое событие. В этом мире нет места беде. Тихая станция («замухрышка») становилась, благодаря М.Г., новым миром. М.Г. не только остается здесь в тайге, вдали от фронта и центров власти полномочным представителем советской власти и истории, но в условиях самостоятельности и мира, где он хозяин положения, масштаб его личности виден особенно отчетливо, без искажений. И не только в реализованных замыслах, но и в советских ритуалах и в повседневности далекого от фронта советского тыла.

А надо сказать, там был очень хороший двор, загороженный двор, во дворе была и лестница, и турники были, и кольца, могли заниматься. Мы каждый год Первое мая и Октябрьскую демонстрацию проводили там. Ну не было там ни райкома, ни трибуны не было. Собирались в школе все, ну кто мог, конечно. Ну в первую очередь ученики проходили по этим улицам. Шли, шли, шли. Народ выходил, приодетые. Флаг у нас был красный. Конечно, там серп и молот. Мы обходили все это. А потом, никто их не звал, все население почти что приходило туда к школе. Он делал доклад. Доклад грамотный, конечно. Он и так, когда наши войска стали освобождать уже все... К нему приходили люди: «Ну разъясните нам, мы по радио слышим то-то, то-то, но мы не поняли».

Он начинает.

Даже о рождении ребенка Татьяна упоминает мимоходом, делясь главным — воспоминаниями о руководящей роли своего мужа в преобразовании школы и поселка.

Там у нас родился еще сын в сорок втором году. Но надо сказать, он был такой предприимчивый, он очень хороший организатор был в школе. Новая школа, деревянная — были только бревна и все. Там же не штукатурили как следует — песок и так далее, все самоделкой. Ни электричества, ничего не было. Во время войны он сумел оштукатурить, а штукатурка была приличная, так на Украине мажут. Электричество провел, провода по метру добывал. Сделал игрушечную мастерскую: игрушки делали, ружья деревянные делали, конечно, примитивные, потому что не было ничего — военкомат брал мальчишек потом уже, а учить-то винтовок не было — все на фронт ушло, учить-то нечем.

Мальчишек призывали в армию, а в леспромхозе работали мужчины. Тема спецпоселенцев легко угадывается, если иметь опыт интервью о военном времени в Сибири, но эта тема не была предметом исследования — меня интересовала история семьи. А тема спецпоселенцев всплыла в интервью, когда я, желая понять, насколько увлек М.Г. своими целями свой коллектив, задал собеседнице уточняющий вопрос о школе: «А учителя-мужчины — те, кого на фронт не взяли? Из-за возраста или национальности?»

— Может быть... Во-первых, боялись... отчасти... А во-вторых, годы у некоторых вышли. В основном — годы... У нас математик был еврей, ему уже было под 50. Эвакуированный... Направляют эвакуированных, эшелон пришел, допустим, в Иркутск, там и учителя, там и врачи, там и то, то, то. А потом администрация Иркутска, райисполкомы рассеивают по всей области. Ну, иногда они были с назначением. Допустим, эшелон приходит в Новосибирск, в Иркутск, или там в Пермь приходит и они там, видимо,

как-то познакомились, объединялись, а потом рассеивались по городам, по селам, по колхозам, а связь, может быть, и не теряли. Кто на Урал, кто в Сибирь — у них была какая-то невидимая связь.

Вновь возникает образ «пятой колонны». Опять эвакуированные и депортированные оказываются одной категорией. Личные драмы людей угадываются, но они временные, потому что жизнь идет в правильном направлении.

Он был с женой, потом он уехал... Когда наступила победа, он говорит: ну отпустите меня. Там еще были женщины эвакуированные, там немка одна была с Поволжья, еще одна старушка-учительница эвакуированная, молодая учительница эвакуированная. Ну, постепенно и... Жизнь налаживалась.

В этой части рассказа спецпоселенцы — коллеги по школе и соседи по поселку — конкретные люди с характерами и судьбами. Но все же и здесь они «чужие», не вписаны в образ сообщества и его категории.

— *Много интеллигенции было в поселке?*

— *Какая там интеллигенция? Директор школы. Еще начальник станции и фельдшер. Старые, господа. Причем этот фельдшер — пьяница. Там ни одного хорошего дела-то не было. Конечно, директора школы считали там интеллигентом, потому что ну начальник станции там не так, ну он из простых людей был, было ему может быть под сорок, ну он такой был, он там всю жизнь, на больших станциях он не работал. Он маленький, знал свое хозяйство, он командовал, работал неплохо. А Михаил Кузьмич, конечно, величина.*

Дочь рассказывает о жизни семьи на сибирской станции настолько тепло и подробно, что воспринимаешь ее рассказ как свидетельство очевидца. Однако и в силу возраста, и в силу того, что большую часть времени в эти военные годы девочка из-за болезни провела в детском санатории в Иркутске, ее воспоминания — это личностный пересказ услышанного от родителей, в первую очередь от отца. Пересказ, ретроспективно выстроенный под собственный жизненный выбор — профессию педагога. В отличие от рассказа матери в центре не масштаб М.Г. — руководителя, а его подлинное призвание. Он — не просто руководитель, а педагог и лидер коллектива, созданного им.

Естественно, он помнил, что у него есть учительская специальность, он, кстати, учитель истории и географии, и его направили на маленькую станцию У. И вот, сравнивая концепцию Сухомлинского и то, что сделал отец, — это было поразительно похоже. Дело в том, что, когда он приехал в школу, это была развалюха, где голодали и дети, и родители, семьи вот этих детей, и учителя. Он буквально возродил все через школу: наладил производство гончарного цеха, где-то раздобыли глину — где-то разыскали — раскопки, спросили у стариков, нашли. Потом нашли тоже мастеровых по гончарному делу — он вспомнил, что его отец владел тоже этим мастерством. Организовал столярный цех. Потом полностью работали на самокупаемости по сельскохозяйственным работам. Короче говоря, мать рассказывает: мы отремонтировали школу. Это было время войны, но она вспоминает, как какие-то светлые дни, когда все работали на одну какую-то цель.

Только по косвенным признакам становится понятно, что М.Г. и там не был свободен от надзорных функций, но в воспоминаниях дочери мы не слышим даже и косвенных свидетельств — ее воспоминания «из вторых рук». Отец, вероятно, об этом не рассказывал, а в памяти матери, делившейся с дочерью воспоминаниями, эта тема отеснена на периферию, в «таежном» периоде истории семьи и биографии М.Г. ей явно не придается значения. Но при ответе на простой уточняющий вопрос вдруг возникает образ «пятой колонны», и это заставляет предположить, что не случайно человек с опытом «особых поручений» отправлен лечить свою нервную болезнь именно на эту сибирскую станцию.

С окончанием войны обрывается «золотой век» семьи.

Ну вот, кончилась война, а связь-то с Иркутском есть же. Ну управление дороги есть же. И когда мы жили там — звонок по телефону, да и телефон был там — он добился. Ну, постепенно нервная система за пять лет прошла и в сорок пятом году его управление дороги забрало. Забрало начальником рабочих кадров, раз он в кадрах долго работал. Он вначале говорил: «Ну оставьте меня». А они говорят: «Что вы? Такие кадры! Мы пошлем туда директором школы из учителей кого-нибудь». Он не хотел. Он мечтал, и у него шли далекие перспективы и планы.

— *Со школой связанные?*

— *Не только со школой. Он говорил, во-первых: «Мы себе домик поставим». Там же лесопункт — и бревна, и доски, леса полно. Это станция, это маленькая станция — ну деревня маленькая, народ неграмотный, в школу шли с девяти лет. Он хотел эту станцию сделать образцовой, но ему не дали. Опять приказ — приказ партии, приказ КГБ. Надо сказать, где бы он ни жил, где бы ты ни работал — связь не терялась, его же заставляли.*

Большая история вернулась в жизнь семьи по приказу партии или «этой организации». Вместе с ней, как мы слышали раньше из повествования дочери, вернулся и драматизм. Граница между миром уполномоченных властью (и историей) и миром репрессированных опять стала для Татьяны актуальной.

И.А. Флиге

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ПАМЯТИ О ДЕПОРТАЦИЯХ В МУЗЕЯХ ЛИТВЫ

Тема этой статьи — материальная память о депортациях и ее представление в музейных коллекциях Литвы. Анализ базируется на информации, собранной в рамках проекта «Виртуальный музей ГУЛАГа», который осуществляет Научно-информационный центр «Мемориал» в Санкт-Петербурге. При поддержке Генерального консульства Литвы и при содействии Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы в 2008–2011 гг. нами были обследованы коллекции и экспозиции 15 государственных и общественных литовских музеев, посвященные истории

© И.А. Флиге, 2013

депортации, что, на мой взгляд, является достаточно репрезентативной выборкой для обобщенного анализа материальных свидетельств.

Фонды этих музеев, посвященные депортациям, ссылкам и лагерям, формировались в течение последних 25 лет, т. е. уже в независимой Литве; тогда же и в неразрывной связи с этой темой формировались фонды, посвященные двум другим смежным темам советского периода — вооруженному партизанскому сопротивлению 1944 — начала 1950-х гг. и различным видам невооруженного сопротивления 1950—1980-х гг. (в частности и в особенности — диссидентскому движению Литовской католической церкви 1972—1983 гг.). Кое-где представлены и другие темы, относящиеся к этому периоду: советизация Литвы в 1940—1941 гг., восстановление независимости в 1987—1991 гг., культура и экономика советской Литвы и т. п. — но они встречаются факультативно и не всегда связаны с первыми тремя темами, занимающими ведущее место в литовских музеях.

Предметом моего рассмотрения является музейное представление только первой темы — депортации, ссылка, лагеря — и только одной составляющей этого представления — предметного ряда. Я не буду касаться ни других тем, ни других типов экспонатов: документальной компоненты и фоторяда.

Комплектование музейных фондов

Комплектование предметных фондов, связанных с темой изгнания, происходило как в самой Литве, так и в ходе экспедиций в Сибирь, организованных бывшими ссыльными и их семьями.

Внутри Литвы это комплектование шло по стопам политических и общественных побед: ликвидация КГБ, захват его архивов, наконец, закрытие главной тюрьмы НКВД—МГБ—КГБ в Вильнюсе. Здание республиканского КГБ, на нижних этажах которого размещалась тюрьма, было превращено в Музей жертв геноцида (открыт 15 октября 1992 г.), на его фасаде были установлены таблички с именами убитых в этой тюрьме, бывшие тюремные камеры открыли для посетителей, начали создаваться экспозиции, в которых были представлены подлинные архивные документы. Эти действия материализовали границу между прошлым и настоящим и отвели террору свое место — он стал историческим прошлым. Это не единственный пример; так, в городе Прекуле (Западная Литва), в бывшем здании жандармерии, где с октября 1944 г. до середины 1950-х гг. находился следственный отдел НКВД—МГБ—КГБ, был создан Музей ссылки и борьбы за свободу (открыт в 2006 г.). В других литовских музеях мы можем встретить артефакты, снятые с закрытых или переоборудованных тюрем. Например, в экспозиции Музея партизанского округа «Таурас» и ссылки (г. Мариямполь) выставлена дверь камеры № 1 Мариямпольской тюрьмы: деревянная дверь, с двух сторон обитая железом, с тремя засовами, глазком, кормушкой и поддувалом.

Затем музейные фонды начали пополняться экспонатами из *личных и семейных коллекций*: бывшие ссыльные и заключенные или их родственники и потомки понесли в музей вещи, привезенные из «Сибири» (в

литовском массовом сознании слово «Sibiras» воспринимается не в узко географическом, а, скорее, в обобщающем смысле: «Sibiras» — это и Казахстан, и Архангельская область, и даже Мордовия) во время возвращения конца 1950-х гг.

Количество и разнообразие вещей, привезенных из лагерей и ссылки, особенно поражает на фоне российских музеев, «гулаговские» экспозиции которых, как правило, вообще бедны по предметному ряду. Биография этих вещей состоит, как правило, из трех этапов: это история их бытования в «Сибири», где они использовались по назначению, история их бережного хранения в семьях, выполнение ими функции носителей личной и семейной памяти и, наконец, включение их в национальный музейный фонд, т. е. превращение их в публичные реликвии, «послания из прошлого», формирующие историческую память народа.

Зачем их брали с собой, и что в них было заложено памятью тогда?

Чемоданы, вещмешки, телогрейки, миски и ложки имеют естественное происхождение; это то немногое, что у них было, и все это могло понадобиться и после возвращения. В чемоданах возвращающиеся везли свои скудные пожитки. Но кроме того, в изгнании эти вещи составляли непосредственное близкое окружение человека, его «инвентарь мира». Сохранение этих вещей — знак сохранения собственного, частного, интимного пространства.

Особое значение приобретали вещи, которые сопровождали человека на всем этом пути, были с ним в Сибири и вернулись домой. Вещи домашнего обихода, взятые с собой в ссылку, помимо их практического значения, обеспечивали в изгнании «присутствие» дома, а после возвращения несли в себе память об изгнании. На глубинном уровне здесь могут срабатывать и магические функции — эти вещи нельзя было оставить в ссылке, они тоже должны были вернуться на родину. Ниже мы увидим, что происходит иногда с вещами, не вернувшимися из изгнания.

Иногда брали с собой вещи, которые заведомо не могли пригодиться на родине. Мало того, они явно не относились к ближайшему приватному пространству, а, скорее, являлись знаками «чужого» мира: средствами адаптации к иным, неродным, климатическим условиям или инструментами и атрибутами подневольного труда, например москитная сетка или маска от мороза, шахтерский фонарь и каска, геологический молоток и т. д. Их брали с собой «на память о Сибири» или же как диковинные сувениры, которыми можно удивлять друзей и соседей.

Везли и просто сувениры в традиционном смысле: самодельные открытки и всякого рода ремесленные поделки, полученные в подарок от сокамерника или товарища по ссылке; или же природные диковины — кусок мамонтовой кости, обломок рудной породы, спил лиственницы.

Некоторые из предметов, привезенных из ссылок и лагерей, поменяли считываемые с них смыслы почти сразу после возвращения: по мере обустройства их хозяев на родине они постепенно потеряли хозяйственное значение и превратились в личные и семейные реликвии, символы персонального ссыльного и лагерного опыта, знаки пережитого прошлого, может быть, еще не полностью освоенного и отрефлексированного. Этим

объясняется то, что предметы, утратившие свою бытовую ценность, — са- модельная обувь, изношенная одежда и т. д., — десятилетиями продолжали бережно храниться в семьях.

Оказавшись в музеях, все эти предметы поменяли свое назначение. В музейных экспозициях они стали носителями обобщенного послания из прошлого и формируют национальную память. Несмотря на то, что почти все экспонаты этого происхождения имеют подписи или музейные этикетки, где указано, кому принадлежал этот накомарник или бушлат и где он использовался (в каком районе и какой области Сибири), посетитель на эти сведения не обращает особого внимания. Послание считывается им цельно, в нем нет места ни именам, ни названиям конкретных лагунктов и спецпоселков. (Внимание молодых посетителей могут привлечь слова типа «лесосплав», которых нет в литовском языке, а точнее, не было до середины XX в.)

Хочу заметить, что в Литве в момент передачи предметов «личного происхождения» имело место полное смысловое и ценностное согласие между дарителем, собирателем и музейщиком по вопросу о релевантности этих предметов теме. Именно поэтому в момент передачи предмета в музей легенда к экспонату довольно часто оставалась незаписанной. Происходило это не только по небрежности или недостаточной грамотности собирателя или музейного работника, главной причиной здесь оказывается обоюдная очевидность смысла, заложенного в данной вещи. Даже опытный комплектатор оказывается в ловушке очевидного понимания, «о чем говорит/кричит этот предмет», — и не спрашивает точный год, месяц, день, не всегда записывает имена солагерников и друзей. Он понял, почувствовал и принял главное — эмоциональную связь предмета с переживаниями дарителя. Полная или частичная утрата сопутствующей предмету информации становится еще более вероятной в случае промежуточного хранения (или временного собирания), когда личные реликвии передают «знающим» — бывшим солагерникам или друзьям с аналогичным жизненным опытом. Эти вещи воспринимаются как достаточно внятно говорящие, и пояснения одного ссыльного другому кажутся излишними. Такие, прошедшие через вторые руки, вещи, как правило, аннотируются в музеях только принадлежностью, остальное наполнение оказывается утраченным.

Здесь уместно сказать о том, какие значимые для бывших ссыльных вещи НЕ попадают в музейные экспозиции Литвы. Это вещи, свидетельствующие о постепенном налаживании ссыльного быта после первых, самых тяжелых лет в Сибири, о частичной ресоциализации ссыльных: значки ударника, похвальные грамоты, хорошие дорогие вещи (фотоаппарат, радиоприемник и т. п.). Они снижают пафос испытаний и потому плохо помещаются в контекст коллективной памяти. (С единственным исключением из общего правила мы столкнулись в Музее ссылки и борьбы за свободу в г. Прекуле: это орден «Материнская слава» III степени, врученный осенью 1956 г. в пос. Новоильинск Заиграевского района Бурят-Монгольской АССР спецпоселенке Брониславе Рудгальвиене, матери семерых детей. В феврале 1957 г. в связи с этим награждением Б. Рудгальвиене была снята с учета спецпоселения.)

Заметим, что, например, для депортированных российских немцев, травмированных обвинением в «измене», именно этого рода предметы в первую очередь попадают в музейное послание: «мы смогли создать новый дом, мы честно и хорошо работали, нас ценили».

В предметном ряде, представленном в музейных экспозициях Литвы, отсутствуют и свидетельства трудной адаптации возвращающихся изгнанников в литовском обществе, каким оно стало к концу 1950-х гг., — возможно, просто потому, что трудности социально-политической адаптации плохо передаются на языке вещей (документальные материалы, свидетельствующие об этой проблеме, в литовских музеях иногда встречаются). Впрочем, может быть, тому есть и более глубокие причины: тема постепенной советизации литовского общества в 1950-е и 1960-е гг. не очень хорошо вписывается в миф о единстве литовского народа в сопротивлении оккупантам.

Экспедиционное комплектование на территории России и Казахстана на местах бывших лагерей и спецпоселков началось в 1988 г. и активно продолжалось в начале 1990-х гг. Как правило, основными задачами этих экспедиций, которые организовывали и проводили (иногда при государственной поддержке) литовские общественные организации, объединявшие бывших заключенных и ссыльных, были поиски могил умерших в изгнании, проведение эксгумаций для перезахоронения их на родине¹ и установка памятников и памятных знаков. В этих общественных экспедициях роль инициаторов играли сами бывшие заключенные и ссыльные или их семьи, они же выступали в качестве свидетелей и проводников к местам лагерей и спецпоселков. Параллельно проводился сбор фрагментов лагерьных атрибутов среди развалин бывших лагпунктов; в музейных экспозициях сама сохранность (довольно низкая) этих экспонатов дополнительно работает на восприятие лагерей и ссылок как прошлого.

Все привезенные артефакты сразу предназначались для попадания в музейное пространство, а это значит, что при выборе того или иного предмета на местах бывших лагерей происходило невольное проецирование потенциального артефакта на уже существующую коллективную память для определения его годности. Таким образом, отобранные предметы не только являются историческими артефактами, но и свидетельствуют о состоянии коллективной памяти 1990-х.

Музейное представление темы: три послания

О чем говорят предметные экспонаты, представленные в литовских музеях и предназначенные для иллюстрирования и осмысления темы депортаций, ссылок и лагерей?

Все они свидетельствуют в первую очередь о материальной достоверности событий. «Так было»: вот чемодан, который проделал вместе со ссыльным путешествие в Сибирь и обратно, вот снежная маска, защищающая от пурги и мороза, вот железная дверь тюремной камеры с «кормушкой» и глазком, вот телогрейка с лагерьным номером заключенного,

¹ К сожалению, полный учет перезахоронений не велся, и у нас нет возможности дать количественную оценку.

вот рукописный молитвенник ссыльного ксендза, вот деревянный портсигар, подаренный сокамерником перед уходом на этап.

Чемодан/чемоданы — эти предметы встречаются почти в каждой музейной экспозиции. Это понятно: именно чемодан является универсальным символом двух главных Событий, обрамляющих и вмещающих в себя все остальное: изгнания и/или возвращения.

В музее «Аушрос» (Шяуляй) выставлен самодельный чемодан, который проделал вместе с его владельцем Пранасом Раткусом путь из Литвы в Бурят-Монгольскую ССР (1948 г.) и обратно (1958 г.).

В экспозиции «Ссылка» Музея литовского народного быта (г. Румшишкес) находится чемодан ссыльного Миколаса Куприса (Алтайский край), трудмобилизованного в 1942 г. на рыбозаготовки в Якутию; там, в пос. Тит-Ары, он изготовил этот чемодан из транспортных ящиков.

В Музее жертв геноцида (Вильнюс) хранится лагерный чемодан из фанеры, принадлежавший политзаключенному Стяпасу Титишкису.

Деревянный чемодан, выставленный в Музее партизанского округа «Таурос» (г. Мариамполе), был сделан бывшим партизанским связным Ионасом Саяускасом в Иркутской области, в ссылке, после отбытия им лагерного срока.

Однако, помимо общего значения свидетельства достоверности, экспонируемые предметы несут в себе и дополнительные «послания», способствующие более глубокому осмыслению и концептуализации истории террора и депортаций.

Некоторые экспонаты — не просто свидетельства, а *свидетельства обвинения*, вещественные доказательства преступлений. К этой категории относятся почти все вещи, полученные музеями в результате экспедиционного комплектования: колючая проволока, деревянные нары, карцерные решетки и т. д. Естественно, никто из бывших заключенных не вез с собой на память карцерную дверь или оконную решетку. Но и орудия труда, и предметы быта, привезенные в свое время на родину бывшими ссыльными и заключенными, зачастую оказываются свидетелями обвинения, поскольку сегодняшнему посетителю, не связанному с этими вещами личным воспоминанием, они говорят о скудости этого быта, о холоде, голоде, страданиях, рабском труде.

Другой ряд экспонатов свидетельствует о *людях*, которые в нечеловеческих условиях сохраняли себя и свое человеческое достоинство, не только выживали, но и жили, любили, поддерживали друг друга. Это «послание» транслируется через самые, казалось бы, обычные предметы — самodelки, сувениры, рукоделие, рисунки и альбомы с поздравлениями, через личные и семейные реликвии времен изгнания. Предметов, которые несут в себе это послание, в музеях больше всего. Это и сувенирные поделки из подручных материалов, и подарки от сокамерников, и письма, присланные из дома, и произведения декоративно-прикладного искусства — вышитые панно, коврики, занавески, покрывала, созданные в ссылке, и даже рукописные журналы.

К этой же категории можно было бы отнести и предметы религиозного назначения — самодельные иконки, распятия, молитвенники и т. д., — если бы в силу литовской национальной специфики в них в гораздо

большей мере не прочитывалось бы третье «послание»: о сохранении национальной идентичности, о любви изгнанников к родине и тоске по ней, о неубитой надежде на возрождение свободы и независимости Литвы. Уместно обозначить это послание одним словом: *Сопrotивление*. Конечно, послание о Сопrotивлении несут в себе не только предметы католического культа: в еще большей степени оно прочитывается в многочисленных экспонатах, где явно или неявно присутствует национальная символика, в том числе символика запрещенная, связанная с литовской государственностью и партизанской борьбой против советской оккупации.

Итак, музейная трансляция памяти об изгнании, ссылках и лагерях через материальные объекты формирует три типа послания, считываемых посетителем. Рассмотрим каждое из этих посланий по отдельности.

Послание первое. Неволя, чужбина, рабский труд

Это послание рассказывает посетителю об изгнании как о путешествии в странный, чужой и чуждый мир, мир насилия и страдания. Это рассказ о мире, где правит охрана, царят голод, холод и тяжелый труд, где мучились и погибали соотечественники. Этот мир называется «Сибирь», и вещи этого мира — бесцветные, мрачные. Это рассказ о том, как выглядит чужбина, куда были изгнаны и угнаны литовцы.

Это послание транслируется через атрибуты насилия — колючую проволоку, тюремные и карцерные двери, засовы, оконные решетки; через орудия труда — пилы, лопаты, отбойные молотки; нашивки с номерами заключенных; через могильные столбики, взятые с собой при эксгумации и перенесении прахов погибших ссыльных на родину в начале 1990-х гг.; наконец, через типовые предметы ссыльного и лагерного быта — телогрейки, валенки, алюминиевые миски и кружки.

Значительная часть этих предметов собрана литовскими экспедициями в 1990-е гг. в разных регионах Сибири, на местах бывших спецпоселков и лагерей. Сбор таких экспонатов, независимо от того, производился ли он профессиональными музейщиками для создания конкретных экспозиций, или членами общественных объединений бывших политзаключенных и ссыльных, или в семейной поездке, ориентирован на поиск *ненормальных* предметов, существование которых противоестественно. Так эти предметы прочитываются и в музее: смотрите — это то, чего не должно существовать. Поэтому, помимо показа потустороннего, ненормального мира, эти экспонаты свидетельствуют о преступлении, состоящем в создании нечеловеческого мира, о терроре, сопровождавшем советскую оккупацию.

Данное послание не всегда считывается само собой из самих этих старых тряпок и ржавых железяк; иногда оно может быть прочтено только в контексте действующей экспозиции, рядом с архивными документами и фотографиями.

В Музее ссылки и сопротивления (Каунас) выставлены табличка «Барак № 13. Секция № 1» и ящик-подголовник (в экспозиции лежит на нарах, сами нары являются реконструкцией). Ящик служил для хранения вещей и продуктов и был подобран в 1989 г. экспедицией Союза политза-

ключенных и ссыльных Литвы на территории одного из бывших лагерей в пос. Ермаково Красноярского края («Стройка № 503»). На внутренней стороне крышки — следы карандашных записей (ряды цифр): даты (1952, 1967, 1971) и арифметические расчеты ($365 + 365 + 60 + 3$ и ниже — итог: 793, предположительно, оставшийся или отбытый срок, сосчитанный в днях).

В Музее сопротивления и ссылки (г. Паланга) демонстрируется кусок колючей проволоки, привезенный той же экспедицией из того же Ермакова (и, возможно, с территории того же самого лагеря).

А в Музее сопротивления и депортации (г. Друскиникай) представлена табличка с могильного креста Людвикаса Раманаускаса с надписью на литовском языке: «Здесь покоится погибший в сибирской тайге литовский ссыльный Людас Раманаускас (1891–1949)»¹. Табличка была установлена родственниками на могильном кресте отца одного из партизанских командиров, умершего в с. Сарала Орджоникидзевского района Красноярского края, снята и увезена в Литву в 1989 г. при эксгумации и перезахоронении праха Л. Раманаускаса на родине.

Помимо экспедиционных материалов, к этой категории экспонатов относятся также и некоторые личные вещи, привезенные на родину при возвращении.

Накомарник. Принадлежал Ионасу Коклявичюсу, находившемуся в ссылке в Васюганском районе Томской области в 1951–1958 гг. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Самодельный гребень для сбора ягод в тундре. 1948–1956. Изготовлен Станиславой Куликаускайте-Янчерене в Игарке. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Приспособление для изготовления войлока из собачьей шерсти методом «сухого валяния» (фелтинг или фильцнадель). 1942–1957. Принадлежало ссыльной Э. Мижутавичене (пос. Тит-Ары (Якутия)). Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Шахтерская каска. Коми АССР, 1950-е гг. Передана в Паневежский краеведческий музей бывшим политзаключенным А. Шеменасом в 2004 г.

Лучковая пила. Троице-Печорский р-н Коми АССР, лагпункт Усть-Ляга, 1950-е гг. В 1997 г. передана в Паневежский краеведческий музей бывшей политзаключенной Оной Мингелайте, работавшей в лагере на лесоповале.

Кетмень. Таджикская ССР, Куйбышевский р-н, 1944–1953. Рабочий инструмент Лины Шубертайте, работавшей в ссылке на хлопковых плантациях.

Попробуем провести реконструкцию мотивации: зачем эти предметы были вывезены в свободную жизнь? Это очень ценные в неволе вещи, их трудно было достать или сделать, эти вещи служили верой и правдой хозяину, их просто нельзя было выбросить — их сохраняли из благодарности к ним. Позднее они оставались в доме, и их хранили на память о суровой Сибири и тяжелой работе. Кроме того, это некие диковины из чужой земли, их можно показывать дома, удивлять родных и близких.

¹ Здесь и далее надписи на литовском языке приводятся в нашем переводе.

Для нас важно, что эти вещи дороги, что они свои, к ним нет враждебности, они помощники и свидетели судьбы. И только существенно позднее, в музейной экспозиции, они станут свидетелями обвинения.

То же можно сказать и о менее экзотических предметах бытового обихода, привозимых ссылкойными домой чаще всего из практических соображений — какое-никакое, но единственное имущество, а иногда из соображений сентиментальных, как память о пережитом. Утратив в музейной экспозиции непосредственную связь с личной памятью владельцев, эти вещи стали свидетельствами тяжелой и скудной жизни: холода, голода, нищеты.

Алюминиевая миска. Норильлаг, между 1946 и 1956 гг. Принадлежала заключенному Юозасу Петрушкявичюсу. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Самодельная ложка, отлитая из алюминиевой проволоки. Коми АССР, 1946 г. Принадлежала заключенному Эдуардасу Водзинкасу. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Самодельные игла и наперсток. Хакасия, пос. Грязный, 1950-е гг. Принадлежали ссылкеному Антанасу Валенте, портному. Музей сопротивления и депортаций (г. Друскининкай).

Марлевая занавеска. Иркутская область, пос. Квиток, 1956 г. Сшита ссылкойной Морте Булайте из марлевых полосок; висела в ее комнате. В 1990 г. М. Булайте передала занавеску в музей «Аушрос» (Шяуляй).

Одеяло. Речлаг, 8-я шахта. В конце 1940-х — начале 1950-х гг. принадлежало заключенному П. Тамошюнасу. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Платье из полушерстяной ткани. Красноярский край, около 1953 г. Платье сшито и вышито ссылкойной Еленой Илгинайте. В 2006 г. Е. Илгинайте-Межетиене передала его в Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Чуни с короткими (возможно, отрезанными) голенищами, сшитые «на прямую колодку». Изготовлены в ссылке. Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Сапоги-чирки из сыромятной кожи с пришитым голенищем. Дер. Када, Красноярский край, 1948–1949 гг. Сшиты вручную. Принадлежали ссылкеному Константину Некрявичюсу. Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Сапожный инструмент. Принадлежал ссылкеному Казимерасу Юшкенасу, умершему в Сибири. Его сын, освободившись из ссылки, привез чемодан с инструментом в Литву. В 2006 г. Роза Юшкениене передала его в Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Только один музейный экспонат из этого ряда полностью сохранил заложенный хранителем импульс памяти. Это — лагерный номер. Частота появления в музеях споротых нашивок с личным номером заключенного, а также то обстоятельство, что ношение номеров было отменено еще в 1953 г., до начала массового освобождения из лагерей, полностью исключает случайность их сохранения; их хранили еще в заключении, прятали при обысках, тайно вывозили на волю при освобождении. Можно с уверенностью сказать, что для личной памяти номер является глав-

ным носителем памяти о терроре и единственным предметом, изначально сохраненным в качестве вещественного доказательства. Для этого его хранили, в этом качестве он экспонируется и в музеях.

Лагерный номер «Б-2-355» политзаключенной Оны Дуобините. Озерлаг, 1952. Музей партизанского округа «Таурас» и ссылки (Мариямполь).

Лагерный номер «А-1-176» политзаключенной Эяны Валявичуте, Речлаг. Паневежский краеведческий музей.

Темно-серое женское платье из штапельной ткани, с пришитыми на спине и на подоле номерами «Х-526». Озерлаг, начало 1950-х гг. Платье принадлежало политзаключенной учительнице Руте Муртайте. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Более того, нередко бывшие заключенные сдавали в музей не оригинальный номер, вывезенный из лагеря, а специально для музея созданный симулякр, причем некоторые из них уверяли, что номер подлинный.

Вообще, после открытия первых музейных экспозиций некоторые бывшие заключенные и ссылки, у которых не сохранились вещи, несущие память о несвободе, стали создавать симулякры. Причем кое-кто уверял, что это именно подлинная вещь, вывезенная из лагеря или ссылки.

Приведу только один пример.

В экспозиции музея сопротивления и депортаций (Друскининкай) представлены два экспоната — алюминиевая кружка фабричного производства с процарапанной на ней надписью «Varkuta/50—55 m./Kašeta. Z./O.L.P.-59» и алюминиевая ложка с точно такой же надписью. Зенонас Кашета был арестован в июле 1950 г. и находился в заключении в Воркутлаге (ОЛП № 59) с 1951 по 1955 г. В конце 1990-х гг. он передал кружку и ложку в музей, где они сопровождаются следующей этикеткой: «Алюминиевая кружка и ложка, принадлежавшие Зенонасу Кашете. Воркута, ОЛП № 59. 1950—1955». Есть основания считать, что З. Кашета создал артефакт в поздние годы: так, цена в копейках, оттиснутая на кружке, показывает, что она могла быть изготовлена только после реформы 1961 г. Мы не можем, к сожалению, восстановить всю историю создания артефакта. Когда были куплены эти вещи, когда нанесены надписи: в 1960—1980-е гг. или непосредственно при передаче в музей? Также мы не можем узнать, как Зинонас Кашете сам объяснял их происхождение: может быть, им они были представлены как копии предметов, которыми он пользовался в лагере («точно такая кружка и ложка, как была у меня в лагере»); может, передал их без комментария; а может, и схитрил, наделив обычные кружку и ложку памятью лагеря.

Причина создания подобных нехитрых муляжей очевидна. Это желание усилить рассказ о лагере и ссылке материальным свидетельством, сожаление создателя симулякра о том, что у него подлинные вещи не сохранились, ревность к тем, кто их сохранил. Именно на этих примерах видим, насколько важно свидетелю «овеществить» свой личный опыт и свою личную память, свою собственную сопричастность.

Отдельное место в этом послании занимает тема чужбины в прямом смысле этого слова — чужой, незнакомой и удивительной страны. Сама по себе, вне контекста несвободы и страдания, эта тема не всегда несет в себе отрицательные коннотации. Скорее, напротив: как для хранителя

памяти, так и для посетителя музея, считывающего послание, образ чуждавшейся страны, так непохожей на родные места, вызывает определенные экзотически-романтические ассоциации. Основным способом музейной передачи этой стороны изгнания становится этнографизм.

Заметим, что этнографизм ощутимо присутствует и в российских музейных экспозициях, посвященных ГУЛАГу, но там он играет совершенно иную роль. В российских музеях этнография «страны зэка» — показ лагерных кружек, ложек, мисок, телогреек, пил, лопат и тачек — полностью или почти полностью вытесняет музейное осмысление исторической трагедии и преступлений, совершенных государственной властью. С предметного ряда, представленного в этих экспозициях, считывается примерно такое послание: «ГУЛАГ — это такое место, где живут заключенные. Живут они в бараках, ходят в бушлатах и телогрейках; едят из алюминиевых мисок алюминиевыми ложками. Лес пилят, уголь добывают, дороги прокладывают... А еще эти бараки обнесены колючей проволокой, а по углам стоят вышки с часовыми. А еще там много и тяжело работают, мало едят, много болеют и умирают...»

Не то в литовских экспозициях. Здесь этнографизм не несет функций вытеснения и замещения. Он проявляется в демонстрации элементов неведомого края (интересные камни, образцы руды, кедровые шишки, вереск и пр.), который называется «Сибирь». Это «послание» можно сформулировать так: «ГУЛАГ (лагерь, ссылка) — это такое место, куда были депортированы советскими властями наши земляки. Они были изгнаны из родного края и находились в неволе, их заставляли работать и плохо кормили, многие умерли. Этот ГУЛАГ находится в “Сибири”, на краю света. Там очень холодно, тайга, тундра, невиданные деревья, съедобные шишки, шахты и лесоповал». Вроде бы похоже, но послание все же другое, в нем содержится интерес к жизни, к неведомому краю, пафос преодоления. Замечу, что это музейное послание освоено, например, литовской молодежной организацией «Миссия Сибирь», в экспедициях которой гармонично сочетается память о невернувшихся земляках с романтическим путешествием на край света.

Здесь «неволя» и «чужбина» оказываются разведены. Неволя — это память о терроре, чужбина же несет в себе дополнительные позитивные коннотации путешествия в неведомые края и преодоления. Именно этой дополнительной функцией объясняется как обилие сувениров природного происхождения среди предметов, которые привозили и десятилетиями хранили у себя дома возвратившиеся из ссылки литовцы, так и присутствие этих сувениров — заметим, крайне редких для «гулаговских» экспозиций российских музеев — в соответствующих экспозициях музеев Литвы. Такие экспонаты встречаются в разных музеях, они, как правило, находятся среди «экспонатов террора» и придают интонационный (и отчасти смысловой) объем экспозиции.

Кедровая шишка и орехи, привезенные из ссылки. Северный Урал, 1950-е гг. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Минералы (4 образца). Привезены бывшим политзаключенным Пранасом Шукисом из Норильска, где он работал в шахтах. Переданы в Паневежский краеведческий музей А. Шеменасом в 2004 г.

Арсенопирит. Привезен с Колымы; подарен бывшему политзаключенному Севвостлага Габриелису Милашюсу другим бывшим политзаключенным, эстонцем. Музей сопротивления и ссылки (Паланга).

Коллекция минералов в деревянной коробке. Дзезказган, 1954–1956 гг. Образцы собраны Ионасом Грицюсом (род. ок. 1930) в заключении. Им же сделано подробное описание коллекции — в виде таблицы на внутренней стороне крышки; в ряде случаев сделан комментарий, указаны шахты, в которых работал Грицюс. Над таблицей надпись на литовском языке: «В 1954–1956 я был в Дзезказганских медных рудниках, там на глубине 150–270 м похоронены годы моей юности...»; перечислены места и даты: Бийск, Новосибирск, Кенгир, Дзезказган. Коллекция передана И. Грицюсом в Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле) в 2010 г.

Пуговица из кости мамонта. Пос. Трофимовск (Якутская АССР, устье р. Лены), 1940-е гг. Изготовлена ссыльным Черняускасом, трудмобилизованным в 1942 г. на рыбозаготовки. Принадлежала ссыльной Марии Сирутиене. Паневежский краеведческий музей.

Изделия из мамонтовой кости: мундштук, пресс-папье, пряжка, наперсток, пуговицы, гребень. Пос. Быков Мыс (Якутская АССР, устье р. Лены), 1944–1947 гг. Изготовлены братьями Чернецкисами, ссыльными, трудмобилизованными в 1942 г. на рыбозаготовки. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

В концентрированном виде этнография сибирской ссылки представлена в Музее литовского народного быта — этнографическом музее под открытым небом в г. Румшишкес. Музей занимает площадь 175 га, и на этой территории в четырех секторах размещено более 140 подлинных жилых домов, зданий и сооружений, характерных для четырех этнографических регионов Литвы; воссозданы интерьеры традиционного литовского жилища, выполнена реконструкция усадеб; представлены образцы народной деревянной скульптуры.

В начале 1990-х гг. в эту конструкцию органично вписался пятый сектор — Сектор ссылки и сопротивления, включающий в себя мемориальную экспозицию «Ссылка». Инициатива создания экспозиции принадлежит обществу «Лаптевцы» (председатель И. Маркаускас) — объединению депортированных литовских граждан, отправленных в 1942 г. к морю Лаптевых на рыбный промысел. В 1991 г. установлен первый памятный знак — резная дубовая стела «Христос Скорбящий» (копия стелы, установленной литовской экспедицией в 1989 г. на Быковом Мысу в Якутии; автор В. Гибавичюс); в 1994 г. — памятная стела «Скорбь семьи» (автор Т. Патеюнас). В 1996 г. была построена землянка-барак (так называемая юрта), представляющая быт литовских ссыльных в Арктике. Сбор средств и строительство юрты организованы обществом «Лаптевцы» (проект — Р. Путвис; подготовка торфяных плит и организация постройки — И. Маркаускас; стройматериалы — А. Вилкайтес; создание муляжей рыболовецкого инвентаря и нарты — Р. и В. Стаугайтисы). Рядом установлен товарный вагон образца 1935 г. (в таких вагонах перевозили депортированных), в котором находится экспозиция, посвященная истории массовых депортаций жителей Литвы начиная с июня 1941 г. Представлены стенды с картами мест, где находились ссыльные литовцы, фотографиями, а также с детскими рисунками на тему высылки литовцев, сделанными в современной Литве.

Частью экспозиции является инсталляция из сотен карточек с именами ссыльных, прикрепленных на нитях к потолку вагона. В юрте воссоздан интерьер жилого помещения, в том числе макеты нарт и рыболовецкого инвентаря, которыми пользовались ссыльные в Якутии; автор макетов — Ромуальдас Стаугайтис, высланный в 1941 г. в возрасте 17 лет в Алтайский край и направленный в 1942 г. вместе с матерью и двумя братьями «на рыбу» в Трофимовск и Тит-Ары. Также представлены экспонаты, собранные бывшими ссыльными на севере Якутии во время экспедиции 1989 г. по местам лагерей и ссылок: приспособление для выделки оленьих шкур, копылья от нарт и др. Ежегодно 14 июня, в День скорби и надежды, в память о жертвах депортаций общество «Лаптевцы» проводит у мемориального комплекса традиционную встречу. На торжественное мероприятие приезжают бывшие ссыльные, члены их семей, депутаты Сейма, представители правительства и общественности, гости. В этом мемориальном комплексе «террор» представлен вагоном с исторической экспозицией, «скорбь о невернувшихся» — памятниками, а «чужбина» — юртой с этнографическими экспонатами.

Послание второе. Всюду жизнь

Предметы, несущие в себе это послание, рассказывают посетителю не о терроре, депортациях, ссылках и лагерях. Они свидетельствуют о том, без чего человек не может оставаться человеком. Вещи, говорящие об обычных человеческих отношениях (поздравить друга с днем рождения, написать стишок в альбом, обустроить быт, создать уют), в условиях несвободы приобретают особый смысл, становятся реликвиями уже в момент создания и дарения, становятся магическим знаком — «на память». Это обычная функция реликвий, только многократно усиленная условиями лагеря и ссылки. В изгнании все обычные человеческие отношения (знакомство, дружба, помощь), творческие устремления, обустройство быта усиливаются и становятся сверхценностью, способом противостояния нормального ненормальному, залогом возвращения к обыкновенной человеческой жизни.

В данном контексте прочитываются все предметы, выходящие за пределы задач выживания, бытовой и хозяйственной прагматики, все то, что украшает повседневную жизнь, вводит в нее игровое и художественное начало. Это послание не имеет или почти не имеет национального аспекта.

Вышитая дорожка. Красноярский край, 1950-е гг. Изготовлена ссыльной Эленой Илгинайте-Межетиене. Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Самодельные шахматы. Цимлянский ИТЛ, 1953 г. Изготовлены политзаключенным Владасом Равкой. Музей «Аушрос» (Шяуляй).

Артефакты могут создаваться «на память» о значимых (иногда — трагических) событиях собственной жизни до ссылки и ГУЛАГа.

В Прекуле, в Музее ссылки и борьбы за свободу, хранится вышитый прикроватный коврик, изготовленный в 1952 г. 18-летней спецпоселенкой Рутой Пенкаускайте в Ачинском районе Красноярского края. Рута Пенкаускайте родилась и жила в Прекульском районе Литвы. В «легенде», составленной к экспонату, рассказывается, что девушка была влюблена в

одного из местных партизан. Молодой человек был захвачен карателями и публично казнен на площади города, в котором жила Рута. Девушка рвалась на площадь, но родители ее не пустили. Вскоре Рута с семьей была выслана в Сибирь. В 1951–1956 гг. она находилась на спецпоселении в Ачинском районе Красноярского края. В память о любимом человеке она вышила в ссылке коврик с изображением девушки и фразой на литовском языке: «Ты обворожил мою душу».

Эти артефакты могут создаваться в память о членах семьи. Например, портрет сестры, сделанный по фотографии в лагере по просьбе брата.

Антанас Жинджюс. Живописный портрет Стефании ИвошкUTE. Воркутлаг, 1957 г. Портрет написан по фотографии заключенным ОЛП № 14 (шахта № 7). С просьбой написать портрет сестры к Жинджюсу обратился его друг и сокамерник Пятрас Ивошкус. Раму изготовил политзаключенный того же ОЛП Касис Суткус. Передан в музей «Аушрос» (Шяуляй) П. Ивошкусом в 1998 г.

К этой же сфере относится и «гулаговское искусство» — художественные произведения, символически передающие сообщение о жизни в неволе.

Вышитое панно «Девушка за решеткой» (экспонируется под названием «Через зарешеченное окно я вижу солнце»). Кенгирское отделение Степлага, конец 1940-х гг. Изготовлено политзаключенной Петронеле Аксамитаускайте. Для вышивки ею было использовано полотно от посылочного ящика, предварительно отбеленное золой; нитки она вытягивала из одежды, вышивала иглой из рыбьей кости. Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Особую группу составляют предметы, включенные в подарочную коммуникацию. Подарок как таковой — уже символический и ритуальный знак «человеческого» измерения нечеловеческой жизни. Диапазон предметов-подарков широк: от полезных в быту вещей (наволочка, кошелек и т. д.) до сувениров, лишенных практической функции. И в обычной жизни подарок в силу своей ритуальной природы обладает особым потенциалом сохранности. Этот потенциал многократно возрастает в неволе: может случиться, что человек, увозимый на этап или выходящий на свободу и получивший от сокамерника подарок «на память», никогда больше не встретится с тем, кто его подарил.

Эти предметы рождаются со знаком «реликвия» или «сверхценность», их бережно хранят, прячут на обысках, передают в надежные руки для отправки домой или на временное хранение. Их ценность не подлежит пересмотру.

Наволочка с вышитой надписью на литовском языке: «Господи, благослови тебя!» Вышивка сделана в Норильском лагере Пятрасом Клангаускасом в 1953 г. в подарок Винцасу Базилявичюсу. Музей ссылки и сопровитвления (Каунас).

Кошелек с вышитой надписью на литовском языке: «В ожидании свободы». Дубравлаг, пересыльный ОЛП № 18 (Потьма), 1951 г. Подарок двух неизвестных заключенных-литовок политзаключенному Ромуальдасу Василяускасу. Музей ссылки и сопровитвления (Каунас).

Футляр для фотографий. УСВИТЛ, Ванинский пересыльный лагерь, 1950 г. Изготовлен политзаключенной Эльзой Габрилявичуте (род. 1918) в подарок подруге Оне Ведериене-Зонене, остающейся в лагере. На внутрен-

ней стороне обложки вышита дарственная надпись на литовском языке: «Барышне Онуте — Эльза. 26 июля 1950. Бухта Ванино». Передан О. Ведириене-Зонене в музей «Аушрос» (Шауляй) в 1990 г.

Самодельная деревянная шкатулка с сельским пейзажем на крышке. Игарка, между 1948 и 1957 гг. Шкатулка изготовлена Антанасом Петраускасом (1926—1980) в ссылке в Игарке в подарок сестре Ангеле Петраускайте (род. 1933). Оба — брат и сестра — находились в Игарке в ссылке. Шауляйский музей «Аушрос».

Сувенир из березового спила. Потьма (Дубравлаг), 1950 г. Подарок, полученный Лидией Граудинайте от ее сокамерницы Алдоны Мекшрайтите. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Ярким проявлением послания «всюду жизнь» становятся памятники бытовой письменности — от поздравительных открыток до девичьих альбомов и даже рукописных журналов. Восстановление в условиях несвободы механизмов традиционной письменной культуры, как и существование искусства в ссылках и лагерях, — свидетельство неискоренимости культурных императивов и инстинктов.

Самодельная рождественская открытка. Ангарлаг, 1955 г. Открытка подарена Петронеле Аксамитаускайте, предположительно, одним из ее сокамерников. Внутри текст на литовском языке: «Счастливого Святого Рождества! Я хочу, чтобы ты была беззаботна и счастлива. Stepas. 25/XII.55». В 2005 г. П. Аксамитаускайте передала открытку в Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Самодельная поздравительная открытка. Минлаг (Инта), 24.05.1952. Два рисунка под одной обложкой, сделанные политзаключенной Ядвигой Шилаускайте в подарок на день рождения подруге по лагерю Стефании Вечерските. Музей сопротивления и ссылки (г. Паланга).

Альбом. Кенгирское отделение Степлага, 1948—1951 гг. Принадлежал Петронеле Аксамитаускайте. Страницы альбома заполнены рисунками (цветы, пейзажи, буквицы) и текстами на литовском языке. Тексты в основном стихотворные, по большей части это пожелания от друзей по лагерю. Несколько записей сделаны рукой самой П. Аксамитаускайте, в том числе стихотворение «Sibiras», датированное 21.10.1948, а также два стихотворения о Кенгире, датированные 1951 г. Обложку для альбома П. Аксамитаускайте изготовила из ткани от своего пальто, вышивала иголкой из рыбьей кости. В 2005 г. передала открытку в Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

«Rošimtskalakutų...» («Чтоб тебя сотня индюков...»). Юмористический рукописный журнал. 1955. № 2. В выходных данных указаны ответственный редактор «Пашня» и технический редактор «Домовой». Журнал выпускали политзаключенные Минлага (Инта); среди прочих в его подготовке участвовали священники Альфонсас Сваринкас и Казимерас Василяускас. Журнал в юмористической форме описывает повседневную жизнь лагеря. В номере представлены стихи, анекдоты из лагерной жизни, правила лагерного этикета, юмористический кроссворд, объявления. В приложении — обращение к читателям, которых просят участвовать в подготовке журнала: присылать фельетоны, хроники, куплеты, карикатуры, статьи о моде и т. д. Передан в музей «Аушрос» (Шауляй) Клементасом Кучинскас в 1991 г.

Альбом с крышками из бересты. Алтайский край, 1951–1956 гг. Принадлежал ссыльной Антанине Варкалайте-Балтрушене; в этот альбом она записывала стихи на литовском, русском и французском языках. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

В рамках этого же послания можно рассматривать письма, открытки из лагерей и ссылок, подарки родным, полученные заключенными и ссыльными весточки с родины. Одним из важнейших аспектов лишения свободы является разлука с близкими. Поэтому письма на волю и письма с воли — это всегда преодоление несвободы. Даже если содержание письма сугубо бытовое, а подарок незатейлив, все равно в каждом письме из лагеря явно или неявно присутствует как преодолеваемая неволя, так и свобода, обретенная через коммуникацию.

Самодельная новогодняя открытка. 1948 г. Получена Зитой Раштутите, находившейся на спецпоселении в Ачинске. На обороте — вышитый текст на литовском языке: «Зите — тетя. Урал. 1948». Музей сопротивления и ссылки (Паланга).

Самодельная рождественская открытка. Речлаг, 1955 г. Нарисована на фигурно вырезанном листе плотной бумаги. Изображен зимний пейзаж с домиком и елью. На лицевой стороне надпись на литовском языке: «С наступающим Рождеством». На обороте текст на литовском языке — письмо политзаключенного Витаутаса Коротейюса матери: «Милая мамочка! Посмотри на нарядную елочку, которая наряжена перед сочельником в белое, и вспомни меня, как мы вместе сидели, и мыслями побудь со мной. Ваш сын Витаутас. Воркута, 17.12.1955». Музей сопротивления и депортаций (Друскининкай).

Письмо Игнаса Урбайтиса из Понышлага (ЛК № 1, г. Чусовой, Молотовская область) жене в Шауляй; датировано 04.03.1948. Адвокат Игнас Урбайтис был арестован в 1944 г., приговорен к 25 годам ИТЛ и 5 годам ссылки; умер в 1952 г. в Озерлаге. Находясь в заключении, регулярно писал жене и детям. В 2001 г. сын Игнаса Урбайтиса Людвикас Урбайтис передал письма отца в музей «Аушрос» (Шауляй).

Письмо бывшего политзаключенного (освобожден в 1957 г.), католического священника о. Станислава Добровольского из Литвы в Сусловское отделение Сиблага. Письмо адресовано политзаключенной Ниоле Гашкайте, студентке Каунасского политехнического института, арестованной в 1958 г. и приговоренной к 7 годам ИТЛ. Датировано 17.11.1959. С о. Станиславом Гашкайте познакомилась заочно, через учительницу и монахиню Дануте Мушинскайте, и, находясь в лагере, вступила с ним в переписку духовного характера (вопросы веры и т. д.). В 1992 г. письма о. Станислава были переданы Н. Гайшкайте в музей «Аушрос» (Шауляй).

Послание третье. Сопротивление. Любовь к родине. Сохранение идентичности

Это послание в первую очередь транслируется через элементы национальной символики (в особенности — через символы независимости Литвы), изображаемые на различных лагерных предметах, чаще всего на подарках соллагерникам. На деревянных шкатулках, портсигарах, мундштуках

изображались: триколор (желто-зелено-красный флаг межвоенного — и современного — Литовского государства); «Гедиминовы столбы» (геральдический символ великих литовских князей династии Гедиминовичей) или изображение башни Гедиминаса в Вильнюсе; «Витис» (или «Погоня» — государственный герб независимой Литвы); «Железный волк» (фольклорный персонаж, фигурирующий в легенде об основании Вильнюса, изображение которого также использовалось в официальной государственной символике Литвы); двойной («лотарингский») крест — геральдический символ династии Ягеллонов; дубовые листья и желуди — традиционные элементы национального орнамента. Та же символика встречается в вышивках и на самодельных открытках.

Вышивка с «Гедиминовыми столбами». Воркутлаг, 1950 г. Работа политзаключенной Зофии Рагалинскене, осужденной за вывешивание национального флага. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Алюминиевая ложка. 1950-е гг. На оборотной стороне ручки вырезаны литовские национальные символы: двойной крест на щите, два дубовых листа и два желудя. Ложка принадлежала семье Люции Шимкиене, депортированной в 1948 г. в Бурят-Монгольскую АССР. Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Портсигар. 7-й лагпункт Дубравлага, между 1948 и 1953 гг. Принадлежал политзаключенному Стасису Велминкасу. На крышке портсигара изображен герб «Витис», на внутренней поверхности крышки — инициалы Стасиса Велминкаса, «Гедиминовы столбы», изображение дубовых листьев и дата 16 февраля 1918 (день провозглашения независимости Литвы). Портсигар изготовлен венгром по фамилии Сабо — сокамерником Стасиса Велминкаса; рисунок выполнен Чапайтисом из Каунаса — другим сокамерником Велминкаса. В 1997 г. передан Велминкасом в музей «Аушрос» (Шяуляй).

Резная деревянная шкатулка. Ухтижемлаг, 1954 г. Изготовлена политзаключенным Пятрасом-Казисом Илгунасом в подарок Александре Богушайте, бывшей сокамернице его отца, которая в это время находилась в ссылке в пос. Спасск Карагандинской области. На крышке вырезаны изображения башни Гедиминаса и Железного волка, обрамленные венком из дубовых листьев, на внутренней стороне — резное панно с инкрустацией, изображающей герб «Витис». Музей сопротивления и депортаций (Друскининкай).

«Двойной крест», украшенный резьбой. Озерлаг, не позднее 1954 г. Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Самодельный футляр. Изготовлен в Воркуте. На верхней крышке вырезано изображение башни Гедиминаса и инициалы владельца. На задней крышке жанровая картина: северный пейзаж, человек на нартах, запряженных оленями, и даты: «1944.XI.3 — 1959.XI.3». Внутри находится женская фотография в медальоне. Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Иногда эта символика изображена в явном и полном виде, иногда встречается в цветочном орнаменте как переплетение дубовых листьев и ленточек желтого, зеленого и красного цвета. Бывают и изображения только с намеком на национальную символику, например желто-зелено-красная гамма по периметру основного изображения или текста.

Самотканая книжная закладка, выполненная в цветах литовского триколора. Минлаг (Инта), между 1949 и 1955 гг. Изготовлена политзаключенным Эдвардасом Римкусом. На закладке вышита надпись на литовском языке: «В ожидании свободы». Музей «Аушрос» (Шяуляй).

Мундштук. 7-й лагпункт Дубравлага, между 1948 и 1953 гг. Принадлежал политзаключенному Стасису Велминкасу. Вставки из цветной пластмассы повторяют цвета литовского триколора. (Идея изготовления мундштуков с национальной символикой принадлежала политзаключенному того же лагпункта Пятрасу Эйчюсу.) В 1997 г. мундштук передан Велминкасом в музей «Аушрос» (Шяуляй).

Открытка, вышитая на ткани. Дубравлаг (Потьма), 1949 г. Работа политзаключенной Лидии Граудинайте. В правой верхней части — символическое изображение красно-зелено-желтого полотнища, перехваченного траурной лентой. В центре текст на литовском языке: «Дорогая мамочка! Помни о страдающей без Тебя и Родины дочери. Лида». Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Гроздь желудей, связанная из ниток. УСВИТЛ, между 1948 и 1955 гг. Изготовлены политзаключенной Региной Маюрайте. Музей сопротивления и ссылки (Паланга).

Борьба за свободу и независимость Литвы неразрывно связана с католицизмом, с сохранением не только веры, но и обрядов, в том числе в условиях ссылки. Об этом говорит вся лагерная религиозная атрибутика. Это в первую очередь самодельные нательные кресты. Они делались из дерева (прутиков и щепочек), иногда отливались из алюминия, встречаются также вязаные и смотанные из ниток. Самодельные распятия и иконы (деревянные или алюминиевые) чаще изготавливали в ссылке, где было больше возможностей достать материалы и инструменты.

Самодельное распятие. 1940–1950-е гг. Принадлежало Альдоне Юшкевичюте-Басаликиене, которая находилась в ссылке в пос. Танзыбей Ермаковского района Красноярского края. Музей сопротивления и депортаций (Друскининкай).

Самодельный резной крест. Минлаг (Абезьское отделение), 1952 г. Принадлежал заключенному священнику Антанасу Каубре. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Самодельный костяной крестик. Конец 1940-х гг. Подарок от епископа Пранаса Раманаускаса, заключенного одного из интинских лагерей, своей солагернице И. Казискиене. Хранится в Музее сопротивления и ссылки (Паланга).

Самодельный нательный крест на бечевке. Ухта, 1940-е гг. Крест вырезан из кости, бечевка — аутентичная. Принадлежал политзаключенному Ионасу Мисявичюсу. В 1996 г. передан г-жой Мисявичиене в Паневежский краеведческий музей.

Икона (фрагмент переносного алтаря). Пос. Алзамай Иркутской области, между 1949 и 1956 гг. Написана ссыльным Стасисом Жиронасом; он же изготовил алтарь и дароносицу, которые использовались в 1950–1958 гг. священниками Абственкасом и Размантасом во время тайных католических месс в домах ссыльных литовцев. Музей «Аушрос» (Шяуляй).

Панно «Благой Пеликан». Вышито в ссылке в Сибири. Использовалось во время религиозных церемоний. Передано в Музей ссылки и борь-

бы за свободу (г. Прекуле) Клайпедским отделением Союза политзаключенных и ссыльных Литвы.

Следующими по важности являются молитвенники, их можно рассматривать как документ (переписанные или воспроизведенные по памяти тексты) и соответственно анализировать как варианты и версии списков, имевших хождение в лагерях и ссылках. Однако в музеях они представлены как предметы и выступают в качестве свидетельства о существовании духовной и религиозной жизни.

Молитвенник. Воркутлаг, между 1953 и 1955 гг. Принадлежал священнику Антанасу Илюсу, бывшему начальнику штаба, капеллану и руководителю медслужбы партизанского округа «Таурас». Музей «Аушрос» (Шяуляй).

Самодельный молитвенник. Пос. Алзамай Иркутской области, между 1949 и 1956 гг. Изготовлен ссыльным Стасисом Жиронасом. Музей «Аушрос» (Шяуляй).

Рукописный молитвенник. Минлаг (Абезь), между 1948 и 1954 гг. Изготовлен неизвестной заключенной Абезьского отделения Минлага и подарен ею священнику Винцентасу Велявичюсу, также заключенному этого лаготделения. Взят Велявичюсом с собой при этапировании его в Дубравлаг, а в 1956 г., при освобождении, вывезен им на волю. Передан в Музей жертв геноцида (Вильнюс) Юрате Вилюте, племянницей В. Велявичюса.

Миниатюрный рукописный молитвенник. Севвостлаг, 1954 г. Подарен политзаключенной Регине Маюрайте на Пасху. Музей сопротивления и ссылки (Паланга).

Миниатюрный рукописный молитвенник 3,5 × 4,5 см. Принадлежал политзаключенному Винцасу Пелецкису, был вместе с ним в Дубравлаге. В 2006 г. передан родственниками Пелецкиса в Музей партизанского округа «Таурас» и ссылки (г. Мариямполь).

Традиционным подарком друзьям и в лагерях, и в ссылках (и таким образом самым распространенным экспонатом в музеях) были самодельные четки. Они присутствуют во всех экспозициях без исключения. На мой взгляд, именно четки вобрали в себя основную суть послания литовской национальной памяти из лагерей и ссылок в современность. Остается понять, почему именно четки оказались тем универсальным знаком памяти, который мы, современники, прочитываем как образ литовского неподчинения террору и памяти о ГУЛАГе. Рассмотрим это более подробно:

1) послание о терроре и трудностях лагерной и ссыльной жизни; скудные материалы, из которых изготовлены четки; весть о тюрьме: четки из хлеба чаще всего изготавливали в тюремных камерах. К тому же четки являлись для заключенных полузапрещенным предметом;

2) послание о любви и дружбе; четки — один из самых распространенных подарков;

3) послание о родине и вере; четки — один из знаков принадлежности к литовскому землячеству. (Заметим, что среди культовых предметов, принадлежавших ссыльным полякам, четки встречаются довольно редко.)

Четки из хлеба. Шяуляй, тюрьма НКВД; 1951 г. Сделаны заключенной по имени Валите в подарок сокамернице, Станиславе Вилкиене. В 1989 г. переданы С. Вилкиене-Рагайшенев. Музей «Аушрос» (Шяуляй).

Четки из хлеба. Дубравлаг; между 1948 и 1955 гг. Принадлежали Лидии Граудинайте. Музей ссылки и сопротивления (Каунас).

Четки из хлеба и чехол к ним. Вильнюс, следственная тюрьма Лукишкис; 1948 г. Изготовлены заключенной Петронеле Аксамитаускайте; чехол сшит и вышит иглой из рыбьей кости, на лицевой стороне вышитый девиз на литовском языке: «Утешение и надежда». В 2010 г. четки и чехол к ним переданы П. Аксамитаускайте в Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Вязаные узелковые четки-вервица; к четкам привешен алюминиевый медальон с изображением Спасителя. Принадлежали Иозасу Каушите, бывшему заключенному и ссыльному. Музей ссылки и борьбы за свободу (г. Прекуле).

Самодельные четки из деревянных бусин, нанизанных на проволоку; к четкам привешен алюминиевый крест. Степлаг (г. Балхаш), 1949 г. Изготовлены политзаключенным М. Петкявичусом. Музей сопротивления и ссылки (Паланга).

Самодельные четки, изготовленные в лагере. Миниатюрные бусины (зерна) изготовлены из ручки зубной щетки, звенья — из пластмассы, соединения — из медной проволоки. Крест и медальон-сердечко — алюминиевые. Музей сопротивления и ссылки (Паланга).

Культовые предметы в музейных экспозициях подтверждают распространённое представление о приверженности католической вере как стержню литовской национальной идентичности. Специфика данного предметного ряда усиливает это представление, выводя предметы с религиозной атрибутикой на первый план. Оценивая значение этих реликвий, мы не можем не учитывать историю их бытования и хранения. Сакральные реликвии (т. е. реликвии, имеющие помимо личного памятного наполнения еще и религиозное значение) получают дополнительный импульс сохранности. Их ценность не подлежит пересмотру, их нельзя не только выбросить, но и потерять. Это древний запрет на уничтожение культовых предметов равно работает и для верующего, и для атеиста. Отсюда высокая сохранность этих предметов в лагерях и ссылках (их особенно берегли), отсюда обязанность хранить их после возвращения. Единственный допустимый способ расстаться с культовой вещью — это передача ее в музей.

Особый случай: возвращение вещей на родину

Расскажу две уникальные истории об экспонатах с особой судьбой.

Первая история — возвращение шали (записана мною со слов Ионаса Маркаускаса, председателя общества «Лаптевцы», город Каунас).

В самом конце 1990-х гг. к Маркаускасу пришла пожилая женщина, приехавшая в Каунас из Якутии. По ее рассказу, когда в 1942 г. на север Якутии привезли литовцев, она выменяла у одной ссыльной ее шаль, отдав за нее продукты. Имени этой ссыльной литовки она, конечно, не спросила. Более 50 лет она пользовалась этой литовской шалью, вынянчила в ней всех своих детей. Дети давно выросли, и когда она прочитала в газете, что в Литве создан музей «якутской юрты», то решила, что шаль должна вернуться на свою родину. Шаль хранится в фондах Военного музея.

Вторая история — история обручального кольца.

В 2009 г. председатель Якутского отделения общества «Мемориал» В.В. Прибыткина получила письмо от жительницы пос. Турухта Ленского района Республики Саха (Якутия) Лидии Иннокентьевны Гомзяковой. Она рассказала, что ее отец Иннокентий Борисович Гомзяков (1917–1993) с 1946 г. был основателем и директором Турухтинской школы и преподавал в этой школе. И что одна литовская ссыльная в знак благодарности — Гомзяков много помогал литовским спецпоселенцам — подарила ему свое обручальное кольцо. Сама Лидия Иннокентьевна была маленькой и историю подарка знает со слов родителей. На внутренней стороне кольца есть гравировка «Juozas». Л.И. Гомзякова написала, что хотела бы найти потомков этой женщины и отдать им кольцо. В.В. Прибыткина связалась с Ионасом Маркаускасом, а он, в свою очередь, — с вильнюсским Центром исследований геноцида и резистенции жителей Литвы. Литовские историки выяснили, что в пос. Турухта Ленского района в 1940–1950-е гг. находилось 114 литовских спецпереселенцев. И только один взрослый мужчина, глава семьи Качюлисов, носил имя Юозас. Кольцо, таким образом, принадлежало Сюзанне Качюлене (1906–1967), жене Юозаса Качюлиса (1908–1972). Выяснилось также, что сын Юозаса Качюлиса, Римантас Качюлис, который ребенком был отправлен вместе с родителями в ссылку и был с ними в Турухте, жив и живет в Литве, в г. Игналина.

В октябре 2010 г. В.В. Прибыткина, приехав в Санкт-Петербург для участия в международном семинаре «Забутые могилы», передала кольцо другой участнице семинара — Регине Сташишките, сотруднице Центра исследований геноцида и резистенции жителей Литвы. В ноябре 2010 г. кольцо было передано Р. Качюлису.

В основе этих двух поразительных историй о возвращении на Родину вещей-свидетелей лежит твердая уверенность в том, что не только люди должны быть свободными, но и вещи должны лежать на своих местах — тогда они обретают настоящую память. Важно и то в этих историях, что и неизвестная якутская женщина с шалью, и Лидия Гомзякова литовских ссыльных знали мало, кому лично надо вернуть эти предметы понятия не имели, но при этом относились к ним как к реликвиям. И совершенное ими действие было необходимо с точки зрения логики их собственной личной памяти.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аблажей Наталья Николаевна, доктор исторических наук, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Башкуев Всеволод Юрьевич, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Клейн-Гуссефф Катрин (Klein-Gousseff Catherine), Центр изучения российского, кавказского, центрально-европейского пространства (Серсес, EHES/CNRS, Париж, Франция)

Красильников Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Кретинин Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Маркдорф Наталья Михайловна, доктор исторических наук, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово, Россия)

Мурашко Галина Павловна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Центр по изучению общественных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны (Москва, Россия)

Носкова Альбина Федоровна, доктор исторических наук, Институт славяноведения РАН, Центр по изучению общественных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны (Москва, Россия)

Покивайлова Татьяна Андреевна, кандидат исторических наук, Институт славяноведения РАН, Центр по изучению общественных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе после Второй мировой войны (Москва, Россия)

Рожанский Михаил Яковлевич, кандидат философских наук, Центр независимых социальных исследований и образования (Иркутск, Россия)

Салахова Лариса Марсовна, кандидат исторических наук, Восточно-Сибирская государственная Академия образования (Иркутск, Россия)

Сарнова Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Слоистов Сергей Михайлович, Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Флиге Ирина Анатольевна, директор РОУ НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург, Россия)

Шаповал Юрий Иванович, доктор исторических наук, Институт политических и этнонациональных отношений (Киев, Украина)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть 1

ДЕПОРТАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ И КАМПАНИИ

<i>Носкова А.Ф.</i> Депортации немцев из Польши: геополитика и мораль в решениях великих держав	3
<i>Кретинин С.В.</i> Массовое выселение этнических немцев с румынских территорий в 1940–1941 гг.	24
<i>Покивайлова Т.А.</i> Национальные меньшинства в Румынии: проблемы депортаций и переселения в 1940-х — начале 1950-х гг.	38
<i>Мурашко Г.П.</i> Проблема депортации немецкого населения из Чехословакии после Второй мировой войны: от зарождения концепции к ее реализации (по документам российских архивов)	48
<i>Шановал Ю.И.</i> Переселение польского и украинского населения в 1944–1947 гг.	57
<i>Клейн-Гуссефф К.</i> Возвращение на родину: переселение польского меньшинства из Западной Украины и «репатриация» бывших польских граждан из Центральной Азии (1944–1946 гг.)	79
<i>Аблажей Н.Н., Клейн-Гуссефф К.</i> 1947 год: неизвестная история советской границы	85
<i>Слоистов С.М.</i> Идентичность поляков, чехов и словаков на Восточном фронте (1941–1945 гг.)	98

Часть 2

ЖИЗНЬ В ДЕПОРТАЦИИ. ВОЗВРАЩЕНИЕ И ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИИ

<i>Красильников С.А.</i> Адаптация спецконтингентов в Западной Сибири к послевоенным реалиям: институциональные рамки и поведенческие практики	112
<i>Аблажей Н.Н., Маркдорф Н.М.</i> Власовцы на спецпоселении в СССР	123
<i>Башкуев В.Ю.</i> Сохранение этнической и религиозной идентичности литовскими спецпоселенцами в Бурят-Монголии (1948–1960 гг.)	134
<i>Сарнова В.В.</i> Ссылнопоселенцы из республик Прибалтики на территории Западной Сибири в 1941–1945 гг.	152
<i>Мондон Э.</i> Судьба высланных из Западной Украины семей на примере Архангельской области (1944–1960 гг.)	172

<i>Аблажей Н.Н., Салахова Л.М.</i> Режимная повседневность: особенности структуры управления и надзора в спецпоселениях	186
<i>Рожанский М.Я.</i> По другую сторону депортации: семейные предания и поколенческие мифы	197
<i>Флиге И.А.</i> Материализация памяти о депортациях в музеях Литвы	211
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	232

Научное издание

**МИГРАЦИОННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ДЕПОРТАЦИИ В СССР И СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Сборник научных статей

В ы п у с к 2

В оформлении обложки использованы фотографии из виртуального музея
«Звуковые архивы. Европейская память о ГУЛАГе»
(URL: <http://museum.gulagmemories.eu/ru>)

Редактор *Н.С. Астанина*
Художественный редактор *Л.В. Матвеева*
Художник *Н.А. Горбунова*
Технический редактор *Н.М. Остроумова*
Корректоры *И.Л. Малышева, Л.А. Анкушева*
Оператор электронной верстки *С.К. Рыжкович*

Сдано в набор 21.11.13. Подписано в печать 25.12.13. Бумага ВХИ. Формат 70×100¹/₁₆.
Офсетная печать. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 17,5. Тираж 100 экз. Заказ № 4.04/14-092.

Сибирская издательская фирма «Наука» АИЦ «Наука» РАН. 630007, Новосибирск, ул. Коммунистическая, 1.
ООО «Печатный дом — Новосибирск». 630084, Новосибирск, ул. Лазарева, 33.